

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 392.10

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1923

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXI.

№ 6—ІЮНЬ.

1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I—официальная.

Протоколъ засѣданія Со-
вѣта Императорскаго У-та
Св. Владиміра 20 декабря
1890 года 1—6

Часть II—неофициальная.

I. Исторія Кіевской земли
отъ смерти Ярослава до
конца XIV-го столѣтія.
Опытъ изслѣдованія. Со-
чиненіе удостоенное зо-
лотой медали. —Студента
М. Грушевскаго 143—224

II. Источники о софистахъ.
Платонъ, какъ историче-
скій свидѣтель. (Опытъ
истор.-философской кри-

тики).—Привать-доцента
А. Гиллрова 211—306

III. Гомеопатія какъ медико-
философская система въ
ея прошломъ и въ на-
стоящемъ. — Лаборанта
Д. Родзаевскаго 119—174

IV. Исторія средневѣковой
медицины.—Д-ра С. Нов-
нера 97—112

Критика и библиографія.

V. Собраніе сочиненій Г. А.
Шварца.—Проф. Б. Бу-
иртєва 1—22

Прибавленія.

Объявленіе о подпискѣ на
„Живую Старину.“

К І Е В Ъ.
1891.

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

№ 6—ІЮНЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.

В. І. Завадскаго Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.

1891.

A
Pslaw 392.10
/

51*17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Ректоръ *Θ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Часть I—официальная.

	СТР.
Протоколь засѣданія Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра 20 декабря 1890 года . . .	1—6

Часть II—неофициальная.

I. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV-го столѣтія. Опытъ изслѣдованія. Сочиненіе удостоенное золотой медали.—Студента М. Грушевскаго	143—224
II. Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. (Опытъ историко-философской критики).—Привать-доцента А. Гилярова	211—306
III. Гомеопатія какъ медико-философская система въ ея прошломъ и въ настоящемъ.—Лаб. Д. Родзаевскаго .	119—174
IV. Исторія средневѣковой медицины.—Д-ра С. Ковнера .	97—112

Критика и библиографія.

V. Собраніе сочиненій Г. А. Шварца .—Проф. Б. Букрѣва	1—22
---	------

П р и б а в л е н і я.

Объявленіе о подпискѣ на „Живую Старину.“

Протоколъ засѣданія Совѣта Императорскаго Университета Св. Владимира.

20 ДЕКАБРЯ 1890 ГОДА.

Въ засѣданіи этомъ, подъ предсѣдательствомъ и. д. ректора Университета ординарнаго профессора В. Г. Демченко, присутствовали: деканы: К. Г. Гейбель, Н. В. Бобрецкій и Т. Д. Флоринскій; ординарные профессеры: В. А. Караваевъ, П. П. Алексѣевъ, В. С. Иконниковъ, В. Б. Антоновичъ, Н. А. Бунге, А. Х. Ринекъ, Н. Н. Шиллеръ, И. Ѡ. Шмальгаузенъ, М. И. Стуковенковъ, С. И. Чирьевъ, И. В. Лучицкій, В. П. Ермаковъ, Ю. А. Кулаковскій, И. А. Сикорскій, Ѡ. А. Лешъ, П. Н. Венюковъ, Б. Я. Букрѣевъ и А. Я. Антоновичъ; экстраординарные профессеры: Л. Н. Казанцевъ, Н. П. Яснопольскій, А. П. Эльтековъ, С. М. Богдановъ, Н. А. Оболонскій, В. В. Подвысоцкій, П. И. Морозовъ; А. А. Садовень, В. Е. Черновъ и М. А. Тихомировъ; не присутствовали: ординарные профессеры: Н. А. Фаворовъ и Д. Г. Тальбергъ—по болѣзни, П. В. Владимировъ, Ѡ. И. Кнауэръ, І. А. Лециусъ, К. М. Теофилаетовъ, И. И. Рахманиновъ, М. Е. Ващенко-Захарченко, М. Ѡ. Хандриковъ, М. П. Авенариусъ, П. Э. Ромеръ, О. В. Баранецкій, А. В. Романовичъ-Славатинскій, Н. К. Ренненкампфъ, М. Ф. Владимирскій-Будановъ, Д. И. Пихно, О. О. Эйхельманъ, Ѡ. Ѡ. Эргардтъ, П. И. Перемежко, В. А. Субботинъ, Г. Н. Минхъ, К. Г. Тритпель, А. В. Ходинъ, В. В. Чирковъ, Ѡ. К. Борнгауптъ—по неизвѣстной причинѣ; А. В. Праховъ, А. А. Коротневъ—по нахожденію въ командировкѣ, Н. П. Дашкевичъ, Ф. М. Гарничъ-Гарницкій, П. И. Броуновъ, П. П. Цитовичъ—по нахожде-

нію въ отпуску; экстраординарные профессеры: П. Я. Армашевскій, Т. И. Лоначевскій-Петруняка—по неизвѣстной причинѣ, А. И. Сонни и К. Г. Сусловъ—по нахожденію въ отпуску.

1. *Чтеніе протокола.*

Слушали протоколъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта Университета 12 октября 1890 года.

Опредѣлили: протоколъ этотъ утвердить и по подписаніи представить г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, на основаніи 31-й статьи Уст. Унив. изд. 1884 года.

2. *Представленія факультетовъ о назначеніи темъ для сочиненій студентовъ на соисканіе наградъ медалями въ 1891 году.*

Слушали представленія факультетовъ о назначеніи темъ для сочиненій студентовъ на соисканіе наградъ медалями въ 1891 году:

По Историко-филологическому факультету:

1) *По классической филологіи:* Переводъ и анализъ риторики Аристотеля, при чемъ должно быть обнаружено знакомство съ риторическими сочиненіями Цицерона: 2) *По славянской филологіи:* „Переводъ и историко-литературный разборъ соч. Амоса Коменскаго: *Labyrinth Světa a Raj srdce*“; 3) *По всеобщей исторіи:* Кастильскіе кортесы въ XIV и XV в.

Сверхъ того опредѣлено продолжать еще на одинъ годъ тему *по исторіи всеобщей литературы:* Тидрекъ-сага, заданную въ прошломъ году.

По Физико-математическому факультету:

1) *По математикѣ:* „Принципъ Дирикле (проф. Бузрѣва).“

2) *По ботаникѣ:* составить флору мохообразныхъ (печеночныхъ и настоящихъ мховъ) окрестностей Кіева, т. е. описаніе родовъ и видовъ съ обозначеніемъ мѣстонахожденій и съ приложеніемъ (по возможности) рисунковъ и засушенныхъ экземпляровъ и

3) *По агрономіи:* испареніе воды изъ почвы: 1) изученіе литературы вопроса и 2) производство самостоятельныхъ опытовъ съ цѣлью выяснить зависимость явленія отъ соответственныхъ условій и отъ свойствъ почвы.

По Юридическому факультету:

1) „Переходъ права собственности и риска (periculum rei) и обязанность очистки (evictio) при куплѣ-продажѣ, по римскому гражданскому праву“.

2) „Уголовное право Литовскаго статута въ связи съ развитіемъ русскаго уголовного права вообще“.

3) „Правило locus regit actum въ международномъ частномъ правѣ“.

4) „О страхованіи жизни“.

По Медицинскому факультету.

1) Анатомическія измѣненія въ живыхъ замороженныхъ тканяхъ при постепенномъ и быстромъ отогрѣваніи ихъ. 2) Разница въ теченіи остраго воспалительнаго процесса въ нормальной и парализованной части. 3) Зависимость процесса возрожденія кожного эпителія отъ ббльшаго или меньшаго притока артеріальной крови и отъ различныхъ условій питанія организма. 4) Судьба крахмала и глюкозы, введенныхъ въ твердомъ состояніи въ подкожную клѣтчатку. 5) Судьба пептона и жира, введенныхъ въ твердомъ состояніи въ подкожную клѣтчатку. 6) Судьба сибиреязвенной бактеріи въ подкожной клѣтчаткѣ у голодающаго и накормленнаго животнаго. 7) Теченіе остраго воспалительнаго процесса подъ вліяніемъ впрыскиванія въ ткань хинина и папайотина. 8) Измѣненія кусковъ амилоидной ткани, введенныхъ въ подкожную клѣтчатку и въ серозныя полости живаго животнаго. 9) Возрожденіе поперечно-полосатыхъ мышцъ и условія прямаго и непрямаго дѣленія ядеръ. 10) Усвоеніе бѣлковъ и жировъ сыраго и кипяченаго коровьяго молока. 11) Сравненіе наиболѣе употребительныхъ способовъ опредѣленія мочевой кислоты. Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

3. О назначеніи дня для торжественнаго акта Университета.

Совѣтъ Университета Св. Владиміра въ засѣданіи 20 декабря 1890 г., одобрявъ избранную ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ русскаго языка и словесности П. В. Владиміровымъ тему рѣчи: „Очеркъ развитія творчества Гоголя“ для прочтенія таковой на торжественномъ собраніи Университета Св. Владиміра, опредѣлилъ назначить день для торжественнаго акта 16-е число января 1891 г.

4. С л у ш а л и докладъ объ удостоеніи степени кандидата студентовъ: Физико-математическаго факультета: Николая Каткова, Юридическаго факультета: Александра Евпсихіева, Ист.-филологич. факультета: Владиміра Ярошенко и объ удостоеніи степени доктора медицины лѣкаря Дометія Родзаевскаго, опредѣлили: утвердить г. Каткова, Евпсихіева, Ярошенка въ степени кандидата, Родзаевскаго въ степени доктора медицины и выдать имъ установленные дипломы.

5. О выдачѣ привать-доцентамъ: Совинскому, Малинину и Голубовскому вознагражденія за читанныя ими въ осеннемъ полугодіи 1890 года лекціи.

С л у ш а л и докладъ о вознагражденіи привать-доцентовъ по кафедрѣ зоологіи В. К. Совинскаго, по кафедрѣ русскаго языка и словесности В. Н. Малинина и по кафедрѣ русской исторіи П. В. Голубовскаго за читанныя ими въ осеннемъ полугодіи 1890 г. лекціи первымъ по 6 час., вторымъ по 4 часа и послѣднимъ по 2 часа въ недѣлю, по 100 руб. за часъ въ полугодіе, *постановили* выдать, на основаніи 112 ст. уст. Унив. и распоряженія г. Мин. Нар. Пр., изложеннаго въ предложеніи г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго округа отъ 10 фев. 1887 г. за № 1460, г. Совинскому—600 руб., г. Малинину—400 руб. и г. Голубовскому—200 руб.

6. С л у ш а л и: благодарственное письмо академика Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова за почтеніе его привѣтственной телеграммою по случаю 50-лѣтія его ученой и педагогической дѣятельности, *опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

7. О росписаніи лекцій на весеннее полугодіе 1891 года.

Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ Университета Св. Владиміра, рассмотрѣвъ составленныя факультетами сего Университета росписанія лекцій на весеннее полугодіе 1891 года, *постановилъ*: представить таковыя, на основ. ст. 30, § III. п. 12 уст. чрезъ г. Попечителя Округа, на утверженіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

8. *Объ учрежденіи при Университетѣ Св. Владиміра Юридическаго кабинета.*

С л у ш а л и представленіе Юридическаго факультета отъ 14 декабря 1890 г. объ учрежденіи при Университетѣ Св. Владиміра

Юридическаго кабинета, *опредѣлили*: означенное представленіе передать на обсужденіе Библиотечной комиссіи.

9. *О выпискѣ медалей для наградъ студентовъ въ 1891 г. за написанныя ими сочиненія.*

Слушали докладъ о выпискѣ 6 золотыхъ и 6 серебряныхъ медалей для наградъ студентовъ въ 1891 г. за написанныя ими сочиненія, о чемъ сдѣлано распоряженіе Правленія Университета Св. Владиміра, *опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

10) *Предложенія г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа.*

Слушали предложенія г. Попечителя:

1) Отъ 13 октября 1890 г. № 8911 объ утвержденіи профессора Кулаковскаго секретаремъ Историко-филологическаго факультета.

2) Отъ 18 Октября 1890 г. № 9141—объ утвержденіи лѣкаря Демениря сверхштатнымъ ассистентомъ при каедрѣ патологической анатоміи на 1 годъ.

3) Отъ 18 октября 1890 г. № 9206—объ оставленіи профессора Фаворова на службѣ при Университетѣ на 5 лѣтъ, съ содержаніемъ по 1200 руб. въ годъ.

4) Отъ 5 ноября 1890 г. № 9835—объ утвержденіи профессора Бобрецаго деканомъ Физико-математическаго факультета.

5) Отъ 5 ноября 1890 г. № 9839—о порученіи профессору Цитовичу чтенія лекцій по каедрѣ торговаго права на 1 годъ.

6) Отъ 8 ноября 1890 г. № 9980—о назначеніи привать-доцента Петербургскаго Университета Броунова ординарнымъ профессоромъ въ Университетѣ Св. Владиміра.

7) Отъ 19 ноября 1890 г. № 10337—объ утвержденіи и. д. экстра-ординарнаго профессора Суслова секретаремъ Физико-математическаго факультета.

8) Отъ 19 ноября 1890 г. № 10326—о выдачѣ привать-доцентамъ Малинину, Голубовскому и Совинскому вознагражденія за чтеніе ими лекцій въ осеннемъ полугодіи 1890 г.

9) Отъ 26 ноября 1890 г. № 10545—о выдачѣ пособія въ 300 р. профессорскому стипендіату Университета Николаю Маркову.

10) Отъ 7 декабря 1890, № 10956—объ утвержденіи сверхштатнаго ординатора хирургической клиники Университета Мокрицкаго—штатнымъ ординаторомъ на два года.

11) Отъ 7 декабря 1890 г. № 10955—объ оставленіи сверхштатнаго ординатора терапевтической клиники Университета Кандыдова—въ занимаемой должности на два года, *опредѣлимъ*: вышеозначенныя предложенія Попечителя Округа принять къ свѣдѣнію.

ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

ОТЪ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА ДО КОНЦА XIV СТОЛѢТІЯ.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

III.

Борьба за кievскій столъ

(1132—1169).

Кіевъ—слава, и честь, и мать, и глава всей Руской землѣ бысть, и того ради вси подви- захуся о немъ, яко вси князи единый родъ единоплеменни вси суще. Никон. лѣт. И раздѣрся вся земля Русьская. Новгород. лѣт.

За спокойствіемъ и благоденствіемъ Кіевской земли подъ управленіемъ Мономаха и Мстислава слѣдуетъ бурный періодъ борьбы за кievскій столъ. Недолгое правленіе Ярополка Володимерича (1132—1139 г.) служитъ какъ бы прологомъ въ нему, оно приготовляетъ эту борьбу и даетъ ей поводы. Ближайшею причиною борьбы и смуты было упомянутое уже завѣщаніе Мономаха, подтвержденное договоромъ Мстислава и Ярополка, по которому наслѣдниками послѣдняго являлись не младшіе Мономаховичи, а Мстиславичи. Это произвело раздоръ въ родѣ Мономаха, которымъ воспользовалось энергичное Ольгово племя: благодаря ему оно не только освободилось изъ подъ опеки Всеволодовичей, но и само предъявило претензіи на кievскій столъ. Соперничество трехъ линій—младшихъ Мономаховичей (Вячеславъ, Юрій, Андрей), Мстиславичей и Святославичей (Ольговичей и Давыдовичей) создаетъ такую сложную коллизію, что распутать ее едва ли сумѣли бы князья даже при всемъ добромъ желаніи.

Упомянутый договоръ былъ, конечно, лишь ближайшимъ поводомъ, не будь его, то же самое или подобное произошло бы нѣсколько позже. Причины лежали въ самомъ политическомъ строѣ. Предшествующая

эпоха не приготовила твердаго, признаннаго порядка преемства кievскаго стола. Мономахъ и его сыновья, опиравшіеся на народное избраніе, въ глазахъ князей были въ сущности только счастливыми узурпаторами; пока у нихъ была сила и авторитетъ, имъ поворялись, но этому рано или поздно грозилъ конецъ вслѣдствіе раздробленія ихъ владѣній въ рукахъ многочисленныхъ родичей. Ярополкъ владѣеть уже только Кіевскою землею; другіе Мономаховичи имѣютъ также только по одной волости. Одновременно исчезало постепенно, съ размноженіемъ рода, сознаніе солидарности, общности интересовъ, уменьшался авторитетъ старшихъ въ родѣ. Ярополкъ пользуется у весьма малымъ авторитетомъ среди родичей. Съ теченіемъ времени все это должно было итти crescendo. Усложнялось дѣло еще тѣмъ, что старшій изъ младшихъ Мономаховичей—Вячеславъ не отличался дарованіями и не въ состояніи былъ отстаивать дѣло своего рода, младшіе же Мономаховичи и Мстиславичи не имѣли собственно права быть его представителями. Столкновение было неминуемо, и злато, столь кievскій долженъ былъ сдѣлаться предметомъ неизбѣжной борьбы. Уладить эту коллизію могло бы развѣ только общее соглашеніе, въ родѣ Любецкаго, только болѣе искреннее и справедливое, но объ этомъ нечего было и думать.

Была еще сила, которая могла нейтрализовать соперничество князей—это было кievское земство; и оно дѣйствительно дѣлало попытки въ этомъ направленіи: населеніе держитъ сторону Мстиславичей и по временамъ весьма энергично встаетъ за ихъ интересы оно желаетъ закрѣпить свою землю за ихъ линіею и обособить ее такимъ образомъ, подобно другимъ землямъ, но усилія его не даютъ никакого результата. Причинами были: небольшія силы земли (собственно земли Полянскій, какъ увидимъ ниже) въ сравненіи съ силами соперничающихъ князей, недостатокъ политической подготовки и вообще непривычка къ выработкѣ юридическихъ нормъ, отличающая славянское племя, наконецъ отсутствіе единства въ средѣ самаго населенія. Вопросъ о Кіевѣ долженъ былъ и могъ исчезнуть только самъ собою, такъ сказать, изморомъ.

По словамъ кievскаго лѣтописца, Мстиславъ оставилъ свое княженіе Ярополку, ему же поручилъ и дѣтей; Ярополка въ то время не было въ Кіевѣ, и по словамъ Суздальской лѣтописи, „люде Кы-

яне послаша по нь“. Эти два извѣстія взаимно дополняютъ другъ друга. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ передачу стола по завѣщанію князя, а киевскіе люди — т. е. киевское вѣче — посылая за Ярополкомъ, тѣмъ выразили, что они принимаютъ завѣщаніе Мстислава и санкционируютъ его. Ярополкъ явился спустя два дня по кончинѣ брата и „сѣде“ на киевскомъ столѣ ¹⁾).

Получивъ Кіевъ, Ярополкъ немедленно занялся своими племянниками: онъ совершенно искренно желалъ исполнить свое обязательство, данное Мстиславу, тѣмъ болѣе, что самъ, не имѣя дѣтей, не былъ заинтересованъ вопросомъ о волостяхъ. Тотчасъ вызвалъ онъ старшаго Мстиславича—Всеволода изъ Новгорода и отдалъ ему Переяславль ²⁾. Но Мономаховичи не замедлили возстать противъ этого, и прежде всего младшіе, болѣе энергичные. Новгородскій лѣтописецъ влагаетъ въ уста Юрію и Андрею такія слова: „се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своей хоцетъ дати Кіевъ Всеволоду, братану своему“ ³⁾. Предполагать, что Мономаховичи ошибались относительно намѣреній Ярополка, нельзя: только видами на Кіевъ можно объяснить, почему Всеволодъ Мстиславичъ сѣлъ въ Переяславль, оставивъ Новгородъ ⁴⁾. Юрій немедленно въ тотъ же день отнялъ Переяславль у Всеволода, но Ярополкъ какъ-то удалилъ его оттуда ⁵⁾ и отдалъ Переяславль уже второму Мстиславичу, Изяславу: вѣроятно, Всеволодъ не захотѣлъ вторично садиться въ такой безпокойной волости. На этотъ разъ претендентомъ выступилъ Вячеславъ Мономаховичъ, можетъ быть

¹⁾ Ипат. с. 212; Лавр. с. 286; Воскрес. 1 с. 29; Никон. I с. 157. Призывъ Ярополка отъ „людей“, несомнѣнно, имѣетъ характеръ избранія или подтвержденія, а не просто извѣщенія о смерти Мстислава, какъ думаетъ проф. Самоквасовъ (Замѣчанія по ист. рус. гос. устр. Ж. М. Н. П. 1869 г. XI с. 84); извѣстия Ярополка могли и приближенные Мстислава, этого незатѣмъ было дѣлать вѣчу. Ср. Линниченко, Вѣче с. 33—34. Заслуживаетъ вниманія, что у Стрийковскаго (I р. 189) о Ярополкѣ сказано: wybran jest i podniesion na stolice Kijowska; можетъ быть, это не простая фраза.

²⁾ Ипат. л. с. 212; Лавр. с. 286; 1 Новг. с. 6.

³⁾ Новг. I. с.

⁴⁾ Соловьевъ (II с. 98) однако думалъ, что историкъ не можетъ отвѣчать утвердительно на вопросъ, дѣйствительно ли старшіе Мономаховичи хотѣли передать Кіевъ Мстиславичамъ.

⁵⁾ Въ Никон. (I с. 157): „посла на него братъ Ярополкъ силу многу“; въ Ипат. и Лавр. просто „выведе“.

подъ вліяніемъ младшихъ братьевъ; Ярополкъ теперь уже увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться, въ угоду братьямъ, отъ даннаго обѣщанія и признать права ихъ на кievскій столъ; Изяславъ былъ силою выведенъ изъ Переяслава, но получивъ Туровскую волость въ дополненіе къ Минску и богатые подарки отъ Ярополка, повидимому, примирился съ совершившимся фактомъ и Ярополкомъ и по порученію послѣдняго ѣздилъ за данью въ Новгородъ и Смоленскъ ¹⁾. Однако обстоятельства скоро снова измѣнились. Вячеславъ, не имѣвшій никогда ни достаточно духа, чтобы отказаться отъ претензій, ни достаточно настойчивости, чтобы поддержать ихъ, соскучился сидѣть въ безпокойной и бѣдной переяславской волости и ждалъ кievскаго наслѣдства и вернулся въ Туровъ, не послушавъ увѣщаній Ярополка. На Переяславль заявилъ претензіи Юрій, слѣдующій по старшинству за Вячеславомъ, и обѣщавъ взаимно свою Ростово-Суздальскую волость; послѣдняя должна была служить Изяславу вознагражденіемъ за Туровъ, но Юрій часть Ростово-Суздальской волости оставилъ за собою. Изяславъ, очевидно, былъ этимъ разсерженъ, озлобился противъ дядей и вошелъ въ соглашеніе съ черниговскими князьями; такимъ образомъ всѣ старанія Ярополка уладить какъ-нибудь отношенія между князьями Мономахова дома были тщетны, „и раздѣрся вся земля Русская“ ²⁾.

Черниговскіе князья стремились вернуть себѣ Посемье и ждали только удобнаго момента; возможно, что они сами предложили свое содѣйствіе Изяславу. Они вошли опять въ соглашеніе и съ половцами, но поторопились до ихъ прихода начать враждебныя дѣйствія противъ Мономаховичей. Ярополкъ съ Юріемъ и Андреемъ отправились немедленно на Черниговъ и стали разорять окрестности его. Всеволодъ засѣлъ въ городъ и не выходилъ на бой, такъ какъ половцы еще не пришли къ нему; Мономаховичи постояли около Чер-

¹⁾ Вѣроятною кажется мнѣ догадка Погодина, что часть сбора должна была поступить Изяславу, какъ вознагражденіе за потерянный Переяславль (Хрон. указ. с. 145); Полевой (II с. 390) думалъ, что сборы эти были подарены Изяславу.

²⁾ Ипат. с. 213, Лавр. с. 286—7, 1 Новг. с. 6, Никон. I с. 157—158, Татищевъ II с. 244—247; послѣдній, кажется, слѣдуетъ Никоновской л., но съ нѣкоторыми отличіями, которыя мнѣ кажутся не совсемъ вѣроятными; о вариантахъ Никон. л. и Татищева см. Карамзина II пр. 260.

нигова и затѣмъ, не принявъ рѣшительныхъ мѣръ, не заключивъ договора со Всеволодомъ, отступили въ Кіевъ, „не хотяще пролити крови христіанскія“¹⁾, и распустили войско: образъ дѣйствій довольно странный, развѣ, быть можетъ, они думали, что достаточно напугали Всеволода?²⁾ Это было въ ноябрѣ 1134 г.³⁾ Изяслава Мстиславича въ это время, кажется, не было на югѣ; вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, сидѣвшимъ въ Новгородѣ, онъ предпринималъ походъ на Суздаль, волость своего соперника, но новгородское ополченіе вернулось съ дороги⁴⁾. Оставшись безъ войска, Изяславъ отправился въ Черниговъ, къ своимъ новымъ союзникамъ. Въ это время пришли и половцы къ Всеволоду Ольговичу; вмѣстѣ съ Ольговичами и Мстиславичами, Изяславомъ и Святополкомъ, они вторгнулись въ Переяславскую волость и начали опустошать лѣвый берегъ Днѣпра; населеніе спасалось на кіевскую сторону, но многіе были захвачены и перебиты, забрано было и множество скота. Ярополкъ собралъ кіевское ополченіе, Юрій привелъ переяславское, братья стояли въ бездѣйствіи около Кіева, потому ли, что нельзя было переправиться или, что, пожалуй, вѣроятнѣе—потому, что не рѣшались. Ольговичи также пришли и стали противъ Кіева въ бору около Городца; противники стояли такимъ образомъ три дня другъ противъ друга и затѣмъ начали переговоры. Ярополкъ, очевидно желалъ помириться съ Мстиславичами и разстроить ихъ союзъ съ Ольговичами; онъ отдалъ Переяславль брату Андрею, а Волынь Изяславу; этимъ постановленіемъ, мнѣ кажется, до нѣкоторой степени ослаблялась жгучесть переяславскаго вопроса: Андрей, какъ самый младшій изъ Мономаховичей, никоимъ образомъ не могъ претендовать на Кіевъ помимо Юрія, и переяславскій столъ терялъ значеніе ступени къ кіевскому; вопросъ о кіевскомъ столѣ становился открытымъ, и рѣшеніе его предоставлялось будущему. Всеволодъ также „умирился“ съ Ярополкомъ, остав-

¹⁾ Воскрес. I с. 30.

²⁾ Бѣляевъ думалъ, что Мономаховичи боялись прихода половцевъ (Разказы I с. 161), но это невѣроятно.

³⁾ Относительно хронологіи этихъ событій я слѣдую Погодину (Хронол. ук. с. 131 сл., 148—9), т. е. хронологіи I Новг.; Ипат. и Лавр. слѣдуютъ сравнительно съ нею.

⁴⁾ I Новг. с. 6: „ходи Всеволодъ съ Новгородъци, хотя брата своего посадити Суздали“.

пись безъ союзниковъ; онъ просилъ возвратить ему Посемье („что ны отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хотимъ“), грозя иначе возобновить военныя дѣйствія, но Ярополкъ, очевидно, не исполнилъ этой просьбы ¹⁾. Это происходило въ началѣ декабря 1134 г.

Одновременно съ походомъ Ольговичей на Переяславскую волость Юрія, новгородцы задумали снова итти на Суздаль; митрополитъ Михаилъ былъ въ это время въ Новгородѣ и всячески отговаривалъ ихъ отъ этого похода; кажется, что онъ былъ и посланъ изъ Кіева съ цѣлью повліять на новгородцевъ. Новгородцы не послушали его и пошли; походъ окончился неудачно; Всеволодъ Мстиславичъ, узнавшій о примиреніи братьевъ съ Мономаховичами, очевидно, самъ стоялъ за миръ съ Юріемъ. Эта перемѣнчивость политики увеличила неудовольствіе новгородцевъ, которое существовало еще прежде, со времени ухода Всеволода на столъ въ Переяславль, и они наконецъ ссадили его со стола и призвали Святослава Ольговича (1136 г.). Вообще перемѣненія Мстиславичей въ Переяславль дорого обошлись дому Мономаха; еще раньше, благодаря этому, Изяславъ лишился Полоцкой волости, гдѣ была восстановлена прежняя династія; это же обстоятельство повліяло на потерю Новгорода, перешедшаго на время къ Ольговичамъ. Всеволодъ ушелъ къ Ярополку и получилъ отъ него Вышгородъ: этимъ Ярополкъ исполнялъ завѣщаніе Мстислава—заботиться о его дѣтяхъ ²⁾.

Ольговичи возобновили военныя дѣйствія на слѣдующій (1135) годъ и вмѣстѣ съ половцами снова вторглись въ Переяславскую волость. Ярополкъ съ братьями отправился противъ нихъ, но встрѣтивъ Ольговичей, поторопился вступить въ битву, не дождавшись всего земскаго ополченія, и потерпѣлъ поражение; много кіевскихъ бояръ было захвачено въ плѣнъ. Ярополкъ отступилъ, черниговское вой-

¹⁾ Ипат. с. 213—214, Лавр. с. 287—288, 1 Новг. с. 7.; По Ипат. войско стояло 50 дней у Кіева—очевидно, переписчикъ принялъ ѣ за й; относительно повторенія извѣстія о передачѣ Переяславля Андрею см. Вестужева-Рюмина О составѣ рус. лѣт. с. 73; мнѣ кажется, что и подъ 1135 г. въ Ипатской л. соединено два разныхъ, взаимно дополняющихъ другъ друга извѣстія.

²⁾ Ипат. с. 215, Лавр. с. 288—289, 1 Новг. с. 6—7, Никон. I с. 158—159. О запряженіи, которое наложилъ по Никон. л. митр. Михаилъ на Новгородъ см. Карамзина II пр. 261.

ско явилось вслѣдъ за тѣмъ у Вышгорода, но перейти за Днѣпръ не рѣшилось. Ярополкъ снова сталъ собирать ополченіе, снова начались пересылки, которыя однако ни къ какому результату не привели. Ольговичи вернулись на нѣкоторое время въ Черниговъ, а въ концѣ года явились снова, перешли за Днѣпръ и стали опустошать окрестности Кіева отъ Стугны до Ирпеня, подошли къ самому Кіеву и на Лыбеди перестрѣливались съ кіевлянами. Населеніе, какъ видно, успѣло укрыться въ Кіевъ; Ольговичи пожгли лишь нѣкоторые опустѣвшіе города (Треполь, Халѣпъ). Ярополкъ между тѣмъ собралъ, по словамъ лѣтописца, „множество вои изъ всѣхъ странъ“, но не началъ военныхъ дѣйствій, а вошелъ въ переговоры съ Ольговичами и заключилъ съ ними миръ (12 января 1136 г.). Можетъ быть, на него подѣйствовали увѣщанія митрополита Михаила, который съ крестомъ въ рукахъ ходилъ то къ Ольговичамъ, то къ Ярополку; по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, посредникомъ между воюющими сторонами былъ также и епископъ новгородскій Нифонтъ; новгородцы вообще были заинтересованы примиреніемъ Мономаховичей и Ольговичей, такъ какъ эта борьба порождала и въ Новгородѣ борьбу партій, и они еще раньше присылали, въ качествѣ посредника, своего посадника — „мирить Кыянъ съ Черниговьци“. Лѣтописецъ восхваляетъ смиреніе, обнаруженное при этомъ Ярополкомъ, что онъ „створися мний въ нихъ“, памятуя заповѣдь Христову: „любите враги ваша“, но братья Ярополка и населеніе, по словамъ того же лѣтописца, были очень недовольны его уступчивостью, и онъ принялъ отъ нихъ „хулу и укоръ“. Ольговичамъ Ярополкъ отдалъ „отчину свою, чего и хотѣли“. Обыкновенно понимаютъ подъ этимъ уступку Посемья, которою просили Ольговичи въ 1134 г., и это совершенно вѣроятно: дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого мы видимъ Курскъ въ рукахъ Ольговичей и отрядъ курянъ ходилъ на помощь Святославу Ольговичу въ Новгородъ. Было высказано мнѣніе, что подъ „отчиною“ въ данномъ случаѣ означается право на Кіевъ; это мнѣніе едва ли можетъ быть принято ¹⁾.

¹⁾ Ипат. с. 214—215, Лавр. с. 288—289, 1 Новг. с. 7—8; Карамзинъ II. с. 109, Погодинъ Исслѣд. IV с. 448—4, Соловьевъ II с. 97, Багалъй Ист. Сѣв. з. с. 191. Предположеніе, что подъ отчиною разумѣлись права на Кіевъ, высказано было Барсовымъ (Географ. Нач. лѣт. с. 310), но если понимать „отчину“, и „створися мний въ нихъ“ о

Миръ, заключенный съ Ольговичами, продолжался впрочемъ не долго. Дѣла новгородскія, гдѣ Святославъ Ольговичъ, смѣнившій Всеволода Мстиславича, въ свою очередь былъ изгнанъ партією Мономаховичей, были только предлогомъ; Ольговичи думали не о мести, а желали, пользуясь удобнымъ случаемъ, сдѣлать новыя приобрѣтенія. Въ 1138 г. они опять вторгаются съ половцами въ Переяславскую волость; Андрей, не получая помощи отъ братьевъ, рѣшился уйти изъ Переяславля, но Ольговичи вошли съ нимъ въ переговоры и „лестными словесы аки бес печали и створиша“; они, очевидно, желали разрознить Мономаховичей. Извѣстіе о томъ, что Святослава Ольговича перехватили на дорогѣ и арестовали въ Смоленскѣ, послужило имъ поводомъ къ новой войнѣ; они призвали новыя орды половцевъ и направились къ Кіеву, но услышавъ, что Ярополкъ „доспѣлъ съ братьею своею“, отступили къ Чернигову. Ярополкъ получилъ на этотъ разъ помощь отъ всѣхъ представителей Мономахова дома; къ нему приплы также подкрѣпленія галичанъ, полочанъ, угровъ и большой отрядъ берендѣевъ, такъ что, по словамъ лѣтописца, у него было „множество вой“. Черниговъ былъ осажденъ. Всеволодъ въ крайности собрался бѣжать къ половцамъ, но вѣче удержало его; онъ послалъ „съ покореньемъ“ къ Ярополку, прося мира. Очевидно, если бы Всеволодъ и заявилъ раньше претензіи на Кіевъ, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ нихъ теперь ¹⁾. У Моравійска былъ заключенъ миръ, и князья разошлись во свояси. Этимъ окончилась борьба Ольговичей съ Ярополкомъ, потому что послѣдній скончался вслѣдъ за этимъ 18 февраля 1139 г. ²⁾.

кіевскомъ столѣ, то это будетъ значить, мнѣ кажется, что Ярополкъ сошелъ съ кіевского стола и уступилъ его Всеволоду; въ такомъ смыслѣ ниже употреблено выраженіе „створися мній“ о Вячеславѣ (Ипат. с. 217), здѣсь же оно означаетъ просто „смирися“. Братья и все населеніе могли негодовать на Ярополка и за то, что онъ предпочелъ уступить Ольговичамъ, вмѣсто того, чтобы помѣряться силами. „Отчину свою“ Барсовъ относитъ къ Ярополку, но „свою“ можно отнести (и это, по моему, будетъ вѣроятнѣе) къ Ольговичамъ, такъ какъ мѣстоимѣніе „свой“ можетъ относиться не только къ подлежащему, ср. напр. Ипат. с. 246 строка 1, 322 стр. 18.

¹⁾ Ср. Багалъя Ист. Сѣв. з. с. 192.

²⁾ Ипат. с. 216—7, Лавр. 289—291, 1 Новг. с. 7—8; въ Воскресен. (I с. 31) берендичей тысяча, а не тридцать тысячъ, какъ въ Лавр. и Ипат., и это гораздо болѣе вѣроятно.

Я счелъ нужнымъ остановиться на перепетіяхъ этой борьбы, потому что она близко касалась судьбы кіевскаго стола и служить началомъ послѣдующихъ событій, наполняющихъ вышнюю исторію Кіевщины въ теченіе полулѣтїа. Политика Ярополка въ этой борьбѣ—политика по преимуществу братолюбія и миролюбія, потому онъ такъ и нравился лѣтописцу. Ярополкъ, кажется, понималъ, какія сложныя отношенія возбудилъ вопросъ о Кіевѣ, какія темныя силы поднялись вмѣстѣ съ нимъ; не имѣя силъ распутать этотъ гордіевъ узелъ, онъ старался какъ-нибудь уладить, притушить смуту, отдалить рѣшеніе вопроса путемъ уступокъ и компромиссовъ; политика, конечно, не особенно полезная, но иная едва ли и была для него возможна: онъ не пользовался ни средствами, ни авторитетомъ своихъ предшественниковъ, онъ уже не былъ хозяиномъ Русской земли, а лишь первымъ между такими же князьями, какимъ былъ самъ; даже безличный Вячеславъ не слушалъ его. Совершенно искренно желалъ онъ исполнить свое обязательство относительно Мстиславичей, но встрѣтивъ рѣзкую оппозицію со стороны братьевъ, не рѣшается осуществить свое намѣреніе и старается только какъ-нибудь помирить Мономаховичей и Мстиславичей—отдаетъ Переяславль братьямъ и задариваетъ племянника ¹⁾. Несомнѣнно, согласіе было необходимо Мономахову дому въ виду притязаній Ольговичей, но личные интересы брали верхъ, и старанія Ярополка были неудачны. Окончательное утвержденіе Переяславля за Андреемъ, какъ я сказалъ уже, не рѣшало собственно вопроса, а только отерочивало его и не утвердило добрыхъ отношеній среди дома Мономаха; Мстиславичи считали себя обиженными, и въ послѣдующей борьбѣ съ Ольговичами Ярополку помогаютъ лишь братья—Вячеславъ, Юрій, Андрей; Юрій, очевидно, жилъ въ это время на югѣ. Только во время послѣдней войны Ярополка съ Ольговичами пришли къ нему на помощь и племянники; члены Мономахова дома на этотъ разъ обнаружили сознаніе солидарности относительно Ольговичей: послѣдніе заявили, вѣроятно, слишкомъ большія требованія, можетъ быть они касались Кіева. Но отношенія потомковъ Мономаха между собою оставались натянутыми, и этимъ объясняется послѣдующій захватъ Кіева Ольговичами.

¹⁾ Никон. I с. 158: это извѣстіе о подаркахъ очень вѣроятно.

Относительно Ольговичей Ярополкъ уступчивъ и склоненъ къ компромиссамъ до крайности. Онъ всячески избѣгаетъ рѣшительной борьбы съ ними, даже имѣя для нея средства; мнѣ вѣжется, не слѣдуетъ заподозрѣвать извѣстій лѣтописца, когда онъ говоритъ о значительныхъ силахъ Ярополка, за то подозрительно объясненіе политики Ярополка его христіанскимъ смиреніемъ. Ярополкъ въ другихъ случаяхъ обнаруживалъ отвагу и удалъ, даже безразсудную, и объяснять его поведеніе малодушіемъ—тоже трудно, особенно когда онъ такъ послѣдовательно держится одного и того же образа дѣйствій. Въ виду запутанныхъ отношеній въ средѣ своихъ родичей, Ярополкъ всячески старался умирить Ольговичей, отстранить ихъ отъ участія въ распряхъ Мономахова дома, не раздражая ихъ опустошеніями или захватами. Послѣдующія отношенія Мономаховичей и Ольговичей показываютъ, что открытая борьба съ Ольговичами, производившая ужасное ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ, помогала дѣйствительно такъ же мало, какъ политика компромиссовъ Ярополка, можетъ быть еще меньше.

Весьма вѣроятно, что завладѣвъ Посемьемъ, Ольговичи задумали, въ виду несогласія среди Мономахова дома, отнять у него кievскій столъ; послѣдняя война, вѣроятно, и была предпринята съ этою цѣлью; но образъ дѣйствій Ольговичей относительно Кіева нельзя назвать удачнымъ: враждуя съ Мономаховичами, они опустошали Кіевскую область и тѣмъ, конечно, возбуждали ненависть населенія; возобновленный ими союзъ съ половцами также не могъ снискать имъ расположеніе у кievскаго населенія; старая нелюбовь къ черниговскимъ князьямъ, возбужденная Олегомъ, воскресла съ новою силою. Правда, есть основаніе думать, что одновременно Ольговичи заботились о приобрутеніи приверженцевъ среди кievскаго населенія, устраивали партію, конечно, среди высшаго сословія по преимуществу, но этой партіи суждено было быть въ меньшинствѣ и не имѣть особеннаго вліянія на общество.

Каково было отношеніе кievскаго населенія къ тѣмъ распрямъ, которыя наполняли княженіе Ярополка? Объ этомъ лѣтописи даютъ весьма мало извѣстій. Трудно судить, насколько популяренъ былъ въ то время Изяславъ Мстиславичъ и насколько интересовало клянъ соперничество его съ младшими Мономаховичами, но внимательство Ольговичей, которое сопровождалось даже вторженіемъ въ Кіевскую область и опустошеніями окрестностей Кіева, опустошеніями, отъ которыхъ кievское населеніе успѣло отвыкнуть за послѣдніе двадцать

лѣтъ, должно было вызвать живѣйшую вражду со стороны киевлянъ; во всѣхъ походахъ на Ольговичей за Днѣпръ, несомнѣнно, участвовало киевское земское ополченіе, не говоря, конечно, объ оборонительной войнѣ въ предѣлахъ Кіевской области ¹⁾. Слова лѣтописца, что Ярополкъ „хулу и уворъ прия на ся отъ братьѣ своея и отъ всихъ“ ²⁾ за свою уступчивость, мнѣ кажется, нужно понимать такъ, что и населеніе желало рѣшительной борьбы и наказанія Ольговичей.

Еще меньше лѣтопись даетъ основаній для сужденія объ отношеніи населенія къ самому Ярополку. Лѣтописецъ, несомнѣнно, очень расположенъ къ Ярополку, но его похвалы смиренію и миролюбію этого послѣдняго не даютъ еще права заключать того же относительно населенія. Въ общемъ политика Ярополка согласовалась съ интересами земли, и это, вѣроятно, понимало населеніе, хотя и роптало иногда на уступчивость его; въ отношеніяхъ къ землѣ, къ населенію Ярополкъ, вѣроятно, продолжалъ традицію народолюбства; кромѣ того онъ имѣлъ репутацію славнаго побѣдителя половцевъ, и киевляне въ общемъ, надо думать, были расположены къ этой „благовѣрной отрасли благовѣрнаго князя“. Лѣтопись изображаетъ его человѣкомъ благочестивымъ, кроткимъ, братолюбивымъ, въ то же время отважнымъ; совсѣмъ не кстати Никоновскій сводъ прибавляетъ, что для неповоряющихся онъ былъ страшень, и всѣ его трепетали ³⁾.

Узнавъ о смерти Ярополка, Вячеславъ немедленно явился и занялъ киевскій столѣ. Суздальская лѣтопись прибавляетъ, что митрополитъ со множествомъ народа встрѣтилъ его и посадилъ на столѣ. Населеніе однако едва ли могло выразить особенное сочувствіе къ Вячеславу; по своимъ способностямъ и характеру, онъ не могъ удержаться на столѣ при существованіи болѣе талантливыхъ претендентовъ, какими были Изяславъ и Юрій: это показалъ онъ достаточно во время спора за Переяславль; киевляне конечно понимали это, од-

¹⁾ Упоминаемые на стр. 213 и 214 Ипат. л. „вои“—правдоподобно, земское ополченіе.

²⁾ Ипат. с. 215.

³⁾ Ипат. с. 209, 214—216, 1 Нов. с. 8; Татищевъ II с. 229; Соловьевъ II с. 104—105.

нако не имѣли пока никакой охоты вмѣшиваться въ борьбу претендентовъ и предпочли выждать ¹⁾.

Но Изяслава и Юрія съ ихъ претензіями предупредилъ Всеволодъ Ольговичъ, благодаря близости своей волости къ Кіеву. Прежде чѣмъ тѣ успѣли заявить такое или иное отношеніе къ воцѣвленію Вячеслава, Всеволодъ наскоро собралъ небольшую дружину и явился съ родичами въ Вышгородъ: здѣсь у него, надо полагать, была еще раньше значительная партія; по нѣкоторымъ спискамъ лѣтописей, вышгородцы участвовали и въ его походѣ на Кіевъ ²⁾. Подступивъ къ Кіеву, Всеволодъ началъ зажигать дворы въ Копыревѣ концѣ, чтобы принудить Вячеслава оставить городъ. Вячеславъ протестовалъ, но оружіемъ отстаивать Кіева не рѣшался. Кіевскому населенію претензіи Всеволода, конечно, были тоже очень непріятны: „Кіянѣмъ же и митрополиту не любо быть се“, говоритъ лѣтописный сводъ ³⁾; имъ вовсе не хотѣлось подчиняться Ольговичу, но и отстаивать непопулярнаго Вячеслава своими силами они не имѣли, конечно, желанія. Поэтому весьма вѣроятно извѣстіе или домысль Татищевского свода, что кіевляне, уstraшенные пожаромъ, сами стали понуждать Вячеслава выѣхать изъ Кіева, заявляя, что не желаютъ биться за него. Митрополитъ явился посредникомъ между соперниками, Вячеславъ „не хотя крове проліяти, но створися мний“, уступилъ кіевскій столъ и отправился обратно въ Туровъ, а Всеволодъ вступилъ въ Кіевъ 5 марта, двѣ недѣли спустя по смерти Ярополка, „съ честию и славою великою“. „Честь“ эту, конечно, могла оказывать ему только черниговская партія, а не населеніе вообще. Боярамъ и всему народу Всеволодъ задалъ пиръ, а церквямъ и монастырямъ была роздана богатая милостыня; это извѣстіе позднѣйшаго свода вполнѣ вѣроятно: Всеволоду естественно было заботиться о пріобрѣтеніи симпатій духовенства и вообще населенія ⁴⁾.

¹⁾ Ипат. с. 217, Лавр. с. 291, Никон. I. 163.

²⁾ „С вышегородца“ — въ Лавр. Акад. и лѣт. Переясл. Сузд. (с. 54), въ Радзивил. — „С Вышегородца“, во всѣхъ спискахъ Ипат. „изъ Вышегорода“, то же въ Воскр., рассказъ которой самостоятеленъ отъ Ипатской. Возможно, что чтеніе Лавр. возникло и ошибкою изъ второго чтенія.

³⁾ Софійск. I. 190. Мѣсто это смутано и приведенныя слова не идутъ къ разсказу, но это-то, думаю, и свидѣтельствуесть о подлинности ихъ.

⁴⁾ Ипат. и Лавр. I. с. Воскресенск. I. 32. Никоновск. I. 163. Татищевъ II. 260. Ср. Ист. Сѣв. зем. Д. И. Багалъя с. 192—193. О черниговской партіи см. у П. В. Голубов-

Успѣхъ Всеволода объясняется быстротою нападенія, благодаря которой онъ предупредилъ претендентовъ Мономахова дома, соперничествомъ этихъ послѣднихъ, наконецъ стѣсненнымъ положеніемъ кіевскаго населенія, не имѣвшаго подъ рукою излюбленнаго кандидата. Захватъ Кіева Всеволодомъ основывался лишь на силѣ, былъ узурпаціею, будемъ ли мы разсматривать этотъ фактъ съ точки зрѣнія родовыхъ отношеній или нѣтъ: Всеволодъ не былъ вовсе старшимъ въ родѣ Святослава, и отецъ его не занималъ кіевскаго стола; между тѣмъ линия Мономаха, три представителя которой послѣдовательно занимали его, приобрѣтала уже какъ бы права собственности на него; вѣроятно, такой именно смыслъ имѣютъ слова, вложенныя въ уста Вячеслава и обращенныя ко Всеволоду: „азъ, брате, пріидохъ здѣ по братіи своей Мстиславѣ и Ярополцѣ, по отецъ наѣихъ завѣщанію: аще ли ты восхотѣлъ еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, азъ есмь мнѣй тебе буду“¹⁾.

Завладѣвъ такъ удачно Кіевомъ, Всеволодъ на первыхъ порахъ выразилъ желаніе войти въ соглашенія съ Мономаховичами— „начаслатися къ Володимеричемъ и ко Мстиславичема, хотя мира с ними,“ въ особенности съ Изяславомъ; но тѣ не желали мириться съ совершившимся фактомъ: „съсылахуться сами межи собою, хотяче на нь поити Киеву.“ Юрій отправился изъ Суздаля въ Смоленскъ, гдѣ сидѣлъ тогда Ростиславъ Мстиславичъ, и звалъ съ собою новгородцевъ въ походъ на Всеволода; это путешествіе Юрія въ Смоленскъ стояло, думаю, въ связи съ упомянутыми пересылками Мономаховичей: вѣроятно, при посредствѣ Ростислава Юрій желалъ войти въ соглашеніе съ Изяславомъ, но изъ этого ничего не вышло. Мономаховичи не сумѣли объединиться, и походъ ихъ на Всеволода не состоялся. Новгородцы также отказались отъ участія; сынъ Юрія— Ростиславъ, сидѣвшій у нихъ, долженъ былъ оставить столъ, и Юрій занялся борьбою съ Новгородомъ²⁾.

скаго—Ист. Сѣв. з. с. 112. Пассивное отношеніе кіевлянъ къ вокняженію Всеволода Ольговича Соловьевъ (II с. 107) объяснялъ тѣмъ, что послѣдній дѣйствовалъ съ согласія популярнаго въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича.

¹⁾ Воскресенск. I. 32. Сужденія объ этомъ см. у Погодина (Измѣдован. IV. 373), Соловьева (II пр. 217).

²⁾ Ипат. с. 218, 1 Новг. с. 8, Никон. I с. 164.

Попытка Мономаховыхъ потомковъ объединиться такимъ образомъ не привела ни къ какимъ результатамъ, между тѣмъ Всеволодъ задался, по словамъ лѣтописца, грандіознымъ планомъ; съ помощью в. князя польскаго, съ которымъ онъ еще раньше породнился, князей галицкихъ и своей братіи онъ задумалъ будто бы завладѣть волостями Мономахова дома: „самъ хоташе землю всю держати.“ Конечно, только собравъ въ своихъ рукахъ много волостей, Ольговичи могли пріобрѣсть прочное верховенство въ Русской землѣ и закрѣпить его, подобно Мономаху, за своимъ родомъ; но планъ этотъ такъ широкъ, что является сомнѣніе, точно ли Всеволодъ имѣлъ его, не были ли эти походы лишь демонстраціей относительно Мономаховичей, или не разыгралъ ли онъ лишь небольшой интермедіи по адресу своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, домогавшихся новыхъ волостей. Одновременно были начаты военныя дѣйствія противъ Изяслава (Волынъ), Вячеслава (Туровъ) и Андрея (Переяславль), и вездѣ, какъ и слѣдовало ожидать, неудачно. Войско, отправленное на Изяслава, „полошилось“ и вернулось; галицкіе князья вошли въ сношенія съ Изяславомъ: имъ было вовсе не желательно, что бы Волынъ снова объединилась съ Кіевомъ; дѣло ограничилось тѣмъ, что союзники Всеволода—половцы и ляхи пограбили волости Изяслава и Вячеслава. Андрею Всеволодъ предложилъ перейти изъ Переяславля въ Курскъ; получивъ отказъ, Всеволодъ сталъ мириться съ нимъ; замѣчательно, что Всеволодъ даже не воспользовался при этомъ пожаромъ Переяславля, чтобы повредить Андрею: очевидно, онъ искренно желалъ мира, и это то и возбуждаетъ мысль, не было ли примиреніе съ Мономаховымъ домомъ цѣлью этой войны съ самаго начала. Между Андреемъ и Всеволодомъ былъ заключенъ миръ ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ прислали къ Всеволоду своихъ пословъ Изяславъ и Вячеславъ „съ рѣчьми, радитися“; „Всеволодъ же не хотѣ учинити волѣ ихъ и послѣдѣ съдумавъ, оже ему безъ нихъ нѣльзя быти и давъ имъ прощенье ихъ и крестъ к нимъ цѣлова“ ²⁾. Я нарочно привелъ это мѣсто, такъ какъ изъ него видно, что переговоры шли не просто о примиреніи и сохраненіи волостей—объ этомъ Изяславъ не сталъ бы просить Все-

¹⁾ Ипат. с. 218—219; Лавр. с. 291—292.

²⁾ Ипат. с. 219.

волода, а о чемъ то иномъ, о чемъ еще нужно было „рядиться.“ Позволю себѣ высказать предположеніе, что въ это, можетъ быть, время Всеволодъ далъ обѣщаніе передать по себѣ киевскій столъ Изяславу, а съ другой стороны, можетъ быть, въ это же время Изяславъ уговорился съ Вячеславомъ о совмѣстномъ наслѣдованіи киевскаго стола. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Всеволодъ обѣщаль Кіевъ Изяславу, иначе трудно объяснить себѣ, почему Изяславъ находился со Всеволодомъ въ хорошихъ отношеніяхъ почти во все время его правленія и не воспользовался его ссорой съ Ольговичами и Давыдовичами; прямо говорить о такомъ обѣщаніи Татищевскій сводъ, но по его словамъ, Всеволодъ обѣщаль послѣ себя Кіевъ Изяславу еще до захвата Кіева и позднѣе мотивироваль нарушеніе этого обѣщанія тѣмъ, что Изяславъ воеваль противъ него, „согласяся со стрыями своими“ ¹⁾. Это извѣстіе принимается многими учеными, но съ нимъ трудно согласить извѣстіе лѣтописи о враждебныхъ отношеніяхъ Изяслава ко Всеволоду при вокняженіи послѣдняго и первоначальномъ отказѣ мириться.

Всеволоду дѣйствительно нельзя было быть безъ Мономаховичей, и особенно Изяслава; отношенія его къ своимъ родичамъ были крайне натянуты; слѣдую принципу „divide et impera,“ который онъ всегда проводилъ, Всеволодъ поссорилъ своего роднаго брата Игоря съ двоюроднымъ Владиміромъ, обѣщавъ Черниговъ обоимъ и отдавъ послѣднему; Игорь даже пошелъ походомъ на Владиміра, желая, вѣроятно, отнять Черниговъ, но потомъ помирился. Брату Святославу Всеволодъ обѣщаль Переяславль ²⁾, но, какъ мы видѣли, не добылъ. На время Святославъ былъ отвлеченъ: его призвали въ Новгородъ на мѣсто Ростислава Юрьевича, но скоро онъ рассорился съ новгородцами и бѣжалъ; послѣдніе просили у Всеволода кого-нибудь изъ Мстиславичей, шурьевъ его, но Всеволодъ не желаль „перепустити Новагорода Володимерю племени,“ далъ Мстиславичамъ „отступного“ — Брестскую волость, отбравъ ее у Вячеслава, и надѣялся, что новгородцы по необходимости возьмутъ княземъ кого-нибудь изъ Ольго-

¹⁾ Татищевъ II с. 259, 271; см. Соловьева II с. 106—7, Иловайскаго Ист. Рос. I с. 207, Голубовскаго Ист. Сѣв. з. с. 113.

²⁾ Ипат. с. 218, Лавр. с. 291; такъ говоритъ и Татищевъ II с. 262, но раньше (с. 259) у него Переяславль былъ обѣщанъ Игорю, а Святославу — Курскъ.

вичей; но тѣ посадили у себя на столѣ опять Ростислава Юрьевича ¹⁾. Всеволодъ выместилъ свою неудачу на владѣніяхъ Юрія: захватилъ Остерскій городокъ и другіе города его и разное имущество. Пользуясь этимъ, Изяславъ сталъ ходатайствовать, чтобы Всеволодъ позволилъ сѣсть въ Новгородѣ Святополку Мстиславичу. Всеволодъ на этотъ разъ согласился и отправилъ шурина въ Новгородъ; Ростиславъ Юрьевичъ былъ снова высланъ, и Святополкъ утвердился въ Новгородѣ ²⁾. Приведенный фактъ обнаруживаетъ полную солидарность между Всеволодомъ и Мстиславичами: безъ согласія Всеволода они не рѣшаются занять новгородскаго стола; при обиліи враговъ у Всеволода, этого никакъ нельзя объяснить однимъ страхомъ.

Между тѣмъ Святославъ Ольговичъ, вернувшись изъ Новгорода, не могъ удовольствоваться своими волостями; между нимъ и Всеволодомъ происходили по этому поводу переговоры, но они не привели къ соглашенію. Чтобы отвлечь Святослава отъ сближенія съ Игоремъ, Всеволодъ давалъ ему Бѣлгородъ ³⁾; насколько это содѣйствовало примиренію, неизвѣстно; если и примирило, то не надолго. Какъ видно изъ послѣдующаго, родичи Всеволода, обманувшись въ расчетахъ на кievскія волости, требовали отъ Всеволода, чтобы онъ предоставилъ имъ свои черниговскія владѣнія—землю вятичей. Но такая уступка поставила бы Всеволода въ зависимость отъ родичей (одними силами Кіевской волости онъ не удержался бы на кievскомъ столѣ), а этого онъ не желалъ. Отношенія скоро еще болѣе обострились; въ 1141 г. скончался Андрей и переяславскій столъ освободился. Всеволодъ предложилъ перейти на этотъ столъ Вячеславу, на томъ основаніи, что Туровская волость составляетъ принадлежность Кіева, и посадилъ въ Туровъ сына Святослава; въ дѣйствительности Всеволодъ перевелъ Вячеслава едва ли не для того, чтобы обойти свое прежнее обѣщаніе—предоставить Переяславль брату

¹⁾ Ипат. с. 220—221, Лавр. с. 292—294, 1 Новг. с. 9.

²⁾ Ипат. с. 221—222, Лавр. с. 294, 1 Новг. с. 9; въ Лавр.: „опять уладися (Воскр. I. 33, Тверск. 204—умирися) Всеволодъ с шуриномъ своимъ, и да има Новьгородъ“; основываясь на обстоятельныхъ извѣстіяхъ Ипатской л., кажется, едва ли можно предположить въ это время непріязненные отношенія между Всеволодомъ и Мстиславичами, и „уладися“ нужно понимать, какъ „вошелъ въ соглашеніе“.

³⁾ Ипат. с. 221 (имя Святослава пропущено—его восполнилъ Соловьевъ II пр. 223).

Святославу ¹⁾. Братья Всеволода были возмущены этимъ: „волости даеть сынови, „а братьи не надѣли ничимъ же.“ Они вошли въ соглашеніе съ Давыдовичами относительно своихъ претензій; Всеволодъ пригласилъ тѣхъ и другихъ на съѣздъ къ себѣ ²⁾, желая уладиться съ ними; они явились, но остановились за Двѣпромъ—Давыдовичи со Святославомъ въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца, а въ Кіевъ ѣхать отказались. Начались пересылки. Всеволодъ предлагалъ имъ по городу въ новопріобрѣтенной Туровской волости, но тѣ рѣшили не принимать надѣловъ въ „Кіевской волости,“ а добиваться „Черниговской и Новгородской волости“ ³⁾. Всеволодъ не согласился на ихъ требованія. Тогда Ольговичи пошли на Вячеслава, желая добыть себѣ Переяславль, но за него вступились другіе князья: Всеволодъ отправилъ на помощь къ нему Лазаря Саковского „с Печенѣгы и с вои,“ Изяславъ послѣдилъ къ стрюю своему изъ Владиміра, Ростиславъ изъ Смоленска; Ольговичи были отбиты, Мстиславичи въ отместку разграбили ихъ волости по Сожу и Деснѣ. Всеволодъ чрезъ двоюроднаго брата, печерскаго подвижника—Святошу Давыдовича, вошелъ снова въ переговоры съ родичами; на этотъ разъ они оказались сговорчивѣе и по приглашенію Всеволода явились въ Кіевъ. Вѣрный своей тактикѣ, Всеволодъ и тутъ раздѣлил своихъ противниковъ: заключилъ сепаратный договоръ съ Давыдовичами и тѣмъ принудилъ братьевъ согласиться на его предложенія; къ прежнимъ туровскимъ городамъ (Берестье, Дрогичинъ, Клеческъ и Черторыйскъ) онъ придалъ еще четыре города (Вщижъ, Оромину, Юрьевъ Городецъ и Рогачевъ), по два города на брата. Между тѣмъ Вячеславъ, обезпеченный, вѣроятно, притязаніями Ольговичей, по соглашенію съ Изяславомъ и Всеволодомъ перешелъ обратно въ Туровъ; въ Переяславлѣ сѣлъ Изяславъ, а во Владимірѣ Всеволодъ посадилъ сына Святослава ⁴⁾. Во всемъ этомъ эпизодѣ опять-таки замѣтна большая

¹⁾ Ипат. с. 221—222, Лавр. с. 293—294; ср. Ист. Сѣв. зем. Д. И. Багалѣя с. 195.

²⁾ По Тагищеву (II с. 266)—въ Вышгородъ, но такъ какъ родичи съѣхались у Кіева, то вѣроятнѣе, что Всеволодъ и приглашалъ ихъ въ Кіевъ.

³⁾ П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. з. с. 113—114), отвергая свидѣтельство лѣтописи, что Святославъ сидѣлъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ (Ипат. с. 221), полагалъ, что этого Новгорода и добивались Ольговичи.

⁴⁾ Ипат. с. 222—223, Лавр. с. 294.

солидарность между Мстиславичами, Вячеславомъ и Всеволодомъ; очевидно, между ними существовало какое-то соглашеніе, объединявшее ихъ интересы; объединить же ихъ едва ли могло что-нибудь другое, кромѣ договора, по которому бы послѣ Всеволода наслѣдовалъ Кіевъ Изяславъ Мстиславичъ, при томъ, совмѣстно съ Вячеславомъ: иначе трудно объяснить себѣ энергичную поддержку оказанную Вячеславу со стороны Мстиславичей и переходъ Изяслава въ Переяславль: волость эта была хуже Воыни, и Изяславъ, очевидно, имѣлъ въ виду что-нибудь большее, чѣмъ ее только. Этотъ союзъ Всеволода съ Мстиславичами сердилъ Ольговичей: „осажался ими около, а намъ на безголовіе и безъмѣстье, и собѣ,“ роптали они и все докучали Всеволоду, совѣтуя разорвать эту дружбу — „онъ же воли ихъ не учини“¹⁾.

Это было въ началѣ 1143 г.; начиная съ этого времени отношенія Ольговичей къ Всеволоду уже измѣняются; вражды болѣе между ними нѣтъ. Всеволодъ обѣщаетъ кіевскій столъ послѣ себя Игорю, но до времени это обѣщаніе оставалось въ тайнѣ, и добрыя отношенія между Всеволодомъ и Мстиславичами продолжались. Такъ въ 1143 г. Всеволодъ съ кіевскими боярами гулялъ въ Переяславлѣ у Изяслава, на свадьбѣ его дочери²⁾; Мономаховичи принимаютъ участіе въ походѣ Всеволода на Володимірка галицкаго. Обѣ стороны въ это время, очевидно, озабочены пріобрѣтеніемъ союзниковъ въ виду той борьбы, которая непременно должна была возникнуть за кіевскій столъ по смерти Всеволода. Игорь старается примирить Всеволода съ Володиміромъ, желая пріобрѣсть „приятеля“ для этой цѣли. Еще раньше Изяславъ отправляется на сѣверъ къ Юрію, отъ него къ братьямъ — Ростиславу, въ Смоленскъ, и Святополку, въ Новгородъ. Съ Юріемъ онъ не успѣлъ „уладиться“: вѣроятно, онъ желалъ войти въ соглашеніе съ нимъ относительно кіевского стола; въ связи съ этимъ вопросомъ, очевидно, стоитъ и посѣщеніе братьевъ³⁾.

Въ 1145 году Всеволодъ открылъ свои карты: онъ, вѣроятно, ожидалъ близкой смерти и счелъ нужнымъ заранѣе объявить завѣщаніе, вообще имѣвшее нѣкоторый вѣсъ при пріобрѣтеніи столовъ.

¹⁾ Ипат. с. 224.

²⁾ Ипат. с. 224, Лавр. с. 295.

³⁾ Ипат. с. 224, 226, Лавр. с. 294—5, 296.

Онъ призвалъ въ Кіевъ братьевъ, Владиміра Давыдовича и Изяслава Мстиславича, объявилъ, что передаетъ послѣ себя кіевскій столъ Игорю, мотивируя это тѣмъ, что и Мономахъ, пріобрѣвъ кіевскій столъ, такимъ же образомъ закрѣпилъ его за своимъ родомъ, и предложилъ присутствовавшимъ князьямъ цѣловать крестъ въ томъ, что признаютъ Игоря кіевскимъ княземъ и не будутъ претендовать на на дѣлы. Изяславъ Мстиславичъ, хотя „много замышлялъ“, но счелъ за лучшее поцѣловать крестъ и ожидать болѣе удобнаго времени для своихъ претензій ¹⁾. Впрочемъ въ послѣдовавшемъ за этимъ походѣ въ Польшу онъ не принялъ участія—„разболѣся“, неизвѣстно, притворно, или дѣйствительно ²⁾. Относительно другого похода—на Володимірка Галицкаго (1146 г.)—въ лѣтописяхъ разногласіе: по Кіевской въ этомъ походѣ участвовалъ Изяславъ съ Ростиславомъ, по Суздальской—онъ былъ оставленъ дома; если онъ участвовалъ дѣйствительно, то, значить, затаилъ свое неудовольствіе до времени ³⁾.

Послѣдніе годы правленія Всеволода были заняты войнами съ Володиміромъ и польскими князьями. Слѣдуя традиціонной политикѣ своего дома—не допускать соединенія Волыни съ Кіевомъ, прежній союзникъ Всеволода—Володимірко „раскаторался“ съ нимъ, когда на Волыни сѣлъ Святославъ Всеволодовичъ. Въ 1143 году Всеволодъ отправился на Володимірка съ большимъ войскомъ, но послѣдній избѣгъ опасности: привлекъ на свою сторону Игоря, обѣщая ему содѣйствовать въ пріобрѣтеніи кіевскаго стола, и при его посредствѣ помирился съ Всеволодомъ, заплативъ контрибуцію; эту контрибуцію Всеволодъ раздѣлилъ между участниками похода ⁴⁾. Однако миръ былъ не продолжителенъ; Володимірко захватилъ Прилуку и лѣтомъ 1146 г., уже передъ смертью, Всеволодъ отправился вторично на него походомъ; весьма вѣроятно, что при этомъ онъ поддерживалъ соперника Володимірка, его племянника—Ивана Берладника, который напелъ себѣ убѣжище

¹⁾ Ипат. с. 227; начало рѣчи Всеволода, къ сожалѣнію, не сохранилось (ср. восполненіе Татищева II с. 271).

²⁾ Причиною могло быть и то, что походъ предпринимался, между прочимъ, на Болеслава Кудряваго, родственника Изяслава—см. Линниченко, Взаимн. отн. с. 157.

³⁾ Ипат. с. 227—228, Лавр. с. 297.

⁴⁾ Ипат. с. 225—6, Лавр. с. 295—6.

въ Кіевѣ; возможно, что это-то обстоятельство и обострило вторично отношенія Володимірка къ Всеволоду ¹⁾. Въ Кіевѣ Всеволодъ оставилъ брата Святослава, едва ли не про случай смерти. Походъ былъ безуспѣшный: можетъ быть, болѣзнь заставила Всеволода поторопиться возвращеніемъ ²⁾.

Походы въ Польшу предпринимались Всеволодомъ по просьбѣ его союзника—Владислава, сына Болеслава Кривоустаго. Послѣдній находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ со своими братьями и нуждался въ поддержкѣ извнѣ; съ самаго вокняженія Всеволода въ Кіевѣ Владиславъ находится съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ—дружба эта была скрѣплена женитьбою сына Владислава—Болеслава на дочери Всеволода, между тѣмъ какъ соперникъ его—Болеславъ Кудравый былъ женатъ на племянницѣ Изяслава. Владиславъ, вѣроятно, помагалъ Всеволоду въ первоначальной борьбѣ его съ Изяславомъ Мстиславичемъ, онъ же участвуетъ въ походѣ на Володимірка 1144 г.; на свадьбѣ одной изъ дочерей Всеволода въ Кіевѣ гуляли между прочимъ и „безбожни ляхове“ ³⁾. Съ своей стороны, Всеволодъ два раза (въ 1142 и 1145 г.) посылалъ Владиславу вспомогательные отряды „на братью его меньшую“ ⁴⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Владиславъ однако былъ изгнанъ изъ Польши; самъ онъ отправился за помощью въ Германію, а сына Болеслава отправилъ къ Всеволоду; этотъ Болеславъ жилъ при дворѣ Всеволода до смерти его ⁵⁾, смерть, вѣроятно, и помѣшала Всеволоду помочь своему свату.

Относительно половцевъ Всеволодъ продолжалъ политику своего отца. Еще при Мстиславѣ и Ярополкѣ онъ пользовался ихъ помощью

¹⁾ Ср. Зубрицкаго ор. с. II с. 68.

²⁾ Ипат. с. 228, Лавр. с. 296—7.

³⁾ Ипат. с. 215, 219, 220, 224, 225. Объ отношеніяхъ Всеволода и Владислава см. Соловьева II с. 118—119, Линниченка Взаимн. отн. с. 152—159; о бракахъ см. у г. Линниченка с. 59, 60 и Соловьева II пр. 235.

⁴⁾ Ипат. с. 224, 227, Лавр. с. 294.

⁵⁾ Ипат. с. 228 (и Болеслава, лядскаго князя) и 229 (Володислава зятя своего); послѣднее мѣсто возбуждаетъ сомнѣніе и, по всей вѣроятности, испорчено; очень возможно, что вмѣсто Владислава нужно тутъ читать „Болеслава“, см. Линниченко ор. с. 158—159, Андрияшевъ ор. с. с. 122; другіе ученые принимали чтенія лѣтописи—Карамзинъ II с. 118, Соловьевъ II пр. 235, Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ р. л. с. 75.

противъ Мономаховичей. Сдѣлавшись киевскимъ княземъ, онъ поддерживалъ къ нимъ прежнія отношенія; половцы участвовали въ походѣ на Мономаховичей (1139 г.), при чемъ повоевали волость Туровскую, и на Володимірка (1146 г.). Эта политика, вовлекавшая половцевъ въ распри князей и дававшая имъ возможность разорять русскія земли, была, несомнѣнно, очень пагубна; она ободряла половцевъ послѣ поражений, нанесенныхъ Мономаховичами, и приучала къ самостоятельнымъ вторженіямъ въ Русь. Неудобства ея испыталъ, кажется и самъ Всеволодъ; по извѣстію Никоновскаго свода, половцы, еще до вокняженія Всеволода въ Кіевъ (1140 г.), разорили Посемье, и Всеволодъ, занявъ Кіевъ, ходилъ на нихъ походомъ и много избилъ ¹⁾; въ томъ же году у Малотина, въ землѣ Переяславской, Всеволодъ и Андрей сѣзжались съ князьями всей Половецкой земли и заключили съ ними миръ, т. е. купили его ²⁾. Такое поведеніе половцевъ вполне понятно: при раздробленности племеннаго строя ихъ, дружба съ одними колѣнами нисколько не гарантировала отъ нападений другихъ, не ожидавшихъ уже призыва для того, чтобы грабить русскія земли.

Мы видѣли уже, что захватъ Кіева Всеволодомъ былъ очень неприятенъ киевлянамъ, и они покорились только для того, чтобы не подвергнуть страну разоренію. За время княженія Всеволода Ольговичи не только не успѣли пріобрѣсть симпатій населенія, но еще болѣе оттолкнули его. Кіевское боярство, несомнѣнно, было недовольно преобладаніемъ пришлыхъ черниговскихъ бояръ. Есть основаніе предполагать, что и съ митрополитомъ произошло какое-то столеновеніе, вслѣдствіе котораго онъ уѣхалъ въ Константинополь ³⁾. Народъ былъ сердитъ на княжескихъ тиуновъ, тоже, вѣрно, пришлыхъ, разорявшихъ народъ „продажами“ ⁴⁾. Неудовольствіе населенія, привыкшаго къ традиціонной борьбѣ съ кочевниками, долженъ былъ возбуждать и

¹⁾ Никон. I. с. 161 и 163.

²⁾ Ипат. с. 220, Лавр. с. 292; Малотинъ пріурочиваетъ вслѣдъ за Ходаковскимъ (Карамзинъ II нр. 274) къ Малотинцамъ на Оржицѣ.

³⁾ Объ этомъ см. ниже, въ обзорѣ внутреннихъ отношеній.

⁴⁾ Татищевскій сводъ прибавляетъ еще, что населеніе возмущалось распутствомъ Ольговичей см. II с. 281, 284, 312; второе свидѣтельство особенно кажется мнѣ сомнительнымъ: неужели и жители Поросья терпѣли отъ этого распутства.

союзъ съ половцами: лѣтопись упоминаетъ о разореніи этими союзниками Всеволода Туровской волости,—конечно, при этомъ пострадала и волость Кіевская. Тѣмъ не менѣ населеніе терпѣливо сносило господство Всеволода, потому ли, что находило возстаніе слишкомъ рискованнымъ и опаснымъ, или просто вслѣдствіе инертности. Негодованіе проявилось лишь по смерти Всеволода. Любопытно одно случайное замѣчаніе лѣтописца: рассказывая о свадьбѣ дочери Изяслава, онъ говоритъ, что на это торжество пришелъ Всеволодъ „со всѣми бояры и с Кыяны“¹⁾; кіяне здѣсь противоплагаются боярамъ Всеволода, подъ ними слѣдовательно нужно разумѣть представителей земства, а послѣднихъ едва-ли привелъ на это торжество Всеволодъ²⁾; скорѣе ихъ пригласилъ Изяславъ, или они сами отправились къ нему. Не можетъ ли это указывать на существованіе сношеній недовольнаго кіевского населенія съ Изяславомъ? Живя въ Переяславлѣ, Изяславъ могъ легко поддерживать подобныя сношенія, и послѣдующія событія даютъ поводъ предполагать ихъ существованіе.

Оглядываясь на княженіе Всеволода, нельзя не признать въ немъ замѣчательныхъ способностей политика. Необыкновенно ловко воспользовавшись раздоромъ среди Мономаховичей, онъ съ помощью своей братіи захватываетъ Кіевъ и заставляетъ своихъ соперниковъ примириться съ этимъ фактомъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ сближается съ Мономаховичами и пріобрѣтаетъ ихъ содѣйствіе—вѣроятно, благодаря обѣщанію передать имъ Кіевъ; съ помощью Мономаховичей даетъ отпоръ претензіямъ своей братіи, добивавшейся вознагражденія за свою поддержку, заставляетъ ихъ смириться и покориться. Усмиривъ такимъ образомъ однихъ враговъ съ помощью другихъ, онъ уже не считаетъ нужнымъ притвориться и завѣщаетъ столъ Игорю; дѣйствительно Мономаховичи не нашли возможнымъ воспротивиться этому. *Oderint, dum metuant* было девизомъ Всеволода, и политика его дала, повидимому, блестящій результатъ: вся почти Русь (исключая лишь окраины), была въ сферѣ его вліянія; походъ на Володимірка 1144 г., въ которомъ приняли участіе Игорь и Святославъ Ольговичи, Владиміръ Давыдовичъ, Ростиславъ Глѣбовичъ (племянникъ Всеволода),

¹⁾ Лавр. с. 295.

²⁾ Какъ думалъ впрочемъ Бѣляевъ—Разсказы I с. 196.

Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи, Борисъ и Глѣбъ Всеволодовичи городенскіе и польскій великій князь Владиславъ, была какъ бы внѣшнимъ выраженіемъ этого вліянія; только полоцкіе князья были внѣ этого вліянія, отчасти Новгородъ, да Юрій продолжалъ оставаться въ оппозиціи, хотя пассивной: ему пришлось терпѣливо перенести опустошеніе своихъ владѣній и проглотить обиду.

Отдавая справедливость уму и политической ловкости Всеволода — что признають за нимъ и лѣтописцы ¹⁾), — признавая въ немъ одну изъ выдающихся личностей XII в., историкъ не можетъ добромъ помянуть его: дѣятельность Всеволода, несомнѣнно, была вредна для Южной Руси; она внесла въ современную политику новыя усложненія и смуты, въ конецъ распатавшія политическій строй Руси, она же до нѣкоторой степени возвратила степнякамъ ихъ прежнюю пагубную роль относительно ея. Этого, конечно, Всеволодъ не понималъ и не желалъ, онъ не былъ такимъ сознательнымъ разрушителемъ, какъ Андрей Боголюбскій. Почва для его дѣятельности была подготовлена предшествующими политическими отношеніями, то же, что сдѣлалъ онъ, сдѣлалъ бы, вѣроятно, и другой Святославичъ рано или поздно, хотя, можетъ быть, и съ меньшимъ талантомъ и успѣхомъ. Его цѣлью было благополучіе собственное и своего дома, для этой цѣли онъ не оставался ни передъ чѣмъ; но успѣхи его были не прочны: созданное имъ могущество Ольговичей рушилось тотчасъ по смерти его. Вообще Всеволодъ во многомъ напоминаетъ своего дѣда — Святослава: та же беззащитная, но талантливая политика, недолговѣчное могущество и недобрая память потомства ²⁾).

Вернувшись изъ похода на Володимірка, Всеволодъ разболѣлся; почувствовавъ близость смерти, онъ призвалъ къ себѣ братьевъ — Игоря

¹⁾ Лавр. с. 290 (сп. Радзив. и Акад.): „яко смысленъ снѣ“; этихъ словъ нѣтъ у кіевскаго лѣтописца.

²⁾ Характеристику его см. у Татищева II с. 281, Карамзина II, с. 122, Соловьева II с. 120, Голубовскаго Ист. Сѣв. з. с. 121. Карамзинъ называетъ его лучшимъ изъ князей Олегова мятежнаго рода, приписываетъ ему „государственныя благодѣлія“; П. В. Голубовскій находитъ, что Всеволодъ „умѣлъ прикрыться и обще-русскими интересами, и въ этомъ случаѣ, возможна параллель между нимъ и Владиміромъ Мономахомъ“; я этого не нахожу.

и Святослава и отправился въ Вышгородъ, быть можетъ, надѣясь на исцѣленіе у мощей святыхъ угодниковъ ¹⁾. Болѣзнь усилилась, и Всеволодъ остался подъ Вышгородомъ на островѣ ²⁾, уже, вѣроятно, не будучи въ силахъ вернуться въ Кіевъ. Сюда призвалъ онъ представителей кіевскаго населенія и рекомендовалъ имъ въ князья брата Игоря: „азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесъ по нь. Они же рекоша: княже, ради ся имемъ“ (съ радостію принимаемъ). Послѣ этого Игорь отправился съ ними въ Кіевъ, было созвано общее вѣче, на которомъ Игорь уже всенародно былъ избранъ княземъ. На другой день онъ вернулся въ Вышгородъ и принялъ присягу отъ вышгородцевъ; этотъ фактъ имѣлъ, кажется, характеръ любезности относительно вышгородцевъ, такъ какъ рѣшеніе старѣйшаго города собственно было само по себѣ обязательно для пригорода: Ольговичи имѣли, повидимому, сильную поддержку въ Вышгородѣ и покровительствовали ему ³⁾. Постаравшись такимъ образомъ подкрѣпить народнымъ согласіемъ свое завѣщаніе, Всеволодъ послалъ пословъ въ Давыдовичамъ и Изяславу Мстиславичу, какъ возможнымъ претендентамъ, съ напоминаніемъ, что они влялись признать кандидатуру Игоря; тѣ подтвердили свое согласіе, но Всеволодъ уже не услышалъ ихъ отвѣта, такъ какъ скончался на другой день послѣ отправленія посольства, 1 августа 1146 г.; онъ былъ погребенъ въ Вышгородѣ же въ церкви св. Бориса и Глѣба ⁴⁾. Лѣтопись молчитъ о какихъ-либо выраженіяхъ народной скорби; ихъ, вѣроятно, и не было: Всеволодъ имѣлъ союзниковъ, но едва ли были у него почитатели.

Похоронивъ Всеволода, Игорь отправился въ Кіевъ, чтобы снова принять присягу, уже въ качествѣ дѣйствительнаго князя. „Кыяне

¹⁾ Лавр. с. 297: „везоша и Вышегороду“; Карамзинъ II с. 122, Иловайскій I. 213.

²⁾ См. выше с. 24.

³⁾ Линниченко, Вѣче с. 38. Этотъ ученый объясняетъ призваніе кіевскихъ представителей въ Вышгородъ тѣмъ, что Всеволодъ больше довѣрялъ вышгородцамъ; но это обстоятельство вѣроятнѣе будетъ объяснить болѣзнь Всеволода: едва ли могъ бы тѣмъ-нибудь помочь вызовъ кіевскихъ представителей; Игорь поѣхалъ затѣмъ за присягою въ Кіевъ, слѣдовательно надѣялся на согласіе всего населенія.

⁴⁾ Ипат. с. 229, Лавр. с. 297; въ послѣдней другая дата—30 іюля, но дата Ипатской л. подтверждается позднѣйшимъ указаніемъ—Ипат. с. 475.

вси“ были совзаны на Ярославль дворъ и безпрекословно цѣловали крестъ Игорю. Но вслѣдъ за тѣмъ происходитъ новое вѣче, по инициативѣ уже самаго населенія, на которомъ кіяне рѣшаютъ представить свои требованія новому князю: очевидно, предшествовавшее вѣче происходило при обстановкѣ, неудобной для выраженія претензій, или населеніе было захвачено врасплохъ и не успѣло притти къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ ¹⁾. Теперь припоминали всѣ непріятности прошлаго княженія и рѣшили впредь гарантировать себя отъ нихъ. Вѣче послало за княземъ, но Игорь послалъ вмѣсто себя для переговоровъ брата Святослава. Кіяне предъявили жалобы на княжескихъ тиуновъ: „Ратша вы погуби Кыевь, а Тудоръ Вышегородъ, а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и зъ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави“ ²⁾. Святополь цѣловалъ крестъ за себя и брата, обѣщая, что населеніе не будетъ терпѣть болѣе никакого насилія, и народныя требованія относительно тиуновъ будутъ исполнены: „азъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилія нѣкоторого же, а се вамъ и тивунъ (а тивуны—Воскр.) а по вашей воли“ ³⁾. Заключивъ такой „рядъ“ съ княземъ, киевляне снова ему присягнули; взаимная присяга затѣмъ была повторена между Игоремъ и представителями вѣча—лучшими мужами, на этихъ же условіяхъ. Игорь уѣхалъ послѣ этого ряда, развѣхались, вѣроятно, и „лучшіе мужи“. Тогда „люди“, т. е. извѣстная, бѣднѣйшая часть

¹⁾ Татищевъ (II с. 282), чтобы объяснить фактъ двукратнаго вѣча, говоритъ, что первое вѣче состояло лишь изъ знатныхъ лицъ, второе было всенародное, но по Ипат. л. въ обонхъ случаяхъ дѣйствуютъ „вси Кіяне“.

²⁾ Въ Воскр. (I. 35): „аще кому до насъ будетъ дѣло какое, да сами насъ судите“. Слова вѣча о Вышегородѣ незатѣмъ объяснять непримѣнно присутствіемъ вышегородцевъ: оно и безъ того обязано было блюсти интересы пригородовъ.

³⁾ Последнее выраженіе неясно; Татищевъ (II с. 282), за нимъ нѣкоторые другіе (напр. Костомаровъ Моногр. I с. 209) понимали это, какъ предоставленіе народу избранія тиуновъ; а думаю, что дѣло скорѣе шло лишь объ аппелляціи на нихъ. Въ Воскр. условія ряда изложены полнѣе, но, кажется, съ нѣкоторою путаницею: тиуны не должны вовсе судить народа, и въ то же время постановляется, чтобы они брали судебныя штрафы не по произволу, „а урокомъ“ („азъ, брате, цѣловалъ крестъ на томъ Кіяномъ, яко быти тебѣ княземъ во правду, а людямъ кому до кого обида будетъ, ино ти ихъ судити во правду самому, или мнѣ, а тиуномъ ихъ не судити, ни продавати; а что были тивуны брата нашего Ратша и Тудоръ, а тѣмъ не бити, а комъ будетъ бити, ино имъ имати съ суда урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати“.

населенія, начали громить дома ненавистныхъ княжескихъ чиновниковъ—тіуна Ратши и мечниковъ; Святославъ съ дружиной едва прекратили это движеніе. Но вслѣдъ за тѣмъ во всемъ населеніи стало обнаруживаться неудовольствіе противъ Игоря въ пользу Изяслава Мстиславича: по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, вполнѣ вѣроятному, Игорь не исполнилъ тѣхъ обѣщаній, которыя далъ народу, и это было причиною неудовольствія ¹⁾. Это между тѣмъ стало, конечно, извѣстно Изяславу, и когда Игорь послалъ къ нему посла съ извѣстіемъ о смерти Всеволода и напоминаніемъ о присягѣ, онъ уже не отвѣчалъ и задержалъ посла. Игорь обратился къ Давыдовичамъ; тѣ стали уже требовать за помощь надѣловъ; Игорь вынужденъ былъ удовлетворить ихъ требованія. Въ то же время, замѣтивъ, вѣроятно, неудовольствіе и броженіе въ населеніи, онъ старается привязать къ себѣ прежнихъ бояръ Всеволода: лѣтопись рассказываетъ о его переговорахъ съ тысяцкимъ Улѣбомъ и Иваномъ Войтишичемъ, которымъ онъ обѣщаль сохраненіе занимаемыхъ ими должностей. Но народное неудовольствіе обнаружилось, очевидно, настолько сильно, что помянутые бояре, принявшіе сторону Всеволода, не сочли выгоднымъ связываться долѣе свою участь съ участью Ольговичей; они, напротивъ, входятъ въ сношенія Изяславомъ, чтобы заручиться его расположеніемъ, и одновременно лицемѣрятъ предъ Ольговичами ²⁾.

Наконецъ кіевляне послали Изяславу приглашеніе на кіевскій столъ. Изяславъ не медля двинулся изъ Переяславля. Его походъ, можно сказать, былъ триумфальнымъ шествіемъ. Перейдя Днѣпръ (у Заруба), онъ встрѣтилъ представителей черныхъ клобуковъ и всего Поросья, которые привѣтствовали его, какъ князя: „ты нашъ князь, а Ольговичъ не хотимъ, а поѣди вборзѣ и мы съ тобою“; затѣмъ ихъ ополченія присоединились къ полку Изяслава у Дерноваго; тутъ же встрѣтили его представители Бѣлгорода и Василева, далѣе „мужи отъ Кіянъ“, съ тѣми же привѣтствіями: „ты князь нашъ“ и выраженіи-

¹⁾ Воскр. I с. 35, Татищевъ II с. 283. Воскресенская лѣт. въ этой части очень сходна съ Ипат., но самостоятельна отъ дошедшихъ списковъ послѣдней, заполняетъ ихъ пробѣлы и представляетъ нѣкоторые весьма вѣроятные варианты. Настоящее свидѣтельство ея принимали Карамзинъ II с. 123, Соловьевъ II с. 121.

²⁾ Иванъ Войтишичъ былъ бояриномъ Мономаха и Мстислава, затѣмъ перешелъ на сторону Всеволода.

ями преданности: „поѣди, Ольговичевъ не хотимъ быти акы в задничѣ (наслѣдственнымъ достояніемъ), где узримъ стягъ твой, ту и мы с тобою готови есмь“. Изяславъ держалъ къ нимъ рѣчь, гдѣ ссылаясь на свое отчинное право на Кіевъ и объяснялъ, что терпѣлъ господство Всеволода въ силу лишь родственныхъ связей (какъ старшаго зятя), „а съ сими како ми Богъ дастъ и сила животворящаго креста, да любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего“.

Между тѣмъ въ Кіевѣ населеніе оказывало внѣшнюю покорность Ольговичамъ; по словамъ лѣтописца, на совѣщаніи съ боярами, сторонниками Изяслава, было рѣшено передаться на сторону послѣдняго, когда онъ подступитъ къ Кіеву. 13 августа Изяславъ подступилъ къ Кіеву, предупредивъ Давыдовичей, которые шли на помощь Игорю. Ольговичи вышли на встрѣчу съ дружиною; кіевское ополченіе, „многое множество“, стало особнякомъ: мы не знаемъ, вывели ли его Ольговичи, или оно вышло само, чтобы принять участіе въ борьбѣ въ защиту Изяслава; послѣднее едва ли не вѣроятнѣе. Когда Изяславъ подошелъ, кіевское ополченіе перешло на его сторону; вслѣдъ затѣмъ измѣнили и кіевскіе поляки подъ начальствомъ Улѣба и Ивана Войтишича. Игорь съ сѣверскою дружиною хотѣлъ было биться, но войско его очутилось въ неудобной позиціи, было окружено и разсѣялось. Изяславъ „с великою славою и честью“ вѣхалъ въ Кіевъ, встрѣченный всѣмъ духовенствомъ города и множествомъ народа ¹⁾).

Я изложилъ факты, какъ они сообщаются лѣтописями; спрашивается, какъ понимать въ этомъ случаѣ образъ дѣйствій кіевского населенія? Въ Кіевской лѣтописи, при описаніи присяги, которую дали кіевляне Игорю еще при жизни Всеволода, замѣчено, что они „яшася по нь лестю“ ²⁾). Выходитъ, будто кіевляне лицемерили уже съ самаго начала, не желая подчиниться Игорю. Но если бы они тогда уже рѣшились свергнуть Игоря, чѣмъ же можно объяснить медленность ихъ? вѣдь смерть Всеволода и походъ Изяслава раздѣлены двѣнадцатидневнымъ промежуткомъ; а главное, какой смыслъ имѣлъ радъ съ Игоремъ? Мнѣ кажется, что упомянутое замѣчаніе,

¹⁾ Ипат. с. 230—233, Лавр. с. 297, 1 Новг. с. 10.

²⁾ Ипат. с. 229.

займствованное составителемъ Кіевской лѣтописи, вѣроятно, изъ черниговскаго источника ¹⁾, ретроспективно и тенденціозно. Въ дѣйствительности, вѣроятно, существовала еще раньше партія Изяслава Мстиславича, находившаяся въ сношеніяхъ съ нимъ и вербовавшая себѣ сторонниковъ среди лицъ, недовольныхъ Ольговичами. Затѣмъ въ обществѣ всегда найдется значительный процентъ людей, которые мирятся съ существующимъ фактомъ потому лишь, что онъ существуетъ; эта часть, составлявшая въ тотъ моментъ, вѣроятно, большинство, готова было признать Игоря. Наконецъ существовала какая-нибудь и черниговская партія. Цѣлуя крестъ Игорю, большинство населенія дѣйствительно видѣло въ немъ своего князя, и рядъ съ Игоремъ имѣлъ для нихъ серьезное значеніе. Нарушеніемъ обѣщаній Игорь возбудилъ противъ себя населеніе; надежда устроиться какъ-нибудь съ Ольговичами исчезала, партія Изяслава все усиливалась, пока наконецъ масса населенія не приняла открыто его сторону. Но и здѣсь, не желая рисковать собою, населеніе не выступаетъ открыто противъ Ольговичей, а лицемеритъ и выжидаетъ наиболѣе безопаснаго момента. Такимъ представляется мнѣ ходъ этого движенія.

Возвращаюсь къ теченію событій. По вокняженіи Изяслава черниговская дружина и черниговская партія подверглись гоненію; ихъ дома и села были разграблены, самихъ отпускали за выкупъ ²⁾. Игорь, найденный въ Дорогожицкомъ болотѣ, былъ посаженъ въ порубъ въ Переяславль, но другого плѣнника — Святослава Всеволодовича, своего сестричича, Изяславъ обласкалъ и надѣлилъ волостью (Божскій, Межибожье, Котельница и еще два города), съ цѣлю, между прочимъ, отвлечь его отъ союза со Святославомъ Ольговичемъ, который пытался устроить противъ Изяслава коалицію съ Давыдовичами. Волынъ, которую владѣлъ Святославъ Всеволодовичъ, Изяславъ оставилъ за собою,

¹⁾ См. у Бестужева-Рюмина О составѣ р. л. с. 80, Хруцова О древнерус. ист. повѣстьяхъ с. 162; о тенденціозности въ лѣтописи вообще см. у Бестужева-Рюмина с. 91, возраженія у Хруцова с. 173.

²⁾ Ипат. с. 233: „взяша имѣнья много в домехъ и в монастырехъ“. Г. Иловайскій (I с. 215) объясняетъ это такъ, что въ монастыряхъ разыскивали отданное на храненіе имущество дружины Ольговичей.

но затѣмъ неожиданно Вячеславъ на этотъ столъ посадилъ племянника—Владимира Андреевича; одновременно онъ завладѣлъ и городами, которые были отобраны у него раньше Всеволодомъ и отданы Ольговичамъ и Давыдовичамъ. По словамъ лѣтописца, Вячеславъ поступилъ такъ по совѣту своихъ бояръ, надѣясь на свое старѣйшинство. Позже Вячеславъ говорилъ, будто Изяславъ, идя на Игоря, заявлялъ, что ищетъ Кіева не себѣ, но Вячеславу, и Изяславъ каялся предъ нимъ, что не положилъ на немъ чести ¹⁾. Заподозрѣвать справедливость словъ Вячеслава нѣтъ повода, особенно принимая во вниманіе обстоятельства, при которыхъ они были сказаны; вѣроятно, Изяславъ, идя на Игоря, чтобы избавить себя отъ лишняго соперника, подавалъ надежду Вячеславу, что предоставитъ Кіевъ ему; какъ говорилъ я уже, едва ли не было между ними еще раньше какого-нибудь соглашенія въ этомъ родѣ. Но завладѣвъ Кіевомъ, Изяславъ не торопился осуществить эту надежду или обѣщаніе, а старикъ Вячеславъ, „отъ радости не приложивъ чти къ Изяславу“, поспѣшилъ войти въ роль кіевского князя. Раздраженный самоуправствомъ Вячеслава, Изяславъ не только отнялъ Воынь, но и самого его вывелъ изъ Турова, вѣроятно въ Пересопницу, приближенныхъ его, какъ совѣтниковъ, заключилъ въ оковы, а въ Туровѣ посадилъ своего сына Ярославъ ²⁾.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ пораженіе Игоря, половцы поспѣшили прислать посольство— „мира просяче“; выраженіе это можно, мнѣ кажется, принимать и въ буквальный смыслъ: они могли опасаться, что Изяславъ, смѣнивъ на кіевскомъ столѣ ихъ союзниковъ—Ольговичей, захочетъ возобновить традиціонную политику Мономахова рода относительно кочевниковъ. Задержанный, можетъ быть, войною со Святославомъ Ольговичемъ, Изяславъ только лѣтомъ слѣдующаго года заключилъ договоръ съ половцами; послѣдній впрочемъ не мѣшалъ имъ поддерживать затѣмъ враговъ Изяслава ³⁾.

Святославу Ольговичу не удалось устроить коалиціи изъ сѣверскихъ князей. Давыдовичи нашли болѣе выгоднымъ принять сторону

¹⁾ Ипат. с. 289, 297; Соловьевъ полагалъ, что воля кіевлян заставила Изяслава нарушить это обѣщаніе (Ист. отнош. с. 169).

²⁾ Ипат. с. 234—297, Лавр. с. 298, Никон. I с. 170.

³⁾ Ипат. с. 233, Лавр. с. 299, Воскр. I с. 36, Никон. I с. 173.

побѣдителя, чтобы съ его помощью отобрать у Святослава Новгородъ-Сѣверскую волость ¹⁾. Святославу приходилось уже думать не только о возвращеніи кіевскаго стола и освобожденіи брата, но и о сохраненіи своихъ владѣній; онъ естественно обратился къ давнишнему сопернику Изяслава — Юрію Владиміровичу, предлагая ему помощь для пріобрѣтенія Кіева и прося освободить брата Игоря ²⁾. Юрій, конечно, и безъ этого приглашенія не оставлялъ видовъ на Кіевъ; содѣйствіе Святослава Ольговича явилось теперь весьма кстати. Когда Давыдовичи съ помощью Изяслава Мстиславича начали воевать волость Святослава, Юрій двинулся на помощь ему, но его планы разстроилъ союзъ Изяслава съ рязанскимъ княземъ Ростиславомъ Ярославичемъ. Союзъ этотъ объясняется антагонизмомъ княжествъ Суздальскаго и Рязанскаго и тѣмъ также, что соперникъ Ростислава, его племянникъ—Владиміръ, находился въ союзѣ со Святославомъ Ольговичемъ и Юріемъ. По просьбѣ Изяслава, Ростиславъ рязанскій сталъ воевать Суздальскую волость, и Юрій долженъ былъ вернуться, ограничившись посылкою подкрѣпленія Святославу ³⁾. Святославъ не могъ противиться союзникамъ и отступилъ въ землю вятичей; союзники разорили имѣнія Игоря и Святослава и завладѣли Новгородъ-Сѣверскую волостью. Изяславъ подѣлился съ Давыдовичами заграбленнымъ имуществомъ Ольговичей, отдалъ имъ Новгородъ-Сѣверскъ; въ Курскѣ тогда же, вѣроятно, посадилъ своего сына—Мстислава и возвратился въ Кіевъ, предоставивъ Давыдовичамъ продолжать преслѣдованіе Святослава. Но Святославъ получилъ въ это время новыя подкрѣпленія отъ Юрія, и Давыдовичи должны были ретироваться ⁴⁾.

Положеніе дѣлъ измѣнилось: Юрій, выгнавъ изъ волости рязанскаго князя, союзника Изяслава, предпринялъ со Святославомъ походъ на

¹⁾ Ипат. с. 239.

²⁾ Дѣйствія Святослава и Давыдовичей въ лѣтописи описаны сторонникомъ Святослава (см. Бестужева-Рюмина О составѣ с. 81—82, Хруцова *op. cit.* с. 164) и явно тенденціозно; Давыдовичи напр. говорятъ: „се есѣвъ зачала дѣло зло, а свершивъ до конца братоубиство“—такъ выражаются лишь злодѣи въ старыхъ трагедіяхъ. Въ Татищевскомъ сводѣ (II с. 288) прибавлено, что раньше Святославъ пытался освободить Игоря при посредствѣ Ростислава Мстиславича (возраженіе у Карамзина II пр. 293).

³⁾ Ипат. с. 234, 236; Иловайскій *Ист. Рязан. княж.* с. 25—27 (Сочиненія, 1884 г.).

⁴⁾ Ипат. с. 233—240 (Воскрес. I, 36—38), Лавр. с. 298.

Новгородскую и Смоленскую волости, гдѣ сидѣли братья Изяслава ¹⁾. Затѣмъ, съ весною 1147 г., Святославъ началъ наступать на Давыдовичей, получивъ помощь отъ Юрія и усиленный дружинами бродниковъ и половецкихъ хановъ, своихъ родственниковъ; самъ Юрій не пошелъ въ походъ, можетъ быть связанный рязанскими дѣлами: тамъ опять поднималась противная ему партія ²⁾. Изяславъ согласился было съ Давыдовичами идти на Юрія и Святослава, но не явился на помощь своимъ союзникамъ; въ то время въ Кіевѣ происходило знаменитое поставленіе митрополита Кліма Смолятича соборомъ русскихъ епископовъ ³⁾. Между тѣмъ Святославъ занялъ область вятичей, Подесенье, а затѣмъ сталъ завоевывать волость Новгородъ-Сѣверскую; Давыдовичи, испугавшись, вошли въ сношенія съ нимъ, отказавшись отъ всего захваченнаго. Мало того, вмѣстѣ со Святославомъ Ольговичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ, еще раньше вступившимъ съ нимъ въ сношенія, они снеслись съ Юріемъ и составили заговоръ противъ Изяслава: рѣшено было завлечь его и схватить, какъ заложника вмѣсто Игоря, или даже будто бы убить. Давыдовичи приняли на себя обязанность заманить своего бывшего союзника; они начали просить Изяслава явиться на помощь противъ Святослава. Изяславъ рѣшилъ отправиться; онъ имѣлъ въ виду доканать своихъ противниковъ—Святослава и, главное, Юрія, двинувшись на нихъ съ юга, между тѣмъ какъ братъ Ростиславъ долженъ былъ двинуться съ востока—съ новгородцами и смольнянами ⁴⁾. Онъ объявилъ свои планы кіевскому вѣчу и просилъ собраться въ походъ. Но походъ на Юрія и союзъ съ черниговскими князьями не понравились земству; „рекоша: княже, не ходи с Ростиславомъ на стрѣя своего; лѣпле ся с нимъ улады, Ольговичемъ вѣры не ими, ни с ними ходи в путь. Изяславъ же рече имъ: цѣловали ко мнѣ хрестъ, а думу еси с ними думалъ, а всяко сего пути не хочу отложить, а вы dospѣвайте! Княже рекоша: княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Во-

¹⁾ Ипат. с. 240 и 242 (Воскр. I с. 38 и 39).

²⁾ Ипат. с. 245: Изяславъ совѣтуетъ брату Ростиславу послать „к рогникомъ, и въ Рязань, и всямо“; ср. у г. Иловайскаго оп. с. с. 28.

³⁾ О немъ будетъ рѣчь при обзорѣ внутреннего строя земли.

⁴⁾ Ипат. с. 243 и 245 (Воскр. I с. 39 и 41).

лодимире племя руки взняти, а на (оня же) Ольговичь хотя и с дѣтми“. Этотъ отказъ большею частію объясняютъ привязанностію кіевлянъ къ роду Мономаха, но Юрій, какъ видно, уже до вокняженія своего не пользовался популярностью у нихъ ¹⁾. Гораздо вѣроятнѣе, кажется, объясняется ихъ отказъ изъ политическихъ соображеній: кіяне хотѣли, чтобы Мономаховичи были солидарны между собою, не вмѣшивали въ свои раздоры Ольговичей и не давали бы имъ такимъ образомъ случая къ новымъ притязаніямъ на Кіевъ; населеніе всегда избѣгало становиться предметомъ добыванія со стороны разныхъ претендентовъ и потому старалось ограничить усобицы. Такимъ образомъ вѣче въ сущности дѣйствовало въ своихъ интересахъ и въ этомъ направленіи старалось оказать давленіе на князя ²⁾.

Изяславъ долженъ былъ ограничиться наборомъ добровольцевъ, на что согласія вѣча уже не требовалось; благодаря своей популярности, онъ собралъ такимъ образомъ „множество вои“ и отправился въ походъ. На дорогѣ онъ получилъ извѣстіе о заговорѣ; это совершенно измѣняло планы Изяслава, театръ войны изъ Суздаля снова переносился въ Сѣверскую землю. Обличивъ заговорщиковъ, Изяславъ далъ знать объ этомъ Ростиславу, призывая его съ войскомъ на югъ и наказывая одновременно нарядить новгородцевъ и смольнянъ противъ Юрія, чтобы задержать его на сѣверѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Изяславъ отправилъ гонцовъ въ Кіевъ къ брату Владиміру, оставленному тамъ, митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю, прося собрать вѣче и сообщить о случившемся. Вѣче было собрано на дворѣ у св. Софіи, послы отъ имени князя передали происшедшее и напомнили о предложеніи кіянъ итти на Ольговичей, „хотя и с дѣтми“: „нынѣ же, братье Кіяне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, поидите по мнѣ в Чернигову на Ольговичь dospѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а въ лоды, ти бо суть не мене одного хотѣли убити, но и васъ искоренити“. Кіяне же рещоша: „ради, оже ны Богъ тебе избавилъ отъ великия лести, братью

¹⁾ См. Ипат. с. 268 „вы вѣдаета, оже намъ съ Гюргемъ не ужити“.

²⁾ См. Сергѣевича Вѣче и князь с. 121. Политическими же соображеніями объясняется и подобное же заявленіе курскаго населенія (Ипат. с. 250)—ср. Ист. Сѣв. земли П. В. Голубовскаго с. 132.

нашу, идемъ по тобѣ и с дѣтми, акоже хочещи“. Но тутъ раздраженіе, вызванное извѣстіемъ о заговорѣ Ольговичей на жизнь Изяслава, совершенно неожиданно обратилось противъ Игоря Ольговича, который находился тогда въ Кіевѣ: вслѣдствіе болѣзни онъ былъ выпущенъ изъ поруба и постригся въ Феодоровскомъ монастырѣ. Одному изъ вѣчниковъ пришла мысль, что Игорь можетъ освободиться съ помощью своихъ доброжелателей ¹⁾ и захватить кіевскій столъ, а это, въ свою очередь, навлекло бы на Кіевъ бѣдствія, подобныя тѣмъ, какія онъ испыталъ отъ Изяслава Ярославича за поставленіе Всеслава. Мысль была подхвачена другими, расходившаяся толпа бросилась въ монастырь, Игорь былъ схваченъ и убитъ, не смотря на всѣ старанія Владиміра Мстиславича спасти его. Это случилось 19 сентября 1147 г. Убійство, по словамъ сказанія, вызвало неудовольствіе среди болѣе благоразумной части самого кіевского населенія, многіе считали Игоря мученикомъ и оказывали его тѣлу, брошенному на позорище, благоговѣнное уваженіе ²⁾. Весьма скоро, или непосредственно за этимъ, Игорь сталъ причитаться къ лику святыхъ; мощи его были перенесены потомъ Святославомъ Ольговичемъ въ Черниговъ ³⁾. Изяславъ былъ весьма недоволенъ, когда узналъ объ убійствѣ Игоря: тѣнь падала и на него; дѣйствительно Святославъ Ольговичъ позже прямо называлъ Изяслава убійцею Игоря ⁴⁾.

Сѣверскіе князья въ то время воевали Посемье. Успѣхи коалиціи были не блестящи; Юрій самъ не явился на югъ и ограничился присылкою сына Глѣба съ вспомогательнымъ отрядомъ. Изъ Новгорода сдѣлана была, согласно плану Изяслава, диверсія противъ Юрія,

¹⁾ П. В. Голубовскій справедливо видитъ тутъ намекъ на черниговскую партію.— Ист. Сѣв. зем. с. 132.

²⁾ Полевой (II с. 432) обратилъ вниманіе на любопытную подробность: митрополитъ запретилъ разглашать о чудѣ надъ тѣломъ Игоря (Ипат. с. 249).

³⁾ Ипат. с. 243—250, 283, Лавр. с. 299—302, Воскр. I с. 39—42; м. Макарій Ист. рус. цер. III с. 99—100. Сказаніе объ Игорѣ, находящееся въ Ипат. л., скопировано, вѣроятно, изъ первоначальнаго сказанія, сокращеннаго въ Лавр. л., и житія, уже отмѣченнаго книжными приѣмами—пространными рѣчами и под. См. Бестужевъ-Рюминъ, О сост. р. л. с. 84—86, Хрущовъ ор. с. 167—173. Характеристика Игоря у Татищева см. II с. 313; справедливы возраженія противъ нея Бестужева-Рюмина ор. с. 86.

⁴⁾ Ипат. с. 264; такое обвиненіе, хотя и нерѣшительно, высказалъ противъ Изяслава и Полевой (II с. 429, 432—3, 434).

и она, можетъ быть, помѣшала послѣднему принять болѣе дѣятельное участіе въ южной кампаніи ¹⁾). Когда Изяславъ стянулъ всѣ свои силы—полки кіевскій, волынскій, смоленскій (при этомъ прислалъ помощь и Вячеславъ), Святославичи не рѣшились сопротивляться и отступили къ Чернигову. Зимой Изяславъ двинулся туда самъ со всѣми своими полками, пришла къ нему еще и угорская помощь; противники не отважились выступить противъ него, и Изяславъ занялся опустошеніемъ окрестностей Чернигова, потомъ Любеча. Святославичи напрасно требовали отъ Юрія, чтобы онъ принялъ болѣе дѣятельное участіе, пошелъ бы самъ на Изяслава; Юрій ограничивался тѣмъ, что „обижалъ Новгородъ“, и Святославичи вынуждены были просить мира у Изяслава, отрекаясь отъ всякихъ претензій за Игоря. Изяславъ, посоветовавшись съ братомъ Ростиславомъ, принялъ это предложеніе: Святославичи присягнули „ворожду про Игоря отложить, и Руской земли блюсти и быти всимъ за одинъ братъ“. Союзъ затѣмъ былъ скрѣпленъ бракомъ Романа Ростиславича на дочери Святослава Ольговича ²⁾).

Помирившись съ сѣверскими князьями, Изяславъ возвратился къ своему прежнему намѣренію: смирить своего главнаго и опаснѣйшаго врага—Юрія, который не переставалъ „павости дѣять“ и отнимать дани новгородскія. Осенью 1148 г. онъ пригласилъ на съѣздъ въ Остерскій городокъ своихъ новыхъ союзниковъ; Ольговичи не явились на него, пришли только Давыдовичи. Изяславъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи итти на Юрія и предложилъ участвовать въ походѣ. Давыдовичи изъявили согласіе за себя и за Ольговичей.

На этомъ съѣздѣ присутствовалъ новый, совсѣмъ необычный участникъ—старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, въ качествѣ подручника Изяслава. Роль этого Ростислава очень интересна и загадочна; лѣтописи приводятъ различные мотивы его прихода къ Изяславу: по Кіевской—онъ рассорился съ отцемъ изъ-за волостей, по Суздальской—онъ былъ посланъ отцемъ на помощь къ Ольговичамъ, но предпочелъ лучше присоединиться къ Изяславу, чѣмъ „ко врагамъ своего дѣда и стрывъ“; наконецъ Никоновскій сводъ объясняетъ, что Изяславъ самъ

¹⁾ 1 Новг. с. 10.

²⁾ Ипат. с. 250—257 и 258 (Воскр. I с. 42—44, 45).

пригласилъ Ростислава присоединиться къ нему, когда тотъ былъ на пути къ Ольговичамъ ¹⁾; это послѣднее извѣстіе имѣетъ также извѣстное вѣроятіе, такъ какъ еще раньше Изяславъ приглашалъ въ себѣ Глѣба Юрьевича, но тотъ предпочелъ силою добывать себѣ Переяславль ²⁾. Изяславъ принялъ Ростислава очень ласково и далъ ему бывшій удѣлъ Святослава Всеволодовича—пять городовъ. Въ слѣдующемъ году (1142) Ростиславъ былъ обвиненъ въ томъ, что оставшись „стеречи Руской земли“ во время похода Изяслава на Юрія, онъ возбуждалъ кіянь и берендѣевъ противъ Изяслава и вербовалъ партію отцу. Не производя суда, котораго просилъ Ростиславъ, Изяславъ лишилъ его удѣла и отнявъ имущество, съ позоромъ отправилъ къ отцу. Суздальская лѣтопись и за нею позднѣйшіе своды представляютъ дѣло такъ, что Ростиславъ былъ оклеветанъ, Кіевская ограничивается передачею факта ³⁾. Ученые расходятся въ пониманіи этого эпизода ⁴⁾; мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что Ростиславъ точно былъ отправленъ отцемъ къ Ольговичамъ, но явился уже по заключеніи мира съ Изяславомъ и потому обратился къ послѣднему; что затѣмъ онъ, замѣтивъ среди кіевскаго населенія существованіе какихъ-либо недовольныхъ элементовъ, задумалъ ими воспользоваться и старался создать партію для своего отца ⁵⁾. Явившись къ отцу, онъ объявилъ послѣднему, что его хочетъ вся Русская земля и черные клобуки ⁶⁾; дѣйствительно, на основаніи позднѣйшихъ данныхъ мы въ правѣ предполагать существованіе въ Кіевщинѣ партіи Юрія: весьма можетъ быть, что надъ образованіемъ ея потрудился и Ростиславъ.

¹⁾ Ипат. с. 257 (Воскр. I с. 44, Тверск. с. 211), Лавр. с. 308. Никон. I с. 178.

²⁾ Ипат. с. 253 (Воскр. I с. 42), Лавр. с. 302.

³⁾ Ипат. с. 261, Лавр. с. 304, Воскр. I с. 46, Никон. I с. 179, Тверск. с. 213. Объ этомъ эпизодѣ см. Бестужева-Рюмина О сост. р. л. с. 88—89.

⁴⁾ Татищевъ, исходя изъ характеристики Ростислава (см. III с. 37), для которой, впрочемъ, лѣтописи почти не даютъ данныхъ, предположилъ, что Ростиславъ былъ съ самаго начала отправленъ отцомъ вербовать партію (II пр. 428 и 432); къ этому возрѣнію примыкаетъ и П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 171). Арцибашевъ (I, 2, пр. 725) и Соловьевъ (II с. 142) полагаютъ, что Ростиславъ былъ дѣйствительно виноватъ; Карамзинъ (II с. 139), Иловайскій (I с. 227), Багалъй (с. 211) считаютъ Ростислава жертвою клеветы. Погодинъ (Др. Рус. Истор. I с. 159) уклонился отъ сужденія.

⁵⁾ Ср. Татищевъ II с. 330 и Соловьевъ II пр. 256.

⁶⁾ Ипат. с. 262.

Возвращаюсь къ прерванному теченію событій. Послѣ сѣзда въ Остерскомъ городкѣ Изяславъ, оставивъ въ Кіевѣ брата Владимира, двинулся на сѣверъ въ Смоленскъ и Новгородъ для соединенія съ тамошними войсками. Въ Новгородѣ сидѣлъ въ это время сынъ его— Ярославъ. Святополкъ былъ выведенъ передъ тѣмъ, вѣроятно по желанію новгородцевъ, и посаженъ во Владимірѣ. Изяславъ былъ торжественно принятъ населеніемъ, новгородцы постановили, чтобы шли въ походъ всѣ способные носить оружіе. Соединенныя войска начали опустошать верхнее теченіе Волги; одновременно сѣверскіе князья должны были вторгнуться въ Суздальскую волость съ юга, но они остались спокойными зрителями войны: „зряча, что ся тамо учинить межю Гюргемъ и Изяславомъ“. Распутица помѣшала войскамъ Изяслава проникнуть вглубь Суздальской волости, они ограничились лишь тѣмъ, что разорили верхнее Поволжье и вывели много плѣнныхъ ¹⁾.

Неизвѣстно, чѣмъ бы отвѣтилъ Юрій на это вторженіе, но вслѣдъ за тѣмъ явился къ нему изъ Кіева сынъ Ростиславъ съ извѣстнымъ уже сообщеніемъ. По извѣстію лѣтописи, принадлежащему, очевидно, стороннику Юрія ²⁾, послѣдній былъ возмущенъ поруганіемъ сына и предпринялъ походъ, чтобы отомстить за его позоръ, а также за разореніе своей волости; въ дѣйствительности къ походу его, вѣроятно, побудило именно извѣстіе, что среди южнаго населенія существуетъ неудовольствіе противъ Изяслава и что будто бы Юрія „хочеть вся Руская земля и Черныи Клобуки“ ³⁾. Въ концѣ іюля 1149 г. Юрій двинулся на югъ; Святославъ Ольговичъ принялъ его сторону; кромѣ того Юрій призвалъ на помощь „многое множество“ половцевъ. Онъ двигался медленно, ожидая, что Изяславъ пойдетъ на уступки, чтобы отвратить нашествіе, но компромиссы были не въ характерѣ послѣдняго. Изяславъ между тѣмъ убѣждалъ кіевлянъ отрядить противъ Юрія земское ополченіе, увѣряя, что охотно сдѣлалъ бы уступки, если бы Юрій не соединялся съ половцами и Ольговичами: „оже бы пришелъ толико съ дѣтьми, то которая волость ему люба, ту же бы взялъ, но оже на мя половци привелъ и вороги моя Ольговичъ, то

¹⁾ Ипат. с. 258—260 (Воскр. I с. 45), Лавр. с. 304, 1 Новг. с. 10.

²⁾ См. Вестужевъ-Рюминъ О сост. р. л. с. 89—90.

³⁾ Ср. Соловьевъ II с. 142.

хочю ся бити⁴. Это со стороны Изяслава была, конечно, лишь утвертка, рассчитанная на нерасположеніе кіевлянъ къ половцамъ и Ольговичамъ, но кіевляне продолжали держаться прежней политики и настаивали, чтобы Изяславъ помирился съ Юріемъ: „мирися, княже, мы не идемъ“. Изяславъ продолжалъ упрашивать, объясняя, что до войны дѣло не дойдетъ, но можно будетъ помириться съ Юріемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, когда и въ его распоряженіи окажется значительная сила ¹⁾. Кіевляне сдались наконецъ и пошли съ Изяславомъ; затѣмъ подоспѣли къ нему: Ростиславъ съ „силою многою“ и Изяславъ Давыдовичъ. Враги сошлись у Переяславля; въ виду большихъ силъ, собранныхъ Изяславомъ, Юрій все колебался и не рѣшался вступить въ борьбу; онъ предлагалъ Изяславу помириться „Рускыя дѣла земля и хрестыанъ дѣла“ (нечего и говорить, что эти слова были пустою фразою), обѣщавъ отступить отъ Кіева, лишь бы Изяславъ уступилъ Переяславль его сыну: „аъ посажю сына своего у Переяславлѣ, а ты сѣди царствуя в Кіевѣ“. При этомъ Переяславль, вѣроятно, игралъ такую же роль, какъ и раньше — ступеньки къ кіевскому столу (для сына Юрія), а въ дѣйствительности, можетъ быть, долженъ былъ служить лишь базисомъ для дальнѣйшихъ операцій противъ Изяслава; Юрій, вѣроятно, рассчитывалъ на расположеніе переяславцевъ: раньше они сносились съ его сыномъ Глѣбомъ, а теперь, должно быть, самъ Юрій началъ съ ними сношенія. Изяславъ отказалъ. Юрій все не рѣшался биться. Изяславъ самъ вызвалъ его на битву и потерпѣлъ поражение (23 августа 1149 г.); переяславцы перешли на сторону Юрія, это смутило остальныхъ, „первое побѣгоша Поршане, и потомъ Изяславъ Давыдовичъ, и по сихъ Кия-

¹⁾ Выраженіе Ипат. с. 565: „пойдите со мною, аъ ми ся добро с ними отъ силы мирити“ двусмысленно, гораздо яснѣе въ Лавр. (с. 305): „ако миръ будетъ, поидѣте со мною; аъ ми ся будетъ добро отъ силы мирити“. Это же чтеніе находится въ Лѣт. Переяслав. (с. 60), и въ Воскр. сводѣ (I. 46). Въ пониманіи этого мѣста а слѣдую Татищеву (II с. 343), Карамзину (II с. 140) Погодину (Др. Р. И. с. 155). Арцыбашевъ (I. 2, с. 115) и Соловьевъ (II с. 144) понимаютъ иначе: „ну хорошо ли мнѣ съ нимъ мириться, когда я не побѣжденъ, когда у меня есть сила?“; такой смыслъ придавали словомъ, какъ видно, и редакторы Ипатьевской лѣтописи; раньше Соловьевъ толковалъ эти слова еще иначе: „не стыдно ли мнѣ будетъ помириться съ нимъ теперь, и тѣмъ показать, что онъ принудилъ меня силою къ миру“—Ист. отнош. с. 179. Принятое мною объясненіе, думаю, болѣе соотвѣтствуетъ ходу переговоровъ.

не“. Изяславъ бѣжалъ въ Каневъ „только самъ третій“. Юрій вступилъ въ Переяславль, а оттуда двинулся уже и на Кіевъ; его войско стало за Днѣпромъ противъ Выдубицкаго монастыря. Изяславъ съ Ростиславомъ обратились къ вѣчу: „се стрый наю пришелъ, а вѣ вамъ являевъ: хотите ли ся за наю бити?“ Вѣче отвѣчало: „господина наю князя! не погубита насъ до конца; се нынѣ отци наши и братья наша и сынови наши на полку, они изомани, а друзии избѣени и оружье свято; а нынѣ ать не возмутъ насъ на полонъ, поѣдита въ свои волости; а вы вѣдаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити, аже по сихъ днешъ еде узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмь“. Вѣче имѣло полнѣйшее основаніе быть недовольнымъ на Изяслава, который нарушилъ данное имъ обѣщаніе—кончить мирно дѣло съ Юріемъ, отвергъ мирныя предложенія послѣдняго и наконецъ вызвалъ самъ его на битву ¹⁾; это неудовольствіе было, можетъ быть, и причиною пораженія Изяслава; тѣмъ не менѣе мы не въ правѣ заподозрѣвать искренность отвѣта князя Изяславу и видѣть въ немъ лишь увертку. Изяславъ и Ростиславъ вняли совѣту вѣча и очистили Кіевъ; первый удалился на Волынь, взявъ съ собою и митрополита Клима. Вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ Кіевъ и Юрій; по словамъ лѣтописца, множество народа вышло ему на встрѣчу „съ радостію великою“, и сѣлъ онъ на столъ отца своего. Извѣстіе это, несомнѣнно, принадлежитъ стороннику Юрія и совсѣмъ не гармонируетъ съ предшествовавшимъ отвѣтомъ кіевлянъ Изяславу ²⁾. Встрѣча Юрію, вѣроятно, была сдѣлана, но радовались ему лишь его приверженцы ³⁾.

Юрій, какъ видно, намѣревался прочно устроиться въ новой волости; старшаго сына своего, извѣстнаго уже намъ Ростислава, посадилъ онъ на переяславскій столъ, трехъ другихъ сыновей размѣстилъ въ кіевскихъ пригородахъ—Вышгородѣ, Бѣлгородѣ и Каневѣ, на По-

¹⁾ Ср. Татищева II, с. 347.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ О сост. р. л. с. 90.

³⁾ Ипат. с. 262—268, Лавр. 304—306, 1 Новг. с. 10—11. По Ипат. и Новг. Изяславъ удалился во Владиміръ, по Лавр. въ Луцкъ. У Татищева (III с. 1) Юрій вступилъ въ Кіевъ 2 сентабра.

росы. Черниговскій князь Владиміръ Давыдовичъ успѣшилъ явиться съ повинною къ побѣдителю. Святославъ Ольговичъ былъ наконецъ вознагражденъ за свою преданность Юрію: онъ получилъ назадъ Посемье и дреговицкіе города, принадлежавшіе Давыдовичамъ; союзъ его съ Юріемъ былъ вскорѣ скрѣпленъ бракомъ Олега Святославича на дочери Юрія. Еще болѣе важное значеніе имѣлъ другой бракъ—наслѣдника галицкаго стола, Ярослава, съ другою дочерью Юрія. Владимірко съ этихъ поръ является неизмѣннымъ союзникомъ Юрія въ борьбѣ съ Изяславомъ, и союзъ этотъ имѣлъ для Юрія великую важность ¹⁾).

Союзники были необходимы Юрію, потому что и кіевляне, какъ мы видѣли выше, и Изяславъ Мстиславичъ видѣли въ вокняженіи Юрія только временную неудачу и вовсе не были расположены съ нею мириться. Изяславъ, прибывъ во Владиміръ, немедленно обратился за помощью къ своимъ родичамъ—угорскому королю, чешскому и польскимъ князьямъ съ просьбою о помощи ²⁾); всѣ съ готовностью обѣщали; походъ назначенъ былъ съ началомъ 1150 г. Въ то же время Изяславъ снова завязалъ сношенія съ Вячеславомъ, сидѣвшимъ по сосѣдству—въ Пересопницѣ. Выше было упомянуто, что еще овладѣвая кіевскимъ столомъ (1146 г.), онъ подавалъ какія-то надежды Вячеславу, что кіевскимъ княземъ будетъ послѣдній. Теперь Изяславъ проситъ Вячеслава „принять его въ любовь“ и заявить претензію на кіевскій столъ, а въ противномъ случаѣ грозитъ пожечь его волость. Очевидно, старѣйшинству Юрія, которое могло имѣть значеніе въ глазахъ извѣстной части общества, Изяславъ хотѣлъ противопоставить старѣйшинство Вячеслава, который, по собственнымъ его словамъ, былъ уже бородачь, когда Юрій родился ³⁾. Но Вячеславъ, вѣроятно, былъ сердитъ на Изяслава за старое (хотя въ числѣ войскъ Изяслава упоминался послѣ того полкъ Вячеслава, но послѣдній дѣйстви-

¹⁾ Ипат. с. 268, 275.

²⁾ Угорскій король Гейза былъ женатъ на сестрѣ Изяслава—Евфросиніи, польскій князь Болеславъ—на племянницѣ его, дочери Всеволода Мстиславича, а чешскій князь Владиславъ приходился Изяславу сватомъ по женѣ Святополка Мстиславича, княжѣ моровской; см. Ипат. с. 215, 268, 1 Новг. с. 9, Карамзинъ II. с. 142 и Линниченко Взаимн. отношен. с. 59.

³⁾ Ипат. с. 298.

валь, вѣроятно, подѣ давленіемъ обстоятельствъ), при томъ теперь, въ виду усиленія Юрія, и заявлять претензіи на кіевскій стoль было не безопасно. Вячеславъ отказался и боясь угрозъ Изяслава, звалъ къ себѣ Юрія. Изяславъ между тѣмъ двинулся съ союзными отрядами угровъ, ляховъ и чеховъ, но на встрѣчу ему уже прибылъ съ востока къ Пересопницѣ Юрій съ половцами, а съ юга Володимірко подошелъ къ Шумску. Угры и ляхи испугались; въ то же время польскіе князья получили тревожныя извѣстія изъ своихъ владѣній ¹⁾. Въ концѣ концовъ союзники Изяслава рѣшили уйти и ограничились дипломатическою пересылкою съ Юріемъ и Вячеславомъ: они просили, чтобы за Изяславомъ была оставлена Волынь и возвращены новгородскіе доходы, захваченные Юріемъ. Вячеславъ и Юрій отвергли ихъ посредничество. Когда союзники Изяслава удалились, Юрій задумалъ вовсе лишить Изяслава волости и осадилъ Луцкъ. Но Мстиславичи оказали ему сильное сопротивление, кромѣ того Володимірко галицкій, вовсе не желавшій, чтобы Юрій захватилъ и Волынь, настоятельно хлопоталъ о мирѣ ²⁾; его поддерживалъ и Вячеславъ изъ личныхъ видовъ. Въ результатѣ состоялся миръ на такихъ условіяхъ, что Изяславъ отступался отъ Кіева въ пользу Юрія, а Юрій возвращалъ новгородскія дани, „и его же Изяславъ хотяше“. Лѣтопись не объясняетъ, въ чемъ заключались эти послѣднія требованія Изяслава; если этотъ договоръ имѣлъ характеръ окончательнаго, улаживавшаго отношенія между представителями Мономахова дома, то онъ, несомнѣнно, касался и вопроса о наслѣдованіи кіевскаго стола; но, повторяю, лѣтопись молчитъ объ этомъ ³⁾.

„Изяславъ радъ бысть хрестьному целованію“ — въ томъ смыслѣ, вѣроятно, что избавлялся отъ нашествія. Насколько искренно принималъ онъ договоръ, не знаемъ—Юрій самъ немедленно нарушилъ его;

¹⁾ Объ отношеніи польскихъ князей къ Изяславу см. у И. А. Линниченка *Взаимн. отнош.* с. 162—164.

²⁾ Г. Молчановскій высказалъ предположеніе, что Владимірко за это посредничество захватилъ себѣ бывшій удѣлъ Ростислава Юрьевича—Бужскъ, Межибожье и пр.—*Очеркъ изв. о Подольск.* з. с. 74—5.

³⁾ *Ипат.* с. 268—274, *Лавр.* с. 306—309. Требованія Изяслава, кажется, не могутъ относиться къ возвращенію захваченнаго имущества, такъ какъ договоръ объ этомъ лѣтопись приурочиваетъ къ послѣдующему сѣзду въ Пересопницѣ.

было постановлено, что Изяславъ и его дружина имѣютъ право отыскивать свое имущество въ Киевской и Переяславской волостяхъ, но Юрій затѣмъ не позволилъ этого. Изяславъ, не получивъ удовлетворенія, объявилъ договоръ нарушеннымъ; вѣроятно, онъ ждалъ лишь предлога, чтобы нарушить обязательства, вынужденныя обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что изъ Киевской волости получались благопріятныя для него извѣстія. Киевляне „хотѣли его“ и, вѣроятно, призывали на столъ; должно быть, и черные клобуки тоже заявляли о своей преданности: Изяславъ, очевидно, рассчитывалъ на ихъ поддержку, это видно изъ плана его похода. Любопытно извѣстіе Татищевскаго свода, которое связываетъ неудовольствіе черныхъ клобуковъ на Юрія съ извѣстіемъ Никоновскаго свода о томъ, что половцы, союзники Юрія, взяли въ это время Торшинъ (можетъ быть Торчеськъ?) и опустошили его окрестности, а Юрій, по Татищеву, не оказалъ дѣятельной помощи чернымъ клобукамъ ¹⁾. Юрій разошелся и съ Вячеславомъ; вѣроятно, во время похода онъ общалъ послѣдному киевскій столъ въ противовѣсъ предложеніямъ Изяслава ²⁾; затѣмъ онъ дѣйствительно призвалъ Вячеслава въ Кіевъ на столъ, но бояре его отсовѣтовали, увѣряя, что Вячеславъ не можетъ удержать за собою этой позиціи: „не будетъ его ни тобѣ, ни оному“. Едва ли не было это лишь предлогомъ со стороны Юрія: онъ могъ удерживать киевскій столъ за Вячеславомъ своими силами, какъ позже Изяславъ. Въ концѣ концовъ Юрій посадилъ Вячеслава въ Вышгородъ, а въ Пересопницу послалъ сына Глѣба. Вячеславъ былъ этимъ обиженъ.

Юрій не подозревалъ грозившей опасности; по словамъ лѣтописца онъ думалъ, что какъ занялъ волость, ужъ дѣло и кончено („ако тако ту волость заемъ, ту же и есть“). Между тѣмъ Изяславъ быстро двинулся на Пересопницу, выгналъ оттуда Глѣба Юрьевича и направился прямо въ область черныхъ клобуковъ; послѣдніе явились „съ радостію великою“ со всѣми полками и двинулись съ нимъ къ Кіеву.

¹⁾ Никон. I с. 182—183, Татищевъ III с. 13. Есть Торчинъ въ Киевщинѣ, къ западу отъ Радомысла, и на Волни, къ западу отъ Луцка, но они лежатъ внѣ обычнаго театра половецкихъ нападений.

²⁾ Татищевъ (III, с. 14) увѣряетъ, будто посадить на киевскій столъ Вячеслава совѣтовали Юрію кіяне, надѣясь, что Вячеславъ не сумѣетъ удержать Кіевъ, и послѣдній достанется Изяславу.

На встрѣчу Изяславу вышло „многое множество“ князь и извѣстило, что Юрій бѣжалъ, а Вячеславъ неожиданно явился въ Кіевъ и сѣлъ на Ярославлѣ дворѣ: „а мы его не хотимъ, ты нашъ князь! поѣди же къ Святой Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего“. Изяславъ предложилъ Вячеславу очистить Кіевъ; когда послѣдній началъ упорствовать, нѣкоторые подавали совѣтъ схватить его и даже убить, но Изяславъ предпочелъ повести дѣло мирно. Ссылаясь на народное возбужденіе, онъ посовѣтовалъ Вячеславу уѣхать пока въ Вышгородъ и „радиться“ оттуда. Вячеславъ послушался. „Освоивъ Кіевъ“, Изяславъ попробовалъ возвратить такимъ же путемъ и Переяславль: сынъ его Мстиславъ, по порученію отца, завелъ сношенія съ мѣстной дружиною и тюркскими поселенцами, приглашалъ ихъ къ себѣ, но Ростиславъ Юрьевичъ помѣшалъ этому замыслу.

Юрій между тѣмъ сидѣлъ въ Остерскомъ городѣ и готовился къ походу на Кіевъ; онъ снесся съ Володиміромъ галицкимъ и сѣверскими князьями, послалъ за половцами. Вѣроятно, эти грозныя приготовления Юрія заставили Изяслава начать переговоры съ Вячеславомъ; когда пришла вѣсть, что Володиміро приближается къ Кіеву, Изяславъ отправился съ боярами въ Вышгородъ и согласился на всѣ условія Вячеслава. Кромѣ желанія легализировать свое положеніе, у Изяслава было, вѣроятно, намѣреніе воспользоваться дружиною Вячеслава, которая была значительна ¹⁾. Вячеславъ сначала отказался: время было дѣйствительно вовсе неудобное для занятія кіевскаго стола, но наконецъ согласился, и между нимъ и Изяславомъ состоялся договоръ, осуществленный только впоследствии: „Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава.“ Вслѣдъ затѣмъ Изяславъ выпросилъ у Вячеслава его дружину; вообще онъ не успѣлъ достаточно приготовиться къ борьбѣ, а Володиміро между тѣмъ уже приближался къ Стугнѣ. Изяславъ съ кіевскимъ ополченіемъ, съ черными клобуками и отрядами угровъ и ляховъ поспѣшилъ ему на встрѣчу, не успѣвъ даже захватить дружину Вячеслава. Встрѣча произошла на Перепетовскомъ полѣ; войска Изяслава не рѣшались сразиться съ превосходными силами: черные клобуки, за ними кіяне снова просили его уступить врагу: „не погуби насъ, ни

¹⁾ Не даромъ Вячеславъ хвалился ею—см. Ипат. с. 297.

самъ не погини; но ты нашъ князь, коли силенъ будеши, а мы с тобою, а нынѣ не твое веремея, поѣди прочь.“ Изяславъ началъ было упираться, тогда киевское ополченіе и черновлобуцкіе полки оставили его и отправились во-свояси; Изяславъ долженъ былъ вернуться въ Кіевъ. Юрій между тѣмъ приступилъ къ Кіеву, „кїяне мнози“ отправились ему на встрѣчу и начали перевозить его дружину чрезъ Днѣпръ. Это могли дѣлать не только его доброжелатели, но и люди не принадлежавшіе къ его партіи: дѣло въ томъ, что Володимірко уже подходилъ къ Кіеву, и кїевлянамъ было желательно, чтобы Юрій раньше овладѣлъ Кіевомъ и въ своихъ интересахъ оборонилъ его, иначе Володимірко, не интересовавшійся Кіевомъ, могъ подвергнуть его разоренію ¹⁾. Изяславъ съ Вячеславомъ до времени ретировались въ свои волости, а Юрій съ Володиміркомъ вступили въ Кіевъ; это было приблизительно въ августѣ 1150 г. Занятіе Кіева совершилось скорѣе и легче, чѣмъ рассчитывалъ Юрій; его союзники—половцы явились уже послѣ него, и Юрій принужденъ былъ откупаться отъ нихъ, чтобы спасти отъ разоренія свои волости ²⁾.

Изяславъ, вернувшись во Владиміръ, началъ сноситься съ Юріемъ и его сыномъ Андреемъ, посаженнымъ въ Пересопницѣ, просилъ о возвращеніи Погорыня, а между тѣмъ готовилъ силы къ новому походу. вмѣстѣ съ угорскимъ королемъ, съ которымъ онъ сблизился еще болѣе благодаря женитьбѣ брата Владиміра на бановнѣ, Изяславъ сначала пошелъ на Володимірка желая обезпечить себя съ тылу. Володимірко однако подкупомъ избавился отъ опасности. Затѣмъ въ исходѣ зимы, вѣроятно въ концѣ февраля 1151 г., къ Изяславу прибылъ большой вспомогательный отрядъ угровъ, и онъ двинулся на Кіевъ, откуда уже раньше приходили приглашенія отъ киевскаго населенія, черныхъ клобуковъ и Вячеславовой дружины ³⁾. Этотъ походъ во всемъ блескѣ обнаруживаетъ смѣлость и военный талантъ Изяслава. Володимірко, какъ видно, слѣдилъ за нимъ и двинулся немедленно по слѣдамъ его. Изяславъ не смутился этимъ и поспѣшно

¹⁾ „Кїяне же убоявшеса Володимера Галичскаго, вѣведоша князя Дюргя въ Кїевъ“, Ипат. с. 280, Лавр. с. 311; въ Ипат. л. соединены два извѣстія, отчего эти слова стоятъ не на мѣстѣ.

²⁾ Ипат. с. 274—281, Лавр. с. 309—312.

³⁾ Никон. (I с. 185) прибавляетъ и отвѣтъ Изяслава, весьма мало вѣроятный.

пелъ далѣ—на Ушескъ и Мичьскъ; населеніе Погорынья и кіевскаго Полѣсья—жители Дорогобужа, Корческа, Мичьска съ любовью встрѣчали его, выходили на встрѣчу. Задержавъ фальшивыми огнями Володимірка у р. Уша, Изяславъ рѣшилъ какъ можно скорѣе проникнуть въ „полкъ кіевскій,“ въ область полянъ или въ поселенія черныхъ клобуковъ, рассчитывая на ихъ поддержку. Благодаря оплошности Бориса Юрьевича удалось внезапно овладѣть Бѣлгородомъ, составлявшимъ какъ бы ключъ къ Полянскои области. Юрій совершенно не ожидалъ нападенія; узнавъ о походѣ, онъ немедленно бѣжалъ изъ Кіева въ Остерскій городокъ, не надѣясь на кіевлянъ, „зане имѣють перевѣсъ къ Изяславу и брату его.“ Вслѣдъ затѣмъ Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, кіевляне вышли ему на встрѣчу „с радостью,“ которую, конечно, нѣтъ никакого повода заподозрѣвать ¹⁾). Володимірко, стоя у Мичьска на Тетеревѣ, неожиданно узналъ, что Юрій уже въ Остерскомъ городкѣ; ему ничего не оставалось больше, какъ удалиться, что онъ и сдѣлалъ, вознаградивъ себя впрочемъ контрибуціями, собранными по дорогѣ съ Изяславовыхъ городовъ, начиная съ Мичьска ²⁾).

Это занятіе Кіева Изяславомъ оказалось окончательнымъ, хотя и не прекратило борьбы. Юрій не медля обратился за помощію къ своимъ союзникамъ—сѣверскимъ князьямъ, Володимірку и „дивимъ половцамъ.“ Изяславъ понималъ шаткость своего положенія и приложилъ всѣ старанія, чтобы упрочить его. Прежде всего онъ уладился съ Вячеславомъ; два раза подавалъ онъ старику надежду на занятіе кіевскаго стола, въ послѣдній разъ уже прямо предложилъ ему Кіевъ, но обстоятельства не позволили тогда Вячеславу воспользоваться предложеніемъ. Теперь Изяславъ привелъ въ исполненіе прежній договоръ: онъ ввелъ и посадилъ Вячеслава на кіевскомъ столѣ и предоставилъ въ его распоряженіе Ярославль дворъ, а самъ поселился на Угорскомъ; Вячеславъ, въ свою очередь, усыновилъ Изяслава и сдѣлалъ своимъ соправителемъ, предоставилъ ему вмѣстѣ участвовать въ рядахъ и походахъ и пользоваться его дружиною ³⁾).

¹⁾ Въ той же Никон. л. (I с. 186) приведена благодарность Изяслава кіевлянамъ, но тоже въ весьма подозрительной формѣ.

²⁾ Ипат. с. 281—289, Лавр. с. 312—313.

³⁾ Ипат. с. 278, 289—291, 307. „Изяславъ посла у Вышегородъ къ отцю своему Вячеславу, и рече ему: отце, кланяются, съгрѣшилъ есмь и первое, а того ся каю, а

Это номинальное вожняженіе Вячеслава легализовало положеніе Изяслава, но нисколько не прекратило претензій его соперника: Юрій и его союзники по прежнему продолжаютъ борьбу. Извѣщая объ этомъ „рядѣ“ брата Ростислава, Изяславъ заявлялъ, что учинилъ его „всея дѣля Рускыя земля“¹⁾; онъ до смерти соблюдалъ его, хотя сопрявительство Вячеслава было, несомнѣнно, непріятно для такой энергичной и честолюбивой натуры. Кіевляне, съ своей стороны, не смотря на нерасположеніе къ Вячеславу, одобряютъ такой порядокъ дѣль и по смерти Изяслава вмѣняютъ Ростиславу въ обязанность продолжать прежнія отношенія къ Вячеславу²⁾. Мнѣ кажется, этимъ рядомъ дорожили кіевляне потому, что онъ отдавалъ въ распоряженіе князя дружину Вячеслава, а съ другой стороны—онъ давалъ имъ сознаніе, что правительство кіевское вполне легально: не имѣя реального значенія, это сознаніе было пріятно земству, очень боявшемуся всякихъ усобицъ, и закрывало ротъ партіи Юрія и рьянымъ легитимистамъ; при томъ все это достигалось довольно дешево, такъ какъ Изяславъ на дѣлѣ оказывался полнымъ хозяиномъ. Съ этой точки зрѣнія можно, пожалуй, оправдать и извѣстіе Никоновскаго свода, что кіевляне желали Вячеслава³⁾.

Новые соправители, Вячеславъ и Изяславъ, ждали нападенія Юрія и немедленно обратились за помощію къ угорскому королю и Ростиславу; отпуская вспомогательный отрядъ угровъ, они просили Гейзу, занятого борьбою съ Византією, прислать новую помощь немедленно, „сеѣ весны,“ а Ростислава призывали къ себѣ самого. Въ

изнова коли ми Богъ далъ побѣдѣти Игоря у Кіева, а язъ есмь на тобѣ чести есмь не положилъ, а потомъ коли у Тумаща“ (с. 289). Затрудненіе представляютъ слова „а потомъ коли у Тумаща“: предъ походомъ на Тумащъ противъ Володимірка Изяславъ предложилъ Кіевъ Вячеславу и не могъ нарушить своего слова уже потому, что вслѣдъ затѣмъ оставилъ Кіевъ; можетъ быть, „у Тумаща“ употреблено для обозначенія и предшествовавшаго времени, когда Изяславъ ладился съ Вячеславомъ (с. 277). Нужно замѣтить, что если и Вячеславъ и Изяславъ говорятъ о двухъ случаяхъ нарушенія слова послѣднимъ (с. 298: „аще и двоича ступилъ слова своего“), то тутъ едва ли нѣтъ преувеличенія: во второмъ случаѣ ничто, кажется, не обязывало Изяслава уступать кіевскій столъ Вячеславу.

1) Ипат. с. 292; ср. Андріяшевъ оп. с. 126.

2) Ипат. с. 324.

3) Никон. I с. 185.

апрѣль Юрій началъ уже стягивать свои силы; въ Остерскій городъ явились къ нему со своими полками Святославъ Ольговичъ съ племянникомъ и Владиміръ Давыдовичъ. Наоборотъ, Изяславъ Давыдовичъ отправился на помощь къ своему тезкѣ; подоспѣлъ Ростиславъ „съ множествомъ вои“, но объ угрозахъ еще не было и вѣсти. Не дожидаясь Володимірка, Юрій двинулся къ Кіеву. Сюда подоспѣли и половцы. Изяславъ помѣшалъ Юрію переправиться у Кіева, при помощи знаменитыхъ, „дивно исхитренныхъ“ лодокъ (гребцы были прикрыты палубами, на которыхъ стояли воины; кормчіе, помѣщенные на обоихъ концахъ лодки, могли ее по желанію направлять и назадъ и впередъ). Юрій прошелъ мимо Кіева чрезъ Долобское озеро и Золотчу, но переправиться удалось ему только у Заруба: „зане не бѣшетъ ту князя, а боярина не вси слушаютъ.“ Послѣ этого, по настоянію дружины и кіевского ополченія, Изяславъ отступилъ къ Кіеву; городъ былъ окруженъ всѣми наличными силами, было рѣшено держаться оборонительной тактики. Вячеславъ предварительно попытался убѣдить Юрія отказаться отъ борьбы, которая уже не имѣла легальныхъ оправданій. На успѣхи этой дипломатической пересылки, конечно, не рассчитывалъ и самъ Вячеславъ, она должна была только выяснитъ правоту дѣйствій Вячеслава и несправедливость Юрія предъ общественнымъ мнѣніемъ, преимущественно кіевскимъ. Юрій отвѣчалъ требованіемъ, чтобы Вячеславъ отослалъ отъ себя племянниковъ. Приступъ его былъ неудаченъ; Юрій отступилъ; попытка было овладѣть Бѣлгородомъ, но населеніе послѣдняго сослалось на рѣшеніе старѣйшаго города и дало отпоръ („а Киевъ ты ся кое отворилъ? а князь нашъ Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ“). Юрій перешелъ за Стугну и сталъ ожидать Володимірка. Но Изяславу было необходимо предупредить это соединеніе, и онъ не медля двинулся на Юрія; кіевское населеніе выразило необычайное рвеніе, порѣшивъ, что въ походѣ должны принять участіе всѣ: „а ты же пойдуть вси, како можетъ и хлудъ (древцо—Воскр.) в рудѣ взяти; павы ли хто не поидеть, намъ же и дай, а ты мы сами побьемъ“; вѣроятно, неудача Юрія подавала надежду окончательно доконать и отбить у него охоту къ дальнѣйшимъ претензіямъ. На знаменитомъ Перепетовскомъ полѣ снова встрѣтились враги. Изяславъ получилъ извѣстіе, что угры уже вышли изъ Карпатскихъ горъ, но ожидать ихъ было некогда. Юрій всячески уклонялся отъ битвы, но былъ вынужденъ принять ее; въ „свѣтъ

крѣпкой“, въ которой былъ убитъ Владиміръ Давыдовичъ, а Изяславъ Мстиславичъ раненъ, войска Юрія потерпѣли полное пораженіе и обратились въ беспорядочное бѣгство; много дружины потонуло въ топкомъ Рутѣ¹⁾. Юрій бѣжалъ въ Переяславль; Володимірко, узнавъ о происшедшемъ, вернулся назадъ. Побѣдители вернулись въ Кіевъ съ великимъ торжествомъ, ихъ встрѣтило все духовенство съ митрополитомъ Климомъ во главѣ, „и пребыша у велицѣ весельи и у велицѣ любви“. Побѣда эта имѣла еще тотъ полезный для Изяслава результатъ, что съ его помощью на черниговскомъ столѣ теперь сѣлъ союзникъ его—Изяславъ Давыдовичъ. Радость побѣдителей была омрачена только извѣстіемъ о гибели угровъ, которыхъ велъ на помощь Мстиславъ Изяславичъ и которые были перебиты на дорогѣ Володиміркомъ²⁾.

Изяславъ и Вячеславъ рѣшились воспользоваться своимъ успѣхомъ и избавиться отъ опаснаго сосѣдства Юрія; не мѣшкая, они обступили его въ Переяславлѣ и предложили миръ подъ условіемъ, что въ Переяславлѣ сядетъ который-нибудь изъ сыновей Юрія, а самъ онъ уйдетъ въ Суздаль и, конечно, не будетъ претендовать на Кіевъ; „не можемъ с тобою быти сдѣ, приведеши на ны оиать Половци“, говорили они. Юрій не имѣлъ средствъ сопротивляться и долженъ былъ присягнуть на этихъ условіяхъ. Но избавившись отъ осады, онъ медлилъ уходить и сносился съ Володиміркомъ и половцами, Вячеславъ и Изяславъ напомнили ему объ обѣщаніи, дали мѣсяць срока для возвращенія въ Суздаль и оиать заставили присягнуть на прежнемъ условіи. Святославъ Ольговичъ при этомъ былъ исключенъ изъ мирнаго договора: онъ заключилъ отдѣльный договоръ съ Изяславомъ Давыдовичемъ, причемъ, вѣроятно, обязался отступить отъ Юрія и присоединиться къ Изяславу. Юрій между тѣмъ все не уходилъ; Изяславъ осадилъ его въ Остерскомъ городѣ, куда перешелъ Юрій изъ Переяславля; въ осадѣ приняли участіе Изяславъ Давыдо-

¹⁾ Пораженіе Юрія датировано въ 1 Новг. (с. 11) 17 іюля, но это былъ вторникъ, а въ прочихъ лѣтописяхъ днемъ битвы—пятница, см. Арцыбашевъ I. 2 пр. 868.

²⁾ Ипат. 291—306, Лавр. 313—319. Избѣненіе угровъ въ Лавр. предшествуетъ походу на Городокъ, въ Ипат.—походу на Переяславль, но первое, кажется, вѣроятнѣе и первоначально этотъ эпизодъ, можетъ быть, и въ Ипат. стоялъ передъ извѣстіемъ о посланіи Изяслава къ угорскому королю (с. 307).

вичъ и Святославъ Всеволодовичъ, даже Святославъ Ольговичъ вынужденъ былъ послать помощь противъ своего союзника. Юрію „бысть тяжко“, онъ покорился и ушелъ въ Суздаль; Переяславская волость была тоже отнята у него, а затѣмъ и его гнѣздо—Остерскій городокъ былъ разрушенъ и сожженъ союзниками ¹⁾.

Юрій не уговорился; уже въ слѣдующемъ году онъ снова началъ готовиться къ походу на Кіевъ; поводомъ къ тому онъ выставилъ разрушеніе Остерскаго городка. Союзниками его явились: рязанскій князь, неизмѣнные половцы, кочевавшіе между Днѣпромъ и Волгою, и Святославъ Ольговичъ; послѣдній—изъ страха, чтобы Юрій не разорилъ его волостей по пути. Одновременно Володимірко двинулся изъ Галича, но Изяславъ пошелъ му на встрѣчу и заставилъ возвратиться. Юрій съ союзниками осадилъ Черниговъ, Изяславъ явился на выручку, и союзники отступили; половцы ушли во-свои, и Юрій, считая дѣло проиграннымъ, ретировался въ Суздаль, представивъ своему союзнику—Святославу раздѣльваться за него и за себя. По зимнему пути Изяславъ двинулся на Новгородъ Сѣверскій; одновременно Мстиславъ Изяславичъ отправился громить половцевъ по Углу (Орели) и Самарѣ, вѣроятно, съ цѣлью удержать ихъ отъ соединенія со Святославомъ Ольговичемъ. Оттепель помѣшала однако Изяславу доконать послѣдняго, онъ долженъ былъ согласиться на миръ и съ тѣмъ возвратился ²⁾. Въ 1154 г. Юрій еще разъ собрался было на югъ, но моръ заставилъ его вернуться ³⁾.

Восторжествовавъ надъ своимъ соперникомъ, Изяславъ обратился на другого своего врага и постоянного помощника Юрія — Володимірка. Володимірко когда-то, вѣроятно въ 1150 г., послѣ послѣдняго изгнанія Изяслава изъ Кіева ⁴⁾, захватилъ нѣсколько городовъ его. Изяславъ, уже послѣ того, ходилъ на него вмѣстѣ съ Гейзою, но Во-

¹⁾ Ипат. с. 306—308, Лавр. с. 317—319.

²⁾ Ипат. с. 314—318, Лавр. с. 320—322.

³⁾ Ипат. с. 322, Лавр. с. 324.

⁴⁾ „Володимеръ же отъя города всѣ ида (ида) и приде къ Лючску“ (Ипат. с. 281), и вслѣдъ за тѣмъ Изяславъ жалуется на захватъ Володимірка (с. 282). Соображенія объ этомъ см. у Н. П. Дашкевича—Болоховск. земля с. 76—77; ср. Шараневича Истор. Гал.-Волод. Руси. с. 41, Молчановскаго оп. с. с. 76. Странно только, что во время перваго похода на Володимірка (1150 г.) ничего не говорится объ этихъ городахъ.

лодимірку, какъ было упомянуто, успѣлъ тогда откупиться. Зимой 1151—1152 г. было рѣшено снова пойти на Володимірку; Изяславъ двинулся было, но вернулся почему-то съ дороги ¹⁾. Весною 1152 года онъ снова отправился въ походъ съ кіевскимъ ополченіемъ и съ полками всѣхъ южныхъ Мономаховичей; были приглашены къ участию и ляхи, но отказались. Соединившись съ уграми, Изяславъ нанесъ сильное пораженіе Володимірку, но многоглаголивый галицкій князь и на этотъ разъ избѣжалъ дальнѣйшихъ непріятностей, подкупивъ совѣтниковъ Гейзы. Несмотря на настоянія Изяслава—продолжать войну и лишить Володимірку волости, съ послѣднимъ былъ заключенъ миръ подъ условіемъ возвращенія захваченныхъ городовъ и тѣснаго союза съ Изяславомъ ²⁾. Ни одно изъ этихъ условій не было исполнено: города не были возвращены, а въ томъ же году, при вѣсти о походѣ Юрія на Кіевъ, Володимірку двинулся также на Изяслава. Послѣдній заставилъ его возвратиться; управившись съ Юріемъ, онъ замышлялъ новый походъ на Галичъ, но внезапная смерть Володимірка остановила его намѣреніе. Преемникъ Володимірка, Ярославъ, заявлялъ Изяславу о своей преданности, просилъ принять „яко сына своего Мстислава всеми своими полкъ“, но захваченные города, по всей вѣроятности, все-таки не были возвращены ³⁾, и въ началѣ 1153 г. Изяславъ опять пошелъ на Галичъ. Битва у Теробовля была нерѣшительна, братья и дружина Изяслава разбѣжались, и онъ вынужденъ былъ отступить ⁴⁾. Это былъ послѣдній походъ Изяслава на Галичъ; спорные города были въ концѣ концовъ возвращены, но когда—неизвѣстно ⁵⁾.

Годъ спустя, 13 ноября 1154 г. скончался Изяславъ, еще далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ и въ полнотѣ силъ ⁶⁾; за нѣсколько мѣ-

¹⁾ Лавр. с. 319.

²⁾ Миролубіе Гейзы очень вѣроятно объясняется нападеніемъ на его земли византійскаго императора (Карамзинъ II с. 156, Зубрицкій II с. 86).

³⁾ Посвидѣтельству Татишевскаго свода (III с. 77) галицкіе бояре удержали Ярослава отъ возвращенія этихъ городовъ; ср. Соловьевъ Ист. Россіи II с. 176, Зубрицкій Ист. Гал.-Русск. княж. II с. 90, Шараневичъ Ист. Гал.-Волод. Руси. с. 45.

⁴⁾ Ипат. с. 308—313, 318—322, Лавр. с. 319—320, 322—323.

⁵⁾ См. выше с. 15.

⁶⁾ Ипат. с. 323, Лавр. с. 324. Ему, несомнѣнно, не было еще 60 лѣтъ, такъ какъ отецъ его родился въ 1076 г., а Изяславъ былъ не старшій сынъ.

сцязевъ до того онъ женился вторично на кавказской княжнѣ — изъ Обезъ. Смерть его, несомнѣнно, была несчастьемъ для Кіевщины; въ послѣднее время ему удалось значительно упрочить свое положеніе, и можно было надѣяться, что онъ и впредь сохранитъ кіевскій столъ за собою, что враждебныя силы будутъ нейтрализованы и серьезныхъ коллизій не произойдетъ. Проживи Изяславъ лишній десятокъ-другой лѣтъ, переживи онъ Юрія, Святослава Ольговича и другихъ старшихъ современниковъ—и, быть можетъ, исторія Кіевщины не сложилась бы такъ печально.

Смерть Изяслава вызвала искреннее сожаленіе у населенія — „плакася по немъ вся Руская земля (т. е. Кіевская) и вси Чернии Клобуци, и яко по цари и господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци“¹⁾. Популярность его объясняется прежде всего свойствами его характера. Его безавѣтная удаля и энергія, извѣстное благородство, не стѣснявшееся впрочемъ при случаѣ, по духу того времени, и обманомъ и жестокостью, его радушіе и обходительность обаятельно дѣйствовали на населеніе. Затѣмъ располагало къ нему его уваженіе въ голосу земства: отношенія Изяслава къ вѣчу—отношенія равнаго къ равному, даже низшаго къ высшему; онъ живетъ въ тѣсномъ общеніи съ землею, вѣче принимаетъ при немъ самое живое участіе въ политическихъ дѣлахъ, частью по своей инициативѣ, частью по приглашенію князя, и Изяславъ никогда не позволяетъ себѣ какого-либо давленія на него. Этотъ образъ дѣйствій, обнаруживающій въ Изяславѣ ясное сознаніе своихъ интересовъ и большой политической тактъ, несомнѣнно, долженъ былъ очень нравиться населенію. Наконецъ, популярности Изяслава должна была содѣйствовать политика его относительно половцевъ: онъ являлся и въ этомъ отношеніи преемникомъ своего отца и дѣда; постоянная борьба съ соперниками, правда, не давала ему возможности дѣятельно вести наступательную борьбу противъ степняковъ: лѣтопись говоритъ объ одномъ только походѣ въ степь его сына Мстислава; но по крайней мѣрѣ никогда Изяславъ не дружилъ съ ними и не наводилъ на Русскую землю, какъ Юрій.

Симпатичныя свойства Изяслава не должны однако закрывать отъ насъ слабыхъ сторонъ его, какъ государя. Въ своей дѣятельно-

¹⁾ Ипат. л. с. 323.

сти онъ преслѣдуетъ личныя выгоды; въ борьбѣ съ Юріемъ онъ обнаруживаетъ весьма мало охоты поступиться чѣмъ-нибудь, пойти на компромиссы, уладить какимъ-нибудь путемъ соперничество и обезпечить странѣ спокойствіе; когда Юрій отступался отъ Кіева и просилъ взамѣнъ Переяславскую волость для одного изъ сыновей, Изяславъ отказалъ, не смотря на желаніе населенія,—„добылъ есмь головою своею Кіева и Переяславля“, отвѣчалъ онъ; правда, что съ Юріемъ и войти въ компромиссы было трудно. При такомъ положеніи дѣлъ борьба ихъ могла продолжаться безконечно. Въ этомъ отношеніи Изяславъ далеко уступаетъ своему дѣду, который также руководился личными цѣлями, но свое благосостояніе строилъ гораздо прочнѣе и со своимъ благополучіемъ связывалъ благополучіе и счастье населенія. На земство Изяславъ смотрѣлъ преимущественно, какъ на орудіе; это отношеніе смягчалось его радушіемъ, привѣтливостью, но сущность дѣла отъ того не измѣнялась; любопытное проявленіе этого отношенія встрѣчаемъ въ описаніи событій 1149 г., когда Изяславъ обманомъ заставляетъ кіевлянъ сражаться за него съ Юріемъ и потерпѣвъ пораженіе, предлагаетъ имъ снова за него биться отвѣтъ кіевлянъ, просящихъ не погубить ихъ до конца, вовлекая въ новую борьбу съ Юріемъ, хорошо характеризуетъ эти отношенія. Къ чести кіевского населенія нужно замѣтить, что оно не увлечается своими симпатіями къ Изяславу и сохраняетъ всегда сознаніе собственныхъ интересовъ ¹⁾.

По смерти Изяслава номинально кіевскимъ княземъ по прежнему оставался Вячеславъ, но и населеніе и онъ самъ, вѣроятно, сознавали необходимость соправителя. Относительно выбора преемника Изяславу затрудненія не было; еще при жизни его Вячеславъ усыновилъ Ростислава, и населеніе Кіевской земли заявляло Юрію: „князь нашъ Вячьславъ, Изяславъ и Ростиславъ“ ²⁾. Ростислава въ Кіевѣ не было въ моментъ смерти Изяслава, и за нимъ тотчасъ послали.

¹⁾ Объ Изяславѣ см. еще Карамзина II с. 160, Соловьева II с. 77 и Ист. отнош. с. 193—4; оригинальна характеристика Зубрицкаго (II с. 93): онъ принялъ въ расчетъ лишь отрицательныя качества Изяслава (я даже не только его личныя, но и общіе недостатки того времени); конечно, характеристика вышла очень недоброжелательная и односторонняя.

²⁾ Ипат. с. 298, 300.

Въ это время прибылъ къ кievскому перевозу Изяславъ Давыдовичъ; услыхавъ о смерти Изяслава, онъ, очевидно, хотѣлъ попробовать, не удастся ли, пользуясь этимъ переходнымъ временемъ, самому усѣсться въ Кіевѣ. Вячеславъ встрѣтилъ его нелюбезно: „по што еси приѣхалъ и кто тя позвалъ? їди же у свой Черниговъ“. Изяславъ Давыдовичъ увѣрялъ, что онъ хочетъ только оплакать гробъ Изяслава Мстиславича, но это похвальное намѣреніе показалось подозрительнымъ Вячеславу, и онъ, посовѣтовавшись съ Мстиславомъ Изяславичемъ и „съ мужьми“, не пустилъ въ Кіевъ Изяслава ¹⁾. Этотъ фактъ, очевидно, обезпокоилъ Вячеслава и кievлянъ; дѣло въ томъ, что отношенія сѣверскихъ князей въ послѣднее время измѣнились: еще при жизни Изяслава (1153 г.) состоялся тѣсный союзъ между представителями двухъ вѣтвей ихъ—Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ ²⁾; вѣроятно, Святославичи соскучились своею ролью подручниковъ Мономаховичей, желали сообща дѣйствовать въ свою пользу и при удобномъ случаѣ возобновить притязанія на кievскій столъ, поднятыя Всеволодомъ Ольговичемъ. Чтобы помѣшать этой коалиціи, Вячеславъ, конечно съ вѣдома и совѣта Мстислава и бояръ, входитъ въ сношенія со Святославомъ Всеволодовичемъ и призываетъ его постеречь Кіевъ до прихода Ростислава, называя его любимымъ сыномъ Ростислава и своимъ и подавая надежду на хорошее вознагражденіе. Святославъ, тайкомъ отъ дядей, дѣйствительно явился въ Кіевъ. Тогда Изяславъ Давыдовичъ и Святославъ Ольговичъ послали къ Юрію, приглашая его въ Кіевъ и обѣщая свое содѣйствіе ³⁾; думается, что такимъ образомъ они желали возобновить усобицы среди Мономаховичей, которыми надѣялись воспользоваться въ своихъ интересахъ.

Ростиславъ между тѣмъ прибылъ въ Кіевъ; „Кияне же вси изидоша с радостію великою противу своему князю; и тако быша ради ему вси, и вся Руская земля, и вси Чернии Клобуци обрадовашася“. Ростиславъ не медля явился на поклонъ къ Вячеславу, и между ними состоялся такой же рядъ, какой существовалъ раньше между Вяче-

¹⁾ Ипат. с. 323, Лавр. 321; См. Ист. Сѣв. з. П. В. Голубовскаго с. 138.

²⁾ Ипат. с. 320.

³⁾ Ипат. с. 323—324, 329.

славомъ и Изяславомъ: Ростиславъ обязывался имѣть Вячеслава отцемъ и „честь на немъ держать“, а Вячеславъ предоставлялъ ему участвовать въ управленіи и распорядиться его „полкомъ и дружиною“. Послѣ этого киевляне „посадили“ Ростислава на киевскомъ столѣ, заключивъ съ нимъ также рядъ: „яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Киевъ твой“ ¹⁾. Послѣднія слова очень любопытны: они показываютъ въ киевлянахъ твердое намѣреніе устранить Юрія отъ киевскаго стола наперекоръ родовымъ счетамъ; киевское населеніе такимъ образомъ шло въ этомъ отношеніи дальше своихъ князей, которые (въ 1149 г.) обязывали Юрія не искать Кіева только подъ Вячеславомъ и подъ Изяславомъ ²⁾. Святославъ Всеволодовичъ за свой переходъ на сторону Ростислава получилъ отъ него Туровъ и Цинскъ ³⁾.

Такъ вокняжился Ростиславъ — всего впрочемъ на нѣсколько дней. Необходимо было не медля начать борьбу съ противниками. Глѣбъ Юрьевичъ съ половцами шелъ на Переяславль — его удалось отбить. Ростиславъ, очевидно, зналъ также о сношеніяхъ сѣверскихъ князей съ Юріемъ; онъ рѣшилъ предупредить ихъ соединеніе и до прихода Юрія раздѣлаться съ Изяславомъ Давыдовичемъ: „любо и проженемъ, любо примиримъ к собѣ“. Ростиславъ стоялъ уже за Днѣпромъ противъ Вышгорода, поджидая дружину, какъ неожиданное извѣстіе заставило его возвратиться: Вячеславъ, пируя со своею дружиною, своропостыжно скончался. Похоронивъ его „съ честью великою, с множествомъ народа“ и раздавъ имущество его церквямъ, монастырямъ и нищимъ, Ростиславъ поспѣшилъ снова къ Вышгороду, забравъ остальную дружину Вячеслава. Но на военномъ совѣтѣ, бояре, очевидно киевскіе, хорошо знавшіе настроеніе населенія, совѣтовали ему не итти на Черниговъ, а вернуться въ Кіевъ и „утвердиться съ людьми“ — „да аче стрый придетъ на тя Дюрги, понѣ ты ся с людьми утвердилъ будеши, годно ти ся с нимъ умирити — умиришися, пагы ли а рать зачнеши с нимъ“. Очевидно, они опасались и, конечно, основательно, что въ виду смерти Вячеслава болѣе консер-

¹⁾ Ипат. с. 324, Лавр. с. 325.

²⁾ Ипат. с. 306.

³⁾ Ипат. с. 324.

вативная часть кievскаго населенія, еще вѣрившая въ могущество и святость родовыхъ правъ, будетъ склоняться на сторону Юрія, хотя Ростиславъ и былъ посаженъ на кievскій столъ „до живота“. Необходимо было поѣтому такъ или иначе привлечь на свою сторону населеніе и прочно заручиться его поддержкою для предстоящей борьбы съ Юріемъ. Ростиславъ не послушалъ этого совѣта, двинулся къ Чернигову и предложилъ Изяславу Давыдовичу присягнуть, что онъ признаетъ Ростислава кievскимъ княземъ. Но Изяславъ, призвавъ къ себѣ Глѣба Юрьевича съ половцами и зная, вѣроятно, что самъ Юрій тоже двинулся на югъ, не боялся Ростислава; онъ разыгралъ оскорбленную невинность и отвергъ мирныя предложенія. У Боловоса противники встрѣтились, у Изяслава оказалось войска гораздо больше, Ростиславъ оробѣлъ, завелъ переговоры съ Изяславомъ и не попытавъ даже счастья, отступался въ его пользу отъ Кіева и Переяславля. Мстиславъ Изяславичъ, которому тогда принадлежалъ Переяславль, былъ крайне возмущенъ такимъ поведеніемъ дяди и не дожидаясь конца переговоровъ, ушелъ со своимъ полкомъ; тогда половцы бросились на войско Ростислава, которое отбивалось два дня, но наконецъ обратилось въ бѣгство. Святославъ Всеволодовичъ былъ захваченъ въ плѣнъ половцами, Ростиславъ едва избѣжалъ той же участи; не возвращаясь въ Кіевъ, онъ прямо съ побоища отправился въ Смоленскъ; Мстиславъ Изяславичъ ушелъ въ Луцкъ. Изяславъ Давыдовичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсть себѣ симпатіи кievскаго населенія: онъ выручилъ изъ половецкаго плѣна многихъ кievлянъ и не выдавалъ тѣхъ, которые убѣгали отъ половцевъ въ его города ¹⁾).

Кievская земля осталась такимъ образомъ въ весьма непріятномъ положеніи; Мстиславичи, считая дѣло проиграннымъ, покинули ее на произволь судьбы, и Кіевъ остался вовсе безъ князя, а Изяславъ Давыдовичъ, и что хуже всего — съ половцами, готовъ былъ двинуться на него: „тяжко бѣше Кияномъ“. Но Изяславъ не рѣшился силою брать Кіевъ, а предпочелъ завладѣть имъ мирно, съ согласія самого населенія; роль, которую играло кievское земство въ предшествовавшей борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ, должна была

¹⁾ Ипат. с. 325—327 (Воскр. I с. 61—62), Лавр. 325—326.

поднять его значеніе въ глазахъ князей; Изяславу Давыдовичу предстояло вынести также борьбу съ Юріемъ изъ-за киевскаго стола, и онъ желалъ заручиться сочувствіемъ киевлянъ. Итаетъ Изяславъ предложилъ себя въ князя киевлянамъ— „посла Кияномъ, река: хочю к вамъ поѣхати“. Добровольное признаніе Изяслава княземъ было единственнымъ выходомъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, и киевляне отвѣчали, что признають его своимъ княземъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы половцы не грабили Киевской волости ¹⁾; посломъ киевлянъ былъ Демьянъ, еп. Юрьевскій. Изяславъ вошелъ въ Киевъ и вокняжился. Онъ извѣстилъ объ этомъ Святослава Ольговича, и между ними состоялось соглашеніе, что Изяславъ будетъ княжить въ Киевѣ, а Святославъ сядетъ въ Черниговѣ; Переяславскую волость Изяславъ Давыдовичъ отдалъ Глѣбу Юрьевичу, своему союзнику, надѣясь, быть можетъ, убогаторить этимъ и Юрія; грабежомъ Переяславской волости вознаградили себя другіе союзники Изяслава—половцы ²⁾.

А между тѣмъ Юрій, такъ некстати призванный въ Киевъ Святославичами, уже двинулся изъ своей волости; на дорогѣ узналъ онъ о пораженіи Ростислава, вокняженіи Изяслава въ Киевѣ, а Глѣба въ Переяславлѣ, но уступкою Переяславской волости Юрій не удовлетворился. Онъ направился прежде всего къ волости Ростислава, съ цѣлью запугать его и отбить охоту къ соперничеству. Ростиславъ повинился, и между ними состоялось соглашеніе. Святославъ Ольговичъ, при вѣсти о движеніи Юрія, счелъ дѣло проиграннымъ и предпочелъ принять сторону послѣдняго, онъ выѣхалъ ему на встрѣчу, „ввелъ въ любовь“ къ нему и своего племянника Святослава Всеволодовича, а Изяслава побуждалъ уступить Киевъ Юрію и вернуться на черниговскій столъ. Изяславъ нивакъ не могъ разстаться съ Киевомъ „зане улюбилъ бы Киевъ ему“, но и бороться съ Юріемъ не представлялось возможности: союзниковъ у Изяслава не было, а на поддержку киевскаго населенія не представлялось надежды, лѣтопись не говоритъ даже, чтобы онъ обратился къ нему; киевляне приняли его подъ давленіемъ обстоятельствъ, чтобы избавиться отъ половецкаго

¹⁾ Отвѣтъ киевлянъ въ Ипат. (с. 327), кажется, составленъ изъ двухъ разныхъ редакцій, ср. Лавр. с. 326.

²⁾ Ипат. с. 327—328, Лавр. с. 326.

опустошенія, и не были расположены вступаться за него, хотя бы и противъ нелюбимаго Юрія. Наконецъ, когда Юрій, придвинувшись къ Моравійску, потребовалъ у Изяслава своей отчины — „миѣ отчина Кіевъ, а не тобѣ“, — Изяславъ покорился, просилъ не „створить пакости“ ему и оправдывался тѣмъ, что онъ не самъ занялъ Кіевъ, а посадили его віяне. „Дюрги же милостивъ сый, отда ему гнѣвъ“. 20 марта 1155 г. Юрій вступилъ въ Кіевъ ¹⁾. По словамъ лѣтописи, его приняла „вся земля Руская“ — но эти слова, равно какъ и предшествующій отзывъ о милостивомъ характерѣ Юрія, принадлежатъ его стороннику и не заслуживаютъ довѣрія. Несомнѣнно, были сторонники Юрія среди населенія: одни изъ уваженія къ его родовому старѣйшинству, другіе считали, что Мономаховичъ все-таки лучше Ольговича, притомъ Юрій, какъ болѣе сильный, имѣлъ больше шансовъ утвердиться на столѣ и дать странѣ спокойствіе; но онъ, несомнѣнно, былъ непопуляренъ, и радоваться ему и теперь, какъ и раньше, могла лишь небольшая кучка личныхъ его пріятелей ²⁾.

Юрій, какъ и въ 1148 г., обсажался сыновьями; на этотъ разъ въ Переяславлѣ онъ оставилъ Глѣба, Борису далъ Туровъ, Васильку — Поросье, а Андрея по прежнему посадилъ въ Вышгородѣ. У Мстислава Изяславича была отобрана Пересопница, а вслѣдъ за тѣмъ Юрій задумалъ выгнать Изяславичей (Мстислава и Ярослава) и изъ ихъ отчины — Луцка. Союзникомъ его въ этомъ дѣлѣ явился, кромѣ Ярослава галицкаго, Владиміръ Мстиславичъ, дядя Изяславичей, сидѣвшій тогда во Владимірѣ; лѣтопись не объясняетъ причины такого поступка; Владиміръ могъ опасаться, чтобы племянники не отняли у него стола, или желалъ самъ завладѣть Луцкомъ. Осада Луцка однако окончилась ничѣмъ, и Юрій долженъ былъ отложить свое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что положеніе его становилось паткимъ. Изяславъ Давыдовичъ замышлялъ рать противъ него; онъ подбивалъ и Святослава, но тотъ отказался. А Изяславъ былъ тѣмъ опаснѣе, что онъ могъ навликать половцевъ, которые въ это время не ладили съ Юріемъ. Вскорѣ послѣ вокняженія его въ Кіевѣ они сдѣлали набѣгъ и повоевали Поросье; Васильку съ берендичами догналъ ихъ, много было

¹⁾ 1 Новг. с. 11, Софійск. I с. 193: въ вербную недѣлю; она была 20 марта (Камразинъ II пр. 363).

²⁾ Ипат. с. 328—329, Лавр. с. 326—327.

перебито половцевъ, а нѣкоторые захвачены въ плѣнъ берендичами. Они послѣ того прѣзжали къ Юрію „на снемъ“ къ Каневу и просили о возвращеніи плѣнныхъ, конечно даромъ; Юрій хотѣлъ удовлетворить ихъ, но берендичи обидѣлись, „рекуче: мы (того дѣля) умираемъ за Рускую землю с твоимъ сыномъ и головы своя съкладаемъ за твою честь“. Юрій не рѣшился принудить берендичей и старался задобрить половцевъ подарками, но послѣдніе остались все-таки недовольны и опустошили Переяславскую волость ¹⁾).

При такихъ обстоятельствахъ коалиція Изяслава и Мстиславичей могла быть очень опасна. Поэтому Юрій счелъ необходимымъ сблизиться съ Ростиславомъ и его племянниками и пригласилъ его къ себѣ въ Кіевъ, чтобы вмѣстѣ „удержати Рускую землю“ отъ притязаній Святославичей. Ростиславъ послѣшилъ принять это приглашеніе; онъ отправился въ Кіевъ со своимъ полкомъ, встаети проводилъ и княгиню Юрєву, ѣхавшую къ мужу съ дѣтьми изъ Суздаля. Юрій принялъ его съ великою честью; при посредствѣ Ростислава состоялось примиреніе его съ Изяславичами, а послѣднихъ съ Владиміромъ Мстиславичемъ; Владиміръ и Ярославъ Изяславичъ явились въ Кіевъ со своими полками, а Мстиславъ Изяславичъ остерегся—„река: иметь мя Дюрги“, но былъ принятъ Юріемъ „в любовь“. Вѣроятно, при этомъ состоялось и соглашеніе о передачѣ кіевскаго стола послѣ Юрія Ростиславу, если только оно не подразумѣвалось само собою.

Собравъ столько союзниковъ (прибыла еще помощь и отъ Ярослава галицкаго), Юрій могъ импонировать своимъ противникамъ и заставилъ ихъ смириться. Половцы пришли было цѣлою ордою въ Переяславскую волость „на миръ“, —Юрій пригласилъ ихъ „на снемъ“ въ Каневъ и явился туда со всѣми союзниками; это произвело надлежащее впечатлѣніе: узнавъ о силахъ Юрія чрезъ своихъ посланцевъ, половцы заблагоразсудили въ ту же ночь убраться по добру по здорову. По возвращеніи въ Кіевъ Юрій, посовѣтовавшись съ братією, послалъ къ Изяславу Давыдовичу, предлагая ему превратить враждебные замыслы и угрожая въ противномъ случаѣ походомъ; Изяславъ долженъ былъ отложить свои намѣренія до болѣе удобнаго случая. Послѣ этого Юрій отпустилъ своихъ союзниковъ; въ Лутавѣ на Де-

¹⁾ Ипат. с. 329—330, Лавр. с. 327--8, Никон. I с. 203.

снѣ произошелъ сѣздъ Юрія со Святославомъ Ольговичемъ и Изяславомъ Давыдовичемъ, послѣдніе уладились съ нимъ и получили по городу: Изяславъ—Корчеськъ, а Святославъ—Мозырь; вскорѣ послѣ этого Глѣбъ Юрьевичъ женился на дочери Изяслава. Такимъ образомъ Юрію удалось уладить свои дѣла, „и бысть тишина въ Русьстемъ земли“¹⁾. Пользуясь этимъ, Андрей Юрьевичъ тайкомъ ушелъ изъ Вышгорода, соскучившись за сѣверомъ: „яко тамо, рече, покойнѣе есть“²⁾; при этомъ онъ унесъ и икону Богородицы—впослѣдствіи знаменитую Владимірскую. Непрїатели Юрія были заняты своими домашними дѣлами: Мстиславъ Изяславичъ отнялъ Владиміръ у своего дяди, а Изяславъ Давыдовичъ занялся усмиреніемъ своего племянника, который захватилъ у него подесенскіе города и вступилъ въ сношенія съ Ростиславомъ Смоленскимъ. Юрій въ это время заключилъ наконецъ миръ и съ половцами, кажется при посредствѣ Святослава Ольговича и Изяслава Давыдовича; „снемъ“ произошелъ у Заруба, и вслѣдъ затѣмъ половцы отправились укрощать племянника Изяслава Давыдовича³⁾.

Волинскою усобицею Мстиславичей Юрій задумалъ воспользоваться для того, чтобы захватить для своего племянника Владиміра Андреевича Владимірскую волость, гдѣ нѣбогда сидѣлъ его отецъ: онъ обѣщаль послѣднему заботиться о его снѣ и самому Владиміру обѣщаль эту волость. Но походъ на Изяславичей былъ не удаченъ, Юрій вернулся ни съ чѣмъ и далъ Владиміру взаменъ погорынскіе города.

Когда Юрій такимъ образомъ снова разсорился съ волинскими Мстиславичами, Изяславъ Давыдовичъ, помирившись со своими племянниками, рѣшилъ воспользоваться измѣнившимися обстоятельствами и началъ опять „рать замышляти“ на Юрія. Святославъ Ольговичъ отказался присоединиться къ нему, ссылаясь на крестное цѣлованіе, за то Изяславъ заручился союзомъ Мстислава Изяславича и Ростислава. Что побудило послѣдняго стать на сторону Изяслава, трудно сказать; интересы его и Изяслава были совершенно различны: Ростис-

¹⁾ 1 Новг. с. 11.

²⁾ Никон. I с. 204.

³⁾ Ипат. с. 330—334, Лавр. с. 328—329.

славъ былъ естественный преемникъ Юрія, Изяславъ становился ему поперекъ дороги; можетъ быть впрочемъ, Ростиславъ имѣлъ въ виду только произвести на Юрія давленіе въ своихъ видахъ и не желалъ его сгонять со стола, а можетъ быть былъ раздраженъ и за своихъ племянниковъ, какъ полагаетъ Соловьевъ ¹⁾. Онъ отрядилъ своего сына Романа на югъ съ полкомъ, Мстиславъ двинулся изъ Владиміра, Изяславъ собирался идти изъ Чернигова; эта коалиція была тѣмъ грознѣе для Юрія, что Ростиславъ передъ тѣмъ заключилъ тѣсный союзъ съ рязанскими князьями ²⁾. Изъ этого затруднительнаго положенія вывела Юрія смерть: Юрій пилъ у осменика Петра, захворалъ и проболѣвъ пять дней, скончался въ ночь подъ 16 мая 1158 г. Какъ обыкновенно бывало при кончинѣ нелюбимыхъ князей, въ Кіевѣ начались беспорядки: были разграблены дворцы Юрія, дворъ Василька Юрьевича; въ городахъ и по селамъ избивали приведенныхъ Юріемъ суздальцевъ и грабили ихъ имущество ³⁾.

Юрій во многихъ отношеніяхъ былъ противоположностью Изяславу Мстиславичу ⁴⁾; эти два несходные характера, несомнѣнно, отнѣняли другъ друга въ представленіи общества, и если недостатки Изяслава закрывались многими симпатичными его свойствами, то антипатичныя черты характера его соперника представлялись въ рѣзкомъ, даже преувеличенномъ видѣ. Юрій отличался своекорыстіемъ и эгоизмомъ и совершенно лишенъ былъ благородства (хоть и относительно) своего соперника; лѣтопись сообщаетъ, на примѣръ, какъ онъ оставилъ во время опасности своего союзника Святослава, намѣренъ былъ выдать Ярославу галицкому „на убійство“ своего подручника Ивана Берладника ⁵⁾. Онъ не отличался ни смѣлостью, ни дальновидностью, ни талантами полководца, ни государственнымъ умомъ;

¹⁾ Ист. Россіи II с. 184; въ Ист. отнош. (с. 202) онъ предполагалъ, что Ростиславъ и Мстиславъ предоставляли по договору Кіевъ Изяславу.

²⁾ Ипат. с. 331—2; Иловайскій Ист. Ряз. кн. с. 31.

³⁾ Ипат. с. 334—336, Лавр. с. 329—330; Аристовъ (Промышлен. дрез. Руси с. 175) считалъ этихъ суздальцевъ купцами, но то были, несомнѣнно, дружинники Юрія.

⁴⁾ Характеристика Юрія у Татищева въ т. III с. 103; онъ обвиняетъ Юрія въ преданности удовольствіямъ и разврату и это обвиненіе проводитъ очень настойчиво (ср. с. 67, 68, 89, 91, 97, 102). См. еще характеристику Карамзина II с. 166—167, Корсакова—Меря и Ростовск. кн. с. 74—75.

⁵⁾ Ипат. с. 316, 385.

онъ любилъ выжидать, дѣйствовать чужими руками; его успѣхи въ борьбѣ съ Изяславомъ объясняются выгодными условіями его положенія: сосѣди Изяслава—Святославъ Ольговичъ и галицкіе князья были его постоянными союзниками, Суздальская волость доставляла ему значительныя военныя средства, а ея отдаленность и географическое положеніе гарантировало Юрію безопасность въ случаѣ неудачъ. Войнажившись въ Кіевѣ, онъ не успѣлъ привязать къ себѣ населеніе, не извѣстно даже такихъ попытокъ съ его стороны; наводнивъ кіевскую область суздальцами, онъ долженъ былъ неминуемо возбудить нерасположеніе кіевского боярства; низшее населеніе также имѣло свои счеты съ нимъ. Что еще должно было сильнѣйшимъ образомъ возбудить нелюбовь къ нему, это его союзъ съ половцами; любопытнѣй фактъ, сообщенный лѣтописью: во время похода Юрія на Кіевъ 1151 г. въ его войскѣ находился сынъ Боняка—Севенчъ, который похвалялся „сѣчи в Золотая ворота, якоже и отецъ“ его, но былъ убитъ во время приступа ¹⁾; очевидно, кіевляне обратили вниманіе на это дѣйствительно любопытное обстоятельство, что сынъ шелудиваго хищника, который такъ „дався в знаки“ Кіеву, съ которымъ такъ долго боролся Мономахъ, явился союзникомъ Мономахова сына. Въ качествѣ союзниковъ половцы не разъ вступали на кіевскую территорію и, конечно, разорали ее по своему обыкновенію; кромѣ того мы находимъ, частью въ Кіевской лѣтописи, частью въ позднѣйшемъ Никоновскомъ сводѣ, нѣсколько извѣстій о половецкихъ вторженіяхъ въ русскія волости—такъ подѣ 1149 г. сообщается о взятіи Торшина и разореніи окрестныхъ сель; зимою 1150 г. (когда Юрій опять сидѣлъ въ Кіевѣ) „приходиша Половци въ Русь, и много зла сотворивши идоша во свояси“; подѣ 1155—опять въ княженіе Юрія—упомянутый уже набѣгъ половцевъ на Поросье. Въ послѣднемъ случаѣ Юрій въ своихъ видахъ оказалъ явную потачку половцамъ, когда они просили возвращенія плѣнныхъ ²⁾.

Изяславъ Давыдовичъ находился еще въ Черниговѣ и собирался выступать, когда къ нему „приѣхаша Кияне, рекуче: поѣди, княже,

¹⁾ Ипат. с. 299.

²⁾ Ипат. с. 329 и 330, Никон. I с. 182—3, 185, Татищевъ III с. 13, 37.

Киеву, Гюрги ты умерлъ;“ эти гонцы были, какъ видно, посланы въ Черниговъ тотчасъ по смерти Юрія ¹⁾; послала ихъ, по всей вѣроятности, черниговская партія, можетъ быть вмѣстѣ съ богатыми киевлянами, которыхъ могло испугать движеніе бѣднѣйшаго населенія противъ суздальцевъ; вѣче же не имѣло поводовъ заявлять особенное усердіе къ Изяславу, тѣмъ болѣе, что оно еще не знало, какъ отнесутся къ вопросу о киевскомъ столѣ Ростиславъ и Мстиславъ ²⁾. Обстоятельства сложились неожиданно самымъ выгоднымъ для Изяслава образомъ, онъ поспѣшилъ въ Кіевъ, и киевскому населенію не оставалось ничего другого, какъ посадить его вторично на столѣ, что оно и сдѣлало ³⁾.

Каковы бы не были виды Мономаховичей, они не протестовали при военяженіи Изяслава. Напротивъ, Мстиславъ помогаетъ Изяславу въ его столеновеніи съ Святославомъ Ольговичемъ. Изяславъ Давыдовичъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Мстиславичами ходитъ добывать Туровъ для Владиміра Мстиславича, оставшагося безъ волости, послѣ того какъ Мстиславъ Изяславичъ отнялъ у него Владиміръ. Со Святославомъ Ольговичемъ Изяславъ столкнулся изъ-за Черниговской волости, которую онъ хотѣлъ удержать за собою; дѣло улажено было мирно, Изяславъ уступилъ черниговскій столѣ, сохранивъ часть волости за собою или своимъ племянникомъ Святославомъ Владиміровичемъ; Новгородъ Сѣверскій перешелъ къ Святославу Всеволодичу. Походъ на Туровъ, которымъ завладѣлъ Юрій Ярославичъ, внукъ Святополка Изяславича, отнявъ его, вѣроятно, у Бориса Юрьевича ⁴⁾, былъ неудаченъ, и позже мы видимъ Владиміра Мстиславича въ Кіевѣ у Изяслава. „Сотворилъ миръ“ Изяславъ и съ половцами, которые пришли на „снемъ“ къ Каневу и были ублажены ⁵⁾.

¹⁾ Юрій умеръ въ ночь подъ 16 мая, а 19 Изяславъ уже вступилъ въ Кіевъ.

²⁾ Иначе думалъ Соловьевъ (II с. 186): „это посольство отъ киевлян служитъ доказательствомъ, что они знали о намѣреніи союзниковъ и были готовы къ принятію Давыдовича“; Карамзинъ (II с. 167) тоже полагалъ, что киевляне желали Изяслава; но съ такимъ предположеніемъ трудно согласовать предшествующія и послѣдующія отношенія киянъ къ Изяславу: они не оказываютъ ему никакой поддержки.

³⁾ Ипат. с. 336, 1 Новг. с. 12.

⁴⁾ Соловьевъ II с. 195.

⁵⁾ Ипат. с. 336—338.

Такимъ образомъ въ Южной Руси на нѣкоторое время водворилось спокойствіе; однако отношенія не отличались прочностью и искренностью. Любопытно, что въ походѣ на Туровъ Мстиславъ Изяславичъ не участвовалъ; это можно объяснить нерасположеніемъ Мстислава въ своему дядѣ, котораго онъ лишилъ волости ¹⁾, но въ такомъ случаѣ и дружба Изяслава съ Владиміромъ Мстиславичемъ являлась уже какъ бы вызовомъ Мстиславу, вызовомъ, на который едва ли бы рѣшился Изяславъ самъ собою. Вѣроятно, онъ еще раньше замѣтилъ нерасположеніе со стороны Мстислава; послѣдній, напримѣръ, могъ рассчитывать на удѣлъ въ Кіевской волости за свое содѣйствіе Изяславу и гнѣваться, не получивъ желаемого. Старанія Изяслава добыть волость Владиміру получаютъ тогда иное освѣщеніе: онъ желалъ приобрѣсть союзника противъ Мстислава; но такъ какъ предлогъ похода на Туровъ былъ очень благовиденъ, то неудивительно, что нѣкоторые Мстиславичи помогали Изяславу. И Ольговичи все еще были недовольны на Изяслава за то, что онъ удержалъ часть Черниговской волости ²⁾.

Натянутость отношеній обнаружилась при столкновеніи Изяслава съ Ярославомъ Осмомысломъ галицкимъ. Изяславъ имѣлъ какіе-то планы относительно Галича; еще при жизни Юрія онъ перехватилъ на дорогѣ галицкаго претендента Ивана Берладника, когда Юрій отправилъ его изъ Кіева въ Суздаль въ заточеніе; потомъ онъ держалъ его у себя въ Кіевѣ. Вѣроятно, Изяславъ думалъ подчинить своему вліянію Ярослава, пугая его претендентомъ ³⁾; это было очень важно для Изяслава, такъ какъ союзъ съ Ярославомъ далъ бы ему могущественное орудіе противъ Мстислава Изяславича и прочихъ волынскихъ Мстиславичей, но расчетъ оказался неудачнымъ. Правда, Ярославъ нѣкоторое время, кажется, дружилъ съ Изяславомъ, по крайней мѣрѣ прислалъ вспомогательный отрядъ для похода на Туровъ, но замѣтивъ, что среди вязыей существуетъ нерасположеніе къ Изяславу, онъ вмѣсто заискиваній сталъ добиваться выдачи Берладника. Къ Изяславу въ Кіевъ явился галицкій посолъ вмѣстѣ съ послами Рос-

¹⁾ Соловьевъ I. с.

²⁾ Ипат. с. 341, 343.

³⁾ См. Зубрицкаго II с. 97 и у П. В. Голубовскаго—Ист. Сѣв. з. с. 141—142.

тислава Мстиславича, Мстислава и Ярослава Изяславичей, Владиміра Андреевича, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича, угорскаго короля и польскихъ князей: всѣхъ ихъ подмодвилъ Осмомысль, „да быша ему были помощники на Ивана“, и всѣ они поддерживали требованіе его — выдать Берладника. Изяславъ выказалъ не малую твердость и отказалъ, но Берладникъ, „уполошивъся“, уѣхалъ „в поле“; съ помощью половцевъ онъ началъ грабить галичанъ, промышлявшихъ рыболовствомъ на Дунаѣ, попытался завладѣть Понизьемъ, но попытка была неудачна, несмотря на сочувствіе къ нему простого народа, и Изяславъ Давыдовичъ пригласилъ его обратно въ Кіевъ ¹⁾).

Ярославъ Осмомысль былъ обезпокоенъ и раздраженъ такимъ поведеніемъ Изяслава; онъ заключаетъ союзъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, и вмѣстѣ съ ними готовитъ рать на Кіевъ. Вѣроятно, Ярославъ предложилъ Мстиславу выгнать изъ Кіева Изяслава; ему тѣмъ легче было побудить къ походу Мстислава, что послѣднему также было бы невыгодно, если бы Изяславъ посадилъ въ Галичъ своего клеветы — Берладника. Опасность заставила Изяслава помириться съ Святославомъ Ольговичемъ; онъ предложилъ за содѣйствіе Мозырь и Чичерскъ, Святославъ отвѣтилъ, что онъ и безъ того готовъ ему помогать: общность интересовъ взяла такимъ образомъ верхъ надъ несогласіями; у Лутавы состоялся съѣздъ сѣверскихъ князей, на которомъ была утверждена „любовь велика“. По словамъ лѣтописи, Изяславъ далъ знати объ этомъ Мстиславу и Ярославу Галицкому; это извѣстіе, дѣйствительно, удержало ихъ на время отъ похода, но не измѣнило положенія дѣлъ. Изъ Владиміра къ Изяславу приходили вѣсти, что союзники собираются итти на Кіевъ ²⁾, а изъ Галича народная партія призывала Берладника, обѣщая отступить отъ Ярослава. Изяславъ счелъ за лучшее итти въ Галичъ, чѣмъ ожидать нападенія, сидя въ Кіевѣ, и обратился за помощью

¹⁾ Ипат. с. 341; Зубрицкій полагалъ, что этотъ походъ на Понизье былъ предпринятъ Берладникомъ по совѣту Изяслава (II с. 100).

²⁾ Ср. Густин. л. с. 306: „ѡанъ (Берладникъ) прїѣде въ Кіевъ ко Изяславу, проса у него помощи на Ярослава, и повѣда, яко Ярославъ не токмо мене прогна волости ради, но и Кіевъ хоцетъ подъ тобою вяти: уже бо ся на то согласилъ со Мстиславомъ Изяславичомъ и Ростиславомъ Мстиславичомъ, и прочіими князи, и королемъ Полскимъ“.

къ Ольговичамъ, но Святославъ настойчиво совѣтовалъ ему отказаться отъ наступательной войны въ пользу чуждаго претендента, и только въ случаѣ нападенія противниковъ обѣщаль помощь. Изяславъ не отказался отъ своего намѣренія, пригрозилъ выгнать Святослава изъ Чернигова за отказъ въ помощи, и между ними произошелъ новый разрывъ. Изяславъ остался такимъ образомъ безъ союзниковъ; онъ отправилъ своего племянника Святослава за „дивными половцами“, а самъ двинулся по направленію къ Галичу; у Мунарева онъ остановился, ожидая половцевъ, но услышавъ, что Мстиславъ съ братомъ Ярославомъ, Владиміромъ Андреевичемъ и галицкимъ полкомъ идетъ уже къ Кіеву, отступилъ назадъ, не рѣшаясь встрѣтить ихъ безъ половцевъ. Мстиславъ между тѣмъ подошелъ къ Бѣлгороду, населеніе приняло его въ городъ. Изяславъ, дождавшись половцевъ, началъ осаду; осажденные упорно отбивались, а между тѣмъ у нихъ начались сношенія съ берендичами, находившимися въ войскѣ Изяслава. Нѣкоторые изъ черноколубцевыхъ старшинъ, пользовавшіеся расположеніемъ покойнаго Изяслава Мстиславича, предложили свои услуги его сыну, подъ условіемъ, что онъ будетъ ихъ держать въ милости и дастъ „по городу лепшему“. Мстиславъ принялъ эти условія, черные клобуки измѣнили Изяславу, зажгли ночью станъ и съ крикомъ помчались къ Бѣлгороду. Изяславъ такъ былъ этимъ обезкураженъ, что немедленно бѣжалъ. Не рассчитывая, какъ видно, на хорошей пріемъ въ Кіевѣ, онъ направился въ Вышгородъ и отсюда въ Гомель. Половцы въ такой же паникѣ бросились къ Юрьеву, тамъ много ихъ побрали юрьевцы и черные клобуки, много утонуло при переправѣ. Мстиславъ свободно отправился къ Кіеву и вступилъ въ него 22 декабря 1158 г. Тутъ получилъ онъ богатую добычу: вслѣдствіе неожиданности дружина Изяслава бѣжала, не успѣвъ захватить своего имущества; Мстиславъ конфисковалъ и препроводилъ его въ свой Владиміръ ¹⁾.

Завладѣвъ Кіевомъ, Мстиславъ однако не рѣшился оставить его за собой; онъ и не имѣлъ этого въ виду: если отецъ его едва успѣлъ въ Кіевѣ, то Мстиславу, у котораго соперниковъ было еще боль-

¹⁾ Ипат. л. с. 341—4, Лавр. с. 831.

ше, а средствъ гораздо меньше, нечего было и думать теперь объ этомъ; Ростиславъ, Андрей Юрьичъ, Изяславъ Давыдовичъ, даже Святославъ Ольговичъ, Владиміръ Мстиславичъ — все это были претенденты; на помощь же Ярослава галицкаго въ будущемъ рассчитывать было нечего: не въ его интересахъ было хлопотать объ усиленіи ближайшаго сосѣда. Еще только отправляясь на Изяслава, Мстиславъ и его родичи извѣстили Ростислава, что ищутъ кіевскаго стола для него; теперь изъ Кіева было отправлено къ нему въ Смоленскъ посольство съ предложеніемъ явиться на столъ. Весьма возможно, что Мстиславъ, по примѣру отца, рассчитывалъ при этомъ сохранить за собою управленіе Кіевскою волостью, предоставивъ лишь пустой титулъ Ростиславу ¹⁾, но послѣдній не особенно, повидимому, льстился на титулъ кіевскаго князя и оказался не такимъ стоворчивымъ, какъ Вячеславъ. Онъ отвѣчалъ, что сядетъ въ Кіевѣ, но „на свою волю“ и подѣ условіемъ, если его хотятъ искренно, будутъ повиноваться, какъ отцу. Къ этому присоединились еще несогласія изъ-за митрополита Клима, которому Мстиславъ хотѣлъ возвратить кафедру; по этому поводу между Мстиславомъ и Ростиславомъ были „тяжкія рѣчи“, но въ концѣ концовъ несогласіе было улажено, рѣшено было привести изъ Цареграда новаго митрополита, и Ростиславъ, поддержавъ свое достоинство предъ племянниками, отправился на кіевскій столъ. Въ самый день Пасхи онъ вступилъ въ Кіевъ (1159 г.); кіевляне приняли его „с достохвальною честью“, „и бысть людемъ двоя радость, и въскресеніе Господне и княже сѣдненіе“. Въ Смоленскѣ Ростиславъ посадилъ старшаго сына—Романа, другой сынъ, Рюрикъ, жилъ въ Кіевѣ, подѣ рукою у отца; Мстиславъ Изяславичъ тогда же, вѣроятно, получилъ въ удѣлъ кіевскіе пригороды: Бѣлгородъ, Торческъ и Треполь ²⁾.

Изяславъ Давыдовичъ между тѣмъ очутился въ весьма неудобномъ положеніи. Гнѣваясь на Святослава Ольговича за то, что тотъ не поддержалъ его въ борьбѣ съ Мстиславичами, онъ отнялъ у него область вятичей—это заставило Святослава сблизиться съ Ростисла-

¹⁾ Ср. Соловьева II с. 199.

²⁾ Ипат. с. 341—345, Лавр. с. 381, 1 Новгор. с. 12—13. Кіевскіе пригороды во власти Мстислава видимъ въ 1161 г. (Ипат. с. 355 и 357), но получилъ онъ ихъ, вѣроятно, еще въ 1159 г.

вомъ. Новые союзники съѣхались въ Моравійскѣ, и между ними была великая любовь; Ростиславъ послѣ этого дѣятельно помогаетъ Свято-славу въ борьбѣ его съ Изяславомъ; Ярославъ галицкій изъ своихъ видовъ также поддерживаетъ Святослава и вмѣстѣ Ростислава. Когда Изяславъ попытался вернуть себѣ Черниговъ, на помощь Святославу явился Рюрикъ Ростиславичъ съ кievскимъ полкомъ и галицкая помощь, и Изяславъ былъ отбитъ; послѣ того полки: кievскій, смоленскій и галицкій ходили на Святослава Владиміровича, принуждая его отступить отъ Изяслава. Послѣдній въ этой борьбѣ пользуется помощью половцевъ, затѣмъ входитъ въ сношенія съ Андреемъ Юрьевичемъ ¹⁾. Въ связи съ этой же борьбою, кажется, стоитъ взятіе Олешня берладниками: вѣроятно, Иванъ Берладникъ желалъ помочь своему покровителю этою диверсією ²⁾.

Союзъ со Святославомъ былъ очень полезенъ Ростиславу, но эта дружба возбуждала сомнѣніе и даже неудовольствіе у кievскаго населенія. Отправляя на помощь Святославу Рюрика съ кievскимъ полкомъ, Ростиславъ принужденъ былъ взять къ себѣ въ качествѣ заложника сына Святослава — Всеволода, „увѣряя Кияны и Берендѣй, баху бо не вѣрующе (ему) за свое зъгрѣшеніе“ (вѣроятно, тутъ разумѣется убіеніе Игоря Ольговича); должно быть, кievскій полкъ не рѣшался и отправиться въ Черниговъ безъ этого обезпеченія: слишкомъ ужъ недавно тотъ же Святославъ съ братією заманивалъ къ себѣ Изяслава Мстиславича съ цѣлю убить его и всѣхъ киянъ искоренить, какъ увѣрялъ ихъ этотъ послѣдній ³⁾. И среди приближенныхъ Ростислава и Святослава было не мало противниковъ этого союза, которые всѣми силами старались его разстроить; Татищевскій сводъ объясняетъ, что вельможи эти были подкуплены ⁴⁾; это возможно, но и помимо подкуповъ союзъ долженъ былъ найти многихъ противниковъ.

Вѣроятно, съ цѣлю разубѣдить кievлянъ относительно Ольговичей, Ростиславъ пригласилъ къ себѣ въ Кіевъ Олега Свято-

¹⁾ Ипат. с. 345—349, Лавр. с. 331—333.

²⁾ Ипат. с. 346; ср. Зубрицкій II с. 108, Шараневичъ op. с. с. 51.

³⁾ Ипат. с. 246.

⁴⁾ Ист. Рос. III с. 128.

славича — „ать познаеть Кияны лѣпшия, и Берендичѣ, и Торкы“. Святославъ охотно отпустилъ сына, который былъ радушно принятъ Ростиславомъ, но чрезъ нѣсколько дней одинъ изъ приближенныхъ Ростислава, встрѣтивъ Олега на охотѣ, сообщилъ ему подъ секретомъ, будто Ростиславъ хочетъ его схватить. „Ростиславъ же не имѣяше лиха въ сердци, но злии челоуѣци, не хотяче добра межи братьею видити, тако створиша“, замѣчаетъ лѣтописецъ ¹⁾; среди этихъ „злыхъ людей“, кромѣ сторонниковъ Изяслава Давыдовича ²⁾, могли быть и приверженцы Мстислава Изяславича, который имѣлъ поводъ опасаться, что Олегъ, устроивъ связи съ вліятельными киевлянами и клобуками, явится ему въ будущемъ опаснымъ соперникомъ. Можетъ быть, въ связи съ этимъ неудовольствіемъ и интригами противъ союза съ Ольговичами стояла и та „крамола“, за которую Ростиславъ посажалъ въ заключеніе многихъ киянъ, освобожденныхъ потомъ Изяславомъ Давыдовичемъ ³⁾.

Наговоръ оказалъ свое дѣйствіе, Олегъ Святославичъ подъ вымышленнымъ предлогомъ уѣхалъ изъ Кіева, раздраженный и противъ отца и противъ Ростислава, и присоединился къ Изяславу; вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ то же и Святославъ, уступивъ наконецъ настояніемъ своихъ приближенныхъ, доказывавшихъ, что союзъ съ Ростиславомъ для него разорителенъ, и что Ростиславъ будто бы сносится съ Изяславомъ и предлагаетъ ему Черниговъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось; Изяславъ началъ борьбу уже прямо за кіевскій столъ. Соединившись съ Ольговичами (самъ Святославъ впрочемъ не пошелъ въ походъ) и пригласивъ половцевъ, онъ отправился къ Кіеву, но по дорогѣ свернулъ къ Переяславлю, приглашая итти съ собой Глѣба Юрьевича, сидѣвшаго тамъ. Двѣ недѣли потерялъ Изяславъ въ напрасныхъ переговорахъ съ нимъ, а тѣмъ временемъ Ростиславъ успѣлъ собрать „воя многа“ и пошелъ ему на встрѣчу. Изяславъ надѣялся, вѣроятно, за-

¹⁾ Ипат. с. 351.

²⁾ Ср. Татищева III с. 129, Ист. Сѣвер. з. Д. И. Багалѣя с. 225.

³⁾ Воскр. I с. 74: „и опроста всѣхъ Киянъ, ихже бѣ поималъ Ростиславъ въ крамола“, а въ Ипат. с. 353: „всімъ дастъ прощенье Кияномъ, ихже бяху изомали“—выходитъ, какъ будто, что это не были сторонники Изяслава Давыдовича: послѣднимъ не зачѣмъ было бы давать прощенье. Соловьевъ разумѣлъ здѣсь тѣхъ киевлянъ, которые участвовали въ оборонѣ Кіева (1161 г.) и были захвачены въ плѣнъ войскомъ Изяслава (II пр. 302).

стать его врасплохъ и теперь услышавъ, что Ростиславъ уже въ Треполѣ, не рѣшился встрѣтить его и бѣжалъ, а половцы ушли въ степь. Переждавъ нѣкоторое время, Изяславъ снова собралъ своихъ союзниковъ и съ большимъ отрядомъ половцевъ двинулся опять на Кіевъ, уже съ сѣвера; перейдя Днѣпръ по льду за Вышгородомъ — въ другихъ мѣстахъ Днѣпръ еще не сталъ (это было въ началѣ февраля 1161 г.), онъ пошелъ къ Кіеву. На этотъ разъ ему удалось застать Ростислава дѣйствительно врасплохъ: къ нему не успѣли еще притти вспомогательные отряды Мстиславичей, и даже черныхъ клобуковъ пришла только часть ¹⁾. Изяславъ сдѣлалъ приступъ къ Подолью; Ростиславъ съ Владиміромъ Андреевичемъ защищалъ городское „столпье“; послѣ жестокой схватки, которая напомнила кіевлянамъ второе пришествіе, Изяславъ началъ одолѣвать, половцы просѣкали палисадъ и врывались въ городъ, зажигая дома; берендичи бросились бѣжать. По совѣту дружины ²⁾, Ростиславъ очистилъ Кіевъ и со своими полками отступилъ къ Бѣлгороду, чтобы подождать вспомогательныхъ отрядовъ; вслѣдъ за тѣмъ—12 февраля 1161 г.—вступилъ въ Кіевъ Изяславъ Давыдовичъ, въ третій и послѣдній разъ; поклонился св. Софіи, велѣлъ освободить всѣхъ кіянъ, заключенныхъ Ростиславомъ, и вслѣдъ затѣмъ выступилъ къ Бѣлгороду. Съ его вступленіемъ въ Кіевъ, по словамъ лѣтописца, совпало весьма странное лунное затмѣніе: на лунномъ дискѣ усматривали „яко два ратьная сѣкущеса мечема“, и старые люди заключили, что это знаменіе предвѣщаетъ князю смерть—такъ оно и вышло ³⁾.

Изяславъ обступилъ Бѣлгородъ; осада продолжалась около трехъ недѣль ⁴⁾; Святославъ Ольговичъ совѣтовалъ ему мириться съ Ростиславомъ, отступить даже безъ мира за Днѣпръ, но Изяславъ не хотѣлъ сдаваться на милость Ростислава и Святослава: „братья моя воротившеса пойдуть у волость свою, а мнѣ ся воротити—в Половци не могу ити, а у Выри не могу голодомъ мерети, а лѣпле хочу сдѣ уме-

¹⁾ Никон. (I с. 218) прибавляетъ, что Ростиславъ не рѣшался защищаться, но дружина его побудила къ тому.

²⁾ По Никон. (I. с.) совѣтъ подавъ тысяцкій кіевскій Жирславъ Андреевичъ.

³⁾ Ипат. с. 351—353.

⁴⁾ По лѣтописи (Ипат. с. 354)—4 недѣли, но это вычисленіе не совпадаетъ съ числами, которыя сообщаетъ та же лѣтопись.

рети“, отвѣчалъ онъ Святославу и продолжалъ осаду. Тѣмъ временемъ Мстиславъ съ волынскимъ полкомъ, вспомогательнымъ отрядомъ галичанъ и черными клобуками, присоединившимся на пути, двинулся въ Бѣлгороду. Половцы замѣтили приближеніе великой рати и извѣстили Изяслава; послѣдній растерялся и не дождавшись прихода этой рати, бросился бѣжать. Ростиславъ вышелъ изъ Бѣлгорода и соединившись съ пришедшими подкрѣпленіями, отправился слѣдомъ за Изяславомъ; черные клобуки догнали Изяславовы полки, начали избивать и хватать ратниковъ. Изяславъ также былъ настигнутъ, сбить съ коня и израненъ, едва живого подняли его и отослали въ фамильный монастырь св. Симеона; въ тотъ же день онъ скончался (6 марта 1191 г.); тѣло его было затѣмъ отвезено въ Черниговъ ¹).

Таковъ былъ конецъ Изяслава. Безповойный, неустойчивый, онъ вѣчно чего-нибудь добивался, что-нибудь замышлялъ, гоняясь за невѣрнымъ, терялъ наличное, и въ концѣ концовъ ему грозила перспектива „голодомъ мерети“ въ опустошенномъ Посемьи. Его смерть вполне соотвѣтствовала его тревожной жизни и неугомному характеру.

Ростиславъ возвратился въ Кіевъ. Такимъ образомъ во второй разъ онъ обязанъ былъ кіевскимъ столомъ содѣйствію Мстислава Изяславича. Между ними вскорѣ однако возникли несогласія. Мстиславъ въ гнѣвъ уѣхалъ изъ Кіева, а его кіевскіе города были заняты: посадникъ его — Вышко, сидѣвшій въ Торческѣ, былъ схваченъ Давыдомъ Ростиславичемъ; въ Бѣлгородѣ Ростиславъ посадилъ сына Мстислава. Весьма вѣроятно, что Мстиславъ домогался отъ дяди новыхъ уступокъ за свое послѣднее содѣйствіе и получилъ отказъ ²). Онъ задумалъ было добиться ихъ силою и сталъ приглашать на Ростислава Владиміра Андреевича, но тотъ рѣшительно отказался; не найдя

¹) Ипат. с. 354—5, 1 Новг. с. 13; въ Воскр. (I с. 75) и Никон. (I с. 220) сообщаются подробности кончины Изяслава, но относительно ихъ подлинности трудно сказать что-либо рѣшительное (ср. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ рус. лѣт. с. 128). Татищевъ къ этому присовокупляетъ очень суровый отзывъ о дѣятельности Изяслава (III с. 134). См. еще подробность въ Патерикѣ с. 105.

²) Соловьевъ II с. 204, Карамзинъ II с. 179; Татищевъ (III с. 136) считаетъ причиною ссоры захватъ Торческа, но онъ уже послѣдовалъ за нею (Ср. Карамзинъ II пр. 408).

себѣ поддержки, Мстиславъ, вѣроятно, сдѣлался сговорчивѣе, и между нимъ и Ростиславомъ состоялось примиреніе; Мстиславъ получилъ назадъ Бѣлгородъ и Торческъ, а взаимнѣ Треполя — Каневъ, такъ какъ Треполь былъ отданъ Владиміру Мстиславичу ¹⁾.

Это было послѣднее серьезное столкновеніе у Ростислава, остальные годы его княженія прошли спокойнѣе. Постепенно онъ умирился со всѣми. Въ годъ смерти Изяслава (1161) состоялось примиреніе Ростислава съ Ольговичами; эти двѣ линіи затѣмъ породнились: Олегъ Святославичъ женился на дочери Ростислава, а сестра его вышла за Ярослава Изяславича. Старива Святослава въ это время уже не было въ живыхъ: онъ скончался въ 1164 г.; черниговскій столъ наслѣдовалъ Святославъ Всеволодовичъ, и когда у него произошли пререканія изъ-за волостей съ Олегомъ Святославичемъ, Ростиславъ посредничалъ между ними, „добра имъ хотя“ и защищая своего зятя ²⁾. Въ 1161 же году Ростиславъ уладился съ Андреемъ Юрьевичемъ, который вмѣшался было въ новгородскія дѣла — понудилъ новгородцевъ выгнать отъ себя Святослава Ростиславича и принять одного изъ Юрьевичей; по взаимному соглашенію Святославъ снова былъ возвращенъ въ Новгородъ ³⁾. Былъ заключенъ миръ и съ Ярославомъ Юрьевичемъ Туровскимъ; у него Владиміръ Мстиславичъ захватилъ Слуцкъ, но его вывели оттуда союзными силами, и Ростиславъ далъ ему въ удѣлъ Треполь съ другими четырьмя городами ⁴⁾.

Южная Русь на время успокоилась. Ростиславъ съ честью носилъ достоинство кіевскаго князя; не обладая особенными дарованіями государя и полководца, онъ внушалъ къ себѣ уваженіе своею честностью и справедливостью. Онъ дѣйствительно былъ первымъ между равными и обладалъ нѣкоторымъ авторитетомъ: въ Смоленской области, на Волини, въ Новгородѣ сидѣли его дѣти и племянники; онъ также имѣлъ вліяніе на полоцкія дѣла; Ярославъ галицкій и Ольговичи присылали полен свои по его призыву ⁵⁾; только Сѣверо-востокъ оставался внѣ сферы вліянія Ростислава.

¹⁾ Ипат. с. 355, 357.

²⁾ Ипат. с. 356, 359, 360.

³⁾ Ипат. с. 349—350, 355, 1 Новг. с. 13.

⁴⁾ Ипат. с. 356.

⁵⁾ Ипат. с. 356, 361.

Успокоение было необходимо для Южной Руси между прочимъ и для борьбы со степью. Набѣги вочевниковъ снова обратились въ своего рода хроническій недугъ, какъ во времена до-мономаховскія; вотъ скорбный реестръ половецкихъ нападений, касающихся Кіевщины: въ 1159 г., лѣтомъ, половцы опустошили окрестности Котельницы, взяли Шоломницу, село Мстиславлей княгини; въ томъ же году, можетъ быть послѣ этого набѣга, половцы застигнуты и избиты Ярославомъ Изяславичемъ и галичанами между Мунаревымъ и Володаревымъ; много плѣнниковъ было освобождено при этомъ. Въ 1161 г. половцы вторглись въ Поросье и захватили чернокобучкія вѣжи по Руту, но черные кобуки, собравшись, отняли назадъ полонъ и взяли болѣе 500 плѣнныхъ. Подъ слѣдующимъ годомъ мы читаемъ, что Ростиславъ „миръ взя съ половци“ и женилъ сына Романа на дочери хана Беглюка ¹⁾. Подъ 1165 г. сообщается о новомъ набѣгѣ на Поросье, опять неудачномъ: много половецвъ было захвачено въ плѣнъ и потомъ отпущено за выкупъ; подъ этимъ же годомъ позднѣйшій сводъ передаетъ, что половцы приходили на Русь и были отражены всѣми русскими князьями, впрочемъ съ большими потерями ²⁾. Кромѣ того, пользуясь усобицами, половцы нападали на торговые караваны; такъ въ 1167 г. они „увѣдаше, оже князи не в любви живутъ“ (въ то время были распри у сѣверскихъ князей), начали грабить караваны „гречниковъ“, и Ростиславъ посмалъ Володислава Ляха съ отрядомъ для охраны. Въ слѣдующемъ году полки чуть не всѣхъ южнорусскихъ князей, по приглашенію Ростислава, ходили въ Каневу и здѣсь стояли долгое время, угрожая половцамъ, пока не прошли караваны „гречниковъ и залозниковъ“ ³⁾. Ростиславъ такимъ образомъ ограничивался оборонительными мѣрами и не предпринималъ походовъ въ степь; правда и то, что наступательные походы не могли принести большой пользы, пока половцы, благодаря усобицамъ, призывались на Русь въ качествѣ союзниковъ. Подобныя прогулки ихъ были часто губительнѣе самыхъ набѣговъ; такъ во время похода Изяслава Давыдовича на Смоленскую волость половцы, по извѣстію лѣ-

¹⁾ Ипат. с. 346, 356—357, Воскр. I с. 71.

²⁾ Ипат. с. 359, Никои. I с. 232—подъ 1164 г., но онъ соотвѣтствуетъ 1165 г. Ипат. и Лавр.

³⁾ Ипат. с. 360—361.

тописи, вывели оттуда однихъ плѣнныхъ болѣе десяти тысячъ ¹⁾. На кievской территоріи въ данный періодъ половцы въ качествѣ союзниковъ Изяслава появляются дважды (въ 1159 и 1161 г.), однако тутъ не могло быть такихъ страшныхъ опустошеній, какъ въ Смоленской волости: Изяславъ все-таки щадилъ Кіевскую волость, какъ свое достояніе.

Просматривая извѣстія о половецкихъ набѣгахъ этого времени, приходится убѣдиться, что черноглобущкая военная граница дѣйствительно служила оплотомъ для Кіевщины: половцы въ своихъ набѣгахъ берутъ или западнѣе (напримѣръ, на Котельницу), или, направляясь на Поросье, застреваютъ здѣсь и не проникаютъ далѣе.

О политической дѣятельности земства за все время правленія Ростислава нѣтъ извѣстій; къ Изяславу Давыдовичу населеніе относилось безучастно; Ростиславъ, вѣроятно, не выказывалъ такого вниманія къ земству и его мнѣніямъ, какъ его братъ Изяславъ. Что касается отношенія населенія къ князьямъ, можно съ увѣренностью сказать, что Изяславъ Давыдовичъ не пользовался народною любовью, хоть у него, какъ видно, существовала вначалѣ значительная партія, призвавшая его въ 1158 г.; послѣ пораженія его и погрома, произведеннаго Мстиславомъ (1159 г.), партія эта, вѣроятно, значительно ослабѣла. Политика Ростислава вначалѣ вызвала неудовольствіе кievскаго общества, и во время его ссоры съ Мстиславомъ многіе сочувствовали послѣднему, особенно черные глобуки; можетъ быть, арестъ торческаго посадника Мстислава сдѣланъ былъ именно изъ опасенія, чтобы Мстиславу не удалось поднять черныхъ глобуковъ. Послѣдующая дѣятельность Ростислава: установленіе мирныхъ отношеній, охрана кievской торговли—вѣроятно, снискала ему симпатіи населенія; любопытно впрочемъ, что авторъ сказанія о смерти Ростислава ничего не говоритъ о скорби кievлянъ.

Ростиславъ скончался 14 марта 1167 г.; передъ смертью отправился онъ въ Новгородъ—мирить сына съ новгородцами, на пути уже разнемогся и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы лечь „въ отни благословенъ“, въ монастырѣ св. Ѳеодора, но скончался на дорогѣ, со-

¹⁾ Ипат. с. 348.

жалѣя, что не успѣлъ принять постриженія; позже его причисляли къ святымъ ¹⁾. Въ извѣстіяхъ лѣтописи довольно полно отразился обликъ этого князя: это человекъ глубоко благочестивый, непритязательный, честный и искренній хранитель преданій прошлаго. Такимъ онъ является и въ церковныхъ вопросахъ, и въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Въ то время какъ на сѣверо-востокѣ Андрей разрушалъ сложившійся политическій строй и начертывалъ планы далекому будущему, Ростиславъ съ уваженіемъ относится къ отживающему принципу старѣйшинства, поддерживаетъ преданія велико-княжеской власти, требуя, чтобы его почитали, какъ отца, и соблюдаетъ традиціонную обязанность в. князя — надѣляетъ волостями меньшихъ родичей. Его княженіе было затишьемъ предъ грозой, которая разразилась надъ Кіевомъ два года спустя по его смерти ²⁾.

Вопросъ о преемникѣ Ростиславу въ Кіевской землѣ былъ рѣшенъ, вѣроятно, еще заранѣе: по смерти его, отъ князей сидѣвшихъ въ Кіевской волости — Владиміра Мстиславича, Давыда и Рюрика Ростиславичей, отъ кіевлянъ, отъ черныхъ клобуковъ были отправлены отдѣльные послы къ Мстиславу Изяславичу, съ приглашеніемъ на кіевскій столъ ³⁾. Собственно по родовымъ и отчиннымъ счетамъ кандидатами на столъ были: Владиміръ Мстиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ черниговскій и Андрей суздальскій; но ни кіевское населеніе ни Мстиславичи не имѣли, конечно, желанія приглашать Святослава или Андрея; Владиміръ Мстиславичъ былъ на лицо, но этотъ князь, изъ милости получившій въ удѣлъ отъ Ростислава Треполь, не пользовался уваженіемъ ⁴⁾ и самъ вмѣстѣ съ другими послалъ звать Мстислава. Мстиславъ, дважды посадившій Ростислава въ Кіевѣ, наследникъ отцовской славы и популярности, притомъ обладавшій значительными силами и связями, былъ естественнымъ преемникомъ Ростислава; среди кіевского населенія еще при жизни послѣдняго у Мстислава существовало, кажется, много приверженцевъ; теперь населеніе поспѣшило подать свой голосъ, чтобы поддержать его.

¹⁾ Ипат. с. 361—364, Лавр. с. 335, 1 Новг. с. 14, Русскіе Святые III с. 77.

²⁾ Ср. характеристику у Соловьева II с. 209, также у Карамзина II с. 145; татищевская характеристика въ т. III с. 151.

³⁾ „Кіае отъ себе послаша, Чернии Клобуки отъ себе послаша“ — Ипат. с. 365.

⁴⁾ См. отзывы о немъ Ипат. с. 374, 386—387.

Увѣренный въ своемъ дѣлѣ, Мстиславъ не спѣшилъ на столъ, попросилъ посадить пока въ Кіевѣ Василька Ярополчича и послалъ туда своего тиуна. Между тѣмъ Мстиславовы родичи составили „твердь“ и порѣшили при сей okazji добиваться себѣ отъ Мстислава волостей „по своей воли“. Владиміръ Мстиславичъ хотѣлъ Поросья, Владиміръ Андреевичъ — Берестья, а Ярославъ Изяславичъ — Владиміра; ихъ обѣщали поддержать Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи. Василько общилъ объ этой коалиціи Мстиславу, но послѣдній не охочъ былъ до уступокъ; притомъ онъ опирался на свое избраніе населеніемъ. Онъ тотчасъ снесся со своими „ротниками“ — Ярославомъ галицкимъ и польскими князьями; получивъ помощь отъ Ярослава и Мстислава городенскаго, онъ двинулся къ Кіеву, чтобы силою добыть его у заговорщиковъ; на дорогѣ, у Микулина, присоединился къ нему весь „Черный Клобукъ“; приведя къ присягѣ, Мстиславъ отправилъ ихъ впередъ съ братомъ Ярополкомъ. Владиміръ Мстиславичъ, испуганный этимъ грознымъ нашествіемъ, поспѣшилъ ретироваться изъ своего Треполя въ Вышгородъ, къ Ростиславичамъ. Черные клобуки настигли Владиміра на пути, но не тронули и только провели до Выдобичъ: „бяху бо берендичи лѣстяче“, замѣчаетъ лѣтописецъ; дѣйствительно и позже мы видимъ его въ сношеніяхъ съ черноклобуцкими старшинами: не забудемъ, что онъ сидѣлъ передъ тѣмъ въ Треполѣ, по сосѣдству съ ними. Ярополкъ вступилъ въ Кіевъ, вслѣдъ за нимъ пришелъ и Мстиславъ, все населеніе вышло ему на встрѣчу; Мстиславъ „възма рядъ съ кіянами“, съ дружиною и братією: Ярославъ тоже, очевидно, предпочелъ помириться съ нимъ; Владиміра онъ не получилъ и остался въ Луцѣѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Мстиславъ направился къ Вышгороду, гдѣ засѣли его противники; послѣ ожесточенныхъ схватокъ осажденные начали переговоры о волостяхъ и уладились наконецъ: Давыдъ получилъ, какъ видно, Вышгородъ, Рюрикъ — Овручъ: снова этотъ правительственный центръ Древлянской земли становится самостоятельнымъ удѣломъ; Владиміру, кажется, досталось Котельница ¹⁾. Мстиславъ побѣдоносно вернулся въ Кіевъ и сѣлъ „на столѣ Ярославли“ ²⁾.

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ разсказѣ говорится: „Мстиславъ отпусти и в Котельничю“ — выходитъ, что она раньше ему была дана; ср. Андрияшевъ Ист. Вол. з. с. 136.

²⁾ Ипат. с. 365—366; въ Лавр. с. 335: „вгна Мстиславъ Володимера Мстисла-

Но Владиміру сознание своего старѣйшинства, видно, не давало покоя: вѣдъ два раза уже племянники должны были итти на компромиссы съ дядями изъ-за одного старѣйшинства, въ томъ числѣ и тотъ же самый Мстиславъ. Владиміръ началъ „думати на Мьстислава“, но не могъ найти себѣ союзниковъ; между тѣмъ его планы стали извѣстны Давыду, а тотъ сообщилъ ихъ Мстиславу. Провѣдавъ объ этомъ, Владиміръ поспѣшилъ въ Кіевъ оправдываться; въ Печерскомъ монастырѣ происходили пренія бояръ, представителей обвиняемого и обвинителя; Владиміръ не могъ оправдаться, но Мстиславъ ограничился тѣмъ, что заставилъ его присягнуть и отпустилъ въ Котельницу. Владиміръ однако не успокоился; нѣсколько черновлобуцкихъ старшинъ завели съ нимъ сношенія, вѣроятно, тоже желая „городовъ лѣпшихъ“; Владиміръ обѣщалъ имъ составить коалицію съ другими Мстиславичами, но князья не желали воевать съ Мстиславомъ, даже собственные бояре Владиміра отказались участвовать въ рискованномъ предпріятіи. Онъ тѣмъ не менѣе отправился въ берендичамъ, которые ожидали его на Раставицѣ; но обманутые въ расчетахъ на значительныя силы Владиміра, берендичи разсердились и чуть не убили его. Скомпрометировавъ себя снова, Владиміръ ужъ не рѣшился оставаться въ своей волости; отправился къ Владиміру Андреевичу—тотъ не принялъ его, поѣхалъ къ Андрею Юрьевичу, но тотъ хотя и далъ волость, но тоже не позволилъ ему явиться въ Суздаль; Татищевъ справедливо догадывается, что Андрей пока еще не желалъ ссориться съ Мстиславомъ ¹⁾).

Теперь Мстиславъ, повидимому, могъ рассчитывать на спокойствіе. Онъ дѣятельно занялся защитою южнорусскихъ торговыхъ путей отъ половецкихъ набѣговъ; это дѣло, касавшееся ближайшимъ образомъ кіевской торговли, важно было также и для другихъ южнорусскихъ земель, оно болѣе всего способно было объединить южнорусскихъ князей и снискать иниціатору симпатіи населенія. Мы видѣли, что Ростиславъ въ послѣдніе годы два раза посылалъ отряды для охраны торговыхъ каравановъ; Мстиславъ не ограничился уже

вѣча ис Кіева, и иде в Половци Володимеръ; а самъ сѣде в Кіевѣ“ О времени воцѣженія Мстислава см. Карамзина II пр. 417. Арцибашева I. 2 пр. 1183.

¹⁾ Ист. Россіи III с. 156. Ипат. с. 366—7.

одною обороною, а перешелъ къ наступательной борьбѣ съ половцами, въ которой удачно пробовалъ свои силы еще при жизни отца. Весною 1168 г. онъ созвалъ братію въ Кіевъ и побуждалъ „пожалитися о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣтвиѣ, оже (половци) несутъ хрестьяны на всяко лѣто в вежѣ свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и Гречьскій путь изъотимають, и Соляный, и Залозный“. Предложеніе о походѣ было принято очень охотно; лѣтописецъ относится къ нему съ восторгомъ: „и угодна бысть рѣчь его (Мстислава) преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози в томъ, оже ти Богъ вложилъ такую мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за врестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти“; любопытно, что выраженія его напоминаютъ описанія знаменитыхъ походовъ Мономаха: дружный походъ южнорусскихъ князей въ половецкую степь подъ предводительствомъ Мстислава дѣйствительно какъ бы воскрешалъ тѣ славныя времена. Въ походѣ приняли участіе сѣверскіе князья—„баху бо тогда Ольговичи въ Мьстиславли воли“, Глѣбъ Юрьевичъ переяславскій съ братомъ Михайломъ, Мстиславъ городенскій, Святополкъ Юрьевичъ туровскій; Давыдъ Ростиславичъ послалъ лишь свой полкъ, потому что самъ былъ нездоровъ, а Ярополкъ Изяславичъ отправился, несмотря на сильное нездоровье: „не хотя братьѣ своей остати“, и скончался на пути въ Тумащѣ; лѣтопись перечисляетъ тринадцать князей, но кромѣ ихъ участвовали еще „инии мнози“, словомъ, всѣ почти южнорусскіе князья. Мстиславъ направился тѣмъ же путемъ, которымъ ходилъ Момахъ въ 1103 и онъ самъ въ 1152 году—къ нижнему теченію Днѣпра: тамъ сходились, вѣроятно, торговые пути. Половцы были предупреждены какимъ-то „кощеємъ“ изъ русскаго войска; оставивъ семьи и кибитки свои, они бѣжали въ степи; русскіе захватили ихъ вѣжи по Орели и Снопороду ¹⁾, а самихъ ихъ настигли у Чернаго

¹⁾ Въ Снопородѣ Татищевъ видѣлъ р. Самару, и это мнѣніе было принято многими (Погодинимъ, Аристовимъ, П. В. Голубовскимъ). Другіе, какъ Карамзинъ (II пр. 420), Арцибашевъ, въ недавнее время Ламбинъ (Ж. М. Н. П. 1877. V с. 61), отличаютъ эту рѣку отъ Самары, которая упоминается подъ этимъ именемъ и въ лѣтописи (Ипат. с. 317). Что касается Снопорода, притока Сулы (онъ течетъ параллельно Ожичѣ и падаетъ въ Сулу

лѣса, перебили и побрали множество; черные ялобуви гнали ихъ до Освола. Русскіе не понесли почти никакихъ потерь и набравши добычи „до избытка“, освободивъ много плѣнниковъ, вернулись съ радостью великою; „и бысть людемъ двоя радость: и Воскресение Господне, и князь своихъ возвращение с побѣдою и радостью“ ¹⁾. Мстиславъ не удовольствовался этимъ успѣхомъ, опасаясь, что половцы все-таки не перестанутъ грабить торговые караваны, даже усилить грабежи изъ мести; онъ вскорѣ снова созвалъ братію и предложилъ выйти для охраны торговцевъ, двигавшихся „по Греческому пути“. Братія признала въ этомъ общій интересъ: „то есть намъ на часть (честь) и всѣмъ Рускѣй земли“; со своими отрядами они отправились къ Каневу и здѣсь ожидали каравановъ. Въ этомъ походѣ участвовали только волынскіе и кіевскіе князья ²⁾.

Эти совмѣстныя предпріятія однако не только не способствовали объединенію южнорусскихъ князей, но подали поводъ къ неудовольствіямъ и разрыву; очевидно, между Мстиславомъ и другими князьями существовало глухое неудовольствіе, которое давало себя знать при всякомъ случаѣ; вѣроятно, Мстиславъ держалъ себя самостоятельнѣе, чѣмъ того ожидали посадившіе его Мстиславичи, а Ольговичи имѣли сами претензіи и виды на Кіевъ. Уже въ первый походъ князья были разсержены на Мстислава за то, будто онъ тайкомъ посылалъ на половцевъ своихъ конюховъ; во вторую экспедицію нѣсколько бояръ, отпущенныхъ отъ себя Мстиславомъ за то, что ихъ холопы поврали его коней, и перешедшихъ затѣмъ на службу къ Давыду, изъ мести начали наговаривать, будто Мстиславъ хочетъ схватить Ростиславичей; Мстиславъ же, по словамъ лѣтописца, „ни мысли таковой не имѣяше въ сердци своемъ, но истинною любовью обуемъся с братъею хожаше“. Клевета оказала свое дѣйствіе, князья обезпокоились, и хотя Мстиславъ присягнулъ, что не мыслить имъ лиха, и они ему

пониже Лубень, у хут. Мацковецъ), то положеніе этой рѣчки, кажется, не соотвѣтствуетъ условіямъ, въ которыхъ упоминается лѣтописный Снопородъ (Ипат. с. 369 и 440).

¹⁾ О походѣ этомъ см. у П. В. Голубовскаго—Печенѣги с. 162—3, Аристова—О землѣ Половецкой с. 281.

²⁾ Ипат. с. 368—370, 1 Новг. с. 14: „ходи Мстиславъ на Половцѣ и побѣди е, и приведе половъ въ Русьску землю толь сильно, яко и числа не баше.“

взаимно цѣловали крестъ, „обаче сердце ихъ не бѣ право с нимъ“¹⁾. Одновременно Владиміръ Андреевичъ сталъ припрашивать волости, пользуясь несогласіями; Мстиславъ отказалъ, замѣтивъ, что онъ просить „извѣтомъ“, и Владиміръ ушелъ на него разгнѣванный; Никонскій сводъ прибавляетъ, что онъ началъ послѣ этого сношенія съ Андреемъ Юрьевичемъ: не забудемъ, что между этими семьями существовала нѣкоторая связь, что Юрій обязывался заботиться объ этомъ Владимірѣ. Скоро произошелъ окончательный разрывъ между Мстиславомъ и Ростиславичами: изъ-за новгородскихъ дѣлъ. Новгородцы не поладили со Святославомъ Ростиславичемъ и просили у Мстислава Изяславича дать имъ на столъ сына. Напрасно Ростиславичи и Андрей силою принуждали новгородцевъ принять обратно Святослава, новгородцы упорствовали, и Мстиславъ, какъ видно послѣ колебаній, отпустилъ къ нимъ сына Романа; этимъ онъ обидѣлъ Ростиславичей, а Романъ къ тому еще предпринялъ вслѣдъ затѣмъ съ новгородцами походъ на Смоленскую волость. „Братья вси“ начали сноситься между собою противъ Мстислава и заключили противъ него союзъ. Этимъ рѣшилъ воспользоваться для своихъ политическихъ плановъ Андрей Юрьевичъ²⁾.

Это былъ моментъ весьма важный для Кіевщины. Андрей еще реньше занялся преобразованіемъ общественнаго строя своей волости: устранялись старья вѣчевыя общины и на ихъ мѣсто возвышались новыя, не претендовавшія на народовластіе; выгонялись князья, не желавшіе стать подручными старшаго князя, бояре, не мирившіеся съ князьями „самовластьцами“, епископы, осмѣлившіеся перечить имъ, и на развалинахъ стараго общественнаго строя созидалась сильная „самовластная“ государственная власть. Честолюбіе Андрея не ограничивалось предѣлами Суздальской волости, ему хотѣлось первенства въ Русской землѣ. Но центромъ русской жизни, задававшимъ ей тонъ, все еще оставался Кіевъ, хотя и утратившій кое-что изъ своего престижа; пока такъ—Суздальская волость должна была остаться въ ряду другихъ второстепенною волостью, пожалуй волостью болѣе могу-

¹⁾ Ипат. с. 369—371.

²⁾ Ипат. с. 371—2, 1 Новг. с. 14, Никон. I с. 235—236.

щественною и своеобразною — и только. Киевский князь все еще de jure оставался старшимъ, „въ отца мѣсто“, и для суздальскаго князя; въ церковномъ отношеніи—а церковныя отношенія значили много—Суздальская волость зависѣла отъ киевскаго митрополита, въ свою очередь находившагося подъ вліяніемъ киевскаго князя; суздальскіе князья, конечно, могли уклоняться, ослаблять эту зависимость: есть извѣстія о попыткѣ Андрея основать самостоятельную митрополию, но это было, такъ сказать, пассивное сопротивленіе. Конечно, Андрей могъ добиться и киевскаго стола, но сдѣлаться киевскимъ княземъ было ему несподручно: съ этимъ титуломъ связывались традиціи, выработанныя вѣковой жизнью Южной Руси; принимая его, нужно было подчиняться этимъ традиціямъ, строю южнорусской жизни, съ ея братствомъ равноправныхъ князей, вольнымъ общиннымъ духомъ, вліятельнымъ боярствомъ. Этотъ строй былъ глубоко антипатиченъ Андрею: недаромъ онъ тайкомъ отъ отца бѣжалъ нѣкогда изъ Южной Руси въ свой Владиміръ; преобразовать же этотъ строй, передѣлать его по своему новому владимірскому образцу — на это, конечно, не хватило бы энергіи и дарованій самого Андрея. Потому онъ выбралъ другой способъ дѣйствій; онъ захватилъ Кіевъ, но для того лишь, чтобы разорить его и бросить, какъ ненужную вещь, отдать первому попавшемуся. Не передѣлывая южнорусской жизни, онъ наложилъ на нее тяжелую руку и давалъ чувствовать ее при всякомъ удобномъ случаѣ и унижая, гнетя Югъ, старался возвысить себя и свою волость въ глазахъ современниковъ; эту политику провелъ онъ съ обычною, ни передъ чѣмъ не останавливающеюся энергіею и, нужно признаться, съ немалымъ успѣхомъ.

Андрей, несомнѣнно, давно слѣдилъ за киевскими дѣлами и подобно отцу, выжидалъ удобнаго момента; рѣшительный разрывъ Мстислава съ южнорусскими князьями давалъ весьма удобный случай вмѣшаться въ киевскія дѣла; можетъ быть, нѣкоторые князья сами обратились къ Андрею съ просьбою о поддержкѣ. Былъ у него и предлогъ: Мстиславъ, посадивъ Романа въ Новгородѣ, оскорбилъ нѣкоторымъ образомъ и Андрея, поддерживавшаго Святослава Ростиславича. Зимой 116⁸/₉ года Андрей снарядилъ войско противъ Мстислава, самъ въ походъ не пошелъ, а отправилъ съ нимъ сына Мстислава; къ этому войску присоединились Ростиславичи—Романъ, Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ, Олегъ и Игорь Святославичи, Глѣбъ

Юрьевичъ переяславскій, Владиміръ Андреевичъ; всего лѣтопись насчитываетъ двѣнадцать князей участниковъ. Любопытно, что Святославъ Всеволодовичъ черниговскій не принялъ въ походѣ участія: имѣя самъ виды на Кіевъ, онъ не хотѣлъ, вѣроятно, добывать его для Андрея ¹⁾. У Вышгорода союзники соединились и двинулись въ Кіеву. Мстиславъ, какъ видно, не предвидѣлъ грозы, думалъ, что союзники примутся выгонять его сына изъ Новгорода, такъ какъ онъ и былъ ближайшею причиною разрыва, отправилъ даже на помощь сыну отрядъ черныхъ клобуковъ — этотъ отрядъ былъ захваченъ на дорогѣ, за Межимостью, Ростиславичами. На помощь Мстиславу двинулся Ярославъ изъ Луцка, но не успѣлъ во время; кромѣ дружины у Мстислава были только черные клобуки, очень ненадежные союзники. Союзное войско остановилось у Кирилловскаго монастыря и на второй недѣлѣ великаго поста обложило Кіевъ. Три дня продолжалась упорная борьба осаждающихъ и осажденныхъ; у Мстислава не хватало силъ, черные клобуки вели себя очень двусмысленно; есть извѣстіе, довольно вѣроятное, что и между дружиною его были измѣнники ²⁾. На третій день осаждающіе зашли съ противоположной стороны „Серховицею“ ³⁾ и бросились съ тылу на Мстислава. Дѣло было проиграно, дружина совѣтовала Мстиславу отступить, и онъ успѣшно ретировался къ Василеву; черные клобуки — Гастѣева чадь — преслѣдовали его и хватали ратниковъ; за Унавою встрѣтилъ онъ брата Ярослава, сѣвшишаго ему на помощь, и они вмѣстѣ вернулись во Владиміръ.

Кіевъ былъ взятъ 8 марта 1169 г., въ среду второй недѣли поста ⁴⁾ — день весьма памятный для Кіевской Руси. Впервые мать гра-

¹⁾ Ср. Соловьева II с. 212.

²⁾ Это извѣстіе сообщается Никонов. л. (I с. 237—238, Татищевъ III с. 165) и отвергается историками, потому что измѣнниками здѣсь являются бояре, отпущенные Мстиславомъ и коссорившіе его съ Ростиславичами; предполагаютъ, что они не могли быть у Мстислава въ Кіевѣ (Карамзинъ II пр. 425, Бестужевъ-Рюминъ О сост. рус. лѣт. с. 132), но составитель Никонов. л., встрѣтивъ извѣстіе объ измѣнѣ, могъ отъ себя приписать ее этимъ боярамъ, раньше уже себя заявившимъ; въ фактѣ же измѣны нѣтъ ничего невѣроятнаго.

³⁾ Мѣстность эта не извѣстна, см. у Закревскаго — Описаніе Кіева II с. 565—566.

⁴⁾ О времени взятія см. у Карамзина II пр. 424.

довъ русскихъ, „славнѣйшее украшеніе Греціи“ было взято на щитъ и разграблено ¹⁾. Два дня грабили весь городъ—Подолье, Гору; монастыри; смоляне, суздальцы, черниговцы и „поганые берендичи“ съ одинаковымъ усердіемъ грабили и частные дома и церкви; забраны были ризы, иконы, колокола; множество жителей было отведено въ плѣнъ, и бысть въ Кіевѣ на всихъ челоуѣцехъ стенание и туга, и скорбь неутѣшимая, и слезы непрестанныя“ ²⁾.

Небывалый фактъ разграбленія Кіева Соловьевъ объяснялъ тѣмъ, что теперь въ первый разъ „Кіевъ былъ взятъ вооруженною рукою, при всеобщемъ сопротивленіи жителей“ ³⁾. Но если сличить лѣтописныя описанія взятія Кіева 1161 г. — войсками Изяслава Давыдовича и 1169 г. — войсками Андрея, разницы собственно не окажется; въ обоихъ случаяхъ лѣтопись совершенно молчитъ объ участіи населенія въ оборонѣ, фигурируетъ дружина, которая въ оба раза совѣтуетъ князю очистить городъ въ виду неудачи. Въ какой мѣрѣ населеніе принимало участіе въ защитѣ города, мы не знаемъ; конечно, Изяславъ былъ князь непопулярный, а Мстиславъ популярный, но едва ли вообще когда бы то ни было населеніе могло оставаться безучастнымъ въ то время, какъ непріатели врываются, жгли дома и пр. Если въ одномъ случаѣ Кіевъ не заплатилъ особенно, а въ другомъ былъ подвергнутъ жестокому разоренію, то причину этого нужно искать въ намѣреніяхъ князей: Изяславъ завоевывалъ Кіевъ для себя и потому имѣлъ основаніе падить его, Андрей же, какъ видно изъ сопоставленія другихъ фактовъ, имѣлъ въ виду только ослабить и унижить значеніе Кіева: несомнѣнно, Мстиславъ Андреевичъ зналъ намѣренія и желанія своего отца и, конечно, могъ бы унять отъ грабежа союзниковъ, если бы сохраненіе Кіева входило въ планы Андрея, но этого не имѣлъ въ виду послѣдній. Нельзя, мнѣ думается, видѣть въ разореніи Кіева и проявленія народной борьбы, мести Кіеву подчиненныхъ пле-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ нужно понимать слова Лавр. д. „сега же не было никогда же“; а взятъ былъ Кіевъ и раньше—въ 1161 г. (ср. Арцибашева I. 2, пр. 1165, Соловьева II пр. 302).

²⁾ Ипат. с. 372—373, Лавр. 336, Никон. I с. 237—238; въ I Новгор. (с. 14) Мстиславъ, „не біяся съ ними, отступи волею Кіева.“

³⁾ Ист. Россіи II с. 213.

мень за его гегемонію, централизованную политику, какъ думаютъ нѣкоторые ¹⁾): эта гегемонія давнымъ давно отошла въ область преданій; охота до грабежа была всегда у войсва, помимо всякихъ руководящихъ идей,—ему лишь нужно было разрѣшеніе, и оно было дано.

¹⁾ См. Сергѣевичъ—Вѣче и князь, с. 120, П. В. Голубовскій—Ист. Сѣвер. з. с. 152.

гаемыхъ существъ. Богъ бытіе вѣчное и неизмѣнное ⁷²⁴); міръ быва-
ніе измѣнчивое, возникающее и преходящее ⁷²⁵). Но истинное бытіе
необходимо полагаетъ себя въ инобытіи, которое не есть истинное
бытіе, ⁷²⁶) а инобытіе, какъ положенное самобытіемъ не истин-
ное бытіе, необходимо стремится утвердить себя въ самобытіи ⁷²⁷).
Поэтому въ стремленіи къ счастью мы исполняемъ вѣчную волю
вѣчнаго Отца. Желая познать благо, желаемъ познать Божество;
желая обладать благами, желаемъ приобщиться божественной Суще-
сти. Богъ — начало, середина и конецъ всѣхъ вещей ⁷²⁸): начало,
такъ какъ отъ него все происходитъ, середина — такъ какъ онъ
сущность всякаго происхожденія, конецъ — такъ какъ къ нему все
стремится ⁷²⁹).

Во взглядѣ на Бога какъ Зодчаго вселенной Платонъ перенесъ
на высшее Существо унаслѣдованный отъ Сократа философскій иде-
аль. Для него, какъ и для Сократа, теорія неотдѣлима отъ прак-

⁷²⁴) Ibid. 38, A. Выше, стр. 153, пр. 408.

⁷²⁵) Ibid. 27, D: τί τό ὄν αἰεὶ γένεσιν δ' οὐκ ἔχον, καί τί τό γιγνόμενον μὲν αἰεὶ, ὄν δὲ οὐδέ-
ποτε. 49, B, сл. Выше, стр. 137.

⁷²⁶) Выше, стр. 183 сл.

⁷²⁷) Выше, стр. 208—209, пр. 708—711.

⁷²⁸) Leges, 715, E—716, A: ὁ μὲν δὴ θεός, ὡπερ καὶ ὁ παλαιός λόγος, ἀρχὴν τε καὶ τε-
λευτήν καὶ μέγα τῶν ὄντων ἀπάντων ἔχων εὐθεῖα περαίνει κατὰ φύσιν περπορευόμενος и замѣчанія
Stumpf'a, Verhältniss d. platonischen Gottes etc. 247 f.

⁷²⁹) Это учение развило впоследствии Проклъ (выше, стр. 183, сл.), а отъ него (черезъ
посредство Діонисія Ареопагита и Скотуса Еригены) въ терминахъ христіанскаго ученія усвоили
мистики, особенно Эккартъ и Ян. Вѣмъ. Привожу параллели, такъ какъ на нихъ ссылался
(стр. 183). Eckhart, Da send gar hoch fragen und materien (у Jundt'a, Histoire du pantheisme
etc., App. 244): Geordnete lute (Dionysius) die von goetlichem geiste erlauchtet sind, die ha-
bent funden ein sache aller dinge und einen ursprung einvaltig und unteilig und gemeine, das
habent si einichait genannt und habent doch die drivaltichait nit in einer sunderlichait; mer, in
einer sunderlicher manigvaltichait der geschaffen dingen hant si genomen ein einichait die unge-
born ist und geborn ist und vorgende ist; und den gefuog den das ungeboren wesen hatte zuo dem
geborenen wesen nannten si den vater, und den gefuog den das geborne wesen hatte zuo dem ge-
bornen wesende nannten si den sun, und den gefuog den das vorgande wesen hatte zuo dem un-
geborenen wesende nannten si den hailigen gaist. Böhme, Myst. magn. c. 7, §§ 6—11, V, 32 f.
Schiebl.: Der Vater ist erstlich der Wille des Ungrundes, er ist ausser aller Natur oder Anfänge
der Wille zum Ichts, der fasset sich in eine Lust zu seiner Selbstoffenbarung. Und die Lust ist
des Willens oder Vaters gefasste Kraft, und ist sein Sohn, Herz und Sitz, der erste ewige Anfang
im Willen; und wird darum ein Sohn genannt, dass er im Willen einen ewigen Anfang nimmt,
mit des Willens Selbstfassung. So spricht sich nun der Wille durch das Fassen aus sich aus, als
ein Aushauchen oder Offenbarung: und dasselbe Ausgehen vom Willen im Sprechen oder Hauchen
ist der Geist der Gottheit, oder die dritte Person, wie es die Alten gegeben haben.... Er gebä-
ret sich in Dreifaltigkeit, und ist in dieser ewigen Gebärdung doch nur ein einig Wesen und Ge-
bärdung zu verstehen, weder Vater, Sohn noch Geist, sondern das einige, ewige Leben oder Gut.

тики. Тотъ совершенъ, у кого знаніе блага совпадаетъ съ осуществленіемъ, кто мудрость проявляетъ въ дѣятельности, а дѣятельность основываетъ на мудрости ⁷³⁰). Но такое совершенство свойственно лишь Богу. Изъ людей наиболѣе близокъ къ совершенству тотъ, кто, подобно искусному въ своемъ дѣлѣ мастеру, имѣетъ всякій разъ отчетливое знаніе о томъ 1) что дѣлаетъ, 2) для чего дѣлаетъ, 3) почему дѣлаетъ, 4) откуда и какимъ путемъ приобрѣлъ необходимыя для дѣла свѣдѣнія ⁷³¹). И какъ въ искусствѣ теорія и практика подчинены внутренней, лежащей въ немъ самой цѣли ⁷³²), точно также внутренняя цѣль философіи—приближеніе къ идеаламъ истины, красоты, блага, должна быть руководительной во всей философской жизни ⁷³³).

Телеологія лежитъ такимъ образомъ въ самомъ основаніи Платонова міровоззрѣнія и служитъ центромъ, вокругъ котораго оно образовалось.

Къ указаніямъ на противорѣчивость, шаткость, неотчетливость, отсутствіе идеаловъ сводятся всѣ основные доводы Платоновой критики.

При оцѣнкѣ философскихъ воззрѣній Платонъ, какъ мы видѣли и еще увидимъ, подвергаетъ анализу ихъ основанія и изъ состоятельности или несостоятельности этихъ основаній заключаетъ о состоятельности или несостоятельности философскаго идеала ⁷³⁴). Въ критикѣ всякой вообще дѣятельности—поэтической, риторической, политической, софистической, онъ начинаетъ съ оцѣнки идеала и по качеству идеала судить о качествѣ дѣятельности. Главный недостатокъ софистовъ тотъ, что ихъ теоретическій идеалъ—темныя и скользкія страны небытія ⁷³⁵), а практическій такъ же непо-

⁷³⁰) Достаточно указать на все содержаніе „Государства“ (выше, стр. 69) и „Законовъ“ и на замѣчанія въ „Пирѣ“ 209, А, сл. Аскетическая струна, звенящая въ отдѣльных частяхъ „Государства“, „Законовъ“, „Феатетъ“, „Горгіа“ и всего слышимъ въ „Федонѣ“, есть слѣдствіе разочарованія дѣйствительностью, недопускающей осуществленія указанного идеала.

⁷³¹) Alcib. I, 108, А, сл. Lach. 185, А, сл. Protag. 319, А. 329, А, сл. Meno, 89, В, сл. Gorg. 463, В. 465, А. 501, А. 503, D, сл. 521, D. Phaedr. 89, E. Phaedr. 260, E. Soph. 232, A. Polit. 292, D, сл. 300, E. 302, А—Е. Относящіяся до Сократа свидѣтельства: Xenoph. Memor. III, 5, 21—22. IV, 2, 20—23. 4, 5. 6, 1. Оттого ремесленники—кузнецы, плотники, валаальщики и пр. перестановъ въ устахъ Сократа. Memor. I, 2, 37. IV, 55. Gorg. 491, A. Sympos. 221, E.

⁷³²) De Rep. 341, C, сл. 342, C. 601, D, сл.

⁷³³) Выше, стр. 58, сл. 67, сл.

⁷³⁴) Выше, стр. 111 сл. 149. 156 сл. 159 сл. 166 сл. 191 сл.

⁷³⁵) Soph. 254, A.

стоянень, какъ ихъ кочевая жизнь ⁷³⁶). Поэты несутъ укоръ за то, что подражаютъ не истинно существу, то есть идеальному неизмѣнному бытію ⁷³⁷), но его подобію, то есть измѣнчивымъ преходящимъ вещамъ ⁷³⁸), риторы и политики—за то, что не имѣютъ въ своей душѣ идеала и образца, съ которымъ могли бы сообразовать свою жизнь ⁷³⁹), но плывутъ по теченію ⁷⁴⁰).

Въ противоположность софистамъ, философъ пребываетъ мыслью въ свѣтлыхъ областяхъ бытія ⁷⁴¹). Въ противоположность поэтамъ подражателямъ, онъ воплощаетъ въ своихъ твореніяхъ вѣчныя идеи ⁷⁴²). Въ противоположность риторамъ, политикамъ, софистамъ и поэтамъ подражателямъ, онъ имѣетъ въ душѣ твердые и неизмѣнные руководительные идеалы ⁷⁴³). Смотри на земное съ высоты небеснаго, онъ хорошо видитъ и понимаетъ человѣческія слабости и потому требуетъ примирительнаго отношенія къ представителямъ наличной дѣйствительности ⁷⁴⁴). Но онъ непоколебимо увѣренъ, что истинное счастье дается лишь жизнью въ идеалѣ. И этотъ идеалъ онъ строитъ какъ истинный художникъ: сначала дѣлаетъ чистой ту доску, на которой желаетъ рисовать, затѣмъ намѣчаетъ общій очеркъ, а нанося краски непрестанно смотритъ то на божественный образецъ,

⁷³⁶) Tim. 19, E. De Rep. 492, B, сл. есть иное выраженіе той же мысли.

⁷³⁷) De Rep. 597, B, слѣд.

⁷³⁸) Выше, стр. 137. 211.

⁷³⁹) Gorg. 503, D—E: φέρει γάρ, ὁ ἀγαθὸς ἀνὴρ καὶ ἐπὶ τὸ βέλτιστον λέγων ἂν λέγει ἄλλο τι οὐκ εἰκῆ ἔρει, ἀλλ' ἀποβλέπων πρὸς τι· ὡσπερ καὶ οἱ ἄλλοι πάντες δημιουργοὶ βλέποντες πρὸς τὸ αὐτῶν ἔργον ἕκαστος οὐκ εἰκῆ ἐκλεγόμενος προσφέρει ἢ προσφέρει πρὸς τοῦργον τὸ αὐτοῦ, ἀλλ' ὅπως ἂν εἰδὸς τι αὐτῷ σὺν τοῦτο, ὃ ἐργάζεται. De Rep. 484, C—D: ἡ οὖν δοκοῦσι τι τυφλῶν διαφέρειν οἱ τῷ ὄντι τοῦ ὄντος ἐλάττω ἐστερημένοι τῆς γνώσεως καὶ μηδὲν ἐναργεῖς ἐν τῇ ψυχῇ ἔχοντες παράδειγμα μηδὲ δυνάμενοι ὡσπερ γραφῆς εἰς τὸ ἀληθέστατον ἀποβλέποντες κάκεισε αἰετὶ ἀναφέροντες τε καὶ θεώμενοι ὡς οἶόν τε ἀκριβέστατα, οὕτω δὲ καὶ τὸ ἐνθάδε νόμιμα καλῶν τε πέρι καὶ δικαίων καὶ ἀγαθῶν τίθεσθαι τε, ἐὰν δὲ τίθεσθαι, καὶ τὰ κείμενα φυλάττοντες σώζειν;

⁷⁴⁰) De Rep. 488, A, сл. Выше, стр. 85.

⁷⁴¹) Soph. 254, A.

⁷⁴²) Sympos. 210, A, сл. Выше, стр. 70, слѣд.

⁷⁴³) De Rep. 484, C—D. 500, B—C. 517, C. 540, A: ἀνακλινάσας τὴν τῆς ψυχῆς αὐγὴν εἰς αὐτὸ ἀποβλέψαι τὸ πᾶσι φῶς παρέχον, καὶ ἰδόντας τὸ ἀγαθὸν αὐτὸ, παραδείγματι χρωμένους ἔχειν, καὶ πόλιν καὶ ἰδιώτας καὶ ἑαυτοὺς κοσμεῖν τὸν ἐπιλοικον βίον. Выше, стр. 67, сл. Theaet. 176, E.

⁷⁴⁴) De Rep. 426, D: τί δ' αὖ, τοὺς θέλοντας θεραπεύειν τὰς τοιαύτας πόλεις καὶ προθυμομένους οὐκ ἄρασαι τῆς ἀνδρείας τε καὶ εὐσερείας; Ἐγώ γε, ἔφη, πλὴν γ' ὅσοι ἐξηπάτηνται ὑπ' αὐτῶν καὶ οἴονται τῇ ἀληθείᾳ πολιτικοὶ εἶναι, οὗτοι ἐπαινοῦνται ὑπὸ τῶν πολλῶν. Πῶς λέγεις; οὐ συγγινώσκεις, ἦν δ' ἐγώ, τοῖς ἀνδράσιν; и пр.

то на человѣческіе нравы, и старается объединить то и другое ⁷⁴⁵). Пусть такой идеалъ не осуществленъ нигдѣ, за исключеніемъ развѣ неба; важно лишь то, что бы онъ былъ въ душѣ и руководилъ ею ⁷⁴⁶).

„Если мы (говоритъ Платонъ въ „Государствѣ“ ⁷⁴⁷) найдемъ, какова сама по себѣ справедливость, то не будемъ желать, что бы справедливый человѣкъ былъ съ нею сходенъ во всемъ вполне, но удовольствуемся если онъ будетъ подходить къ ней какъ можно ближе и имѣть въ ней возможно бѣльшую часть. Стало быть, мы ради образца изслѣдовали какъ то, что такое сама по себѣ справедливость, такъ и то, можетъ ли быть человѣкъ совершенно справедливымъ, и если можетъ, то какимъ долженъ быть, и точно также относительно несправедливости и несправедливаго человѣка,—что бы смотря на то, какими они намъ покажутся относительно счастливой и противоположной жизни, мы вынуждены были признавать и о насъ самихъ, что кто имъ будетъ наиболѣе подобенъ, тотъ будетъ имѣть и наиболѣе подобную съ ними участь, а не для того, чтобы доказать возможность этого“.

Каковы тѣ идеалы, съ которыхъ Платонъ разсматриваетъ современную ему дѣйствительность, заключаютъ ли они элементы необходимые или произвольные или тѣ и другіе вмѣстѣ, и если послѣднее, то какіе полагаетъ въ основаніе своей критики, покажетъ дальнѣйшій анализъ. Въ настоящемъ случаѣ наша задача выяснить принципиально, правъ ли Платонъ повсюду предполагая существованіе объективныхъ руководительныхъ идеаловъ? Такое предположеніе и есть телеологія.

Телеологія такъ твердо коренится въ человѣческомъ сознаниі, что антропоморфизмъ въ устахъ представителей механической теоріи обычный укоръ противъ тѣхъ, кто признаетъ объективную цѣлесооб-

⁷⁴⁵) De Rep. 500, E—501, B: ὡς οὐκ ἂν ποτε ἄλλως εὐδαιμονήσεις πόλις, εἰ μὴ αὐτὴν διαγράψαιεν οἱ τῷ θεῷ παραδείγματι χρώμενοι ζωγράφοι;

⁷⁴⁶) Ibid. 592, A—B: Μανθάνω, ἔφη· ἐν ἣ νῦν διήλθομεν οἰκίζοντες πόλει λέγεις, τῇ ἐν λόγῳις κειμένῃ; ἐπεὶ γῆς γε οὐδαμοῦ οἶμαι αὐτὴν εἶναι. Ἄλλ' ἤν δ' ἐγώ, ἐν οὐρανῷ ἴσως παράδειγμα ἀνάκειται τῷ βουλομένῳ ὄραν καὶ ὀρῶντι ἑαυτὸν κατοικίζειν. διαφέρει δὲ οὐδέν, εἴτε που ἔστιν τὰ γὰρ ταύτης μόντις ἂν πράξειεν, ἄλλτις δὲ οὐδεμιᾶς.

⁷⁴⁷) Ibid. 472, B—D. 409, C—D.

разность ⁷⁴⁸). „Телеологическій инстинктъ въ человѣкѣ (говорить одинъ изъ поборниковъ этой теоріи, „вынужденный однако силою самой истины“ быть не вѣрнымъ ея принципамъ ⁷⁴⁹) не можетъ быть ни подавленъ, ни не признанъ. Человѣческая душа содрогается при мысли, что во всей этой широкой вселенной нѣтъ ни союза, ни родства. Нашъ разумъ требуетъ, чтобы въ устройствѣ вещей была разумность. Это требованіе столь же положительный и неизгладимый фактъ нашей психической природы, какъ наше принятіе геометрическихъ аксіомъ и отверженіе того, что противорѣчитъ такимъ аксіомамъ. Никакое остроумное доказательство не можетъ заставить насъ повѣрить, что безконечный Вседержитель вселенной желаетъ „обречь насъ на постоянную умственную смуту“. Въ каждомъ серьезномъ мыслителѣ есть сильное влеченіе къ конечной причинѣ; и это сильное влеченіе можетъ быть устранено не болѣе, чѣмъ наша вѣра въ объективную реальность. Ничто не можетъ убѣдить насъ, что эта вселенная—сбродъ бессмыслицы. Наша увѣренность въ томъ, что мы называемъ очевидностью нашихъ чувствъ, менѣе сильна, чѣмъ вѣра, что въ упорядоченной послѣдовательности событій есть смыслъ, который нашъ умъ могъ бы измѣрить, если бы только былъ достаточно обширенъ. Несомнѣнно, въ нашъ вѣкъ, самый здравый симптомъ котораго—подвергать все вопросу, есть люди, которые вслѣдствіе неспособности указать основанія для этой вѣры, убѣдили себя, что она пустой предрасудокъ, которому не слѣдуетъ потакать; однако не похоже, чтобы кто нибудь изъ нихъ когда нибудь на самомъ дѣлѣ успѣлъ освободиться отъ нея“. Если такъ, то не телеологическому міровоззрѣнію слѣдуетъ оправдываться предъ механическимъ, а механическому предъ телеологическимъ. Оправданіе это должно состоять въ доказательствѣ, что принципы механическаго міропониманія удовлетворительнѣе принциповъ телеологическаго.

Мы увидимъ ниже, что телеологія не исключаетъ механизма, но механическая теорія исключаетъ объективныя цѣли. Баконъ, напримѣръ, считаетъ телеологію обреченной на безплодіе весталкой, а Гэесли даже

⁷⁴⁸) Объ этомъ ниже.

⁷⁴⁹) Fiske, the Idea of god, 4-th ed. Boston, 1886, 137 f. О Файскѣ пр. 752. Любопытный, очень характерный для механическаго міровоззрѣнія, рассказъ о немъ у Martineau, A Study of Religion, Oxf. 1888, 1, Preface.

философской гетерой ⁷⁵⁰). Объяснять явленія телеологически значитъ предполагать въ нихъ нѣчто предустановленное, ихъ опредѣляющее и образующее. Объяснять ихъ механически значитъ разсматривать каждое какъ внѣшнее слѣдствіе другого. Всякій внѣшній порядокъ можетъ (или вѣрнѣе необходимо долженъ) быть слѣдствіемъ предопредѣленія, но никакое предопредѣленіе не можетъ быть слѣдствіемъ внѣшняго порядка. Поэтому, хотя въ примѣненіи къ истолкованію міра телеология и механическая теорія противоположны, въ принципѣ онѣ противорѣчивы. Всякое философское ученіе принципиально *либо* телеологія, *либо* механическая теорія. Единственное кажущееся исключеніе—такъ называемая (Кантова) критическая философія, разсматривающая механизмъ какъ принципъ составляющій явленія (конститутивный), а телеологию какъ принципъ ихъ обсуждения (регулятивный). Но въ шаткости такого разграниченія въ нашемъ вопросѣ мы убѣдимся.

Въ основаніе дальнѣйшаго анализа ⁷⁵¹) я положу съ одной стороны точку зрѣнія Платона, съ другой—доводы наиболѣе разработанныхъ современныхъ механическихъ теорій—Спенсера, Файска, Геккеля, Винера, Бюхнера и Ланге ⁷⁵²). Такое сопоставленіе, если механическая теорія права, не должно быть выгоднымъ для Платона и не можетъ быть невыгоднымъ для этой теоріи.

⁷⁵⁰) Vaco, De Dignitate etc. l. 3, c. 5, l. 252, ed. Wirceb. 1779: Causarum finalium inquisitio sterilis est et tanquam virgo Deo consecrata nihil parit. Huxley, Lay Sermons Lond. 1871, 225: Final Causes might be more fitly termed the hetairae of philosophy, so constantly have they led men astray.

⁷⁵¹) Важнѣйшіе труды, которыми я пользовался при разработкѣ основныхъ положеній предлагаемаго анализа, приведены ниже; перечислять всѣ нахожу излишнимъ.

⁷⁵²) Spencer, First Principles, Principles of Biology, of Psychology, of Sociology. H. Collins, An Epitome of the Synthetic Philosophy, Lond. 1889. Въ предисловіи самъ Спенсеръ въ 16 положеніяхъ формулируетъ свое мировоззрѣніе. Fiske, Outlines of Cosmic Philosophy, Lond. 1874. (Талантливое развитіе Спенсерово ученія объ эволюціи. Отъ Спенсера Файскъ отличается большею чуткостью къ будущей повсюду жизни и болѣе открытымъ сердцемъ для высокаго и прекраснаго. Поэтому въ поступательномъ ходѣ его мировоззрѣнія Спенсеровъ сухой механизмъ у него все болѣе и болѣе просвѣтляется идеализмомъ. Въ Cosmic Philosophy Файскъ, однако, почти не сходитъ съ почвы Спенсеровой системы. Его ученіе о телеологіи двусмысленно, II, 381 f. Лишь замѣчаніе о томъ, что we need not shrink from.... anthropomorphism involved in speaking of the unknown Cause as a Spirit manifested in phenomena, II, 450, указываетъ на характеръ дальнѣйшей эволюціи его мысли. Считаю необходимыми эти поясненія въ виду тѣхъ свойственныхъ всякому вообще механическому мировоззрѣнію колебаній, вслѣдствіе которыхъ, какъ будетъ пояснено ниже, дать критику механическаго мировоззрѣнія во всей его чистотѣ нѣтъ возможности). Naeskel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 8-te Aufl. 1889. Остальные труды Геккеля приведены ниже. Büchner, Stoff und Kraft, 14-te Aufl. Leipz. 1876. Wiener, die Grundzüge der Weltordnung, 2-te Aufl. Leipz. 1863. Lange, Geschichte des Materialismus, 3-te Aufl. 1877. О „точкѣ зрѣнія идеала“, на которой, примыкая къ Канту, стоитъ Ланге, будетъ рѣчь ниже. На доводахъ Фохта и Малешотта, какъ наиболѣе слабыхъ, не ссылаюсь.

Подъ механикой подразумѣвается наука о законахъ движенія. Изучая эти законы, механика не входитъ въ разсмотрѣніе ни природы того, что движется, ни природы того, что движеть, по скольку та и другая не даетъ основанія для дедуціи искомымъ законовъ. На высотѣ своихъ абстракцій она разсматриваетъ матерію (движимое) какъ „матеріальную точку“, а силу (движущее) какъ перемѣщеніе этой точки ⁷⁵³). Идеаль механическаго міровоззрѣнія—представить всю міровую жизнь въ математической формулѣ. „Если бы какой нибудь умъ (поясняетъ Лапласъ ⁷⁵⁴) зналъ всѣ силы, которыми въ данное мгновеніе оживлена природа, и относительное положеніе составляющихъ ее тѣлъ и былъ бы довольно обширенъ, чтобы подвергнуть эти данныя анализу, то въ одной и той же формулѣ обнялъ бы движенія какъ самыхъ большихъ тѣлъ вселенной, такъ и самаго легкаго атома. Ничто не было бы неизвѣстнымъ ему, и прошедшее точно такъ же какъ настоящее было бы у него передъ глазами“. Но такъ какъ живая дѣйствительность не укладывается въ узкіе предѣлы математическихъ отношеній, то механическая теорія вынуждена прибѣгать къ содѣйствию другихъ наукъ: физики (въ собственномъ смыслѣ и химіи) и метафизики. Отъ первой она беретъ ученіе о свойствахъ веществъ и силъ, отъ второй—ученіе объ ихъ сущности и вообще обо всѣхъ основныхъ категоріяхъ бытія и знанія. Вслѣдствіе того, что метафизическія понятія различными мыслителями опредѣляются различно, подвести міровоззрѣніе всѣхъ механическихъ системъ подъ одно точное опредѣленіе нѣтъ возможности. Это міровоззрѣніе колеблется между чистымъ механизмомъ (въ указанномъ выше смыслѣ) и динамизмомъ ⁷⁵⁵), пантеиз-

⁷⁵³) Давая эту характеристику, я руководствуюсь статьею Тэта *Mechanics* въ *Encyclo-pædia Britannica* (9-th ed.), монографіею Erhardta, *Mechanismus und Teleologie*, Leipz. 1890 (Kap. I, *Die Mechanik*) и указаннымъ ниже трудомъ Stallo.

⁷⁵⁴) Laplace, *Essai philosophique sur les Probabilités*, 2-e ed., Paris, 1814, p. 2 et suiv. Эту цитату я заимствую у Du Bois Reymond, *Ueber die Grenzen des Naturerkennens*, 6-te Aufl., Leipz. 1884, который въ свою очередь добавляетъ: Ja es lässt eine Stufe der Naturerkenntniss sich denken, auf welcher der ganze Weltvorgang durch Eine mathematische Formel vorgestellt würde, durch Ein unermessliches System simultaner Differentialgleichungen, aus dem sich Ort, Bewegungsrichtung und Geschwindigkeit jedes Atoms im Weltall zu jeder Zeit ergäbe, p. 13.

⁷⁵⁵) Критику отвлеченныхъ основаній механической теоріи даетъ г. Введенскій въ обстоятельномъ анализѣ „Опытъ построения теоріи матеріи на принципахъ критической философіи“. Спб. 1888. Въ гл. X этого труда поставлена на видъ невозможность чистаго механизма (въ противоположность динамизму). См. особ. стр. 242 слѣд. На колебанія во всѣхъ вообще

момъ и атеистическимъ матеріализмомъ ⁷⁵⁶). Вообще же можно сказать, что оно стремится по руководству закона причинности „постичь всѣ феноменальныя различія въ матеріальномъ мірѣ какъ различія сочетаній матеріальныхъ единицъ массы, признать всѣ феноменальныя перемѣны какъ движенія неизмѣнныхъ элементовъ и такимъ образомъ представить всю кажущуюся качественную разнородность какъ простое количественное различіе“, ⁷⁵⁷) а основныя послышки этого міровоззрѣнія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: ⁷⁵⁸)

„1) Первичныя элементы всѣхъ естественныхъ явленій—конечныя данныя научнаго анализа—суть масса и движеніе. 2) Масса и движеніе диспаратны. Масса индифферентна къ движенію, такъ какъ оно можетъ ей быть сообщено и съ нея снято чрезъ перенесеніе движенія съ одной массы на другую. Масса остается тою же самою какъ при покоѣ, такъ и при движеніи. 3) Масса и движеніе постоянны. Королларіемъ къ первому и второму изъ этихъ предложеній служатъ инертность и однородность массы. Такъ какъ масса и движеніе радикально диспаратны, то очевидно, что масса не можетъ быть ни движеніемъ, ни причиной движенія, то есть она инертна. Точно также взятая сама въ себѣ масса не можетъ быть и разнородной, такъ какъ разнородность есть различіе, а различіе имѣетъ причину въ движеніи. Въ придачу къ этимъ предложеніямъ (лежащимъ въ основаніи всей механической теоріи, какъ ея фундаментальныя аксіомы и вызывающимъ всеобщее согласіе физиковъ настоящаго времени) существуетъ господствующая среди физиковъ и химиковъ гипотеза о молекулярномъ или атомическомъ составѣ тѣлъ, по которой масса не сплошна, а раздѣльна, представляя агрегатъ неизмѣнныхъ простыхъ единицъ. Эта гипотеза приводитъ къ четыремъ другимъ, которыя, въ связи съ принципомъ сохраненія массы и движенія, составляютъ основанія атомическо-механической теоріи: 1) Элементарныя единицы массы, какъ простыя, во всѣхъ отношеніяхъ равны. Это—очевидно не болѣе какъ

системахъ механическаго міровоззрѣнія между различными точками зрѣнія указываетъ также въ упомянутомъ (пр. 753) трудѣ Erhardt, Mechanismus und Teleologie, 32 f.

⁷⁵⁶) Объ этомъ ниже, стр. 225.

⁷⁵⁷) Stallo, The Concepts and Theories of Modern Physics (Intern. scient. series) 2-d ed. Lond. 1885, p. 23. „The criticisms of this book have been warmly praised by some of the first physical experts“. Mivart, On Truth, Lond. 1889, 397 n.

утвержденіе однородности массы согласно съ гипотезой о молекулярномъ или атомическомъ составѣ. 2) Элементарныя единицы массы абсолютно тверды и неэластичны — необходимое слѣдствіе ихъ простоты, исключаяющей всякое движеніе частей и поэтому всякое измѣненіе фигуры. 3) Элементарныя единицы массы абсолютно инертны и потому чисто пассивны, откуда слѣдуетъ, что между ними не можетъ быть никакого взаимодействія помимо взаимнаго перемѣщенія причиненнаго внѣшнимъ толчкомъ. 4) Вся такъ называемая потенциальная энергія—на дѣлѣ кинетическая. Такъ какъ масса и движеніе фундаментально диспаратны и не превратимы и такъ какъ масса абсолютно инертна, то каково бы ни было ея положеніе, движеніе не можетъ быть причинено ничѣмъ другимъ кромѣ движенія“.

Достоинство всякой гипотезы измѣряется прежде всего ея способностью объяснить то, для чего она выставлена. Механическая теорія считаетъ свои принципы достаточными для всѣхъ вопросовъ (феноменальнаго) бытія и знанія. Мы въ правѣ поэтому спросить у нея: какъ изъ этихъ принциповъ она объясняетъ закономерность, существованіе формъ, жизнь и сознание? Всѣ эти вопросы для Платоновой телеологіи, какъ мы уже знаемъ, неразрывны, такъ какъ она цѣли отождествляетъ съ идеями, образцами или законами вещей, а носителемъ этихъ идей, образцовъ или законовъ считаетъ Умъ живого Божественнаго Существа ⁷⁵⁹).

„Необходимость и случайность“ единственные отвѣты древней философіи ⁷⁶⁰). Для новой отвѣтомъ на первый служитъ постоянство въ соотношеніи силъ ⁷⁶¹); отвѣтомъ на второй—законъ эволюціи какъ „интеграціи матеріи сопровождаемой диссипаціей движенія, во время которыхъ матерія переходитъ отъ неопредѣленной несвязной однородности къ опредѣленной связанной разнородности и во время которыхъ удерживаемое движеніе подлежитъ подобному же превращенію“ ⁷⁶²); на третій—постепенность въ природѣ и возможность само-

⁷⁵⁸) Ibid. 27 sq. Привожу съ небольшими сокращеніями.

⁷⁵⁹) Выше, стр. 208 сл.

⁷⁶⁰) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 788 f. III³ a, 398 f.

⁷⁶¹) Spencer, First Principles P. II, Ch. VII. §§ 63—65.

⁷⁶²) Ibid. Ch. XVII, § 145.

зарожденія при отличныхъ отъ теперешнихъ условіяхъ первобытной эпохи, подтверждаемая искусственнымъ изготовленіемъ органическихъ углеводовъ и въ особенности открытіемъ монеръ или организмовъ безъ органовъ ⁷⁶³). Возникновеніе сознанія объясняется точно также изъ постепенности въ природѣ, изъ превратимости физическихъ силъ въ духовныя и наоборотъ ⁷⁶⁴) и изъ связи между духовной организаціей и тѣлесной ⁷⁶⁵). Главнымъ основаніемъ для всѣхъ этихъ объясненій служить предположеніе объ единствѣ или постоянствѣ силы или энергіи ⁷⁶⁶).

Оставляя пока въ сторонѣ ничего не объясняющія необходимость и случайность, съ которыми вскорѣ встрѣтимся, мы безъ труда можемъ убѣдиться, что современная механическая теорія при всей широтѣ своихъ свѣдѣній и гибкости терминологіи не идетъ дальше древней въ истолкованіи міроваго порядка. Постоянство въ отношеніяхъ силъ — несомнѣнное обнаруженіе закономерности. Но оно не можетъ быть выведено изъ постоянства силы ни въ одномъ изъ значеній, которыя придаетъ слову сила механическая теорія. Если подъ силой подразумѣвать (вмѣстѣ съ Спенсеромъ) „Непознаваемое“ основаніе бытія ⁷⁶⁷), то изъ этого непознаваемого очевидно нельзя вывести никакого заключенія. Если подъ ней подразумѣвать энергію ⁷⁶⁸), то подъ постоянствомъ мы можемъ мыслить лишь постоянство суммы. Если смотрѣть на нее какъ на движеніе ⁷⁶⁹),

⁷⁶³) Spencer, Principles of Psychology, I, P. I, Ch. VII, § 52. Fiske, Outlines of Cosmic Philosophy I, 430 f. Haeckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 352 f. Büchner, Kraft u. Stoff, 90 f. Подробности ниже.

⁷⁶⁴) Spencer, First Principles, P. II, Ch. VIII, §§ 71—73. Объ оговоркахъ Спенсера по этому вопросу см. ниже, стр. 241, сл.

⁷⁶⁵) Spencer, Principles of Psychology, II, P. V, Ch. I—IX. Büchner, l. c. 164 f. 201 f. Wiener, Die Grundzüge d. Weltordnung, 242 f.

⁷⁶⁶) Spencer First Principles, P. II, Ch. VI, § 60—62, Ch. XVIII—XXI, §§ 146—169. Haeckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 347. Büchner, l. c. 20 f.

⁷⁶⁷) Speneer, First Principles, *ibid.* § 62: Hence the force of which we assert persistence is that Absolute Force of which we are indefinitely conscious as the necessary correlate of the force we know. By the Persistence of Force, we really mean the persistence of some Cause which transcends our knowledge and conception. § 63.

⁷⁶⁸) *Ibid.* Ch. V, §§ 55—59. Ch. VI, § 60.

⁷⁶⁹) Всѣ вообще формы „Непознаваемого“ — пространство, время, матерію, движеніе, Спенсеръ рассматриваетъ какъ выраженіе силы и при томъ не только въ психологическомъ анализѣ (First Principles, § 50), но и въ реальной дѣйствительности. Во всякой вообще дѣйствительности сила опредѣляется какъ матерія и движеніе. „All Phenomena (говоритъ онъ въ краткомъ изложеніи своей

то постоянство должно означать непрерывность движения. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, механическая теорія вынуждена опираться на паралогизмы ⁷⁷⁰). Говоря о постоянствѣ въ отношеніи силъ, она отрѣшается отъ своихъ принциповъ и подъ силой подразумѣваетъ дѣйствующую силу въ обыкновенномъ смыслѣ. Если такъ, то положеніе, что однѣ и тѣ же силы при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ должны имѣть одно и то же дѣйствіе, есть тавтологія, такъ какъ въ понятіи дѣйствующей силы лежитъ мысль объ опредѣленномъ дѣйствіи, которое она должна производить, или объ единообразной функциональной связи между предыдущимъ и послѣдующимъ ⁷⁷¹). Формула эволюціи—индуктивное обобщеніе ⁷⁷²) изъ гипотезъ и фактовъ и потому въ извѣстной мѣрѣ объясняетъ тѣ и другіе. Но она подразумѣваетъ больше, чѣмъ на сколько уполномочиваютъ основанія механическаго міровоззрѣнія, и объясняетъ меньше, чѣмъ сколько должна. Спенсеръ считаетъ ее необходимымъ выводомъ изъ неустойчивости однороднаго и множественности слѣдствій, а эту неустойчивость и множественность—необходимымъ выводомъ изъ постоянства силы ⁷⁷³). Но мы уже видѣли, къ какимъ выводамъ уполномочиваетъ понятіе о постоянствѣ силы. Спенсера дедукція неустойчивости однороднаго и разнообразія дѣйствій получаетъ кажущуюся убѣдительность исключительно

философіи Epit. XI, § 15), from their great features down to their minutest details, are necessary results of the persistence of force, under its forms of matter and motion. Given these as distributed through space, and their quantities being unchangeable, either by increase or decrease there inevitably result the continuous redistributions distinguishable as evolution and dissolution, as well as all these special traits above enumerated". Матерія и движеніе какъ основныя формы дѣятельности подразумѣваются и (приведенной уже) общей формулой эволюціи.

⁷⁷⁰) „Die Erörterungen Spencer's leiden nun von vornherein an dem Fehler, dass der Kraftbegriff in einer ganz verschwommenen und unklaren Bedeutung eingeführt wird, sodass es kein Wunder ist, wenn der Philosoph schliesslich zu einer, seinen spekulativen Intentionen entsprechenden Bestimmung desselben gelangt; es ist keine Kunst, aus einem Begriffsnebel das Gebäude herauszutreten zu lassen, welches Einem beliebt. Freilich verräth das Erzeugniss der Taschenspielerkunst seinen Ursprung selbst 'dadurch; dass es sich bei näherem Zusehen als ungreifbar und unverwendbar erweist". König, Die Entwicklung des Causalsproblems etc., II, Leipz. 1890, 319. Логическую несостоятельность аргументовъ Спенсера ставятъ на видъ (кромя многихъ другихъ) Ulrici, Zeitschr. f. Philos. u. Philos. Kritik, B' XLVIII, 121 f. B LXXI, 181 f. Funck-Brentano, Les Sophistes grecs et les Sophistes contemporains, Paris, 1819, 209 sq. Ground, An Examination of the Structural Principles of H. Spencers Philosophy, Lond. 1883.

⁷⁷¹) König, l. c. 326.

⁷⁷²) Spencer, First Principles, P. II, Ch. XXIV, § 189.

⁷⁷³) Ibid. Ch. XVIII—XX, §§ 146—162.

вслѣдствіе очевиднаго *petitio principii* — предположенія разнообразныхъ, закономерно дѣйствующихъ силъ, существованіе которыхъ есть у Спенсера вмѣстѣ причина и слѣдствіе эволюціи.

Впрочемъ, если бы дедукція Спенсера и была правильна, то, по собственному его заявленію, указанныхъ имъ двухъ началъ было бы недостаточно для объясненія того, почему „получилась бы не смутная и хаотическая разнородность, а разнородность гармоническая, какую мы наблюдаемъ въ развитіи“. Такую причину онъ усматриваетъ въ побочномъ „королларіи“ къ постоянству силы ⁷⁷⁴⁾—въ механической „сегрегаціи“, смыслъ которой лучше всего можетъ быть поясненъ слѣдующими характерными словами самого Спенсера: „Нерѣдко случается, что въ концѣ сентября, когда деревья только что окрашиваются въ осенніе цвѣта и мы надѣемся, что скоро наступитъ переменна, которая еще болѣе увеличитъ красоту ландшафта, наши ожиданія разрушаются рѣзкимъ порывомъ равноденственного вѣтра. Сильное воздушное теченіе вырываетъ изъ смѣшанной массы листьевъ на каждой вѣтвѣ уже начинающіе увядать, именно тѣ, которые окрашены въ яркіе цвѣта, и оставляетъ на мѣстѣ еще зеленые. И тогда какъ эти послѣдніе, высыхая и истрепываясь отъ постоянного тренія о другіе листья или окружающія ихъ вѣтви, придаютъ деревьямъ мрачный видъ, листья красные, желтые и оранжевые собираются во рвахъ, позади заборовъ и въ закоулкахъ, гдѣ дозволяетъ имъ располагаться вихрь. Это значитъ, что однородное дѣйствіе вѣтра, направленное на листья двухъ родовъ, оторвало окрашенные и умирающіе отъ живыхъ товарищей и сложило ихъ отдѣльно. Точно также можетъ быть произведено раздѣленіе почвенныхъ частицъ разной величины, пыли, песку и булыжника, какъ мы наблюдаемъ въ мартѣ на каждой дорогѣ“ ⁷⁷⁵⁾... Нѣтъ нужды доказывать призрачность этого „королларія“. Совершенно очевидно и то, что если бы надъ міровой жизнью господствовала такая „сегрегація“, то она должна была бы быть причиной не порядка, а хаоса, при которомъ самая жизнь стала бы невозможной. При такомъ господствѣ складываться вмѣстѣ, то есть въ кучи (такъ какъ понятіе сложенія и отдѣленія не подразумѣваетъ стройности) должны были бы не одни только

⁷⁷⁴⁾ Ibid. Ch. XIIV, § 189.

⁷⁷⁵⁾ Ibid. Ch. XII, § 163. Переводъ г. Алексѣева, мною совершенно передѣланный.

листья, пыль, песокъ, булыжникъ и проч., но и всѣ вообще механически однородныя тѣла — на примѣръ люди, животныя, деревья, камни и проч., а однородныя кучи должны были бы сложиться въ одну общую кучу, гдѣ все подобное тѣснило бы и жало другъ друга. „Неустойчивость однороднаго и множественность слѣдствій“ были бы „сегрегаціей“ уничтожены. Спенсеръ избѣгаетъ этихъ заключеній лишь благодаря неопредѣленной терминологіи, дающей ему возможность отождествлять не только различныя, но противоположныя понятія. Въ примѣръ достаточно указать на отождествленіе механической „сегрегаціи“ съ „естественнымъ отборомъ“⁷⁷⁶). На дѣлѣ этотъ послѣдній не только не имѣетъ ничего общаго съ такой сегрегаціей, но даже идетъ въ разрѣзъ съ принципами механической теоріи, такъ какъ основные его факторы—борьба за существованіе, половой выборъ, укрѣпленіе наслѣдственностью полезныхъ качествъ, переживаніе способнѣйшаго к проч. ясно и несомнѣнно предполагаютъ цѣлесообразность. Истина эта съ такой убѣдительною поставлена на видъ англійской, американской и нѣмецкой критикой⁷⁷⁷), что всякій доводъ въ пользу Дарвинизма можно считать доводомъ въ пользу телеологіи⁷⁷⁸). Въ другомъ мѣстѣ Спенсеръ отождествляетъ этотъ отборъ съ дѣйствіемъ силы по линіи малѣйшаго сопротивленія⁷⁷⁹). Если такъ, то къ чему „сегрегація“?

Какъ бы то ни было, развитая Спенсеромъ гипотеза „не даетъ ключа къ разъясненію подробностей органическаго развитія. Она не достаточна для объясненія родовыхъ и индивидуальныхъ особенностей; она оставляетъ насъ во мракѣ даже по отношенію къ важнымъ различіямъ, характеризующимъ семейства и порядки. Она не поможетъ уяснить намъ, почему изъ двухъ яицъ, опущенныхъ въ одинъ и тотъ же прудъ, изъ одного выйдетъ рыба, а изъ другого—пресмыкающагося, или почему изъ двухъ различныхъ яицъ, высиженныхъ

⁷⁷⁶) Ibid. § 166.

⁷⁷⁷) На примѣръ, Martineau, A Study of Religion, Oxf. 1888, I, 274 f. Fiske, the Idea of God. 159. The Destiny of Man, Bost. 1884, 113. Le Conte, Evolution and its relations to Religious Thought, Lond. 1888, 322 f. Wigand, Der Darwinismus und die Naturforschung Newtons. 2-r B. Braunsch. 1876, Kap. V. Wundt, Logik, II, 436 f.

⁷⁷⁸) Liebmann, Gedanken und Thatsachen, Strassb. 1882: Einer der grössten Teleologen der Gegenwart ist Ch. Darwin. Въ Zur Analysis d. Wirklichkeit, 2-te Aufl, Braunsch. 1880 Liebmannъ сопоставляетъ принципы Дарвинизма съ Платонизмомъ. 313 f.

⁷⁷⁹) Spencer, First Principles, P. II, Ch. IX, § 78.

одной и той же курицей, изъ одного вылупится утенокъ, изъ другого цыпленокъ“. Въ этомъ случаѣ „мы волей не волей должны возвратиться къ необъясненному еще началу наследственной передачи. Способность неорганическаго зародыша развиваться въ совершенное существо, повторяющее до малѣйшихъ подробностей черты своихъ предковъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они находится въ условіяхъ отличныхъ отъ условій жизни предковъ, эта способность до сихъ поръ еще является для насъ вполнѣ необъясненной. Что микроскопическая частица вещества, повидимому лишенная всякаго строенія, воплощаетъ въ себѣ свойство, въ силу котораго чловѣкъ, выросшій изъ этой частицы, на пятидесятомъ году своей жизни сдѣлается подагрикомъ или сумасшедшимъ—подобная вещь казалась бы невѣроятной; если бы ежедневный опытъ не подтверждалъ ее“. Замѣчанія эти сдѣланы Спенсеромъ по поводу его принципа неустойчивости однороднаго ⁷⁸⁰⁾, но по своему общему характеру и потому, что наследственность не объясняется ни изъ множественности слѣдствій, ни изъ сегрегаціи, очевидно относятся и къ этимъ послѣднимъ.

Не такъ смотрятъ на дѣло другіе представители механическаго мировоззрѣнія. Геккель, напримѣръ, не только не отчаявается механически объяснить происхожденіе видовъ и родовъ, но даже запальчиво ратуетъ противъ тѣхъ, кто утверждаетъ противное ⁷⁸¹⁾. При тѣхъ широкихъ свѣдѣніяхъ, какими онъ обладаетъ въ сравнительной анатоміи, эмбриологіи, морфологіи и проч., безъ сомнѣнія

⁷⁸⁰⁾ Ibid. Ch. XIX, § 152. Въ опубликованной Спенсеромъ въ 1887 году монографіи *The Factors of the Organic Evolution* онъ различаетъ три прогрессивные фактора: 1) непосредственное дѣйствіе окружающей среды, 2) естественный отборъ и 3) функциональное приспособленіе. Последніе два онъ сводитъ къ первому, который и разсматриваетъ какъ изначальный. Хотя Спенсеръ придаетъ этой монографіи важное значеніе, вопросъ о происхожденіи органическихъ формъ ею очевидно не подвинуть ни на шагъ.

⁷⁸¹⁾ Haeckel, *Anthropogenie*, 3-te Aufl. Leipz. 1877, XV f. (противъ Du Bois Reymond) „Dieses Ignorabimus ist dasselbe, welches die Berliner Biologie dem fortschreitenden Entwicklungsgange der Wissenschaft als Riegel vorschieben will. Dieses scheinabr demüthige, in der That aber vermessene, Ignorabimus ist das Ignoratis des unfehlbaren Vaticanus und der von ihm angeführten schwarzen Internationale, jener unheilbrütenden Schaar, mit welcher der moderne Culturstaat jetzt endlich, endlich den ernsten Culturkampf begonnen hat. In diesem Geisteskampfe... stehen auf der einen Seite unter dem lichten Banner der Wissenschaft: Geistesfreiheit und Wahrheit... auf der anderen Seite unter der schwarzen Fahne der Hierarchie: Geistesknechtschaft und Lüge...“ Геккелю вторить Carus Sterne, въ *The Monist*, I, 2, 245 f. (1890).

не трудно составлять филогеническія таблицы отъ амэбы до человѣка включительно ⁷⁸²), еще легче бездоказательно предполагать, что первоначальные органы первичной органической слизи (ядро и оболочка) дифференцировались по механическимъ и химическимъ законамъ ⁷⁸³); но никакимъ усиленіемъ мысли невозможно безъ телеологіи постигнуть устойчивость взаимоотношенія между этими первичными органами и еще менѣе ихъ способность къ саморазвитію до такихъ сложныхъ и совершенныхъ формъ, какія мы наблюдаемъ въ человѣкѣ ⁷⁸⁴). Лежащая въ основаніи міровоззрѣнія Геккеля аналогія между генесисомъ индивида (онтогенесисъ) и генесисомъ вида (филогенесисъ ⁷⁸⁵) очевидно можетъ служить лишь руководящимъ, а не объясняющимъ принципомъ, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію самого Геккеля, онтогенесисъ еще таинственнѣе филогенесиса ⁷⁸⁶). Вылупленіе растенія изъ зерна или цыпленка изъ яйца, быть можетъ, самое удивительное изъ всего, что мы знаемъ дивнаго, и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо объективная телеологія находитъ непоколебимую опору.

Впрочемъ, у Спенсера и Геккеля (какъ и вообще большинства представителей механической теоріи ⁷⁸⁷) борьба противъ цѣлесообразности вызвана неяснымъ пониманіемъ самого вопроса. Спенсеръ телеологію отождествляетъ съ ученіемъ о специальномъ твореніи и думаетъ ее побить доводами противъ послѣдней ⁷⁸⁸). Точно также и для Геккеля она неразличима съ ученіемъ о созданіи міра изъ ничего личнымъ Творцомъ и произвольнымъ вмѣшательствомъ этого Творца въ жизнь міра ⁷⁸⁹). Едва ли однако нужно доказывать, что цѣлесообразность вовсе не предполагаетъ такого Творца, хотя такой Творецъ и предполагаетъ цѣлесообразность. Свое міровоззрѣніе Геккель называетъ монизмомъ или пантеизмомъ ⁷⁹⁰). Но никакой логически состоятельный пантеизмъ не мыслимъ безъ цѣлесообразности, такъ какъ Богъ ли-

⁷⁸²) Haeckel, *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, 695 f. *Anthropogenie*, 522 f.

⁷⁸³) Haeckel, *Natürliche Schöpfungsgeschichte*. 365 f.

⁷⁸⁴) Ниже, стр. 234, сл.

⁷⁸⁵) Haeckel, *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, 9. 290. 308 f. и проч.

⁷⁸⁶) *Ibid.* 308.

⁷⁸⁷) Цѣнные замѣчанія по этому вопросу у Erhardt'a *Mechanismus und Teleologie*, 34 f.

⁷⁸⁸) Spencer, *Principles of Biology*. P. III, Ch. II. § 114.

⁷⁸⁹) Haeckel, *Natürliche Schöpfungsgeschichte* 17. 30. 58. 759 и пр.

⁷⁹⁰) *Ibid.* 31. 64. 795.

шенный мысли и дѣятельности не былъ бы Богомъ, а гдѣ мысль и дѣятельность, тамъ и цѣль. Противоположность между признаніемъ телеологии и ея отрицаніемъ есть противоположность не между теизмомъ и пантеизмомъ, но между признаніемъ Бога и атеизмомъ. Спенсеръ избѣгаетъ этого непріятнаго или лишь тѣмъ, что укрывается въ темныя страны своего „Непознаваемаго“⁷⁹¹⁾.

При невозможности изъ принциповъ механической теоріи объяснить происхожденіе формъ, ея представители вынуждены либо ограничиваться авторитетнымъ заявленіемъ о необходимости формъ, либо идти прямо или косвенно, въ грубомъ противорѣчій съ собою, по стезѣ идеализма, либо наконецъ сослаться на естественную необходимость и удачную случайность. „Какъ сила не мыслима безъ матеріи, такъ матерія не мыслима безъ формы“ голословно поучаетъ Бюхнеръ⁷⁹²⁾. Столь же авторитетно и столь же мало заботясь о логической послѣдовательности своего міровоззрѣнія самый неумолимый изъ матеріалистовъ, Фохтъ, признаетъ форму основнымъ принципомъ организмовъ⁷⁹³⁾. Геккель, ратующій въ своей „*Natürliche Schöpfungsgeschichte*“ противъ всякихъ конечныхъ причинъ,⁷⁹⁴⁾ въ своемъ „*Das Protisten Reich*“ приходитъ въ восторгъ отъ *Acinetæ* и *Ciliata*, „которыя показываютъ ясно, какъ много органическая клѣточка способна сдѣлать сама по себѣ въ идеальномъ стремленіи къ животному совершенству“, и отъ *Radiolagia* „на самомъ дѣлѣ воплощающихъ въ себѣ всевозможныя основныя формы, какія могутъ быть выставлены въ проморфологической системѣ“⁷⁹⁵⁾, а въ „*Perigenesis der Plastidule*“ мы даже слышимъ о томъ, что всѣ атомы одушевлены, ощущаютъ, радуются и страдаютъ, одарены волей и памятью⁷⁹⁶⁾. Спенсеръ не дозволяетъ себѣ такихъ увлеченій. Но

⁷⁹¹⁾ Spencer, *First Principles*, P. I, „Unknowable“. обстоятельный анализъ этого ученія у Grosse, *H. Spencer's Lehre v. Unerkennbaren*, Leipz. 1891.

⁷⁹²⁾ Büchner, *Kraft und Stoff*, 132.

⁷⁹³⁾ K. Vogt, *Bilder aus dem Thierleben*, Frankf. 1852, 233.

⁷⁹⁴⁾ Выше, стр. 789.

⁷⁹⁵⁾ Haeckel, *Das Protistenreich, eine populäre Uebersicht über d. Formengebiet der niedersten Lebewesen*, Leipz. 1878, 31, 38. Первое изданіе *Natürliche Schöpfungsgeschichte* появилось въ 1868 г., послѣднее (восьмое) 1889. На „конечныя причины“ во всѣхъ изданіяхъ одинъ и тотъ же взглядъ.

⁷⁹⁶⁾ Haeckel, *Die Perigenesis der Plastidule oder die Wellenzugung der Lebenstheichen, ein Versuch zur mechanischen Erklärung der elementaren Lebensvorgänge*, Berl. 1876, 38 f.

онъ, хотя и заявляетъ, что какимъ бы способомъ ни былъ формулированъ (телеологическій принципъ *vis formativa*) и какимъ бы способомъ выраженія ни былъ прикрытъ, если бы гипотеза стала приписывать органическую эволюцію какой нибудь естественной способности, которою организмъ обладаетъ или которая въ него вложена, то была бы не философской,⁷⁹⁷⁾ тѣмъ не менѣе „множествомъ разнородныхъ фактовъ вынужденъ признать, что составляющія организмъ живыя частицы имѣютъ врожденную склонность располагаться въ форму организма, отъ котораго происходятъ, и заключить, что растеніе или животное всякаго вида составлено изъ специальныхъ единицъ, имѣющихъ присущую имъ способность агрегироваться въ форму этого вида, точно такъ же какъ атомы соли имѣютъ способность кристаллизоваться извѣстнымъ образомъ“⁷⁹⁸⁾.

Сравненіе организма съ образующимся „по механическимъ законамъ“ кристалломъ—общее мѣсто всѣхъ механическихъ теорій⁷⁹⁹⁾. Какъ будто образующія организмы формы, стремленіе къ идеальному совершенству, воплощеніе типовъ, сознательная воля, склонность располагаться въ опредѣленные формы кристалла или организма мыслимы безъ цѣлесообразности⁸⁰⁰⁾.

По теоріи естественной необходимости и удачной случайности, природа дѣйствуетъ хотя и по законамъ, но съ точки зрѣнія нашего понятія о цѣли, какъ попало; изъ безчисленнаго множества кажущихся намъ неудачными, а на дѣлѣ неустойчивыхъ образованій, сохраняется незначительное количество такихъ, которыя мы считаемъ цѣлесообразными, но которыя въ дѣйствительности обладаютъ болѣе устойчивымъ равновѣсіемъ и вслѣдствіе этого равновѣсія живутъ и развиваются на счетъ другихъ, менѣе уравнишенныхъ. „Если бы человекъ съ цѣлью застрѣлить зайца, сталъ на большой степени

⁷⁹⁷⁾ Spencer, Principles of Biology, P. III, Ch. VIII, § 144. То что справедливо объ общемъ развитіи, должно быть справедливо и о развитіи единичномъ. А между тѣмъ гипотеза о „полярныхъ единицахъ“ какъ разъ такого рода, какой осуждаетъ Спенсеръ.

⁷⁹⁸⁾ Ibid. P. II Ch. IV, § 65. Ch. VIII, § 84. Ch. X, § 97. P. IV, Ch. I, § 178. Appendix къ I тому.

⁷⁹⁹⁾ Haeckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 364 f. Büchner, Kraft u. Stoff, 311 f. Wiener, die Grundzüge der Weltordnung, 226.

⁸⁰⁰⁾ Невозможность механическаго объясненія формъ ставятъ на видъ Bruno, Summa termin. metaph. 496 Gfr. и въ обстоятельномъ анализѣ P. Janet, Les Causes Finales, 2-me ed. Paris, 1882, Ch. VI (Le Mécanisme et la Finalité); заслуживаютъ также вниманія замѣчанія Lasson'a, Zeitliches und Zeitloses, Leipz. 1890, 52 f.

давать миллионы ружейныхъ залповъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ; если бы, чтобы войти въ запертую комнату, онъ купилъ десять тысячъ всевозможныхъ ключей и сталъ пробывать ихъ всѣ; если бы, что-бы имѣть домъ, онъ построилъ городъ и лишніе дома предоставилъ вѣтру и непогодѣ, то никто не назвалъ бы это цѣлесообразнымъ и тѣмъ меньше сталъ бы подозрѣвать въ такомъ образѣ дѣйствій какую нибудь высшую мудрость, скрытыя основанія и выдающуюся сообразительность. Но кто захочетъ познакомиться изъ современнаго естествовѣдѣнія съ законами сохраненія и распространенія видовъ,.... тотъ повсюду найдетъ чудовищную расточительность жизненныхъ сѣмянъ.... Погибель жизненныхъ сѣмянъ, неудача начатого—здѣсь правило, „сообразное съ природой“ развитіе—лишь специальный случай изъ тысячъ, лишь исключеніе, и это то исключеніе создаетъ ту природу, которой цѣлесообразному самосохраненію близоруко удивляется телеологъ... То, что въ сохраненіи видовъ мы называемъ случайностью, разумѣется не есть случайность въ смыслѣ общихъ законовъ природы, которыхъ великая работа производитъ всѣ эти дѣйствія, но случайность въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, какъ скоро мы это выраженіе станемъ разсматривать по противоположности слѣдствіямъ челоуѣкоподобнаго разсчитывающаго ума. Гдѣ въ органахъ животныхъ и растений мы находимъ цѣлесообразное, тамъ мы должны предполагать, что въ вѣчномъ убійствѣ слабого уничтожены менѣе цѣлесообразныя формы, такъ что и здѣсь то, что сохраняется, есть лишь благопріятный специальный случай въ океанѣ рожденій и гибели. Это на самомъ дѣлѣ—часть многопоносимаго міровозрѣнія Емпедокла, которое подтверждается безконечнымъ матеріаломъ, поставленнымъ на видъ точными изслѣдованіями лишь десяти послѣднихъ лѣтъ⁸⁰¹). А Емпедоклово міровозрѣніе говоритъ, что первоначально появлялись отдѣльные члены, что эти члены скрѣплялись между собою какъ попало любовью (притяженіемъ), но что происшедшія такимъ образомъ чудища погибали, пока не произошли гармонически сложенные и способныя къ жизни существа⁸⁰²). „Много выросло головъ безъ шей, слонялись голыя руки, лишеныя плечъ, скитались

⁸⁰¹) Lange, *Gesch. d. Materialismus*, II³, 246 f.

⁸⁰²) Zeller, *Ph. d. Gr.* I⁴, 718 f. Это ученіе коренится, повидимому, въ ученіи Орфи-ковъ. *Arist. De gener. anim.* II, 734 a, 16. Prantl, *Aristot. Phys.* 484. Kern, *Emped. u. Orphiker*, *Arch. f. d. Gesch. d. Philos.* I, 4, 500 f.

глаза, не имѣвшіе лица...“⁸⁰³). Все это соединялось между собою по мѣрѣ встрѣчъ...⁸⁰⁴). Такимъ образомъ народились двояколикіе и двоякогрудые, бычачья порода съ человѣческими лицами и наоборотъ нарастала человѣческая порода съ бычачьими головами, сложенная частью изъ мужской, частью изъ женской природы и снабженная подвижными членами“⁸⁰⁵).

Ясно однако, что если чудовища вымираютъ, а не чудовища остаются въ живыхъ и совершенствуются, то въ природѣ существуетъ цѣль, хотя бы и „не человѣческая“, существуетъ нѣкоторый принципъ, не только созидающій формы, но и избирающій и сохраняющій однѣ передъ другими и на счетъ другихъ. Допустивъ даже, что этотъ принципъ—равновѣсіе и устойчивость⁸⁰⁶), самая устойчивость этого принципа требовала бы объясненія. На дѣлѣ однако механическое равновѣсіе и устойчивость не примѣнимы ни къ жизни особи, ни тѣмъ болѣе къ жизни вида. „Даже самое поверхностное разсмотрѣніе совокупности процессовъ въ живомъ существѣ (говоритъ Пфлюгеръ⁸⁰⁷) показываетъ тотчасъ же, что они никогда не представляютъ динамическаго равновѣсія въ строгомъ смыслѣ. Такъ въ каждый моментъ измѣняетъ ударъ волнъ и теченіе стремительный горный потокъ, увлекающій за собою камни и взрывающій свое русло. Въ вѣчной перемѣнѣ работы порождающихъ жизнь силъ до сихъ поръ возможно найти лишь одну общую точку зрѣнія, которая господствуетъ надъ закономъ ихъ дѣйствій, если не безусловно, то по крайней мѣрѣ согласно съ правиломъ. Съ этой точки зрѣнія получаютъ дѣйствительность только такіа сочетанія причинъ, которыя возможно болѣе поощряютъ благоденствіе животныхъ“. Жизнь вида съ внѣшней стороны не что иное, какъ чередованіе жизни порождающихъ одна другую особей. Но изъ механическихъ принциповъ невозможно понять, какимъ образомъ неустойчивое равновѣсіе можетъ повторять себя въ безконечномъ чередованіи. Отъ Спенсера мы уже слышали, что только одна гипотеза о

⁸⁰³) Simpl. De Coelo, 144 v, 512 Brand. (v. 307—309 M.).

⁸⁰⁴) Ibid. (v. 311 M.).

⁸⁰⁵) Ael. Hist. an XVI, 29 (v. 313—316 M.).

⁸⁰⁶) Spencer, First Princ. P. II, Ch. XXII, § 173. Princ. of Biology, P. II, Ch. V. P. III, Ch. XI—XII, Lange Gesch. d. Mat., II³, 254 t.

⁸⁰⁷) Pflüger, Die teleologische Mechanik der lebendigen Natur, 2-te Aufl. Bonn, 1877, 7.

„полярныхъ единицахъ“⁸⁰⁸⁾ способна дать отвѣтъ на вопросъ, почему изъ опредѣленнаго зерна всегда выходитъ опредѣленнаго типа растеніе и изъ опредѣленнаго яйца опредѣленнаго типа животное, а не всё вообще мыслимыя растенія и животныя. Эта гипотеза совершенно ясно подразумѣваетъ предопредѣленіе, а потому и телеологию.⁸⁰⁹⁾ Еще очевиднѣе подразумѣваетъ ее принципъ благоденствія особей.

Точно также механическая теорія не можетъ объяснить и того, почему, если такъ называемыя цѣлесообразныя формы, лишь счастливыя исключенія, а такъ называемыя уродливыя общее правило, мы не только теперь не видимъ Емпедокловыхъ чудищъ, но не имѣемъ никакого фактическаго основанія предполагать, что они существовали когда либо. „Возьмемъ какую нибудь цѣль, достигнутую наконецъ природой, напри- мѣръ, установленіе человѣческаго рода. Гдѣ тѣ милліоны неудачъ, изъ среды которыхъ вышелъ этотъ успѣхъ? Съ какими фактами, дѣйстви- тельными или предполагаемыми, земной исторіи они тождественны? Должны-ли реальныя ступени эволюціи, доведшія до человѣка и зани- мающія средину между Плащеносками и Шекспиромъ, быть разсма- триваемы какъ неудачныя выстрѣлы? Едва-ли, такъ какъ онѣ тѣ самыя средства, которыя привели къ цѣли и не пропали даромъ. Должны-ли мы въ такомъ случаѣ обратиться къ другимъ линіямъ родословной, къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя завершились семгою, фазаномъ, сло- номъ, собакой, обезьяной, и считать ихъ за неудачи, такъ какъ они привели къ другому, чѣмъ человѣкъ? Это значило бы предполагать, что живыя существа не имѣютъ никакой цѣли кромѣ лишь средствъ для дальнѣйшаго произведенія человѣка; между тѣмъ на дѣлѣ всякая переживающая раса содержитъ и реализуетъ свою собствен- ную цѣль, участвуетъ она или нѣтъ въ послѣдующемъ приобрь- теніи насъ. Быть можетъ, наконецъ, мы должны на кладбищахъ природы искать слѣдовъ ея неудачъ и отнести всё погибшіе роды къ неудачнымъ просто потому, что они не удержались въ мірѣ. Такой приговоръ однако осудилъ бы многихъ изъ вѣроятныхъ прародителей существующихъ родовъ, самое присутствіе которыхъ оправдываетъ занятое ихъ предками мѣсто въ природѣ. Сверхъ того, нѣтъ ника-

⁸⁰⁸⁾ Выше, стр. 227.

⁸⁰⁹⁾ Выше, стр. 216.

кого основанія ставить способность выживанія въ настоящемъ мѣроу успѣха сравнительно съ прошедшимъ, такъ какъ все вообще не болѣе какъ временные обитатели на этой планетѣ, и кроющія искапаемыхъ скалы отводятъ для исчезнувшихъ поколѣній такую же часть въ геологическомъ времени, какую могутъ основательно требовать теперешнія животныя. И такъ, мы повидимому должны идти за предѣлы лѣтописей всей вообще естественной исторіи, прошедшей и настоящей, что бы найти предполагаемыхъ недоносковъ производительной силы, и должны искать ихъ въ нѣкоторой гипотетической области, приткнутой къ извѣстной флорѣ и фаунѣ земли, и извинить отсутствіе этихъ ошибочныхъ формъ частью „несовершенствомъ геологической лѣтописи, частью ихъ склоннымъ къ гибели характеромъ“. При такихъ условіяхъ они становятся совершенно мнимыми существами, требуемыми теоріей, но не засвидѣствованными ни однимъ фактомъ. Въ этой мнимой области мы ихъ и можемъ оставить“ ⁸¹⁰).

Такимъ образомъ притча о залпахъ и ключахъ вовсе не такъ убѣдительна, какъ думаетъ ея именитый авторъ. Во всѣхъ отношеніяхъ противоположна ей та, которой ограждаетъ себя телеология. „Вообразимъ (говоритъ эта притча), что существуютъ въ безчисленномъ количествѣ всѣ буквы алфавита—золотыя и вообще какія угодно, двигающіяся непрестанно, но какъ попало. Возможно ли думать, что, ударяясь о землю, онѣ способны напечатлѣть на ней какую нибудь поѣму или даже одинъ стихъ поѣмы? На этотъ вопросъ никто не отвѣтитъ утвердительно. Во сколько же разъ нелѣпѣ думать, что благоустроенный міръ или вѣрнѣе безчисленное множество благоустроенныхъ міровъ могутъ быть слѣдствіемъ случайнаго столкновения атомовъ, лишенныхъ къ тому же всякихъ качествъ? Если такимъ путемъ образуются міры, отчего также не воздвигаются портики, храмы, дома, города, построеніе которыхъ много легче?“ ⁸¹¹) Несостоятельность этой притчи до сихъ поръ еще никѣмъ не была доказана.

⁸¹⁰) Martineau, A Study of Religion, Oxf. 1888, I, 379. Заслуживаетъ также вниманія Аристотелева критика Емпедокловой теоріи. Phys. II, 8, 198 b, 31, сл.

⁸¹¹) Cicero, De Deor. nat. II, 37, 93—94. Привожу въ изложеніи. Целлеръ указываетъ на Стоическое происхожденіе этой притчи. Ph. d. Gr. III a³, 185, 5. Vorträge u. Abhandl. III, 50, 1.

Впрочемъ, невозможность объяснить формы какими бы то ни было причинами очевидна сама собой. О чемъ бы мы ни мыслили, каждая наша мысль всегда предполагаетъ форму. Всякое состояніе духа есть форма духа, всякое состояніе матеріи есть форма матеріи, а духъ и матерія формы бытія. Понятіе формы такимъ образомъ подразумѣвается всѣми нашими понятіями и не можетъ быть выведено ни изъ одного. Кантъ съ полной убѣдительностью показаль тщетность всякихъ попытокъ объяснить эмпирически пространство, время и категоріи. Съ еще большимъ правомъ мы должны утверждать тоже о формѣ, такъ какъ пространство, время и категоріи уже суть формы⁸¹²⁾. Единственно возможная точка зрѣнія при истолкованіи формъ — идеализмъ, предполагающій формы какъ данныя и ищущій лишь наиболѣе соответствующаго этимъ даннымъ принципа. Такихъ принциповъ до сихъ поръ было выставлено четыре: міръ идей и міровая душа у Платона, Бруно и Шеллинга, чистая умственная энергія у Аристотеля, чистое понятіе у Гегеля и міровая фантазія у Фрошаммера⁸¹³⁾. Разумѣется, ни одинъ изъ этихъ философовъ не снимаетъ „покрова Изиды“, и всѣ вмѣстѣ едва его приподнимаютъ. Но дѣло не въ результатахъ, а въ принципѣ.

Посмотримъ теперь, какъ механическая теорія пытается объяснить жизнь и сознание.

„Біологія и геологія (говорить Спенсеръ⁸¹⁴⁾ казались когда то раздѣленными непроходимую бездною; а для многихъ такое разстояніе между ними кажется существующимъ и до сихъ поръ. Но каждый день приносятъ намъ новыя причины думать, что одна группа явленій выросла здѣсь изъ другой. Организмы суть высоко-дифференцированныя части того вещества, которое образуетъ земную кору и газообразную оболочку земли, и ихъ дифференціація отъ остальнаго вещества произошла, подобно всѣмъ другимъ дифференціаціямъ, лишь постепенно. Пропастъ между неорганическимъ и органическимъ міромъ мало по малу заполняется. Съ одной стороны тысячи четыре или

⁸¹²⁾ Kant, Kritik d. rein. Vernunft, Die transc. Aesth. § 1, 56, Hart. Кантъ рассматриваетъ лишь общія формы отношенія духа къ объектамъ: формы чувственности (пространство и время), формы разсудка (категоріи), формы разума (идеи), но обходитъ вопросъ объ условіяхъ сознанія частныхъ формъ.

⁸¹³⁾ Froeschammer, Die Phantasie als Grundprincip des Weltprocesses, Münch. 1877.

⁸¹⁴⁾ Spencer, Principles of Psychology, P. II, Ch. VII, § 55.

пять сложныхъ соединеній, разсматривавшихся когда то какъ исключительно органическія, произведены теперь искусственно изъ неорганическаго вещества, и химики не сомнѣваются въ возможности произвести такимъ образомъ самыя высшія формы органическаго вещества. Съ другой стороны, при помощи микроскопа мы спускались по лѣстницѣ организмовъ къ все болѣе и болѣе простымъ формамъ, пока въ Protogenes профессора Геккеля не достигли такого типа, который можетъ быть отличенъ отъ кусочка альбумина только своимъ тонко-зернистымъ характеромъ“.

„Невозможность самозарожденія (добавляетъ Геккель ⁸¹⁵) вообще никогда не можетъ быть доказана. Откуда можемъ мы знать, что въ древнія незапамятныя времена не существовали совершенно другія въ сравненіи съ настоящими условія, и что они не дѣлали возможнымъ автогонію? Мы даже можемъ съ полною достовѣрностью утверждать положительно, что общія жизненныя условія первобытнаго времени должны были совершенно отличаться отъ теперешнихъ. Подумайте только о томъ фактѣ, что чудовищныя массы углерода, которыя мы теперь находимъ отложенными въ первичныхъ каменноугольныхъ горахъ, были приведены въ твердую форму лишь дѣйствіемъ жизни растений.... Но въ то время, когда на охладившейся земной корѣ.... впервые образовались самозарожденіемъ организмы, это неизмѣримое количество углерода существовало въ совершенно иной формѣ, было вѣроятно распредѣлено въ атмосферѣ въ формѣ углекислоты. Такимъ образомъ весь составъ атмосферѣ былъ чрезвычайно различенъ отъ настоящаго. Далѣе, какъ можно заключить изъ химическихъ, физическихъ и геологическихъ основаній, были со-всѣмъ иныя плотность и электрическія свойства атмосферѣ. Точно также были тогда совершенно особыя химическія и физическія качества первобытнаго моря, покрывавшаго тогда непрерывнымъ водянымъ пологомъ всю землю. Температура, плотность, содержаніе соли и т. д. должны были быть другими, чѣмъ въ теперешнихъ моряхъ. Поэтому во всякомъ случаѣ для насъ остается, хотя бы мы и не знали больше ничего, по крайней мѣрѣ неоспоримымъ предположеніе, что въ то время при совершенно иныхъ условіяхъ было возможно самозарожденіе, въ настоящее время пожалуй и невозможное“.

⁸¹⁵) Haeckel, *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, 362 f.

Не трудно видѣть полную несостоятельность всѣхъ этихъ доводовъ.

Первый и главный изъ нихъ—постепенность въ природѣ, есть фактъ, требующій объясненія, но самъ ничего не объясняющій⁸¹⁶). Онъ можетъ быть поѣтому лишь регулятивнымъ принципомъ при истолкованіи явленій, а не конститутивнымъ.

Не больше доказываетъ и второй доводъ—добываемые въ лабораторіяхъ углеводороды. Эти углеводороды не живыя существа, а безжизненные произведенія живыхъ существъ. Заключать изъ возможности ихъ искусственнаго изготовленія къ возможности химическаго созиданія организмовъ не болѣе логично, чѣмъ изъ того, что люди строятъ дома, заключать объ ихъ способности созидать строящихъ дома каменщиковъ, плотниковъ и проч.

Третій доводъ—неизвѣстныя намъ условія первичной эпохи—очевидное *asylum ignoantiae*. Впрочемъ, если бы и были извѣстны эти условія, все таки никакая химія не способна объяснить характеризующаго жизнь „непрерывнаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ отношеніямъ“. Химическая корреляція (поясняетъ самъ Спенсеръ⁸¹⁷) „не отличается абстрактно отъ той, какая существуетъ между движеніемъ соломы и движеніемъ вѣтра, который ее поднимаетъ. Въ томъ и другомъ случаѣ измѣненіе производитъ измѣненіе и этимъ все кончается: перемѣна, происшедшая въ объектѣ, не стремится произвести вторичную перемѣну въ предвидѣніи вторичной перемѣны въ окружающей средѣ. Но во всякомъ живомъ тѣлѣ существуютъ перемѣны этого рода, и именно въ ихъ произведеніи и состоитъ соотвѣтствіе. Что-бы выразить эту разницу знаками, пусть А есть измѣненіе въ окружающей средѣ и В нѣкоторое измѣненіе, которое происходитъ вслѣдствіе него въ неорганической массѣ. Когда А произвело В, дѣйствіе прекращается. Пусть за измѣненіемъ А въ средѣ слѣдуетъ другое измѣненіе *a*, эта параллельная послѣдовательность не порождаетъ въ неорганической массѣ одновременно измѣненія *b*, имѣющаго отношеніе къ измѣненію *a*. Но если мы возьмемъ живой организмъ и А произведетъ въ немъ нѣкоторое измѣненіе С, то между тѣмъ какъ въ окружающей средѣ А

⁸¹⁶) Фактъ этотъ впервые отмѣченъ Аристотелемъ Hist. an. VIII, 1, 588 b, 4 сл. De part. an. IV, 5. (81 a, 12.

⁸¹⁷) Spencer, Principles of. Biology, P. I, Ch. V, § 29. Обстоятельный анализъ этой Спенсеровой формулы у Janet, Les Causes Finales I. I, Ch. IX, 366 (2 ed.).

служить причиною *a*, въ организмѣ *C* будетъ служить причиною *c*, отсюда слѣдуетъ что *a* и *c* показываютъ извѣстное соотвѣтствіе по отношенію ко времени, положенію и интенсивности“. Именно въ этомъ двоякомъ отношеніи и лежитъ тайна жизни.

Допустивъ даже возможность (которую отстаиваютъ Геккель и его послѣдователи и единомышленники⁸¹⁸) объяснить первичныя жизненныя отправленія (питаніе и размноженіе) простѣйшихъ живыхъ существъ изъ законовъ механики и химіи (эндосмосовой, экзосмосовой, распаденіемъ и проч.), во всякомъ случаѣ ни та ни другая наука не въ силахъ сказать, почему внутреннія отношенія въ живомъ существѣ не только отвѣчаютъ внѣшнимъ, но и къ нимъ приспособляются, и при томъ такъ, что въ ходѣ развитія это приспособленіе съ каждымъ шагомъ совершенствуется все болѣе и болѣе. Къ тому же существованіе безусловно простыхъ существъ, вполне подходящихъ подъ понятіе бѣлковины, до сихъ поръ не поставлено внѣ сомнѣнія⁸¹⁹). Надѣлавшій столько шуму „Баенбій“ Геккеля оказался миеомъ⁸²⁰). А тѣ „монеры“ (*Protomуха aurantiaca*), на которыхъ Геккель поясняетъ свою теорію⁸²¹), своими при сравнительной простотѣ строенія сложными эволюціями прямо и рѣшительно указываютъ на телеологию. Во всякомъ случаѣ, монеры уже живыя существа и слѣдовательно въ вопросѣ о происхожденіи жизни ничего не объясняютъ, хотя и очень интересны въ исторіи ея развитія.

Отожествлять жизнь съ химическими процессами значитъ очевидно (говоря словами Платона⁸²²) смѣшивать дѣйствующія причины съ содѣйствующими. „Дѣятели химическихъ явленій въ живыхъ тѣлахъ (слышимъ мы отъ одного изъ именитѣйшихъ физиологовъ⁸²³)

⁸¹⁸) Haeckel, *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, 165 f. Verworn, *Psycho-physiologische Protisten Studien*, Jena, 1889. Soury, *La Psychologie physiologique des Protozoaires*, *Rév. Philos.* 1891, I, 1 sq. Здѣсь указана и остальная литература.

⁸¹⁹) По Спенсеру, монеры отличаются отъ альбумина „только“ своимъ тонко зернистымъ характеромъ. (Выше, стр. 293). Но въ этомъ „только“ все дѣло. Полемика по этому вопросу съ Геккелемъ у Гартмана, *Phil. d. Unbew.* III°, 146 f. 479 f.

⁸²⁰) Исторія Баенбіа подробно изложена Геккелемъ въ *Das Protistenreich*, 68 f.

⁸²¹) Haeckel, *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, 168 f.

⁸²²) *Phaedo* 99, *A. Tim.* 46, *C*, сл. *Polit.* 281, *D*, сл. Милль, опираясь на свое ученіе о причинности, исключющее понятіе дѣятельной причины, называетъ различіе между причиной и условіемъ (*αἰτία* и *συναιτία* Платона) ненаучнымъ, *System of Logic*, II°, Book III, Ch. V, § 3, 378 f. Объ этомъ ученіи рѣчь будетъ ниже, стр. 253, сл.

⁸²³) Claude Bernard, *La Science expérimentale*, Paris, 1878, *Définition de la vie*, 208 sq. „Ce n'est donc pas assez de regarder la vie comme le jeu des forces enfermées dans l'être;

не ограничиваются произведеніемъ химическихъ синтезовъ изъ крайне разнообразныхъ матерій, но ихъ организуютъ и приспособляютъ къ морфологическому созиданію новаго существа. Среди этихъ дѣятелей живой химіи самый могущественный и самый удивительный безспорно яйцо, первичная клѣточка, заключающая въ себѣ зерно, организующій принципъ всего тѣла... Посредствомъ зерна и вслѣдствіе той способности къ развитію, которою оно обладаетъ, устанавливается непрерывность видовъ и происхожденіе существъ одного отъ другого; чрезъ него мы понимаемъ необходимыя отношенія, существующія между явленіями питанія и явленіями развитія. Оно намъ объясняетъ ограниченную продолжительность живаго существа, такъ какъ смерть наступаетъ по прекращеніи питанія не потому что не достаетъ пищи, но потому что рядъ эволюцій существа достигъ своего предѣла и организующій импульсъ клѣточки исчерпалъ свою силу. Зерно управляетъ и организаціей существа, образуя, при помощи окружающихъ матерій, живую субстанцію и давая ей характеръ химической неустойчивости, которая служитъ причиною происходящихъ въ ней непрестанныхъ жизненныхъ движеній... Совершенно очевидно, что все это—дѣйствія чисто химическія, но не менѣе ясно и то, что эти химическія дѣйствія, посредствомъ которыхъ создается организмъ, сдѣлываются и слѣдуютъ одно за другимъ въ виду результата—организаціи и роста животнаго или растительнаго индивида. Существуетъ какъ бы жизненный рисунокъ, начерчивающій планъ каждаго существа и каждаго органа, такъ что если разсматриваемыя въ отдѣльности всѣ явленія организма суть данники общихъ силъ природы, то взятая въ ихъ послѣдовательности и совокупности они очевидно открываютъ спеціальную связь; они повидимому направляются нѣкоторымъ незримымъ условіемъ въ пути, по которому идутъ, въ порядкѣ, который ихъ сдѣлываетъ. Такимъ образомъ химическія синтетическія дѣйствія организаціи и питанія обна-

cette notion toute dynamique a besoin d'être complétée par une notion esthétique, en ce sens que le mécanisme des forces vitales s'asservit à une idée directrice, à la conservation de formes ou de types organiques. La force créatrice y retourne et y tend comme à un pôle constant, à travers des métamorphoses plus ou moins rapides et par une série plus ou moins complexe de genèses enchaînées les unes aux autres. Une finalité obstinée se cache dans la nuit hideuse du monde embryonnaire, dans les larves, dans l'enveloppe des chrysalides, rideau derrière lequel l'insecte construit ses organes définitifs". Laugel, Les Problèmes, 2-e ed. Paris, 1873, Les Problèmes de la Vie, 318, sq.

руживаютъ себя такъ, какъ будто надъ ними господствуетъ импульсивная сила, управляющая матеріей, занимающаяся химіей приравненной къ извѣстной цѣли и пользующаяся слѣпыми реактивами лабораторій на подобіе самого химика“.

Сознаніе не мыслимо безъ жизни. Поэтому невозможность объяснить механически жизнь подразумѣваетъ невозможность механически объяснить и сознаніе. Но механическая теорія, отвергая первую невозможность, вынуждена отрицать и вторую.

„Различные порядки фактовъ согласно доказываютъ (говоритъ Спенсеръ ⁸²⁴), что законъ превращенія одинаково обязателенъ какъ для физическихъ силъ, такъ и для душевныхъ. Формы Непознаваемаго, которыя мы называемъ движеніемъ, теплотой, свѣтомъ, химическимъ средствомъ и проч.—преобразимы однѣ въ другія, а также въ тѣ формы Непознаваемаго, которыя мы различаемъ какъ эмоціи, чувствованія, мысли; эти послѣднія могутъ въ свою очередь, черезъ обратное преобразованіе, принять свои первоначальныя формы. Никакая мысль, никакое чувствованіе не могутъ проявиться иначе, какъ ставъ результатомъ физической силы, израсходовавшей на произведеніе ихъ... Но какъ происходитъ превращеніе? Какимъ способомъ сила, существующая въ формѣ движенія, теплоты, свѣта, можетъ стать формой сознанія? Какимъ способомъ могутъ воздушныя вибраціи породить ощущеніе, называемое звукомъ? Какимъ образомъ освобожденныя химическимъ процессомъ силы, дѣйствуя на мозгъ, могутъ производить эмоціи? Это непостижимыя тайны. Но онѣ не таинственнѣе тайны превращенія физическихъ силъ однѣхъ въ другія... Всякое проявленіе силы можетъ быть истолковано лишь какъ слѣдствіе предсуществовавшей силы: все равно—идеть-ли дѣло о неорганическомъ явленіи, движеніи животнаго, понятіи или ощущеніи. Неизбѣжно либо согласиться съ этими заключеніями, либо признать самопроизвольность каждаго изъ состояній нашего сознанія. Неизбѣжно—либо признать что умственныя силы, такъ же какъ и тѣлесныя, находятся въ количественномъ соотношеніи съ извѣстными силами, потраченными на ихъ произведеніе и съ другими извѣстными силами, происходящими отъ нихъ,—или же допустить, что ничто можетъ стать чѣмъ нибудь и нѣчто превратиться въ ничто. Неиз-

⁸²⁴) Spencer, First Principles, P. II, Ch. VII, § 71.

бѣжно выбрать что нибудь одно: либо отрицать постоянство силы, либо признавать, что всякое физическое или психическое дѣйствіе произведено предсуществовавшими силами и что изъ даннаго количества этихъ силъ не можетъ произойти ни больше, ни меньше известнаго количества физическихъ или психическихъ дѣйствій. Такъ какъ постоянство силы, въ качествѣ даннаго въ сознаниі, не можетъ быть отрицаемо, то долженъ быть принятъ и необходимый выводъ его⁸²⁵).

„Я думаю (говорить поэтому Гэксли), что мы придемъ къ механическому эквиваленту сознания совершенно такъ же, какъ пришли къ механическому эквиваленту теплоты“⁸²⁶).

Къ этимъ общимъ доводамъ примыкаетъ спеціальнѣйшій—тѣсная зависимость между тѣлесной и духовной организаціей.

„Въ „Біологія“ было показано, что, начиная съ низшей жизни растений и зачаточныхъ животныхъ, прогрессъ жизни, на ея все болѣе и болѣе высокихъ ступеняхъ, состоитъ существеннѣйшимъ образомъ въ постоянномъ улучшеніи приспособленія органическихъ процессовъ къ процессамъ окружающимъ организмъ. Мы видѣли тамъ, какимъ образомъ, рядомъ съ увеличеніемъ сложности организаціи, идетъ и возрастаніе числа, объема, спеціальности и сложности приспособленій внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Мы видѣли также тамъ, что, слѣдя за такимъ возрастаніемъ шагъ за шагомъ, мы переходили нечувствительно безъ всякаго замѣтнаго перерыва, отъ явленій тѣлесной жизни къ явленіямъ жизни духовной...⁸²⁷). Во всемъ животномъ царствѣ вообще дѣйствія находятся въ зависимости отъ нервнаго строенія. Физиологія учитъ насъ, что каждое рефлексивное движеніе предполагаетъ дѣятельное участіе известныхъ нервовъ и узловъ; что развитіе сложныхъ инстинктовъ сопровождается усложненіемъ нервныхъ центровъ и ихъ комиссуральныхъ

⁸²⁵) Ibid. § 72.

⁸²⁶) Macmillian's Magazine, XII, 78. Также Soury, *Rév. Philos.* 1891, I, 6: Dans l'état actuel des sciences il est possible de relier directement la psychologie aux sciences physico-chimiques: les fonctions du système nerveux, c'est-à-dire des éléments cellulaires chez lesquels les propriétés psychiques (sensibilité et mouvement) du protoplasma ont subi la plus haute spécialisation, ne sont, comme la chaleur et l'électricité, qu'une forme de l'énergie; bref, les phénomènes psychiques ont un équivalent chimique, thermique, mécanique.

⁸²⁷) Spencer, *Principles of Psychology*, P. III, Ch. I, § 131.

связей; что то же самое существо, на различныхъ ступеняхъ своего развитія... представляетъ различные инстинкты, параллельно съ различнымъ нервнымъ строеніемъ, и что по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ къ существамъ съ болѣе высоко развитой психической дѣятельностью, мы замѣчаемъ сильное возрастаніе размѣра и сложности нервной системы. Какой же выводъ слѣдуетъ изъ всего этого? Тотъ выводъ, что способность къ координаціи впечатлѣній и къ выполненію соотвѣтственныхъ дѣйствій всегда предполагаетъ существованіе извѣстныхъ нервовъ, расположенныхъ извѣстнымъ образомъ ⁸²⁸).... Слѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ число внѣшнихъ явленій, вызывающихъ себѣ отвѣтъ въ организмѣ, становится значительнѣе, и по мѣрѣ того, какъ увеличивается сложность этихъ явленій, должны увеличиваться также разнообразіе и быстрота тѣхъ нервныхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ... общемъ центрѣ сообщенія, т. е. тутъ долженъ возникнуть непрерывный рядъ нервныхъ перемѣнъ, субъективная сторона котораго явится для насъ какъ связанное сознание ⁸²⁹).

Стоитъ однако немного вникнуть въ ученіе физики объ единствѣ силъ ⁸³⁰), чтобы понять, что предположеніе о превратимости физическихъ силъ въ духовныя и наоборотъ не только не можетъ служить основаніемъ для какихъ-бы то ни было выводовъ, но что даже самый вопросъ о такомъ превращеніи нелѣпы. Теорія единства физическихъ силъ построена на предположеніи эквивалентности ихъ энергіи, а это послѣднее—на предполагаемой возможности выразить всякую энергію въ однихъ и тѣхъ же терминахъ массы и движенія. Но сознаніе очевидно не имѣетъ ничего общаго ни съ движеніемъ, ни съ массой. Вслѣдствіе того, что я сознаю, во внѣшней мнѣ дѣйствительности не происходитъ никакого движенія, а производимыя въ моемъ сознаніи воспріятіемъ внѣшняго движенія перемѣны не могутъ быть выражены никакой соразмѣрной этому движенію единицей. Молекулярныя движенія, которыя происходятъ въ моемъ мозгу при воспріятіи, все равно будемъ-ли мы ихъ считать причиною или слѣд-

⁸²⁸) Ibid. P. IV, Ch. VII, § 208.

⁸²⁹) Ibid. P. IV, Ch. I, § 179.

⁸³⁰) Сжатое и ясное изложеніе у Bain'a, Logic, I, Lond. 1873, II², 20 f. Helmholtz, Ueber die Erhaltung der Kraft Berl. 1847. Stewart, Conservation of Energy, 7-th ed. Lond. 1887. Planck, Das Princip d. Erhaltung d. Energie, Gött. 1887.

ствіемъ сознанія, принадлежать внѣшнему міру; поэтому, если бы и можно было ихъ измѣрить единицами массы и движенія, то эта мѣра выражала бы отношеніе лишь между двумя событіями во внѣшней дѣйствительности, а не между этой дѣйствительностью и сознаниемъ ⁸³¹).

Точно также нисколько не проливаетъ свѣта на природу сознанія и связь между нервной организаціей и духовной дѣятельностью. Эта связь уполномочиваетъ лишь къ выводу, что нервная организація тамъ, гдѣ существуетъ, есть необходимое орудіе сознанія, но нисколько не свидѣтельствуетъ о томъ, что она его причина. „Все, что встрѣчается матеріальнымъ составнымъ частямъ внѣшней природы или же нашего собственнаго тѣла (говорить талантливѣйшій представитель телеологической механики — Лотце ⁸³²), все, что можетъ столкнуться съ ними какъ въ ихъ отдѣльности, такъ и въ ихъ разнообразной связи, совокупность всѣхъ тѣхъ опредѣленій протяженія, смѣшенія, плотности и движенія, все это совершенно несравнимо съ своеобразной природой духовныхъ состояній, съ ощущеніями, чувствами, стремленіями, которыя фактически за ними слѣдуютъ, но ошибочно нами считаются ихъ произведеніемъ. Никакое сравнительное расчлененіе не могло бы въ химическомъ составѣ нерва, въ напряженія, способѣ положенія и движенія его мельчайшихъ частицъ открыть основаніе, почему звуковая волна, достигающая его своими воздѣйствіями, должна вызвать въ немъ больше, чѣмъ измѣненіе его физическихъ состояній. Какъ бы далеко по нерву мы ни прослѣживали врывающееся чувственное раздраженіе, сколь бы часто мы ни заставляли его мѣнять свою форму и преобразовывать свои движенія все въ болѣе тонкія и нѣжныя, никогда бы мы не могли доказать, что само собою лежитъ въ природѣ какого нибудь порожденнаго такимъ образомъ движенія перестать быть движеніемъ и возродиться какъ блестящій свѣтъ, какъ звукъ, какъ сладость вкуса. Всегда остается одинаково большимъ скачекъ между послѣднимъ состояніемъ

⁸³¹) Непринятность къ духовнымъ явленіямъ физическаго закона о сохраненіи силъ доказываютъ между прочимъ Mühry, Kritik etc. d. exacten Natur-Philosophie, 5-te Aufl. Götting. 1882, 67 f. Wundt, Logik, II, 507. Mc Cosh, Energy, efficient and final Cause, Edinb. 1884. Höffding Psychologie in Umrissen, Leipz. 1887, 68 f. Martineau, A Study of Religion, Oxf. 1888, II, 332 f. J. Caird, Mind and Matter, Glasg. 1888, 17 f. и мн. др.

⁸³²) Lotze, Mikrokosmos I³, 165.

матеріальныхъ элементовъ, которое могло быть нами достигнуто, и между первымъ возникновеніемъ ощущенія, и едва-ли кто нибудь будетъ питать тщетную надежду, что болѣе выработанная наука найдетъ таинственный переходъ тамъ, гдѣ съ самою простою ясностью навязывается невозможность всякаго постепеннаго перехода“.

Утверждать на основаніи зависимости духовной жизни отъ тѣлесной, что первая—причина второй, значитъ не различать между причиной и условіемъ⁸³³⁾. Ходъ паровой машины обусловленъ строе-ніемъ ея механизма; слѣдуетъ-ли изъ этого, что механизмъ—причина хода? Душа по своей природѣ нисколько не похожа на паръ, но отношеніе между дѣятельностью пара и машины находить близкую аналогію въ отношеніи между духовной и тѣлесной дѣятельностью. Когда въ парораспредѣлительномъ аппаратѣ нѣтъ пару, машина бездѣйствуетъ; точно также, когда тѣло не оживлено душой, оно становится коснымъ трупомъ; и какъ съ разстройствомъ той или другой части механизма разстраивается или прекращается его ходъ, точно также съ разстройствомъ тѣлеснаго организма разстраивается или прекращается духовная дѣятельность. Но какъ механизмъ не только не служитъ причиной существованія пара, а скорѣе наоборотъ—дѣйствіе пара служитъ причиной существованія механизма, точно также, какъ увидимъ ниже, духовная дѣятельность не только не слѣдствіе тѣлесной организаціи, а скорѣе ея причина.

Невозможность объяснить духовную дѣятельность изъ матеріальныхъ процессовъ настолько очевидна, что вынуждаетъ даже самыхъ грубыхъ матеріалистовъ къ смягчающимъ оговоркамъ. Бюхнеръ, папримѣръ, сѣтуетъ на Фохта за его извѣстное изреченіе, что „мысли стоятъ въ такомъ же отношеніи къ мозгу, въ какомъ — желчь къ печени или моча къ почкамъ.“ На взглядъ Бюхнера мысль не матерія, но „сросшійся въ единство комплексъ разнообразныхъ силъ, результатъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ одаренныхъ силами или свойствами веществъ, находящихся въ опредѣленномъ чрезвычайно сложномъ видѣ движенія“⁸³⁴⁾. Винеръ уподобляетъ мысль жару. „Какъ жаръ горящаго тѣла есть процессъ химическаго соединенія этого тѣла съ кислородомъ воздуха, точно также мысль есть процессъ дви-

⁸³³⁾ Выше, стр. 235, пр. 822.

⁸³⁴⁾ Büchner, Kraft und Stoff., 200 f.

женія, и именно химическаго разложенія части мозга. Жаръ не есть ни горящее тѣло, ни производящій горѣніе кислородъ, ни произведеніе горѣнія; онъ вообще не есть какое либо тѣло, но лишь состояніе движенія тѣла; точно также мысль не есть ни мозгъ... ни вообще вещество, но именно самое состояніе движенія⁸³⁵). Спенсеръ, хотя, согласно съ своей теоріей о превратимости всѣхъ вообще силъ, выводитъ духовную энергію изъ энергіи солнечнаго луча⁸³⁶) и отождествляетъ единицу сознанія съ нервнымъ толчкомъ⁸³⁷), на нѣсколькихъ страницахъ доказываетъ, что не только никакое усиліе не даетъ возможности ассимилировать духъ съ движеніемъ⁸³⁸), но что даже, если бы нужно было избрать между постиженіемъ духовныхъ явленій изъ физическихъ или физическихъ изъ духовныхъ, онъ предпочелъ бы послѣдній путь⁸³⁹). А на взглядъ его истолкователя, Файска, матеріализмъ Бюхнера, Фохта и Мошотта служитъ признакомъ ихъ философской необразованности⁸⁴⁰).

Но всѣ эти оговорки обличаютъ лишь слабость механическаго міровоззрѣнія. Постичь сознаніе изъ движенія точно такъ же невозможно, какъ и изъ вещества. Замѣчанія Спенсера вызваны уступкой здравому смыслу, но отвергаются принципомъ его системы. Этотъ принципъ не дуализмъ, а матеріалистическій монизмъ. Непосредственнымъ обнаруженіемъ своего Непознаваемаго Спенсеръ считаетъ матерію и движеніе, а не матерію и духъ, который у него есть слѣдствіе распредѣленія матеріи и движенія. Правда, онъ заявляетъ, что матерія можетъ быть истолкована лишь въ терминахъ духа, а духъ въ терминахъ вещества⁸⁴¹), однако онъ и духъ и матерію одинаково истолковываетъ въ терминахъ матеріи. Файскъ только обостряетъ непослѣдовательность Спенсераго міровоззрѣнія.

⁸³⁵) Wiener, Die Grundzüge d. Weltordnung, 727 f.

⁸³⁶) Spencer, First Principles, P. II, Ch. VIII, §§ 72—73.

⁸³⁷) Spencer, Principles of Psychology P. II, Ch. I, § 60.

⁸³⁸) Ibid. P. II, Ch. I, §§ 62—63. P. V, Ch. X, §§ 269—273.

⁸³⁹) Ibid. § 63: Nevertheless, it may be as well to say here, once for all, that were we compelled to choose between the alternatives of translating mental phenomena into physical phenomena or of translating physical phenomena into mental phenomena, the latter alternative would seem the more acceptable of the two.

⁸⁴⁰) Fiske, Outlines of the Cosmic Philosophy, II, 435.

⁸⁴¹) Spencer, Principles of Psychology, P. V, Ch. X, § 272: We can think of Matter only in terms of Mind. We can think of Mind only in terms of Matter.

А между тѣмъ противоположный путь, какъ признаеть и самъ Спенсеръ, болѣе логиченъ. Объяснить духъ изъ матеріи нельзя безусловно, объяснить матерію изъ духа можно по крайней мѣрѣ формально. Ученіе Григорія Нисскаго и впоследствии Беркли о матеріи какъ совокупности чувственныхъ качествъ монадологія Лейбница, сводящая основныя свойства бытія къ апперцепціи и аппетиту, анализъ въ „Философіи Безсознательнаго“ Гартманна, опредѣляющей понятіе матеріи какъ совокупность притягательныхъ и отталкивающихъ силъ, служащихъ обнаруженіемъ изначальной воли⁸⁴²⁾ — съ формальной стороны оставляютъ желать весьма немногаго. Если поэтому монизмъ и возможенъ, то лишь какъ спиритуализмъ. Однако наше сознаніе никакъ не можетъ примириться съ выраженіемъ всей вообще дѣйствительности въ терминахъ духа и вопреки всякимъ доводамъ упорно утверждаетъ нѣкоторую недуховную реальность. Но то, что сознается съ полною ясностью и не можетъ быть отмыслено, мы по критерію истины какъ отчетливаго сознанія, не допускающаго возможности противорѣчія⁸⁴³⁾, должны признать за истину. Поэтому единственный правильный путь въ истолкованіи жизни вселенной, тотъ, чтобы (подобно тому какъ Платонъ въ „Тимѣ“ и вслѣдъ за нимъ цѣлый рядъ мыслителей — Спиноза, Мистики, Шеллингъ, какъ учить въ настоящее время, примыкая къ „Психологіи“ Аристотеля, Вундтъ, и какъ иногда склоненъ думать Спенсеръ⁸⁴⁴⁾, признать духъ и вещество двумя нераздѣльными и одинаково изначальными сторонами одного и того же существа.

⁸⁴²⁾ Greg. N. De an. et resurr. 240. In hexaem. 7. De hom. opif. 107 Mor. Berkley, Of th Principles of human knowledge, § 3 f., Fraser, Selections from Berkley, 3-d ed. Oxf. 1884, 37 f. Подробный анализъ у А. И. Смирнова, Философія Беркли, Варш. 1873, 41, сл. Leibniz, Monad. 14. 15. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Gesch. d. deutsch. Phil. 86 f. Hartmann, Philos. d. Unbewussten, II¹⁰, с. 5, 96 f. О построенияхъ Фихте, Шеллинга, Гегеля не говорю, какъ мнѣ послѣдовательныхъ.

⁸⁴³⁾ Объ этомъ критеріи Spencer, Principles of Psychology, P. VII, Ch. XI. Mill, Science of Logic, II⁰, Book II, Ch. VII, § 1. М. М. Троицкій, Объ очевидности какъ предметъ Логики, Учени. Логики, М. 1885, I, 3 сл. Grung, das Problem d. Gewisheit, Heid. 1886.

⁸⁴⁴⁾ О Платонѣ и мистикахъ выше, стр. 183. Spinoza, Ethica, II, Prop. VII, Schol. Schelling, Darstell. m. Syst. d. Philos. § 44 f. (Werke 1-te Abth., 4-r B., 135 f.). Съ ученіемъ Вундта сейчасъ встрѣтима. Spencer, First Principles, P. II, Ch. XXIV, § 194 (въ концѣ): though the relation of subject and object renders necessary to us these antithetical conceptions of Spirit and Matter; the one is no less than the other to be regarded as but a sign of the Unknown Reality which underlies both. Principles of Psychology, P. V, Ch. X, § 272.

Но ставъ на эту точку зрѣнія, мы неизбежно должны, вопреки господствующему физиологическому предразсудку, заключить, что не тѣло создаетъ духъ, а наоборотъ духъ образуетъ тѣло. Какъ бы мы ни объясняли возникновеніе первоначальныхъ движеній въ животномъ мірѣ, изъ сознательной-ли воли,⁸⁴⁵⁾ или бессознательныхъ рефлексовъ⁸⁴⁶⁾, безспорно то, что въ дальнѣйшемъ развитіи живыхъ существъ большая часть движеній направляется волей. А такъ какъ движеніе главный внѣшній факторъ въ дифференціаціи тканей и образованіи органовъ, то главную причину всей вообще животной организаціи мы должны искать въ духовной жизни.

„Психическая исторія развитія (поясняетъ только что указанную истину Вундтъ⁸⁴⁷⁾) не только соприкасается съ физической, но даже сильно въ нее входитъ.... Стремленіе какъ основной психическій феноменъ заключаетъ движеніе прежде всего какъ ощущеніе движенія, а за тѣмъ... какъ представленіе движенія. Но это различіе между дѣйствительнымъ движеніемъ и представленіемъ о немъ есть лишь поздно совершаемый сознаниемъ актъ различія: сила воли надъ движеніями тѣла образуетъ повтому съ самаго начала интегрирующую составную часть внутренняго опыта. Вслѣдствіе того, что даже поверхностное разсмотрѣніе явленія развитія легко приходитъ къ результату, что съ усовершенствованіемъ физической организаціи возвышаются также и психическія отправления, возникаетъ то еще и теперь обычное воззрѣніе, которое въ первомъ видитъ причину втораго. Глубже проникающее разсмотрѣніе психической исторіи развитія должно придти къ противоположному пониманію: черезъ движеніе, которое стремленіе производитъ, оно дѣйствуетъ на физическую организацію и оставляетъ въ ней тѣ пребывающіе слѣды, которые прежде всего облегчаютъ возобновленіе вызваннаго стремленіемъ движенія, а за тѣмъ вслѣдствіе присоединенія отвѣтныхъ дѣйствій другихъ стремленій, допускаютъ возникновеніе болѣе сложныхъ выраженій стремленія.... Такимъ образомъ мы принуждены къ

⁸⁴⁵⁾ Wundt, Grundzüge d. physiol. Psychologie, II³, 488 f.

⁸⁴⁶⁾ Spencer, Principles of Psychology, P. IV, Ch. IV. Bain, The Emotions and the Will, 3-d ed. Lond. 1880. 304 f. The Senses and the Intellect, 3-d ed. Lond. 1868, 296 f.

⁸⁴⁷⁾ Wundt, Grundzüge, II³, 546 f. Logik II, 471. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ Bunge, Vitalismus u. Mechanismus, Leipz. 1886. Cope Theology of Evolution, Philad. 1887, 23 f. The Origin of the Fittest, Lond. 1886.

тому взгляду, что физическое развитіе не причина, а скорѣе слѣдствіе психическаго развитія. Тѣлесная организація доставляетъ предрасположеніе, приобрѣтенное психическимъ развитіемъ прежнихъ поколѣній, и въ незначительной части индивидуальнымъ развитіемъ сознанія. Тотъ старинный анимистическій взглядъ, который впервые выразилъ Аристотель въ знаменитомъ научномъ опредѣленіи души какъ первой энтелехія живаго тѣла, оказывается (конечно въ измѣненномъ видѣ) единственнымъ, который обѣщаетъ одновременно освѣтить проблему духовнаго и тѣлеснаго развитія. Только предположеніе, что психическое развитіе создало тѣло, дѣлаетъ понятнымъ неотразимый, не смотря на антителиологическія склонности современной біологіи, фактъ цѣлесообразности жизненныхъ явленій. Эта цѣлесообразность имѣетъ свое основаніе именно въ томъ, что одна часть жизненныхъ явленій, сознательныя дѣйствія воли, непосредственно происходитъ изъ цѣлей какъ мотивовъ, а другая—... состоитъ какъ бы изъ окаменѣлыхъ остатковъ прежнихъ дѣйствій по цѣлямъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ полную несостоятельность механической теоріи рѣшить поставленные выше вопросы. На всѣ нихъ она должна отвѣчать однимъ общимъ безусловнымъ „Ignorabimus“⁸¹⁸). Неразрѣшими они и для телеологіи. Но великое преимущество послѣдней передъ первой въ томъ, что тогда какъ послѣдняя, признавая жизнь, духъ, формы и законы изначальными свойствами зиждущаго міръ Бога, находитъ въ этихъ свойствахъ непоколебимую опору для всѣхъ своихъ выводовъ, первая, не признавая ихъ изначальными, но и не имѣя возможности объяснить ихъ происхожденіе, въ самомъ принципѣ рушитъ всякую опору.

Поэтому логическая непослѣдовательность—единственное спасеніе механической теоріи. Отрицая телеологію прямо, она вынуждена признавать ее косвенно. Тѣ самыя матерія, силы и законы, на которые она при объясненіи міра ссылается, совершенно ясно подразумеваютъ цѣлесообразность. Законъ въ его реальномъ значеніи есть необходимое единство, дающее опредѣленный характеръ безконечному ряду явленій; всякая реальная сила есть способность производить

⁸¹⁸) Du Bois Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerkennens. Die sieben Welträthsel. 6 те u. 2-te Aufl. Leipz. 1884.

дѣйствія опредѣленнаго порядка; всякая реальная матерія—способность обнаруживать опредѣленные свойства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подразумѣвается нѣкоторый предопредѣленный и опредѣляющій порядокъ, нѣчто, что должно быть осуществлено, то есть именно цѣль. „Напротивъ, лишите природу, ея силы и законы всякаго яснаго или темнаго предусмотрѣнія будущаго, всякаго инстинкта, всякаго интереса; сведите эти слова къ чуждымъ телеологіи понятіямъ, именно—природу къ совокупности вещей, то есть тѣль, силу природы къ свойствамъ этихъ тѣль, законы природы къ производимымъ изъ этихъ свойствъ отношеніямъ; въ такомъ случаѣ міръ могъ образоваться не иначе, какъ вслѣдствіе случайныхъ встрѣчъ и внѣшнихъ отношеній. Словомъ, либо міровой порядокъ есть лишь производная сила, то есть явленіе побочное, и тогда онъ есть дѣло случая, или онъ существенъ, и тогда въ природѣ существуетъ нѣкоторый принципъ порядка, то есть принципъ, сводящій множество къ единству, направляющій настоящее къ будущему и слѣдовательно повинующійся сознательно или бессознательно закону цѣлесообразности“⁸⁴⁹). Но какъ скоро мы признаемъ законы, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ первую возможность. Законъ причинности по отношенію къ телеологіи не отличается отъ всѣхъ прочихъ. „Если міровой порядокъ не нарушимъ, то всякое конечное дѣйствіе въ ряду причинности есть необходимое слѣдствіе, относительно котораго предыдущее опредѣлено точно такъ же твердо, какъ само это слѣдствіе опредѣлено относительно этого предыдущаго. Причина и цѣль становятся такимъ образомъ коррелятивными понятіями въ объективномъ смыслѣ. Послѣдовательно проведенное понятіе о причинѣ требуетъ поэтому понятія о цѣли какъ своего дополненія точно такъ же, какъ второе—перваго“⁸⁵⁰).

При отрицаніи телеологіи механическая теорія слѣпо повинуется присущей нашему разуму склонности сводить разнообразіе явленій къ единству заранѣе установленнаго излюбленнаго принципа⁸⁵¹). Извѣстное правило „Non est ponenda pluralitas sine necessi-

⁸⁴⁹) Janet, Les Causes finales, 2 ed. Paris 1882, 285.

⁸⁵⁰) Wundt, Logik, I, 584.

⁸⁵¹) На эту склонность въ яркихъ чертахъ указываетъ Вэконъ, Novum Organum, I, 104: itaque hominum intellectui non plurae addendae, sed plumbum potius et pondera etc.

tate“⁸⁵²) оправдываетъ себя и психологически и логически. Всякое наше духовное состояніе, на первый взглядъ даже самое простое, въ дѣйствительности всегда сложно и объединяется умственной дѣятельностью⁸⁵³), которая въ логическомъ теченіи идетъ поступательно все къ большему единству: отъ разнообразія ощущеній къ единству представлений, отъ разнообразія представлений къ единству понятій, отъ разнообразія понятій къ единству сужденій, отъ разнообразія сужденій къ единству умозаключеній, отъ разнообразія умозаключеній къ единству метода и системы. Но на ряду съ этимъ принципомъ знанія существуетъ еще высшій—„сводитъ происходящее къ тѣмъ условіямъ, отъ которыхъ оно по истинѣ зависитъ, и томительное чаяніе единства подчинять признанію множества различныхъ основаній тамъ, гдѣ факты опыта не даютъ никакого права выводить различное изъ одинаковаго источника“⁸⁵⁴).

По руководству этого принципа, безусловную необходимость существованія міроваго Разума признають не только профессиональные философы, но и мыслящіе естествовѣды. „Три различныя ступени прогресса отъ неорганическаго міра матеріи и движенія до человѣка (говоритъ одинъ изъ наиболѣе именитыхъ представителей современнаго естествовѣднія⁸⁵⁵) указываютъ ясно на незримую вселенную, на міръ Духа, которому міръ матеріи совершенно подчиненъ. Къ этому духовному міру мы можемъ отнести чудесный комплексъ силъ, извѣстныхъ намъ какъ тяготѣніе, притяженіе, химическая сила, лучеиспусканіе, электричество, безъ которыхъ матеріальная природа не можетъ существовать ни одного мгновенія въ ея настоящей формѣ, а быть можетъ и вовсе, такъ какъ безъ этихъ силъ, и быть можетъ другихъ, которыя могутъ быть названы атомическими, сомнительно, чтобы сама матерія могла имѣть какое либо существованіе. И еще съ большею достовѣрностью мы можемъ отнести къ нему тѣ прогрессивныя проявленія жизни въ растеніяхъ, животныхъ и человѣкѣ, которыя мы можемъ классифицировать какъ безсознательную, сознательную и умственную жизнь и которыя вѣроятно зависятъ отъ различныхъ степеней духовнаго вліянія.“

⁸⁵²) Occam, Sup. libr. sent. 2, qu. 17, D.

⁸⁵³) Истину эту, съ различныхъ точекъ зрѣнія, выясняютъ Спенсеръ, Princ. of Psych. P. II, Ch. I, § 60 f. и Вундтъ, Grundz. d. phys. Psych. I³, 289 f.

⁸⁵⁴) Lotze, Mikrokosmos, I³, 165.

⁸⁵⁵) Wallace, The Darwinism, 2-d ed. Lond. 1889, 476.

„Съ точки зрѣнія разумнаго міропониманія (говорить другой именитый естествовѣдъ ⁸⁵⁶) явленія природы не что иное, какъ объективированные модусы божественной мысли, силы природы не что иное, какъ различныя формы вездѣсущей божественной энергіи или воли, законы природы не что иное, какъ правильные модусы дѣйствія божественной воли, неизмѣнныя вслѣдствіе того, что Богъ неизмѣненъ. Съ этой точки зрѣнія законъ тяготѣнія не что иное, какъ способъ дѣйствія божественной энергіи въ поддержаніи міра—божественный методъ поддержанія; законъ эволюціи не что иное, какъ способъ дѣйствія той же самой божественной энергіи въ произведеніи и развитіи міра—божественный методъ творенія; и наука есть систематическое познаніе этихъ божественныхъ мыслей и путей—раціональная система естественнаго богословія. Однимъ словомъ, съ этой точки зрѣнія не существуетъ никакой реальной дѣйствующей силы помимо духа и никакого независимаго существованія кромѣ Бога.“

Proinde non duo a se ipsis distantia debemus intelligere Dominum et creaturam, sed unum, et id ipsum. Nam et creatura in Deo est subsistens, et Deus in creatura mirabili et ineffabili modo creatur, se ipsum manifestans, invisibilis visibilem se faciens et incomprehensibilis comprehensibilem et occultus apertum et incognitus cognitum et forma et specie carens formosum et speciosum et superessentialis essentialem et supernaturalis naturalem,—et omnia creans in omnibus creatum et omnium fastor fastum in omnibus ⁸⁵⁷.

Остается теперь обсудить тѣ (теоретическія) возраженія, которыя обыкновенно выставляютъ противъ телеологіи ⁸⁵⁸). Возраженія эти сводятся къ двумъ: 1) антропоморфности телеологіи и 2) ея

⁸⁵⁶) Le Conte, *Evolution and its Relation to Religions Thought*, Lond. 1888, 283. Подобныя заявленія можно встрѣтить у очень многихъ „людей науки“, но я ограничиваюсь лишь нѣгими передовыхъ представителей ученія объ эволюціи, которая, на взглядъ приверженцевъ механической теоріи (Спенсера, Гексли, Геккеля), служитъ прямымъ опроверженіемъ телеологіи.

⁸⁵⁷) *Scotus Erigena. De divis. nat., III, 17, 678 b, Mign.*

⁸⁵⁸) Возраженія эти формулированы Кантомъ *Kritik d. rein. Vernunft, V. d. Unmögl. d. phys. theol. Bew.* 423 f. Hart. Spinoza. *Eth. P. I, Append.* Spencer, *Princ. of Biology*, P. III, Ch. II, § 114. Comte, *la Philosophie positive*, II⁴, 22 sq. Büchner, *Kraft u. Stoff*, 138 f. Schultze, *Philosophie der Naturwissenschaft*. Leipz. 1881—1882, I, 70 f., 276 f. II, 328. Самыя раннія возраженія у Лукреція, *De natura rerum*, IV, 822 сл. Всѣ вообще возраженія, какъ теоретическія, такъ и практическія, обстоятельно рассмотрѣны у Janet, *Les Causes Finales*, 2-d ed. 648 sq. Martineau, *A Study of Religion*, I. 321 f.

неспособности объяснить существованіе зла. Отвѣтъ на второе возраженіе долженъ вмѣстѣ служить и критикой ученія Платона о всенаправляющемъ Благѣ.

Цѣлесообразность (говорять ея противники)—чисто человѣческое понятіе. Въ сознательной дѣятельности мы руководимся цѣлями. Отсюда мы заключаемъ, что и природа дѣйствуетъ по цѣлямъ. Какъ при взглядѣ на произведенія искусства мы необходимо предполагаемъ разумнаго ихъ виновника, точно также думаемъ, что и произведенія природы—слѣдствіе разумной дѣятельности. Мы однако не имѣемъ права переносить на природу понятія нашего духа. Быть можетъ, все, чтó намъ представляется цѣлесообразнымъ, создано дѣйствіемъ „механическихъ законовъ“. Заключение о цѣлесообразности выведено по аналогіи, а аналогія не имѣетъ логической убѣдительности.

Указаніе на антропоморфность понятія о цѣли безусловно справедливо. Но тоже самое справедливо и обо всѣхъ нашихъ понятіяхъ. Всѣ они получаютъ смыслъ и значеніе исключительно въ свѣтѣ нашего внутренняго опыта. Требовать, что бы человѣкъ мыслилъ не человѣческими понятіями, значитъ требовать бессмыслицы.⁸⁵⁹) Понятіе о причинности, на которомъ механизмъ строить свои доводы, относительно антропоморфности ничѣмъ отъ понятія о цѣли не отличается.

Противъ того, что заключеніе о цѣлесообразности основано на аналогіи, можно во всякомъ случаѣ спорить. Милль, напримѣръ, доказываетъ, что оно—индуктивное обобщеніе, выведенное по методу согласія, и имѣетъ высшую свойственную этому (правда, несовершенному) методу убѣдительность⁸⁶⁰). Впрочемъ, если бы мы и признали его за выводъ по аналогіи, то во всякомъ случаѣ требовалось бы доказать, что эта аналогія не убѣдительна. При оцѣнкѣ заключеній по аналогіи слѣдуетъ различать между аналогіями необходимыми и ненеобходимыми. Необходимы тѣ, которыя обуславливаютъ возможность міропониманія. Но наше міропониманіе, какъ только что объяснено, не можетъ быть никакимъ инымъ кромѣ основаннаго на аналогіяхъ между нашимъ существомъ и внѣшнимъ міромъ.

⁸⁵⁹) Права (критическаго) антропоморфизма талантливо отстаиваетъ Seth, *Hegelianism and Personality*, Lond. 1887. Изъ представителей механической теоріи ихъ признаетъ (съ ограниченіями) Fiske, *Outlines of Cosmical Philosophy*, II, 381 f. и болѣе рѣшительно въ *Idea of God*, 119 f. См. выше, стр. 215.

⁸⁶⁰) J. S. Mill, *Nature, the Utility of Religion and Theism*, 2-d ed. Lond. 1874, 167 f.

Ученіе о причинности признается всѣми какъ логически убѣдительное. Съ равнымъ правомъ мы должны признать логически убѣдительнымъ и ученіе о цѣлесообразности, такъ какъ первое, какъ уже было объяснено, не мыслимо безъ послѣдняго.

Кантъ въ своихъ „Критикахъ“ противопоставилъ причинность цѣли какъ категорію разсудка понятію разума, образующую явленія функцію (принципъ конститутивный) вещи въ себѣ (принципу регулятивному), безусловно познаваемое безусловно непознаваемому ⁸⁶¹). Такое различіе вызвано произвольнымъ выводомъ и истолкованіемъ категорій ⁸⁶²) и неправильнымъ взглядомъ на душу какъ состоящую изъ обособленныхъ способностей ⁸⁶³), а на сознание какъ на формальное синтетическое тождество я = совокупности моихъ состояній ⁸⁶⁴). Понятіе о причинности Кантъ выводитъ изъ понятія объ отношеніи; но этимъ понятіемъ понятіе цѣли предполагается точно такъ же, какъ понятіе причины. Наша душа едина и нераздѣльна; и наше сознание не есть лишь сознание синтетическаго единства, но живой организмъ, гдѣ трансцендентное единство опредѣляется эмпирическимъ множествомъ, а эмпирическое множество трансцендентнымъ единствомъ—не только въ настоящемъ, въ актахъ познания, но и въ будущемъ, какъ цѣль дѣйствій этого единства въ мірѣ явленій. Всѣ мои дѣйствія бесспорно обусловлены эмпирическими мотивами, но самые эти мотивы избраны моимъ трансцендентнымъ я, способнымъ въ мірѣ явленій не только становиться въ тотъ или другой рядъ причинъ и слѣдствій, но и начинать новые ряды. На эту истину впервые указалъ Платонъ своимъ требованіемъ выникать для истиннаго знанія и нравственной дѣятельности изъ быванія въ бытіе ⁸⁶⁵),

⁸⁶¹) На противоположности между категоріями какъ конститутивными и идеями какъ регулятивными принципами основана вся трансцендентальная диалектика Канта. Частныя доказательства поэтому излишнія. О цѣли какъ идеѣ Кантъ говоритъ всего яснѣе въ *Kritik d. Urtheilskraft*, § 71. 77. p. 401. 417 f. Hart.

⁸⁶²) Сокрушительная критика ученія Канта о категоріяхъ у Шопенгауэра. *Die Welt als Wille etc.* I⁴, 509 f. Заслуживаетъ также вниманія анализъ у Caird, *The Critical Philosophy of I. Kant*, II, Ch. III—V.

⁸⁶³) Kant, *Kritik d. rein. Vernunft, Elementarl.* II, Th., 1 Abth., 1 B. 2 Hauptabsch., § 16, 115 f. Hart.

⁸⁶⁴) На возможность единства духовныхъ способностей указываетъ самъ Кантъ, *Kritik d. reinen Vernunft, Einl.* 52 Har.

⁸⁶⁵) *De Rep.* 525, B: φιλοσόφος δὲ διὰ τὸ τῆς οὐσίας ἀπτεῖον εἶναι (τῶν μαθημάτων) γενέσθαι ἐξαναδύοντι. Мы уже знаемъ, что математика нужна Платону какъ средство постиженія идеи

затѣмъ ее усвоили и развили Климентъ и Эккартъ,⁸⁶⁶⁾ но обосновалъ на критической почвѣ Кантъ⁸⁶⁷⁾. Нравственное учение Канта безспорно одно изъ самыхъ глубокомысленныхъ и цѣнныхъ въ философіи. Только съ точки зрѣнія этого ученія возможно примирить эмпирическую необходимость съ сознаниемъ нашей способности дѣйствовать по цѣлямъ или сознаниемъ свободы воли. А это сознание коренное, неизгладимое, безусловно достовѣрное сознание. Оно не только безусловное, но и верховное, такъ какъ (по вѣрному замѣчанію Канта) теоретическій разумъ подчиненъ практическому⁸⁶⁸⁾. Всякое теоретическое сознание есть прежде всего сознание дѣятельное; но всякое дѣятельное сознание необходимо предваряется и направляется понятіемъ цѣли. Поэтому не въ теоретическомъ разумѣ коренится практическій, а теоретическій въ практическомъ, и не понятіе цѣли въ понятіи причинности, а понятіе причинности въ понятіи цѣли.

Понятіе цѣли лежитъ такимъ образомъ въ самомъ основаніи духовнаго существа нашего. Именно по своей безусловной внутренности оно и не предносится нашему сознанию во внѣшнемъ опытѣ съ такою настойчивостью, съ какою болѣе внѣшнее намъ понятіе о причинѣ. Какъ о сознаниіи мы мыслимъ лишь въ специальномъ анализѣ, ставящемъ сознание своимъ собственнымъ объектомъ, такъ и о цѣли говоримъ лишь тогда, когда внѣшняя природа слишкомъ ярко раскрываетъ свою аналогію съ нашей внутренней организацией.

Непреложное сознание даетъ и непреложную мѣру истины. Поэтому всякая теорія, которая идетъ съ нимъ въ разрѣзъ, должна быть отвергнута какъ ложная или по крайней мѣрѣ односторонняя⁸⁶⁹⁾.

блага, а постиженіе идеи блага—для руководства въ частной и общественной жизни (стр. 67. 110. 209 сл.). Въ чемъ состоитъ „выниканіе изъ быванія въ бытіе“, видно изъ Phaedo, 79, D. De Rep. 490, A—B. 500, B—C. 611, C—612, A. Tim. 47, A—E. 90, A—D. Выше, стр. 69, сл.

⁸⁶⁶⁾ Clemens, Strom. VII, 16, 281. 286 Pott. Объ Эккартѣ Preger, Gesch. d. deutsch. Mystik, Leipz. 1874, I, 439 f. О Филонѣ и Неоплатоникахъ не говорю, такъ какъ погруженіе въ Божество имѣло у нихъ чисто созерцательный, исключяющій дѣятельность, характеръ.

⁸⁶⁷⁾ Kant, Kritik d. reinen Vernunft, Möglichkeit der Causalität durch Freiheit, 374 f. Kritik d. Praktischen Vernunft, Kritische Beleuchtung d. Analytik, 98 f.

⁸⁶⁸⁾ Kant, Kritik d. praktischen Vernunft, Von dem Primat der reinen praktischen Vernunft etc. 125 f. Hart.

⁸⁶⁹⁾ Дѣльными замѣчанія у Lesson'a, Zeitliches und Zeitloses, Leipz 1890, 53 f.

Спрашивается однако, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ субъективная необходимость объективной? ⁸⁷⁰⁾ Если подъ объективнымъ міромъ подразумѣвать вмѣстѣ съ послѣдовательнымъ идеализмомъ (какъ онъ проведенъ, напримѣръ, въ первомъ изданіи „Критики чистаго разума“ Канта и въ „Наукословіи“ Фихте) созданіе нашего я, то разни́ца между субъективной и объективной необходимостью очевидно уничтожается. Если подъ объективнымъ міромъ подразумѣвать міръ непознаваемыхъ вещей въ себѣ, то по отношенію къ этому міру поставленный выше вопросъ не имѣетъ смысла. Наконецъ, если подъ объективнымъ міромъ подразумѣвать то, что обыкновенно подразумѣвается — внѣшнія вещи, способныя на насъ дѣйствовать и отъ насъ принимать дѣйствіе, то при обсужденіи вопроса о соотвѣтствіи субъективной необходимости объективной необходимости слѣдуетъ различать безусловныя доказательства отъ условныхъ. Безусловно такое соотвѣтствіе не можетъ быть доказано точно такъ же, какъ не можетъ быть доказано и самое бытіе объективнаго міра ⁸⁷¹⁾. Это бытіе мы признаемъ по субъективному критерию совершенной ясности и невозможности мыслить противоположное ⁸⁷²⁾. Но этотъ критерій имѣетъ безусловную цѣну лишь для нашего субъективнаго міра, а по отношенію къ внѣшнему міру послѣдовательнымъ идеализмомъ можетъ быть оспариваемъ. Не даромъ Декартъ, строявшій всѣ свои дедукціи на доводахъ яснаго и отчетливаго сознанія, въ вопросѣ о бытіи внѣшняго міра вынужденъ былъ признать единственно убѣдительнымъ основаніемъ правдивость Божію ⁸⁷³⁾. Если же мы примемъ указанный выше критерій и для разсужденій о внѣшней намъ дѣйствительности, то соотвѣтствіе между субъективной и объективной необходимостью можетъ быть доказано съ такою же достовѣрностью, какъ и бытіе объективнаго міра. Безусловно достовѣрно то, что изъ ничего не можетъ быть что нибудь. А изъ этой аксіомы непосредственно слѣ-

⁸⁷⁰⁾ Изъ многочисленныхъ изслѣдованій, посвященныхъ теоріи познанія, достаточно отнѣтитъ два, точка зрѣнія которыхъ близка къ проводимой мною: Lorenz Fischer, *Die Grundfragen der Erkenntnisstheorie*, Mainz, 1887. А. Мühry, *Kritik u. kurze Darlegung der exacten Natur-Philosophie*, Gött. 1882.

⁸⁷¹⁾ Анализъ этого вопроса у Zeller'a, *Ueber die Gründe unseres Glaubens an die Realität der Aussenwelt. Vorträge und Abhandlungen*, III, 1884, 225 f. Hodgson, *Consciousness of the External Reality, Mind*, X (1885), 321 f.

⁸⁷²⁾ Выше, стр. 243.

⁸⁷³⁾ R. Cartesii *Meditationes*, III, VI.

дуетъ, что все то, что дано въ слѣдствіи, необходимо должно заключаться въ изначальномъ основаніи, изъ котораго произошло это слѣдствіе. Всѣ мы—часть вселенной; поѣтому все, что въ насъ—должно быть въ общей нашей матери. Какъ наше тѣло сложено изъ тѣхъ же веществъ, изъ какихъ все остальное въ мірѣ, точно также и наша душа со всѣмъ ея содержаніемъ должна находить соотвѣтствіе въ духовномъ началѣ вселенной. Такъ доказывали существованіе мірового Разума Сократъ, Платонъ и въ послѣдствіи Локкъ⁸⁷⁴). Съ логической стороны этого доказательства нельзя не признать убѣдительнымъ.

Милль причисляетъ подобныя разсужденія къ „заблужденіямъ простаго усмотрѣнія“⁸⁷⁵). Въ доказательство онъ однако не приводитъ ничего кромѣ своего собственнаго ученія о причинности какъ неизмѣнномъ и безусловномъ преемствѣ явленій⁸⁷⁶). Но это ученіе, хотя и вполнѣ пригодно въ практическомъ отношеніи, теоретически не можетъ быть оправдано. Милль основываетъ его на данныхъ наблюденія и опыта. Но никакой внѣшній опытъ не уполномочиваетъ къ безусловнымъ выводамъ, такъ какъ изъ того, что явленіе при извѣстныхъ обстоятельствахъ встрѣчалось нѣсколько разъ, не слѣдуетъ, что оно всегда и неизмѣнно будетъ наступать при тѣхъ же обстоятельствахъ. Напротивъ, опытъ внутренней свидѣтельствуеетъ безусловно, что причина не есть лишь то, за чѣмъ что нибудь слѣдуетъ, но прежде всего то, въ силу чего явленіе происходитъ. Такъ какъ о внѣшнемъ опытѣ мы судимъ по аналогіямъ съ опытомъ внутреннимъ, то Бэнъ не безъ основанія отождествилъ законъ причинности съ закономъ сохраненія энергіи⁸⁷⁷).

Торжествомъ современнаго міровоззрѣнія съ полнымъ правомъ считается гипотеза о развитіи. Она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ разума и не противорѣчитъ ни одному. Но она совершенно ясно подразумеваетъ только что отмѣченное слѣдствіе. Эта гипотеза построена на (указанной впервые Орфической еогоніей⁸⁷⁸) аналогіи между развитіемъ живаго существа изъ яйца и развитіемъ міра изъ

⁸⁷⁴) Xenoph. Memorab. I, 4, 8, сл. Phileb. 28, D, сл. Locke, Essay conc. hum. Understanding, Book IV, Ch. X, 2 f.

⁸⁷⁵) Mill, System of Logic, II¹⁰, Book V, Ch. III, § 7, 333 f.

⁸⁷⁶) Ibid. I, Book III, Ch. V.

⁸⁷⁷) Bain, Logic, II², 20 f.

⁸⁷⁸) Damasc. 381 K. Athenag. Supplic. c. 15, 84 Otto. Aristoph. Aves, 694 sq. Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 81 f. Kern, De Orphei Epimemidis etc. cosmogoniis, Berol. 1888, 22 sq.

первоосновы. Яйцо содержитъ въ себѣ идеально всю исторію будущаго существа, а управляющая ходомъ развитія этого существа идея—идеи всѣхъ его свойствъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Относительно вселенной истина эта тѣмъ очевиднѣе, что вселенная есть полнота всякаго бытія. Правильно понятая гипотеза о развитіи служитъ поэтому самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ механической теоріи.

„Находить единство, систему, связь, постепенность во всѣхъ вещахъ—несомнѣнно истинная и собственная цѣль науки. Но мы понапрасну пытались бы реализовать ее, если бы стали искать объясненія высоко-сложной системы въ ея самомъ низкомъ и тощемъ факторѣ. Истинное объясненіе должно быть найдено при обратномъ порядкѣ, при исканіи ключа къ началу въ концѣ, не къ концу въ началѣ. Можно согласиться, что въ „матеріи у насъ есть обѣщаніе и мощь всей земной жизни“, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ истинно то, что въ первой нотѣ прелюдіи есть обѣщаніе и мощь всей симфоніи, въ первомъ слабомъ прикосновеніи руки генія къ полотну обѣщаніе и мощь великолѣннаго и совершеннаго произведенія искусства. Въ каждомъ великомъ произведеніи мысли идеаль во всей его полнотѣ управляетъ цѣлымъ процессомъ; не существуетъ съ самаго начала ни одного произвольнаго удара, ни одного прикосновенія, которое не было бы проникнуто силою цѣлаго и пророчествомъ его исполненія. Точно также, если мы когда нибудь придемъ къ истинному истолкованію міра, то оно несомнѣнно будетъ такимъ, согласно съ которымъ не будетъ никакого неразумнаго промежутка или перерыва въ систематической непрерывности между однимъ порядкомъ существованія или однимъ классомъ силъ и другимъ, но переходъ отъ неорганическаго къ органическому, отъ низшихъ къ высшимъ формамъ жизни, и въ концѣ всего отъ всѣхъ низшихъ порядковъ бытія къ самостоятельному ихъ мыслящему духу—другими словами, послѣдовательность такъ сильно сдѣланныхъ элементовъ, что самый низшій и меньшій долженъ быть въ определенномъ отношеніи къ послѣднему и высшему и заключать въ себѣ пророчество о немъ и его предзнаменованіе, а высшее должно содержать въ себѣ низшее какъ свое необходимое предположеніе. Но если такъ, если мы въ известномъ смыслѣ должны въ низшемъ найти объясненіе высшаго, то не въ низшемъ какъ низшемъ или въ какихъ либо качествахъ ему специально принадлежащихъ, но потому что

сила высшаго уже въ немъ дѣйствуетъ. Если можно когда нибудь показать, что растительная и животная жизнь развилась изъ неорганической матеріи, то лишь потому что неорганическая матерія содержитъ въ себѣ нѣчто большее чѣмъ то, что мы называемъ неорганическимъ—то есть нѣкоторую скрытую способность къ саморазвитію, которая становится ясною въ растеніи или животномъ. Если о мысли можно въ какомъ нибудь смыслѣ сказать какъ о разившейся изъ организаціи, то лишь потому, что животная организація содержитъ и подразумѣваетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ животное, и высшее, чѣмъ органическія отношенія—зерно того оборота къ себѣ, который впервые ясно раскрываетъ духъ въ своемъ самосознаніи; и слѣдовательно, если настаиваютъ на томъ, чтобы видѣть въ матеріи причину духа, то потому что смотрятъ на матерію какъ на большее, чѣмъ матерія, какъ на содержащую въ себѣ въ возможности все, что есть духъ. Но материализмъ, исходящій отъ матеріи, которая въ возможности одушевлена или духовна, перестаетъ, за исключеніемъ лишь имени, быть материализмомъ. Что онъ дѣйствительно подразумѣваетъ—не то, что матерія, рассматриваемая какъ нѣчто независимое, есть причина духа или что мысль есть лишь преобразованная матеріальная сила, но что духъ въ зернѣ есть то, изъ чего выходитъ духъ, что разумъ имѣетъ свое начало въ томъ, что подразумѣваетъ въ себѣ разумѣніе. Такое міровоззрѣніе скорѣе одухотворяетъ матерію, чѣмъ овеществляетъ духъ, такъ какъ во всемъ царствѣ существъ до самаго низшаго существованія во внѣшней природѣ оно не оставляетъ ничего абсолютно чуждымъ и не однороднымъ мысли, ничего, что въ дѣйствительности или возможности мысль не можетъ считать своей собственностью“ ⁸⁷⁹).

„Ученіе объ эволюціи (говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ его представителей ⁸⁸⁰) во всѣхъ главахъ имѣетъ извѣстный телеологическій видъ, хотя и не употребляетъ тѣхъ методовъ, которые въ рукахъ поборниковъ конечныхъ причинъ оказались столь сбивчивыми. Это ученіе не только неизмѣнно ставитъ на видъ цѣли, которымъ служить устройство природы, но по всему широкому отдѣлу того поля, которое покрываетъ, указываетъ на различимую

⁸⁷⁹) J. Caird, An Introduction to the Philosophy of Religion, new ed. Glasg. 1889, 108 f.

⁸⁸⁰) Fiske, The Idea of God, 159 f.

драматическую тенденцію, ясно намѣченный прогрессъ къ могучей цѣли.... Блестящее завершеніе, къ которому органическая эволюція стремится, есть произведеніе высшей и совершеннѣйшей духовной жизни“. Объ этой цѣли мы судимъ по ея осуществленію, но очевидно цѣль предшествуетъ осуществленію. Аристотель своимъ различеніемъ между тѣмъ, что первѣе для насъ, но позднѣе по природѣ, и тѣмъ, что первѣе по природѣ но позднѣе для насъ⁸⁸¹), внесъ важный элементъ въ гносеологію. Наши жизнь и разумъ для насъ первѣе, чѣмъ жизнь и разумъ вселенной, но они возможны лишь при существованіи жизни и разума вселенной и потому по природѣ позднѣе.

Ставъ на эту точку зрѣнія, мы необходимо должны признать соотвѣтствіе между субъективной и объективной необходимостью, такъ какъ та и другая дѣло одного и того же Разума. Предполагать отсутствіе такого соотвѣтствія значило бы предполагать въ Разумѣ неразумность⁸⁸²). Поэтому предустановленная Божественнымъ Разумомъ гармонія между явленіями субъективнаго и объективнаго порядка навсегда останется лучшей гносеологической гипотезой. Каждая душа—живое зеркало вселенной, но отражаетъ ее по своему⁸⁸³). Эта разница примиряется однако общей природой всѣхъ душъ, какъ излученій одной и той же все опредѣляющей и животворяющей субстанціи⁸⁸⁴).

Въ противоположность этой гипотезѣ, Спенсеръ⁸⁸⁵) выставилъ взглядъ принципиально отождествляющій душу съ изогнутымъ зеркаломъ, отображающимъ дѣйствительность такъ, что ни одна черта объективнаго міра не похожа ни на одну черту субъективнаго⁸⁸⁶). Основаніемъ для такого взгляда служить Спенсеру то, что при попыткѣ уразумѣть изначальныя опредѣленія абсолютной Первоосновы его

⁸⁸¹) Anal. II, 2, 71 b, 33. 72 a, 1, 3. 3, 72 b, 26. I, 23, 68 b, 35.

⁸⁸²) „Si la pensée n'est pas un miroir où se reflète l'univers, où ses phénomènes dépouillent en quelque sorte la matérialité pour ne garder que cette beauté épurée qui jaillit de l'ordre et de la vérité, elle n'est qu'un gouffre sans fond, un abîme où croissent les fleurs amères du doute ou les poisons de la folie.“ A. Langel, Les Problèmes, Paris, 1873, 47.

⁸⁸³) Leibniz, Extr. d'une lettre à Remond, 725 a Erdm. Extr. d'une lettre à Dancicourt 746 a Erdm. Остальные свидѣтельства у Целлера, Gesch. d. deutsch. Philos. 93 f. Объ источникахъ ученія Лейбница Brunhoffer, 9. Bruno's Lehre v. Kleinsten etc. Leipz. 1890, 32 f. 45 f.

⁸⁸⁴) Leibniz, Monadol. 47, 708 b Erdm.

⁸⁸⁵) О ней Спенсеръ говоритъ въ Principles of Psychology, P. IV, Ch. III, § 189.

⁸⁸⁶) Ibid. P. VII, Ch. XIX, §§ 472—473.

мысль впутывается въ неразрѣшимыя (на его взглядъ) антиноміи ⁸⁸⁷). Но логическая состоятельность этихъ антиномій (какъ съ полною очевидностью доказываютъ критики Спенсера ⁸⁸⁸), во всякомъ случаѣ подлежитъ сомнѣнію, а если бы она и была несомнѣнной, то уполномочивала бы къ заключенію не о томъ, что дѣйствительность представляется намъ въ извращенномъ видѣ, но только о томъ, что мы не знаемъ, какова она.

Этотъ взглядъ Спенсера очевидно лишь своеобразное выраженіе того общаго довода, которымъ издревле отстаивалъ себя скептицизмъ—что различнымъ живымъ существамъ въ различныхъ состояніяхъ дѣйствительность представляется различно, что чувства обманчивы, умозаключенія недостоверны и проч. и что поэтому ни о чемъ нельзя утверждать ничего достовернаго ⁸⁸⁹). Намъ придется впоследствии имѣть дѣло съ этимъ доводомъ ⁸⁹⁰). Въ настоящемъ случаѣ достаточно поставить на видъ, что онъ безсиленъ доказать отсутствіе утверждаемаго нами соответствія между субъективной и объективной необходимостью. Если придавать ему безусловное значеніе, то онъ рушитъ возможность всякаго вообще знанія и потому уничтожаетъ самъ себя. Какъ скоро я говорю о недостоверности всякаго вообще знанія, я тѣмъ самымъ отрицаю и достоверность знанія о томъ, что нѣтъ достовернаго знанія. Если же придавать скептическому доводу условное значеніе, то онъ можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что познавательной дѣятельности свойственны колебанія. Но колебанія неразрывны съ жизнью и нисколько не нарушаютъ законности. Какъ свѣтила небесныя, при всѣхъ своихъ возмущеніяхъ, періодическихъ и вѣковыхъ, закономерно совершаютъ бѣгъ свой ⁸⁹¹); какъ органическіе законы, не смотря на частныя исключенія, въ общемъ воплощаютъ растительные и животные типы: такъ и разумъ нашъ, не взирая на всѣ отступленія отъ истины, долженъ выполнять предположенную для него цѣль—постиженіе истины.

Неисчислимые міры разсѣяны въ пространствѣ и неисчислимыя солнца озаряютъ ихъ; но у всѣхъ этихъ солнць въ осно-

⁸⁸⁷) Ibid. P. II, Ch. I, § 63. First Princ. P. I, ch. III, § 17.

⁸⁸⁸) Выше, стр. 221, пр. 770.

⁸⁸⁹) Всѣ эти доводы изложены и рассмотрѣны у Brochard, Les Sceptiques grecs, Paris, 1887.

⁸⁹⁰) Гл. VIII.

⁸⁹¹) Mädler, Der Wunderbau des Weltalls, (Populäre Astronomie) 8-te Aufl. Strassb. 1885, 367 f.

ваніи одинъ и тотъ же свѣтъ ⁸⁹²). Безчисленное множество живыхъ существъ обитаютъ эти безчисленные міры ⁸⁹³); но для всѣхъ нихъ одна и таже истина. И ничто въ зримой вселенной не стоитъ, а все движется: движутся планеты вокругъ осей и вокругъ солнца, движутся солнца вокругъ осей и вмѣстѣ съ планетами и живущими на нихъ существами движутся изъ безконечнаго чрезъ безконечное въ безконечное, чтобы на предѣлѣ своего быванія найти полноту бытія въ лонѣ безконечнаго и затѣмъ опять обособиться въ никогда не скончаемой игрѣ жизни ⁸⁹⁴). Всякое существо — всплескъ одного и того же міроваго потока; одна и таже сила заставляетъ биться мое сердце, руководить моими мыслями, закономерно распредѣляетъ зримыя и незримыя физическія и химическія силы.

Are not the mountains, waves, and skies, a part
Of me and of my soul, as I of them? ⁸⁹⁵).

⁸⁹²) „Una lux illuminat omnia, una vita vivificat omnia, certis gradibus a superioribus ad inferna descendens, et ab infernis ad suprema condenscendens et sicut est in universo, ita est et in universi simulacris. Atque altius condescendibus non solum conspicua erit una omnium vita, unum in omnibus lumen, una bonitas, et quod omnes sensus sunt unus sensus, omnes notitiae sunt una notitia, sed et quod omnia tandem, utpote notitia, sensus, lumen, vita, sunt una essentia, una virtus et una operatio. Essentia, potentia, actio, esse, posse et agere, ens, potens et agens, est unum, ita ut omnia sint unum, ut bene novit Parmenides, unum omne et ens“. Bruno, Sigill. Sigill. 568 Gfr.

⁸⁹³) Объ этомъ Kant, Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels (1755), 329 f. Hart. Flammarion, La Pluralité des Mondes habités etc. 34-e éd. 1890. Proctor, Our Place among Infinities, new ed. Lond. 1886, 45 f. „Si l'on me posait simplement cette question, le Soleil est il habité? je repondrais que je n'en sais rien. Mais qu'on me demande si le Soleil peut être habité par des êtres organisées d'une manière analogue à ceux qui peuplent notre globe, et je n'hésiterai pas à faire une réponse affirmative. L'existence dans le Soleil d'un noyau central obscur enveloppé d'une atmosphère lumineuse ne s'oppose nullement, en effet, à une telle conception. Herschel croyait que le Soleil est habité“. Arago, Astron. populaire, nouv. ed, Paris 1872, v. II, 181.

⁸⁹⁴) „Unzählige Thiere und Pflanzen werden täglich zerstört und sind ein Opfer der Vergänglichkeit, aber nicht weniger bringt die Natur, durch ein unerschöpftes Zeugungsvermögen, an anderen Orten wiederum hervor und füllt das Leere aus. Beträchtliche Stücke des Erdbodens, den wir bewohnen, werden wiederum in dem Meere begraben, aus dem sie ein günstiger Periodus hervorgezogen hatte; aber an anderen Orten ergänzt die Natur den Mangel und bringt andere Gegenden hervor, die in der Tiefe des Wassers verborgen waren, um neue Reichthümer ihrer Fruchtbarkeit über dieselben auszubreiten. Auf die gleiche Art vergehen Welten und Weltordnungen und werden von dem Abgrunde der Ewigkeiten verschlungen; dagegen ist die Schöpfung immerfort geschäftig, in anderen Himmelsgegenden neue Bildungen zu verrichten und den Abgang mit Vortheil zu ergänzen“. Kant, Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, 299. Hart. Подобныя же замѣчанія у Бруно, De Immenso, V, 26—36. Различныя современныя научныя гипотезы о конечныхъ судьбахъ міра у Спенсера, First Principles, P. II, Ch. XXIII. Stewart and Tait, The Unseen Universe, a new ed. Lond. 1884, 128. 196 f. Fiske, The Unseen World, Boston, 1876 (критика предыдущаго). The Destiny of Man, Lond. 1887, 112 f. Faye, Sur l'Origine du Monde, Paris, 1885, 306 sq. Wolff, Les Hypotheses cosmogoniques, Paris, 1886, 92 sq.

⁸⁹⁵) Byron, Childe Harold, Pilgr. III, C. LXXV.

Выдѣленіе своего я изъ міровой жизни — слѣдствіе узкаго, тяготящаго къ наличной дѣйствительности, кругозора. „Но какъ скоро мое сердце замкнулось для всякаго стремленія къ земному, послѣ того какъ у меня для преходящаго на самомъ дѣлѣ не стало сердца, представляется моимъ очамъ вселенная въ просвѣтленномъ видѣ. Мертвая, громоздкая масса, которая наполняла собою пространство, исчезла, и на ея мѣстѣ течетъ и волнуется и шумитъ вѣчный потокъ жизни, силы и дѣла—первоначальной жизни, Твоей жизни, Бесконечный: ибо всякая жизнь есть Твоя жизнь, и только религиозныя очи проникаютъ въ царство истинной красоты.

Я Тебѣ сродни, и все, что я вижу вокругъ и около меня, мнѣ сродни; все оживлено и одушевлено и смотритъ на меня изъ ясныхъ очей духа и говорить звуками духа моему сердцу. Многообразно разъединеннымъ и раздѣленнымъ вижу я себя во всѣхъ внѣшнихъ мнѣ образахъ и блещу изъ нихъ себѣ на встрѣчу, какъ утреннее солнце, многообразно разбитое въ тысячахъ капель росы, блеститъ себѣ навстрѣчу.

Твоя жизнь, насколько ее можетъ постичь конечный, есть саму себя лишь чрезъ себя образующая и представляющая воля; эта жизнь течетъ,—въ очахъ смертныхъ многообразно претворенная въ чувство—черезъ меня во всю неизмѣримую природу. Здѣсь проходитъ она какъ сама себя творящая и образующая матерія, чрезъ мои жилы и мускулы и отлагаетъ внѣ меня свою полноту въ деревѣ, въ растеніи, въ травѣ. Однимъ связнымъ потокомъ, капля за каплей, течетъ образующая жизнь во всѣхъ образахъ и повсюду, куда я только могу прослѣдить ее своимъ глазомъ; она смотритъ на меня—изъ каждой точки вселенной иначе—какъ та же самая сила, которою она въ сокровенной тѣмѣ образуетъ мое собственное тѣло. Тамъ волнуется она свободно и прыгаетъ и пляшетъ какъ само себя образующее движеніе въ животномъ, и представляетъ себя въ каждомъ новомъ тѣлѣ какъ другой, собственный, для себя существующій міръ—та же самая сила, которая для меня незримо въ моихъ собственныхъ членахъ шевелится и движется.

Но чистою и святою и къ моему собственному существу столь близкою, сколь что нибудь можетъ быть для смертнаго въ его глазахъ, течетъ эта Твоя жизнь какъ нить, связующая духъ съ духомъ воедино, какъ воздухъ и эфиръ единаго разумнаго

міра... Влекомая въ этомъ потоцѣ свѣта движется мысль, неудержимо и оставаясь тою же самой, отъ души къ душѣ, и возвращается чистою и просвѣтленною изъ родственной груди. Черезъ эту тайну находятъ каждый самого себя, понимаетъ и любить самого себя только въ другомъ, и каждый духъ отвивается отъ другихъ дѣховъ, и не существуетъ никакого человѣка, но только человечество, никакой отдѣльной мысли, любви и ненависти, но лишь мысль, любовь и ненависть одна черезъ другую“ ⁸⁹⁶).

Ich bin

Der Geist, der sich in allem bewegt,
 Vom frühesten Ringen dunkler Kräfte
 Bis zum Erguss der ersten Lebensäfte,
 Wo Kraft in Kraft und Stoff in Stoff verquillt,
 Die erste Blüth'die erste Knospe schwillt,
 Zum ersten Strahl von neugebornem Licht,
 Das durch die Nacht wie zweite Schöpfung bricht,
 Und aus den tausend Augen der Welt
 Den Himmel so Tag wie Nacht erhellt,
 Herauf zu des Gedankens Jugendkraft,
 Wodurch Natur verjüngt sich wieder schafft,
 Ist Eine Kraft, Ein Wechselspiel und Weben,
 Ein Trieb und Drang nach immer höhern Leben ⁸⁹⁷).

Изъ этой живой связи не можетъ вырвать меня никакая сила. Я могу сосредоточить свою мысль на своемъ существѣ и мыслить о себѣ какъ объ особи. Но „изъ чего произошли существующія вещи, въ то же должны онѣ и разрушиться, такъ какъ несутъ одна передъ другой воздаяніе и наказаніе за несправедливость по порядку времени“ ⁸⁹⁸). Въ непреходящей чредѣ рожденія и гибели все единичное есть лишь временное выниканіе изъ общаго океана жизни и смерти. Чѣмъ сильнѣе порывъ жизни, тѣмъ выше несетъ свой гребень волна, но она падаетъ наконецъ—чтобы начать игру въ другомъ мѣстѣ. Еще не успѣла принять мое тѣло на свое лоно вѣчно подвижная „кормилица происхожденія“, а мой духъ уже стоитъ „у шумнаго станка времени и работаетъ надъ живой ризой божества въ волнахъ жизни, въ бурѣ дѣйствій“ ⁸⁹⁹).

⁸⁹⁶) Fichte, Ueber die Bestimmung des Menschen, Sämmtliche Werke, Berl. 1845, 1-te Abth. 2-r B., 345 f.

⁸⁹⁷) Schelling, Noch etwas über das Verhältniss der Naturphilosophie zum Idealismus, Sämmtliche Werke, 1-te Abth. 4-r B., 547 f.

⁸⁹⁸) Anaximander ap. Simpl. Phys. 6 r, 24, 20 Diels.

⁸⁹⁹) Извѣстныя слова Духа въ „Фаустѣ“ Гёте.

He is made one with Nature: there is heard
 His voice in all her music, from the moan
 Of thunder to the song of night's sweet bird;
 He is a presence to be felt and known
 In darkness and in light, from herb and stone,
 Spreading itself where'er that Power may move
 Which has withdrawn his being to its own;
 Which wields the world with never-wearied love,
 Sustains it from beneath, and kindles it above.
 He is a portion of the loveliness
 Which once he made more lovely: he doth bear
 His part, while the one Spirit's plastic stress
 Sweeps through the dull dense world, compelling there
 All new successions to the forms they wear;
 Torturing the unwilling dross, that checks its flight
 To its own likeness, as each mass may bear;
 And bursting in its beauty and its might
 From trees and beasts and men into the Heaven's light.
 The splendours of the firmament of time
 May be eclipsed, but are extinguished not;
 Like stars to their appointed height they climb,
 And death is a low mist which cannot blot
 The brightness it may veil. When lofty thought
 Lifts a young heart above its mortal lair,
 And love and life contend in it, for what
 Shall be its earthly doom, the dead live there,
 And move like winds of light on dark and stormy air ⁹⁰⁰).

„Я—Брама ⁹⁰¹)... Какъ пчелы, мой сынъ, дѣлають медъ, собирая сокъ далекихъ деревьевъ и сводяють сокъ въ одну форму и какъ эти соки не имѣють никакого различія, чтобы могли связать, „я сокъ этого или того дерева“, точно также, мой сынъ, всѣ эти твари, когда бывають погружены въ Истинное..., не знаютъ, что погружены въ Истинное. Кѣмъ бы ни были здѣсь эти твари, львомъ, волкомъ, боровомъ, червемъ, мухой, толкачемъ, комаромъ, тѣмъ же бывають онѣ опять и опять. Но то, чьего существа все сущее, оно есть Истинное, оно есть Духъ, оно ты, о Швета-кетусь!... Эти потоки, мой сынъ, текуть восточный на востокъ, западный на западъ. Они идутъ отъ моря (вышедшихъ изъ моря тучъ) къ морю (воды). Они становятся на самомъ дѣлѣ моремъ. И какъ эти потоки, когда они въ морѣ, не знаютъ, что „я тотъ или другой потокъ“, точно также, мой сынъ, всѣ эти твари, когда

⁹⁰⁰) Shelley, Adonais, XLII—XLIV.

⁹⁰¹) Brihadâraṇyaka Upanishad, I, 4, 10. Sacred Books of the East, ed. by M. Müller, XV, Oxf. 1884, 88.

возвратились изъ Истиннаго, не знаютъ, что возвратились изъ Истиннаго. Чѣмъ бы ни были здѣсь эти твари, львомъ, волкомъ, боровомъ, червемъ, толкачемъ, комаромъ, онѣ тѣмъ же бывають опять и опять. Но то, чьего существа все сущее, оно есть Истинное, оно есть Духъ, оно ты, о Шветакетусъ ⁹⁰²)... Отъ него нѣтъ ничего отличнаго, чтѣбы оно могло видѣть, обонять, ощущать, говорить, слышать, мыслить, трогать, знать. Это — единый зрящій Океанъ, безъ всякой двойственности, это—миръ Брама“ ⁹⁰³).

„Богъ, сотворившій миръ и все, чтѣ въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ либо нужду, Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все. Отъ одной крови онъ произвелъ весь родъ человѣческой, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутятъ-ли Его и не найдутъ-ли; хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы въ Немъ живемъ, и движемся, и существуемъ“ ⁹⁰⁴).

Was wär ein Gott, der nur von aussen stiesse,
Im Kreis das All am Finger laufen liesse?
Jhm ziemt's, die Welt im innern zu bewegen,
Natur in Sich, Sich in Natur zu hegen,
So dass, was in Ihm lebt und webt und ist,
Nie Seine Kraft, nie Seinen Geist vermisst ⁹⁰⁵).

Мы видимъ такимъ образомъ, что неразрывная связь между міровою и единичною жизнью одинаково сознается высшими чаяніями философіи, поэзіи, религіи. Но она находитъ безусловное подтвержденіе и въ нравственномъ сознаніи, такъ какъ на почвѣ всеединства примиряются всѣ нравственные воззрѣнія. Какъ скоро я признаю свое я по существу тождественнымъ съ я другихъ живыхъ существъ и съ міровой сущностью, такъ исчезаетъ всякая разница между этикой себялюбія, дружелюбія, долга, слѣдованія законамъ природы. Любя себя, я люблю и весь миръ; любя весь миръ, я люблю и себя. Слѣдуя велѣніямъ долга, я повинуюсь велѣніямъ того Я, которое даетъ

⁹⁰²) Khândogya-Upanishad, VI, 9, 1—4. 10, 1—3. Sacred Books etc. I, Oxf. 1879, 101 f.

⁹⁰³) Brihadâraṇyaka-Upanishad, IV, 3, 21—32. Sacred Books etc. XV 168 f.

⁹⁰⁴) Дьян. XVII, 24—28. Еф. IV, 6.

⁹⁰⁵) Goethe, Gott und Welt.

законы не только мнѣ, но и всему міру. „Интеллектуальная любовь духа къ Богу есть любовь, которую Богъ любить самъ себя, не посколькы безконеченъ, но посколькы можетъ быть объясненъ сущностью человѣческаго духа, разсматриваемой съ точки зрѣнія вѣчности, то есть, интеллектуальная любовь Бога есть часть безконечной любви, которую Богъ любить себя“⁹⁰⁶⁾. Но не на одни лишь человѣческія существа распространяется такая любовь, а на все живое:

Qui videt, ut cunctis animantibus insidet idem
Rex et, dum pereunt, haud perit—ille videt!
Nolet enim, sese dum cernit in omnibus ipsum,
Ipse nocere sibi: quo via summa patet⁹⁰⁷⁾.

„Подобно тому какъ человѣкъ въ объятіяхъ любимой жены не знаетъ ничего, что внѣ, ничего что внутри, такъ тотъ, кто объять разумнымъ Духомъ, не знаетъ ничего что внѣ, ничего, что внутри. Такова въ дѣйствительности его (истинная) форма, въ которой его желанія исполнены, въ которой (только) Духъ его желаніе, въ которой не остается никакого желанія, свободная отъ всякой скорби⁹⁰⁸⁾... То, что ближе всего къ намъ, эта Сущность, дороже сына, дороже богатства, дороже всего другого. И если бы кто сказалъ другому, считающему дорогимъ иное чѣмъ Сущность, что онъ потеряетъ то, что ему дорого, то очень похоже, что такъ бы и было. Пусть онъ лишь Сущность чтитъ какъ дорогую. У того, кто лишь Сущность чтитъ какъ дорогую, любимое никогда не погибнетъ“⁹⁰⁹⁾.

Не трудно доказать связь между субъективной и объективной необходимостью и теоретически. Подъ субъективнымъ подразумѣвается личное и потому единичное, подъ объективнымъ внѣшнее и потому общее. Но всякое личное предполагаетъ общее, всякое внѣшнее—внутреннее. Особь не отдѣлима отъ вида, видъ отъ рода, родъ отъ другихъ родовъ, а вся совокупность родовъ есть вселен-

⁹⁰⁶⁾ Spinoza, Eth. P. V, Prop. XXXVI.

⁹⁰⁷⁾ Sri-Bhagavad-Gîtâsu, 27—28. Переводъ принадлежитъ Deussen'у, Die Elemente d. Metaphysik, 2-te Aufl. Leipz. 1890, 2. J. Davies, The Bhagavad-Gîtâ, Lond. 1882, 139, переводитъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: He who sees the Supreme Lord dwelling alike in all beings, the Imperishable in things that perish, sees indeed; for seeing the Lord as the same, every where present, he destroys not himself by himself, and thus he goes to the supreme seat.

⁹⁰⁸⁾ Brihadâraṇyaka-Upanishad, IV, 3, 21. Sacred Books, XV, 168.

⁹⁰⁹⁾ Ibid. I, 4, 8. Sacred Books, XV, 88.

ная. Всякій субъективизмъ есть поэтому въ извѣстной мѣрѣ объективизмъ и всякій объективизмъ есть въ извѣстной мѣрѣ субъективизмъ. На низшихъ ступеняхъ жизни особь сливается съ видомъ и родомъ и съ внутренней и съ виѣшней стороны ⁹¹⁰). На высшей ступени—въ человѣческомъ обществѣ—физическія связи между особями ослабляются, но тѣмъ тѣснѣе и обильнѣе становятся связи внутреннія. Ни одинъ членъ общества не можетъ выдѣлится себя изъ историческаго теченія; сколь бы ни была велика его самостоятельность и обособленность, она, хотя и своеобразная, все же волна на общемъ потокѣ ⁹¹¹). Но особи такъ же реальны, какъ виды и роды: роды и виды обнаруживаютъ себя лишь въ особяхъ, а особи имѣютъ бытіе лишь чрезъ виды и роды. Въ вѣчномъ взаимодействіи между общимъ и частнымъ, при торжествѣ общаго, состоитъ весь міровой процессъ ⁹¹²). Истинно сущая природа не только тождественная, но и иная ⁹¹³), или какъ говоритъ Яковъ Бэмъ—въ Богѣ вѣчная противоположность: все свѣтъ и тьма, любовь и гнѣвъ, и да и нѣтъ ⁹¹⁴). Въ силу своего иного тождественная сущность дробить себя; но въ силу тождественнаго стягиваетъ это дробное въ себя ⁹¹⁵). Человѣческое сознание отображаетъ въ себѣ міровое: въ немъ тождественные принципы, но разнообразное содержаніе; истина наряду съ ложью; положительные идеалы на ряду съ отрицательными. Оно открываетъ себя въ частныхъ обнаруженіяхъ, но за тѣмъ эти обнаруженія снова къ себѣ принимаетъ. Сомнѣніе и отрицаніе имѣетъ такимъ образомъ метафизическое основаніе. Критическое направленіе, какъ синтезъ положительнаго и отрицательнаго начала, выс-

⁹¹⁰) Новѣйшая по этому вопросу монографія Girard, *Les Sociétés chez les Animaux*, Paris, 1891. Также Espinas, *Sociétés animales*, Paris, 1877. Spencer, *Principles of Biology*, I⁴, P. II, Ch. VI, § 72, 201 f. Hartmann, *Philosophie des Unbewussten*, II¹⁰, 121 f. 252 f.

⁹¹¹) Dilthey, *Einleitung in die Geisteswissenschaften*, I, Leipz. 1883, 47. Всеобщность человѣческаго сознанія ставитъ на видъ кн. С. Трубецкой въ рядѣ статей „О природѣ человѣческаго сознанія“ въ „Вопросахъ Психологии и Философіи“, М. 1889—1891. Для выясненія этого вопроса не безынтересна монографія Kappes'a *Der Common Sense, als Princip d. Gewisheit in der Philosophie* Th. Reid. Leipz. 1890.

⁹¹²) Истину эту впервые выяснилъ, примыкая къ Платону, Прокль. Выше, стр. 183 сл.

⁹¹³) Выше, стр. 188. 179. 210 сл. 243.

⁹¹⁴) Böhme, *Von wahr. Gelass.* II, § 10. *Von drei Princ.* I, § 4. 5. *De Incarn. Verbi* I, c. 1, §§ 9. 11. II, c. 3. § 3. 177 *Frag.* III, §§ 2—5. 10—16. I, 88. III, 10. VI, 154. 155. 250. 597 f. Schiebl.

⁹¹⁵) Выше, стр. 183, сл. 211.

шее орудіе познанія истины. Но всякій критицизмъ долженъ неизмѣнно помнить, что онъ опирается въ концѣ на тотъ Логосъ, чрезъ который произошелъ какъ онъ, такъ и все остальное, „въ которомъ жизнь и истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, приходящаго въ міръ“ ⁹¹⁶). Отрывать человѣческій разумъ отъ этого свѣта и обрекать такимъ образомъ людей на тьму, у насъ безусловно нѣтъ основанія. Правда, „божественный свѣтъ выносятъ не всѣ человѣческія очи. Оттого такъ и трудно увидеть истиннаго философа, что онъ вѣчно пребываетъ своею мыслью въ свѣтлыхъ областяхъ бытія“ ⁹¹⁷). Но если не всѣмъ дано смотрѣть въ Божественный ликъ, то всѣ могутъ видѣть его отображеніе и по отображенію судить о ликѣ ⁹¹⁸). Природа солнца недоступна нашему непосредственному наблюденію, но мы знаемъ о ней изъ солнечнаго луча. Безусловное можемъ познать изъ условнаго, Богъ познается изъ міра. То, чтò недоступно для одного человѣка, можетъ быть выполнено всей исторіей человѣческаго духа, прошедшей, настоящей и будущей ⁹¹⁹).

Вслѣдствіе органическаго строя нашей духовной жизни всякое міровоззрѣніе обусловлено не только умственной дѣятельностью, но и чувствомъ. Кто не воспримчивъ къ бьющей вокругъ него жизни и смотритъ на міръ помертвѣлыми глазами, для того мертвое и громоздкое первоначальное, а живое и подвижное—производное. Но объяснить безусловно живое изъ безусловно мертваго нѣтъ возможности. Оттого міровая первооснова, которая въ такомъ случаѣ должна совмѣщать несомвѣстимое, необходимо должна казаться непознаваемой. И такъ какъ объективной безконечно живой дѣйствительности такое міровоззрѣніе противопоставляетъ мертвящую ее субъективную дѣйствительность, то очевидно между той и другой не можетъ быть

⁹¹⁶) Ioann. I, 3—4. 9.

⁹¹⁷) Soph. 254, A: ὁ δὲ γὰρ φιλόσοφος, τῇ τοῦ ὄντος ἀεὶ διὰ λογισμῶν προσκειμένος ἰδέα, διὰ τὸ λαμπρὸν αὐτῆς χάρας οὐδαμῶς εὐπετέως ὀφθῆναι: τὰ γὰρ τῆς τῶν πολλῶν φύγῃς ὄματα καρτερεῖν πρὸς τὸ θεῖον ἀφορώμενα ἀδύνατα.

⁹¹⁸) „Quà la moltitudine di strali, che hanno ferito e feriscono il core, significa gl'immumerabili individui e specie di cose, ne le quali riluce il splendor de la divina beltade, secondo li gradi di quelle, et onde ne scalda l'affetto del proposto et appresso bene“. Bruno, Degl eroici Furori, 713 Delag.

⁹¹⁹) „Non omnia pessumus omnes sigillatim, sed bone omnia possumus omnes summatim. Intelligentiæ ergo perfectio non est in uno, in altero, vel in pluribus, sed in omnibus, non etiam in omnibus suppositaliter, sed sub formali conditione quæ perficit omnia“. Bruno, Summa term. 500 Gfr.

ни одной сходной черты. Философамъ, утверждающимъ такое несоотвѣтствіе, можно съ полнымъ правомъ отвѣтить извѣстными словами поэта:

Die Geisterwelt ist nicht verschlossen;
Dein Sinn ist zu, dein Herz ist todt!
Auf, bade, Zweifler, unverdrossen
Die ird'sche Brust im Morgenroth! ⁹²⁰).

Но ни одно изъ нашихъ основныхъ понятій не заявляетъ о своей объективной реальности такъ убѣдительно, какъ понятіе о цѣли. „Никто не сомнѣвается, что по крайней мѣрѣ разумное существо способно дѣйствовать по цѣлямъ, предлагать себѣ цѣль и стало быть опредѣлять себя конечной причиной. Вопросъ поэтому въ томъ: какъ въ лишенной цѣли природѣ вдругъ можетъ появиться существо, способное преслѣдовать цѣль? Эта способность, говорятъ, есть произведеніе его организациі. Но какимъ образомъ организациа, которая, по предположенію, есть лишь результатъ физическихъ силъ, счастливо перешутовавшихся, можетъ произвести такое существо, которое способно догадываться, предусматривать, рассчитывать, готовить средства для цѣлей? До сихъ поръ рядъ явленій слѣдовалъ порядку нисходящему, идущему отъ причины къ слѣдствію: все, что производилось, производилось прошедшимъ и никакимъ образомъ не опредѣлялось, не измѣнялось и не направлялось необходимостями будущаго. И вотъ въ этомъ механическомъ рядѣ происходитъ существо, которое все измѣняетъ, которое переноситъ въ будущее причины настоящаго... Можно ли вообразить, что дѣятель, одаренный такимъ образомъ способностью располагать природой согласно со своими цѣлями, можетъ быть самъ простымъ результатомъ, осуществленнымъ природой безъ всякой предположенной цѣли? Не есть ли это въ нѣкоторомъ родѣ чудо, допустить въ механическомъ рядѣ явленій такое звено, которое вдругъ должно получить способность оборачивать въ нѣкоторомъ родѣ рядокъ и которое, будучи само лишь послѣдующимъ результатомъ безконечнаго множества предшествовавшихъ, должно въ будущемъ налагать на этотъ продолжающійся рядъ, новый, непредвидѣнный законъ, который дѣлаетъ изъ послѣдующаго законъ и правило для предыдущаго?“ ⁹²¹).

⁹²⁰) Goethe, Faust, I сд.

⁹²¹) P. Janet, Les Causes finales, 254 sq.

Механическое міровоззрѣніе пытается выдти изъ этого затрудненія ученіемъ о рефлексивныхъ движеніяхъ, законѣ самосохраненія и ассоціаціяхъ. Первоначально всѣ наши движенія происходятъ случайно вслѣдствіе заключающейся въ нервахъ энергіи. Случайно эти движенія сопровождаются чувствомъ удовольствія или страданія. Удовольствія стремятся къ продолженію и усиленію вызвавшихъ ихъ дѣйствій; страданія, напротивъ, къ ослабленію или прекращенію дѣйствій, которыми вызваны. Вслѣдствіе случайнаго повторенія встрѣчи движенія съ удовольствіемъ или страданіемъ, между чувствомъ и движеніемъ устанавливается связь, такъ что когда впослѣдствіи появляется чувство удовольствія (реальное или идеальное), за нимъ слѣдуетъ и связанное съ нимъ движеніе, а чувство страданія (реальное или идеальное) служитъ причиной отсутствія связаннаго съ нимъ движенія, если это движеніе случайно не облегчаетъ страданія⁹²²). Желанія и отвращенія суть задержанныя дѣйствія, которыми удовольствія себя кормятъ, а страданія себя преобразуютъ⁹²³).

Сколь ни остроумной эта теорія можетъ показаться съ перваго взгляда, свою шаткость она обличаетъ уже тѣмъ, что для объясненія воли вынуждена прибѣгать одновременно къ законмѣрности и случайности. Связь между удовольствіями, страданіями и дѣйствіями законмѣрна, но обнаруженіе ея зависитъ отъ случая. Мы уже видѣли, что законмѣрность не мыслима безъ цѣлесообразности⁹²⁴). Предполагая цѣлесообразность изначальной въ объективномъ мірѣ, мы еще съ большимъ основаніемъ должны признать ее изначальной въ мірѣ субъективномъ, такъ какъ духъ, дѣйствующій не по цѣлямъ, есть не духъ, а призракъ. Главную опору эта теорія видитъ въ

⁹²²) Bain, *The Emotions and the Will*, 3-d ed. Lond. 1880. 303 f. 315. We suppose movements spontaneously begun, and accidentally causing pleasure; we then assume that with the pleasure there will be an increase of vital energy, in which increase the fortunate movements will share, and thereby increase the pleasure. Or, on the other hand, we suppose the spontaneous movements to give pain, and assume that, with the pain, there will be a decrease of energy extending to the movements that cause the evil, and thereby providing a remedy. (Въ этомъ состоитъ законъ самосохраненія). A few repetitions of the fortuitous concurrence of pleasure and certain movement will lead to the forging of an acquired connection under the law of Retentiveness or Contiguity, so that, at an after time, the pleasure or its idea shall evoke the proper movement at once etc. *The Senses and the Intellect*, 3-d ed. Lond. 1863, 296 f. 301.

⁹²³) Bain, *The Emotions and the Will*, 425 f. *The Senses and the Intellect*, 303.

⁹²⁴) Стр. 245, сл.

томъ, что у дѣтей первоначально движенія повидимому не имѣютъ никакой цѣли, но потомъ мало по малу становятся цѣлесообразными⁹²⁵). Вундтъ однако вполне основательно замѣчаетъ, что при такомъ объясненіи объемъ рефлексивныхъ (то есть необусловленныхъ видимою цѣлью) движеній произвольно расширяются⁹²⁶). У дѣтей рефлексивно двигаются лишь руки и ноги, а остальные движенія—сосаніе, глотаніе, крикъ, поворотъ глазъ къ свѣту—инстинктивны (то есть выполняютъ видимую цѣль). Такъ какъ и движенія рукъ и ногъ впоследствии становятся неизмѣнно цѣлесообразными, то первоначальную неприспособленность этихъ движеній мы должны объяснять не тѣмъ, что цѣль для нихъ нѣчто внѣшнее, но тѣмъ, что она себя реализируетъ постепенно. Свободная неприспособленность движеній нужна для укрѣпленія мускуловъ въ слабомъ еще для подчиненія цѣлесообразно дѣйствующей волѣ существъ. Наблюденія надъ животными нисшаго порядка не только не оправдываютъ, какъ можно было бы ожидать по сравнительно малой разумности этихъ существъ, доводовъ излагаемой теоріи, но ихъ рѣшительно опровергаютъ. Какими, напримѣръ, рефлексивными движеніями и ассоціаціями можно объяснить то, что цыпленокъ почти тотчасъ же по вылупленіи изъ яйца начинаетъ бѣгать за матерью, клевать пищу и пить воду? Впрочемъ, несостоятельность разсматриваемаго объясненія очевидна уже изъ того, что идетъ въ разрѣзъ съ безусловно достовѣрнымъ сознаніемъ свободы воли. Указанное выше затрудненіе остается такимъ образомъ для механической теоріи въ полной силѣ.

Вопросъ о происхожденіи и существованіи зла неразрѣшимъ лишь для той телеологіи, которая стоитъ на зооцентрической или антропоцентрической точкѣ зрѣнія⁹²⁷). Но затрудненіе устранится, какъ скоро убѣдимся въ неосновательности этой точки зрѣнія. При оцѣнкѣ мірозданія мы не можемъ выйти изъ категорій нашего духа, но ничто насъ не уполномочиваетъ разсматривать себя или другихъ

⁹²⁵) Bain, *The Senses and the Intellect*, 302 f.

⁹²⁶) Wundt, *Physiologische Psychologie*, II, 488 f.

⁹²⁷) Несостоятельность такой телеологіи изъ представителей телеологическаго міровоззрѣнія съ особою силою отвѣчаетъ Mühry, *Kritik u. kurze Darlegung d. Exacten Natur-Philosophie*, 5-te Aufl. Gött. 1882, 19 f. Подъ цѣлесообразностью онъ подразумѣваетъ die in einem Gegenstande der Untersuchung bestehende Proportionalität, quantitative oder qualitative, der Theile eines Ganzen, besonders in Bewegung befindlicher Theile, welche immer den Beweis enthält, dass in dem Gegenstande immanent auch logische Gesetze wirksam sind. p. 21.

животныхъ центромъ всемірной жизни. Эта жизнь безконечна и предполагаетъ безконечное разнообразіе обнаруженій, каждое изъ которыхъ имѣетъ одинаковое право на существованіе. О значеніи явленія мы должны судить не по отношенію лишь къ нему самому или обособленнымъ группамъ, но по отношенію ко всей міровой жизни въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ. „Юношу (который сталъ бы отрицать Провидѣніе, ссылаясь на личныя несчастія), мы убѣдимъ тѣмъ доводомъ, что у того, кто заботится о вселенной, все устроено для спасенія и доблести цѣлаго, такъ что и каждая часть по силамъ терпитъ и дѣлаетъ должное. Къ каждой изъ нихъ даже въ самыхъ малыхъ дѣйствіяхъ и страданіяхъ постоянно приставлены правителями тѣ, которые внесли совершенство даже въ мельчайшихъ частяхъ. Одна изъ этихъ частей, злополучный, и твоя, и она вѣчно смотритъ на вселенную и ей способствуетъ, хотя и очень мала. Ты же не замѣчаешь именно того, что всякое происхожденіе происходитъ съ тою цѣлью, чтобы была счастливою пребывающая въ міровой жизни сущность, происходитъ не ради тебя, но ты ради этой цѣли. Всякій врачъ и всякій искусный художникъ все дѣлаетъ ради всего дѣла, способствуя тому, что всего лучше для общаго, и дѣлаетъ часть ради цѣлаго, а не цѣлое ради части. Ты негодуешь, такъ какъ не знаешь того, на сколько то, что происходитъ съ тобою на высшее благо вселенной, становится благомъ и для тебя по силамъ общаго происхожденія. Такъ какъ душа всегда соединена то съ тѣмъ, то съ другимъ тѣломъ и испытываетъ различныя перемѣны сама собою или вслѣдствіе другой души, то (для міроустроителя, какъ) для игрока въ кости не остается ничего другого кромѣ лишь того, чтобы перелазить ставшій лучшимъ нравъ въ лучшее мѣсто, а худшій—въ худшее, сообразно съ тѣмъ, какъ каждому изъ нихъ подобаетъ для полученія подходящей участи“⁹²⁸).

Отрицать, что все идетъ впередъ къ большому совершенству, значило бы говорить противъ очевидности. Поэтому прогрессъ одинаково признаютъ какъ представители телеологіи, такъ и представители механической теоріи. Но всякій прогрессъ, какъ выяснилъ

⁹²⁸) Leges, 903, B—E.

Гегель, ⁹²⁹⁾ предполагаетъ три момента: положеніе даннаго состоянія, его отрицаніе (или снятіе) въ переходѣ къ высшему и примиреніе положенія съ отрицаніемъ въ высшемъ моментѣ. Если бы не было отрицанія, то все было бы въ состояніи косности; но отрицаніе само по себѣ не даетъ ничего и потому очевидно есть лишь ферментъ, разлагающій данное положительное по руководству высшаго положительнаго. Положительное начало есть то, что мы называемъ благомъ; отрицательное—то, что мы называемъ зломъ. Добро и зло поэтому одинаково необходимы въ міровой жизни. Кажущееся бессмысленнымъ въ „міровой статикѣ“ необходимо должно имѣть смыслъ въ „міровой динамикѣ“.

Но и съ иной точки зрѣнія необходимость зла можетъ быть доказана. Добро и зло понятія соотносительныя: добро предполагается зломъ, а зломъ—добро. Не было бы сознанія зла, не было бы и сознанія добра, и на оборотъ. Точно тоже о красотѣ и безобразіи. По своему отвлеченному опредѣленію, красота есть единство въ разнообразіи или разнообразіе въ единствѣ ⁹³⁰⁾, а всякое разнообразіе предполагаетъ противоположеніе. Августинъ прекрасно уподобилъ зло темному пятну, поставленному на картинѣ гдѣ слѣдуетъ, а міровую жизнь—гармонически сложенной изъ противоположностей пѣсни ⁹³¹⁾. „Во вселенной (говоритъ примыкая къ Августину Бруно ⁹³²⁾ нѣтъ ничего столь ничтожнаго, что не способствовало бы цѣльности и совершенству самаго великаго. Точно также нѣтъ нигдѣ и ни у кого такого зла, которое въ другомъ мѣстѣ и для другихъ не было бы хорошимъ и наилучшимъ. Поэтому для того, кто смотритъ на всю вселенную, ничего не встрѣчается постыднаго, дурнаго, несовмѣстнаго. Разнообразіе и противоположность нисколько не препятствуютъ тому, чтобы все было наилучшимъ, какъ скоро ими управляетъ природа, которая, подобно регенту хора, направляетъ и сводитъ противоположные крайніе и средніе голоса въ одну наилучшую, какую только можемъ вообразить, симфонію“. Самое наслажденіе жизнью мыслимо лишь при возможности страданія. И не для

⁹²⁹⁾ Выше, стр. 174.

⁹³⁰⁾ Ниже, стр. 278 и подробнѣе въ моемъ „Платонизмъ“, 70, сл.

⁹³¹⁾ Augustin. De Civ. Dei XI, 13. XII, 3.

⁹³²⁾ Bruno, De tripl. Minimo, Francof. 1591, 133.

глубокаго психологическаго наблюденія ясно, что „хотя удовольствіе и страданіе не желаютъ вмѣстѣ присутствовать въ человѣкѣ, но какъ скоро кто стремится къ одному и его достигаетъ, тому почти что необходимо получить и другое, какъ будто бы они были связаны верхушками“⁹³³). Если бы, какъ говоритъ въ „Горгіи“ Сократъ, счастье состояло въ томъ, чтобы имѣть въ своей душѣ переполненныя всякими сладостями бочки и не чувствовать поэтому ни въ чемъ недостатка, то, по вѣрному замѣчанію Калликла въ томъ же діалогѣ, въ камнѣ мы должны были бы видѣть верхъ счастливаго существованія⁹³⁴). Къ тому же всякая красота можетъ приглядѣться и все цѣнное надобѣсть; при полномъ удовлетвореніи всѣхъ чувствъ жизнь становится тошной⁹³⁵). Даже столь оплаканныя слезы людскія, „которыя лютя ранней и поздней порой, лютя незримыя, неисчислимыя, лютя какъ лютя струи дождевыя въ осень глухую ночью порой“⁹³⁶)— находятъ телеологическое оправданіе въ томъ облегченіи, которое приносятъ⁹³⁷), и могутъ быть истолкованы эстетически:

Les moissons, pour mûrir, ont besoin de rosée;
 Pour vivre et pour sentir, l'homme a besoin de pleurs;
 La joie a pour symbole une plante brisée,
 Humide encore de pluie et couverte de fleurs⁹³⁸).

А служащія причиной этихъ такъ называемыя несчастныя случайности, для ходячей телеологіи не объяснимыя,⁹³⁹) съ точки зрѣнія ученія объ эволюціи истолковываются просто и естественно какъ указанія для будущаго, способствующія развитію умственной дѣятельности въ цѣляхъ прогрессирующаго приспособленія.

Все хорошее, прекрасное, пріятное, полезное и проч. имѣеть

⁹³³) Phaedo, 60, B—C.

⁹³⁴) Gorg. 493, D, сл.

⁹³⁵) „Sensibus omnibus uniformitas nauseam parit.“ Bruno, Ars Memoriae, 341, 6fr.

⁹³⁶) Тютчевъ.

⁹³⁷) На это свойство неоднократно указывали поэты; напр. Goethe, Trost in Thränen, Кн. Ваземскій „Слезы“ и пр. Тонкое психологическое наблюденіе у Heine въ Ruhelehzend:

Lass bluten deine Wunden, lass
 Die Thränen fiessen unaufhaltsam—
 Geheime Wollust schwelgt im Schmerz,
 Und Weinen ist ein süsser Balsam.

⁹³⁸) A. Musset, La nuit d'Octobre.

⁹³⁹) Между прочимъ и для Parker'a, Theism, Atheism and the popular Theology, Lond. (безъ года) въ его широкихъ анализахъ of the Economy of Pain and Misery etc. 190 t.

постепенности, между которыми возможны противоположность и различіе. Но всякая низшая ступень по отношенію къ высшей недостаточна: *omnis determinatio est negatio*⁹⁴⁰). Если мы отъ блага пойдемъ нисходящимъ путемъ, то дойдемъ до зла; а если отъ зла пойдемъ восходящимъ путемъ, то дойдемъ до блага. Смотря по тому, какая противоположность въ нашемъ сознаниіи перевѣшиваетъ, оно бываетъ оптимистическимъ или пессимистическимъ. Логически состоятельно лишь оптимистическое міровоззрѣніе, такъ какъ безъ преобладанія блага несомнѣнно существующій прогрессъ невозможенъ; но большинство сторонниковъ долженъ необходимо имѣть пессимизмъ. Причина въ томъ, что лишь сильно тяготѣющая къ безконечному душа способна обнять мыслью всю вселенную; обыкновенно же кругозоръ ограничивается землей и центромъ мірозданія считается человѣческая жизнь⁹⁴¹), при томъ не во всей ея исторіи, а лишь въ предѣлахъ наличной дѣйствительности. Но наличная дѣйствительность для поверхностнаго взгляда не можетъ быть утѣшительной. Всѣ единичныя существа, какъ необходимыя проявленія Безконечнаго, стремятся къ сохраненію собственнаго бытія⁹⁴²). Отсюда преобладающая сила эгоизма, раздоръ, борьба наполняющая всю исторію. „Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше“⁹⁴³). Но сердце наше бьется прежде всего для насъ самихъ. Оттого „отъ сердца исходятъ злыя помыслы, убійства, любодѣянія, развратъ, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія“⁹⁴⁴). Не нужно быть пессимистомъ, чтобы оправдать древняго философа, зажженного днемъ фонарь съ цѣлью искать человѣка⁹⁴⁵). Найти въ каждомъ встрѣчномъ звѣря не трудно, найти человѣка не легко. Правственное зло убиваетъ антропоцентрическую телеологию⁹⁴⁶); и лишь для возвышеннаго взгляда на Божество, какъ ведущій вселенную къ

⁹⁴⁰) Spinoza, Epist. L. ad Jarich Jelles, II, 185 Vlot.

⁹⁴¹) Даже всеобъемлющіе умы не всегда способны выдти изъ этихъ узкихъ предѣловъ. Гегель, напр. въ своей „Философій Исторіи“ моменты развитія Абсолютнаго отождествляетъ, безъ всякаго ограниченія, съ моментами земной исторіи.

⁹⁴²) „Potentia, qua res singulares, et consequenter homo suum esse conservat, est ipsa Dei sive naturae potentia, non quatenus infinita est, sed quatenus per humanam actualem essentiam explicari potest“. Spinoza, Eth. P. IV, Prop. IV. P. III, Prop. VI, IX. Schol.

⁹⁴³) Матѣ. VI, 21.

⁹⁴⁴) Ibid. XV, 19.

⁹⁴⁵) Diog. Laert. VI, 41: λόγρον μεθ' ἡμέραν ἄφας περιῆαι λέγων ἄνθρωπον ζητῶ.

⁹⁴⁶) Анализы у Martineau, A Study of Religion, II, 105 f. и Parker'a, Theism etc. 219 f. скорѣе выясняютъ затрудненія, чѣмъ устраняютъ.

безконечному прогрессу Разумъ и жертвующій единичнымъ для общаго это зло находитъ телеологическое оправданіе ⁹⁴⁷⁾. Но человѣкъ, хотя и первенствуетъ на землѣ, не центръ міра, и по ограниченной дѣйствительности человѣческой жизни мы не въ правѣ судить о безконечной жизни вселенной. Стоитъ только отвратить глаза отъ повседневныхъ дразгъ, и мірозданіе своимъ великолѣпіемъ не можетъ не поразить непредубѣжденнаго взора. Однако и человѣческая природа искупаетъ дурныя стороны хорошими. Источникъ всякаго зла, сердце, есть вмѣстѣ и источникъ добра: раздувая огонь ненависти, оно способно нашептывать и тихія слова любви. На своемъ тревожномъ станкѣ оно не перестаетъ ткать для всего, чтò есть, поэтический покровъ. Искони вѣковъ надъ Брамой строить царство грезъ волшебница Майя. Въ этомъ царствѣ много свѣтлыхъ обителей для всѣхъ желающихъ. А для немногихъ избранныхъ высшее наслажденіе доставляетъ та дѣятельность, которая подъ этимъ покровомъ прозираетъ вѣчно шумный океанъ жизни, безродимый безконечными грядями причинъ и слѣдствій. Кто умѣетъ смотрѣть съ точки зрѣнія вѣчности ⁹⁴⁸⁾, тотъ „заботливо старается о томъ, чтобы не смѣяться надъ человѣческими дѣйствіями, не оплакивать ихъ и не проклипать, но понимать, и разсматриваетъ человѣческія страсти—любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, тщеславіе, милосердіе и другія душевныя движенія—не какъ пороки человѣческой природы, но какъ свойства, принадлежащія ей точно такъ же, какъ природѣ воздуха жаръ, холодъ, буря, громъ и проч., хотя и неудобныя, однако необходимыя и имѣющія извѣстныя причины, изъ которыхъ мы стараемся понять ихъ природу и которыхъ истиннымъ созерцаніемъ умъ радуется такъ же, какъ познаніемъ пріятныхъ чувствамъ вещей“ ⁹⁴⁹⁾.

⁹⁴⁷⁾ Hartmann, Philos. d. Unbewussten, I, K. X.

⁹⁴⁸⁾ Spinoza, Eth. P. II, Prop. XLIV Coroll. II. P. V, Propos. XXIX sq.

⁹⁴⁹⁾ Spinoza, Tract. Pol. I, 4. Eth. P. IV, Prop. L, Schol. „Dal la qual contemplazione, se vi saremo attenti, avverrà, che nullo strano accidente ne dismetta per dogla o timore, e nessuna fortuna per piacere o speranza n'estogla; onde haremo la via vera a la vera moralità, saremo magnanimi, spreggiatori di quel che fanciulleschi pensieri stimano, e verremo certamente più grandi che que'dei, che il cieco volgo adora, per che diverremo veri contemplatori de l'istoria de la natura, la qual è scritta in noi medesimi, e regolati exequutori de la divini leggi, che nel centro del nostro core son inscolpite.... Questa è quella filosofia, che apregli sensi contenta il spirito, magnifica l'intelletto, e riduce l'uomo a la vera beatitudine, che può aver come uomo, et consistente in questa e tale compositione; perche lo libere da la sollecita cura di piaceri e cieco sentimento di dolori: lo fa godere de l'essere presente, e non più temere che sperare del futuro“.

Bruno, De l'infinito, 302 sg. Delag.

Такой человекъ, хотя по необходимости и утверждаетъ свое бытіе, однако не нападая, но отражая и уклоняясь,⁹⁵⁰⁾ и не для того, чтобы стѣснять своимъ существованіемъ другихъ, но чтобы расширять общее всѣмъ поле знанія⁹⁵¹⁾. Это поле необозримо. Но правъ былъ Кантъ, что чѣмъ болѣе углубляется философская мысль, тѣмъ все болѣе возрастающимъ благоговѣніемъ наполняютъ ее двѣ вещи: звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ⁹⁵²⁾. Въ чистотѣ собственнаго нравственнаго сознанія лежитъ лучшій залогъ лучшаго счастья. Чтобы хранить эту чистоту, необходимъ миръ и покой души. И это успокоеніе найти всякому не трудно: какъ бы ни шумѣла вокругъ меня задорная жизнь, звѣздное небо не перестаетъ спокойно сіять надо мною. Безконечное разнообразіе чувствъ пробуждается созерцаніемъ безконечнаго, но самое сильное—сознаніе самаго безконечнаго. Оно само собою возвышаетъ духъ, порождая въ немъ желаніе слиться во едино съ Единымъ и Вѣчнымъ, само собою открываетъ передъ взоромъ чистѣйшій идеалъ красоты, созданный не изъ земныхъ красокъ, а изъ цвѣтовъ радуги и лучей звѣздъ, само собою подсказываетъ пѣснь высокой любви.

There is a pleasure in the pathless woods,
 There is a rapture on the lonely shore,
 There is society, where none intrudes,
 By the deep Sea, and music in its roar:
 I love not Man the less, but Nature more,
 From these our interviews, in which I steal
 From all I may be, or have been before,
 To mingle with the Universe, and feel
 What I can ne'er express, yet can not all conceal.⁹⁵³⁾

⁹⁵⁰⁾ „Hominis liberi virtus aequè magna cernitur in declinandis, quam in superandis periculis.... Homini igitur libero aequè magnae animositati fuga in tempore, ac pugna ducitur; sive homo liber eadem animositate seu animi praesentia, qua certamen, fugam eligit“. Spinoza, Eth. P. IV, Prop. LXIX, Coroll.

⁹⁵¹⁾ „Nihil certe scimus bonum aut malum esse, nisi id quod ad intelligendum revera conducit, vel quod impedire potest quo minus intelligamus. Summum bonum eorum, qui virtutem sectantur, omnibus commune est, eoque omnes aequè gaudere possunt“. Spinoza, Eth. P. IV, Prop. XXVII, XXXVI.

⁹⁵²⁾ Kant, Kritik d. praktischen Vernunft, Beschluss, 167. Hart.

⁹⁵³⁾ Byron Childe Harold's Pilgr. IV, C. CLXXVIII, III, C. LXXII—LXXIII. „Bientôt de la surface de la terre j'élevois mes idées à tous les êtres de la nature, au système universel des choses, à l'être incompréhensible qui embrasse tout. Alors, l'esprit perdu dans cette immensité, je ne pensois pas, je ne raisonnois pas, je ne philosophois pas, je me sentois, avec une sorte de volupté, accablé du poids de cet univers, je me livrois avec ravissement à la confusion de ces

Не одними лишь возвышенными идеалами, но и стремленіемъ каждаго къ личному счастью и вызваннымъ этою общеою сутолкою и духотою желаніемъ найти примиреніе и успокоеніе въ единой для всѣхъ безобидной области ⁹⁵⁴), впередъ и впередъ къ Царству Духа движется исторія. Сколь ни велика ненависть, разъединяющая народы, сквозь густую щетину штыковъ, стоящихъ на стражѣ себя-любивой исключительности, все ярче и ярче пробиваются духовныя узы, связующія народы. Объединяются народы общей религіей любви въ Духъ и Истинѣ, общими для всѣхъ созданіями научнаго, философскаго и художественнаго творчества. Въ одно мгновеніе облетаетъ теперь мысль всю землю. Учреждаются для обмѣна духовнаго богатства всемірные союзы, для обмѣна богатства вещественнаго сходятся народы на всемірныя торжища. Даже въ темныхъ волнующихъ государствахъ силахъ, отрицающихъ единичное во имя общаго, сказывается духъ единенія ⁹⁵⁵). „Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всѣми, и чрезъ

grandes idées, j'aimois à me perdre en imagination dans l'espace, mon coeur resserré dans les bornes des êtres s'y trouvoit trop à l'étroit; j'étouffois dans l'univers; j'aurois voulu m'élançer dans l'infini“. Rousseau, Lettre (117) à Malesherbes 21 janv. 1762, v. X, 306 éd. Hachette. Еще опредѣленнѣе Гёте (Eins und Alles):

Im Gränzenlosen sich zu finden,
Wird gern der Einzelne verschwinden,
Da löst sich aller Ueberdruss;
Statt heissem Wünschen, wildem Wollen,
Statt läst'gem Fordern, strengem Sollen
Sich aufzugeben, ist Genuss.

⁹⁵⁴)

Nur der Körper eignet jenen Mächten,
Die das dunkle Schicksal flechten;
Aber frei von jeder Zeitgewalt,
Die Gespielin seliger Naturen,
Wandelt oben in des Lichtes Fluren,
Göttlich unter Göttern die Gestalt.
Wollt ihr hoch auf ihren Flügeln schweben,
Werft die Angst des Irdischen von euch!
Fliehet aus dem engen, dumpfen Leben
In des Ideales Reich!

Schiller, Das Ideal und das Leben.

⁹⁵⁵) Не лишены философскаго значенія „Schlussbetrachtungen“ въ Weber's „Allgemeine Weltgeschichte“, XV, 1277 f. (1880).

всѣхъ, и во всѣхъ“⁹⁵⁶). „И будетъ въ концѣ Богъ все во всемъ, такъ что вся тѣлесная природа будетъ принята въ ту Сущность, которая лучше всего, то есть къ Божественную...⁹⁵⁷). Богъ будетъ въ отдѣльныхъ вещахъ такъ, что чтобы ни стала разумная душа, очищенная отъ грязи всѣхъ пороковъ и освобожденная въ конецъ отъ мглы зла, чувствовать, мыслить, понимать, она не будетъ видѣть ничего кромѣ Бога, не будетъ держать ничего кромѣ Бога. Богъ будетъ образъ и мѣра всѣхъ ея движеній; и такимъ образомъ Богъ будетъ все, и не будетъ болѣе различія между добромъ и зломъ, такъ какъ вовсе не будетъ зла...⁹⁵⁸). Тогда будетъ одна дѣятельность влекущихся къ Богу чрезъ обращенное къ нему Слово—познавать Бога, чтобы въ познаніи Отца всѣ приняли ликъ и стали истиннымъ Сыномъ, какъ теперь лишь Единный Сынъ позналъ Отца“⁹⁵⁹).

Одна и та же Сущность полагаетъ дробное бытіе и объединяетъ его узамы общаго съ самой собою. Но смотря на дробное, мы не въ правѣ при его оцѣнкѣ забывать объ общемъ. Надо всѣми нами одинъ и тотъ же сводъ небесъ и одна и та же земля подъ всѣми нами. Солнце свѣтитъ одинаково для добрыхъ и злыхъ. На всѣхъ одинаково смотрятъ вершины горъ, для всѣхъ шумятъ лѣса и пѣнятся волны. Въ этомъ общемъ выраженіе единой творческой мысли, и въ ней единый для всѣхъ источникъ вдохновенія религіознаго, философскаго, поэтическаго, научнаго⁹⁶⁰). Чредой проходятъ

⁹⁵⁶) Ефес. IV, 6.

⁹⁵⁷) Origen. in Iohann. X, 14.

⁹⁵⁸) Origen. Princ. III, 6, 3. „The history of the world is but the manifestation of the eternal purpose which He purposed in Himself, the consummation to which it advances is that God may be „all in all“, and the most exalted of religious natures finds its consolation in passing away from the contradictions of the finite, from the enigmas which human life and history present, and in rising to that loftier point of view where they vanish away in the thought of Him, of whom and through whom and to whom are all things“. Caird, Introd. to the Philosophy of Religion, new. ed. Lond. 1889, 245 f.

⁹⁵⁹) Origen. in Johann. I, 16.

⁹⁶⁰) „There was a time when our thought was not; and the world and all that is therein, the round ocean and the living air, the blue sky, the fair and wondrous order of nature, would be as real and as fair, though we and myriads such as we, were not here to perceive and know it. In far away solitudes, which no foot has trodden, nature is not less fair and glorious than when it fills the eye and sense of man with its wonder and beauty. And there, though unseen and unnoticed by human observation, through uncounted ages and millenniums, the sweet light of each returning dawn, the golden rain of noontide, the fading splendours of evening, have shed their exhaustless munificence over land and sea, over field and forest and stream. And in the illimitable depths of space there may be worlds and suns and systems, though human science

поболвнїя, смѣняють другъ друга народы, рушатся и возникаютъ царства, но

все та же единая
Сила насъ манить къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя.
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣруйте свѣтлой звѣздѣ вдохновенїя! ⁹⁶¹⁾

Только предубѣжденная мысль можетъ считать телескопомъ истины меланхолю ⁹⁶²⁾. Для мысли не предубѣжденной вѣрное зеркало вселенной „чистый субъектъ познанїя“ ⁹⁶³⁾. Но такимъ зеркаломъ можетъ быть лишь вся душа, во всей ея нераздѣльной цѣльности ⁹⁶⁴⁾. Смотрѣть на вселенную нѣкоторыми сторонами души все равно что смотрѣть на свое лицо въ разбитое зеркало. Но въ общемъ теченїи жизни душа не можетъ хранить необходимаго для познанїя истины равновѣсія. Различными воздѣйствїями она рвется и терзается, живетъ больше то одной, то другой стороной своего существа ⁹⁶⁵⁾. Только созерцанїе красоты устанавливаетъ въ ней строй

has never observed their phenomena or grasped the laws that govern them. But though nature lives not in our life.... the impossibility of any existence that is not existence for thought, is not the less true. Nay, just because it is not true of your thought or mine, this principle contains in it the strongest, the deepest, the one irrefragable proof of the existence of a thought, a mind which is before and beyond all finite intelligence.... the one eternal thought in which all things live and move and have their being, of which all nature, all beauty, all order, all finite thought and life are the ever accumulating expression“. Caird, *Mind and Matter*, Glasg. 1888, 24 f.

⁹⁶¹⁾ А. Толстой „Противъ Течения“.

⁹⁶²⁾

The glance
Of melancholy is a fearful gift;
What is it but the telescope of the truth?
Which strips the distance of its fantasies,
And brings life near in utter nakedness!

Byron, *The Dream*, VII.

⁹⁶³⁾ Shopenhauer, *Die Welt als Wille und Vorstellung*, I, 207 f. II, 419 f. (4-te Aufl.).

⁹⁶⁴⁾ De Rep. 518, C: *ὅν ἐλπί τῆ φύτῃ περιαιτέον* и пр. Выше, стр. 50.

⁹⁶⁵⁾ Живыми красками душевная «смута» изображена у Платона *Phaedo*, 65, А, сл. 79 С, сл. De Rep. 611, С, сл. Tim. 42, С. 43, А, сл.

And thus the heart will break, yet brokenly live on:
Even as a broken mirror, which the glass
In every fragment multiplies, and makes
A thousand images of one that was,
The same, and still the more, the more it breaks;
And thus the heart will do which not forsakes,
Living in shatter'd guise, and still, and cold,
And bloodless, with its sleepless sorrow aches.

и порядокъ. Красота есть то, что равномерно, непосредственно или посредствомъ ассоціацій, удовлетворяетъ умъ и чувство. Нашъ умъ (точнѣе: наша воля, руководимая удовольствіями ума) всегда стремится къ единству ⁹⁶⁶); чувство (точнѣе: наша воля, руководимая удовольствіями чувства), къ разнообразію ⁹⁶⁷); умъ удовлетворяется при переходѣ отъ разнообразія къ единству, чувство напротивъ—при переходѣ отъ единства къ разнообразію (пріятныхъ состояній). Нѣтъ ни ума безъ отношенія къ чувствамъ, ни чувствъ безъ отношенія къ уму. Совершенная красота возможна лишь въ томъ случаѣ, когда умъ и чувства удовлетворены вполне и одинаково, то есть когда между ними существуетъ полная гармонія, или когда при сознаніи явленія мы испытываемъ чистое и полное, охватывающее все наше духовное существо, удовольствіе. Такое удовольствіе предполагаетъ сознаніе единства въ разнообразіи или идеи въ явленіи. Поэтому только въ сознаніи красоты душа способна постичь дѣльную и полную истину; только въ немъ она „выникаетъ изъ быванія въ бытіе“ ⁹⁶⁹). Это сознаніе очевидно должно служить и высшей мѣрой истины. Удовлетвореніе есть субъективная сторона того, что объективно называется благомъ. (Созерцаніе красоты даетъ намъ „блаженство“). Мы дѣнимъ наши знанія лишь тогда, „когда признаемъ ихъ хорошими, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ рассматриваемъ какъ негодныя приобрѣтенія“ ⁹⁷⁰). Истина такимъ образомъ постигается чрезъ красоту и измѣряется

Byron, Childo Harold's Pilgr. III, С. XXXII—XXXIII. Въ этомъ поэтическомъ образѣ причина и ростъ меланхоліи и пессимизма намѣчены съ глубокимъ психологическимъ проникновеніемъ.

⁹⁶⁶) Выше, стр. 247.

⁹⁶⁷) Выше, стр. 270, сл.

⁹⁶⁸) Подробнѣе въ моемъ „Платонизмъ“. М. 1887, 70, сл.

⁹⁶⁹) De Rep. 525, В. Выше, стр. 250, пр. 865. Въ этомъ состояніи душа *συνδρομεῖν*, Phaedo, 80, E. „On warm June mornings in green country lanes, with sweet pine-odours wafted in the breeze which sighs through the branches, and cloud-shadows flitting over far-off blue mountains, while little birds sing their love-songs, and golden-haired children weave garlands of wild roses; or when in the solemn twilight we listen to wondrous harmonies of Beethoven and Chopin that stir the heart like voices from an unseen world; at such times one feels that the profoundest answer which science can give to our questionings is but a superficial answer after all. At these moments, when the world seems fullest of beauty, one feels most strongly that it is but the harbinger of something else,—that the ceaseless play of phenomena is no mere sport of Titans, but an orderly scene, with its reason for existing, its „one divine far-off event to which the whole creation moves“. Fiske, The Unseen World, Boston, 1876, 56 f. На чувство какъ принципъ постиженія безусловнаго и идеальнаго указываетъ Якоби, Werke, II, Leipz. 1815, 60 f. Общее значеніе чувства въ познаніи ставитъ на видъ рѣчь Н. Я. Грота „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“. М. 1889.

⁹⁷⁰) De Rep. 504, А—В. Выше, стр. 210.

благомъ. Истина, красота, благо—три обозначенія одной и той же объективной сущности, сообразно съ тремя точками зрѣнія на нее—теоретической, эстетической, нравственной. Но всѣ эти стороны нашего сознанія въ основаніи едины, какъ и ихъ объекты. Гдѣ истина, тамъ красота и благо; гдѣ благо и красота, тамъ и истина; и гдѣ истина и благо, тамъ и красота. Знаніе для насъ истинно лишь тогда, когда насъ вполне удовлетворяетъ; точно также и нравственное сознаніе бываетъ истиннымъ лишь тогда, когда мы чувствуемъ полное удовлетвореніе. Безнравственная красота внушаетъ омерзѣніе и поэтому не есть истинная красота.

Въ свѣтѣ этихъ замѣчаній должно быть понятно, почему Платонъ отъ Анаксагоровой космологіи желалъ узнать, въ чемъ благо каждой отдѣльной вещи и всѣхъ вещей вмѣстѣ ⁹⁷¹). Мы уже знаемъ, что на его взглядъ необходимыя формы постиженія сущаго совпадаютъ съ формами бытія ⁹⁷²). Поэтому необходимая субъективная оцѣнка должна съ его точки зрѣнія выражать объективную цѣну вещей. Но что такое благо? На этотъ вопросъ Платонъ не могъ дать законченнаго отвѣта, такъ какъ видѣлъ въ благѣ верховный идеаль, опредѣляющій всякое бытіе и знаніе и стоящій выше бытія и (человѣческаго) разумѣнія, о которомъ поэтому душа можетъ только гадать ⁹⁷³). Тѣмъ не менѣе общая мысль Платона вполне ясна. Благо онъ отождествляетъ съ Отцомъ и Творцомъ всяческихъ, а Отца и Творца всяческихъ съ Разумомъ ⁹⁷⁴). Поэтому благо то, что разумно. Разумная дѣятельность проявляетъ себя въ цѣлесообразности. Поэтому благо то, что цѣлесообразно. Но цѣлесообразность есть соответствіе вещи идеѣ или закономерности. Отсюда слѣдуетъ, что постигнуть благо вещи значитъ постигнуть ея идею или законъ ⁹⁷⁵). Идеи постигаются чрезъ сведеніе разнообразія къ единству ⁹⁷⁶). Постигнуть общее благо вещей значитъ постигнуть опредѣляющую ихъ идеи общую идею. Отвѣтить на вопросъ, почему для земли быть лучше круглой или плоской, лежать или не лежать посрединѣ міра, значитъ

⁹⁷¹) Выше, стр. 202, сл.

⁹⁷²) Выше, стр. 182.

⁹⁷³) Выше, стр. 47, сл. 209.

⁹⁷⁴) Тамъ же.

⁹⁷⁵) Выше, стр. 208, сл.

⁹⁷⁶) Phaedr. 249, В—С. 265, D—E. Выше, стр. 119.

по Платону указать разумное основаніе или законъ этого явленія. Задача міроистолкованія въ томъ, чтобы свести всѣ законы къ одному общему и изъ этого общаго истолковать всѣ частныя ⁹⁷⁷). Общій законъ вещей есть общее ихъ благо, частныя законы—ихъ частное благо.

Въ „Филебѣ“ Платонъ исчисляетъ элементы высшаго человѣческаго блага. Эти элементы слѣдующіе: 1) участіе въ вѣчной природѣ мѣры или идеи, 2) воплощеніе этой идеи въ дѣйствительности, т. е. созиданіе гармоническаго, прекраснаго, совершеннаго, 3) разумъ и знаніе, 4) отдѣльныя науки, искусства и правильныя мнѣнія и 5) чистое безпечальное чувственное удовольствіе ⁹⁷⁸). Перенеся эти черты на безусловное благо, мы можемъ его опредѣлить какъ идею, дающую всему законъ или мѣру, воплощающую себя въ прекрасномъ, гармоническомъ и совершенномъ, служащую источникомъ истины и знанія и доставляющую чистое наслажденіе. Это опредѣленіе соответствуетъ общему духу Платоновой философіи, отличительный характеръ которой—неразъемлемое единство научнаго, эстетическаго и нравственнаго сознанія ⁹⁷⁹).

Ученіе Платона, что все разумное—благо, невольно напоминаетъ ученіе Гегеля, что все дѣйствительное разумно ⁹⁸⁰). Оба эти ученія одинаково правильны и взаимно себя пополняютъ. Неразумное необходимо въ ходѣ развитія, какъ его отрицательный моментъ, безъ котораго самое развитіе невозможно. Но само по себѣ отрицаніе ничтожно и потому недѣйствительно. Напротивъ, положительное или разумное самобытно и потому дѣйствительно. Понятіе дѣйствующаго разума и понятіе блага въ конечномъ отвлеченномъ опредѣленіи совпадаютъ: разумная дѣятельность есть дѣятельность по обусловленнымъ цѣлями средствамъ, а благо не что иное, какъ соответствіе между цѣлями и средствами. Безъ понятія о цѣли понятіе о положительномъ въ развитіи утрачиваетъ смыслъ. Но гдѣ цѣль, тамъ и благо. Все благое неизмѣнно разумно, все разумное неизмѣнно благо. Все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно. Но не все въ наличномъ опытѣ благо и разумно. Наличное неразум-

⁹⁷⁷) De Rep. 511, В—С. Выше, стр. 47.

⁹⁷⁸) Phileb. 64, С, сл. 66, А, сл. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 874 f.

⁹⁷⁹) Выше, стр. 67, сл.

⁹⁸⁰) Hegel, Philosophie des Rechtes, Werke, VIII, Einl. 17. Encycl. I, 10, Henn. (Werke, VI).

ное и неблагое служить средствомъ осуществленія дѣйствительнаго разумнаго и благого.

Чтобы закончить сравнительный анализъ телеологическаго и механическаго міровоззрѣній, необходимо поставить на видъ, что правильно понимаемая телеологія не только не исключаетъ объясненія явленій изъ внѣшнихъ причинъ, а наоборотъ такого объясненія требуетъ. Всякая цѣль подразумѣваетъ средство, которое по отношенію къ ней есть внѣшнее орудіе ея исполненія. Мірозданіе лежитъ передъ нами какъ безконечное цѣлое. Его цѣли намъ неизвѣстны и открываются лишь въ органической природѣ. Поэтому единственно возможный для науки путь не отъ цѣли къ средствамъ, а отъ слѣдствій къ причинамъ. Въ изученіи причинной связи во всѣхъ ея видахъ—сила науки. Но истолковывая явленія изъ причинъ внѣшнихъ, мы должны твердо помнить, что эти причины обоснованы телеологически и что лишь поэтому онѣ могутъ дѣйствовать закономѣрно ⁹⁸¹). Понятіе причины и цѣли взаимно себя предполагаютъ ⁹⁸²). Понятіе о цѣли въ природѣ не различимо отъ понятія о законѣ природы. Поэтому изучивъ всѣ причины, мы постигнемъ и всѣ цѣли и всѣ законы ⁹⁸³). Въ постиженіи міровыхъ цѣлей или законовъ высшая задача знанія.

„Необходимо однако различать два вида причинъ, однѣ необходимыя, другія божественныя, и божественныя искать во всемъ ради пріобрѣтенія блаженной жизни, насколько допускаетъ наша природа, а необходимыя ради божественныхъ, соображая, что безъ необходимыхъ и самыхъ тѣ причины, которыхъ мы добиваемся, не могутъ быть однѣ ни познаны, ни постигнуты, ни вообще какъ нибудь намъ доступны“ ⁹⁸⁴). „Но тогда какъ внѣшнія причины лишь содѣйствовали божеству при выполненіи по мѣрѣ силъ идеи наилуч-

⁹⁸¹) Примѣры совмѣстнаго истолкованія изъ причины и цѣли у Шпенгера, *Die Welt als Wille und Vorstellung*, II⁴, 372 f.

⁹⁸²) Выше, стр. 246.

⁹⁸³) „In the story of the evolution of life upon the surface of our earth, where alone we are able to compass the phenomena, we see all things working together, through countless ages of toil and trouble, toward one glorious consummation. It is therefore a fair inference, though a bold one, that if our means of exploration were such that we could compass the story of all the systems of worlds that shine in the spacious firmament, we should be able to detect a similar meaning“. Fiske, *The Idea of God*, 159 f.

⁹⁸⁴) *Tim.* 68, E—69, A.

шаго, онѣ считаются большинствомъ не вспомогательными, а дѣйствующими, такъ какъ производятъ холодъ и жаръ, сплоченіе и разраженіе. Подобный взглядъ не достоинъ любителя ума и знаній. Такой любитель необходимо прежде всего станетъ радѣть о первыхъ причинахъ разумной природы, а за тѣмъ уже о тѣхъ, которыя приводятся въ движеніе другими и сами по необходимости становятся двигающими. Однако и объ этихъ причинахъ онъ долженъ говорить⁹⁸⁵⁾.

Значеніе Анаксагора въ томъ, что онъ впервые при истолкованіи строя вселенной постигъ цѣлесообразность и потому необходимость міроваго Ума. Но Умъ и міръ въ его сознаніи два совершенно различныя существа, не имѣющія между собою никакой связи. Умъ только предусматриваетъ порядокъ и начинаетъ цѣлесообразное движеніе, а самъ существуетъ одиноко и обособленно. Какимъ образомъ вслѣдствіе одного лишь предусмотрѣнія и цѣлесообразнаго начала можетъ произойти цѣлесообразный строй, Анаксагоръ не объяснилъ и не могъ объяснить, такъ какъ цѣлесообразное происхожденіе и завершеніе точно такъ же предполагаютъ направляющее дѣйствіе разума, какъ и цѣлесообразное начало. Правда, Анаксагоръ говоритъ, что „Умъ возобладалъ надъ движеніемъ“⁹⁸⁶⁾; но эти слова при совершенно обособленномъ и одинокомъ существованіи Ума утрачиваютъ смыслъ. Ссылаться въ оправданіе Анаксагора на такъ называемые „механическіе законы“ нельзя какъ потому, что Анаксагоръ объ нихъ ничего не зналъ, такъ и потому, что законъ безъ дѣйствія—„мертвая буква“, а дѣйствіе закона предполагаетъ живую связь между разумомъ, въ которомъ обоснованъ, и тою средою въ которой выполняется. Анаксагоръ очевидно сознавалъ необходимость живой связи между Умомъ и міромъ, но не зналъ, гдѣ ее найти.

Эту связь выяснилъ Платонъ. Богъ—живое Существо, обнимающее своимъ Разумомъ идеи, цѣли или законы всего того, что происходитъ въ изначальномъ иномъ его природы—вѣчно подвижной „матери или кормилицѣ происхожденія“⁹⁸⁷⁾. Въ божественныхъ идеяхъ мы живемъ и движемся и существуемъ. Этимъ ученіемъ была намѣчена цѣльная и полная истина. Безъ признанія двухъ объединенныхъ

⁹⁸⁵⁾ Ibid. 46, D.

⁹⁸⁶⁾ Выше, стр. 205, сл.

⁹⁸⁷⁾ Выше, стр. 138, сл. 210, сл.

въ высшемъ основаніи началъ, какъ уже было объяснено, невозможно логически-состоятельное міропониманіе ⁹⁸⁸). А разумное начало въ Платоновой космогоніи удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ нашей духовной природы. Какъ единое во многомъ, идеи отвѣчаютъ необходимому стремленію нашего разума къ единству ⁹⁸⁹), какъ безусловно прекрасныя и благія, онѣ соотвѣтствуютъ нашимъ эстетическому и нравственному чувствамъ ⁹⁹⁰). Платонова идеологія такимъ образомъ охватываетъ душу со всѣхъ сторонъ и исполнѣ ⁹⁹¹).

Оттого духъ Платона царитъ надъ всей послѣдующей исторіей умственнаго развитія ⁹⁹²). Отживавшее язычество отстаивало себя передъ побѣдоносной силой Христіанства доводами Платоновой философіи. Въ свою очередь и христіанскіе вѣроучители основывали свои доказательства на почвѣ этой философіи. На нее же опирались Гностики, старавшіеся объединить язычество съ Христіанствомъ. Наполнявшая средніе вѣка борьба между реализмомъ и номинализмомъ возникла на почвѣ Платонизма. Въ новой философіи нѣтъ ни одной глубокомысленной системы, которая бы не примыкала къ Платону прямо или косвенно. Самое глубокое изъ нравственныхъ ученій—Кантово—отзвукъ Платоновой этики. Господствующая въ настоящее время эстетика—Платоническая. Даже грезы любви, которыми туманятся дни юности, связаны съ именемъ Платона.

Существовали великіе философы до и послѣ Платона и философское творчество никогда не прекратится. Каждый мыслитель вноситъ свою долю въ исторію духовнаго развитія; но большую часть философскихъ воззрѣній спасаетъ отъ забвенія лишь философская лѣтопись. Только немногимъ гениямъ суждено утверждать себя въ живомъ сознаніи людей. Платонъ стоитъ во главѣ этихъ немногихъ. Безконечный прогрессъ выработаетъ безконечный рядъ истинъ и всѣ онѣ рано или поздно станутъ достояніемъ общаго сознанія. Но надъ всѣми ними вѣчно и неизмѣнно будетъ сіять одна,—что за предѣлами настоящаго міра есть иной болѣе совершенный, безъ котораго не могъ бы существовать и нашъ міръ. Вырвать эту вѣру изъ сердца ничто не

⁹⁸⁸) Выше, стр. 243.

⁹⁸⁹) Выше, стр. 247.

⁹⁹⁰) Выше, стр. 69, сл.

⁹⁹¹) Выше, стр. 50, 277.

⁹⁹²) Подробности въ моихъ „Платонизмъ“, „Значеніи философіи“, и указанныхъ на стр. 190, пр. 604 трудахъ Фулье, Штейна и Лааса.

въ силахъ. Вѣра (какъ поставилъ на видъ еще Аквинать⁹⁹³) всегда дѣло воли; а воля неизмѣнно руководствуется тѣмъ, что приноситъ высшее удовлетвореніе. Сколь бы ревностно мы ни стали искать полного удовлетворенія въ наличной дѣйствительности, мы въ ней никогда его не найдемъ. Хотя на землѣ и много благъ, изъ нихъ лишь немногія могутъ быть нашими, да и эти немногія не вполнѣ въ нашей власти. Не болѣе возможно и полное нравственное довольство. Жизнь безъ дѣятельности несносна и невозможна, а всякая дѣятельность предполагаетъ борьбу. Если мы не поидемъ ни противъ кого, то другіе могутъ идти противъ насъ. Созерцаніемъ беспредѣльнаго, высокаго и прекраснаго безъ труда можно возстановить нарушенное равновѣсіе⁹⁹⁴). Но небо, хотя и всегда надъ нами, не всегда свободно отъ тучъ. Необытныя выси горъ и равнины водъ, степей и лѣсовъ, хотя существуютъ для всѣхъ, зрими не отовсюду. Какъ метеоръ мелькаетъ красота. *Omnia praesclara tam difficilia, quam gaudentia sunt*⁹⁹⁵); а то что у насъ всегда передъ глазами и намъ всегда доступно, даже и вполнѣ прекрасное, въ концѣ утрачиваетъ цѣну. За то мѣръ идеальный всецѣло въ нашей власти и никогда не снимаетъ своего радужнаго убора. Перенестись въ него мечтой останется навсегда лучшей отрадой для истомленнаго земною борьбою духа. Безсмысленное отрицаніе этотъ мѣръ не омрачить; отрицать во имя лучшаго значить имѣть вѣру въ идеалъ. Безъ идеала наука столь же мало возможна, какъ и жизнь.

Можно не соглашаться съ Платоновымъ міровоззрѣніемъ; но не можетъ подлежать спору его возвышенный строй. Казалось бы, эта черта должна быть принята во вниманіе при оцѣнкѣ историческихъ свидѣтельствъ Платона. Но ее, хотя признаютъ на словахъ⁹⁹⁶), отрицаютъ на дѣлѣ. Ни къ какому другому философу не приступаютъ съ такою мѣрою ничтожества, какъ къ Платону. Тогда какъ самъ онъ смотрѣлъ на пошлое, мелочное, мерзостное, съ точки зрѣнія высокаго, глубокаго, прекраснаго, его критики пытаются объяснить высокое, глубокое и прекрасное въ его діалогахъ съ точки

⁹⁹³) Aqu. Summ. Theol. 2, 2, qu. 1, art. 4. De Veritate art. 1. In Lomb. Sent. 3, dist. 23, qu. 2, art. 2. Остроумный психологическій анализъ вѣры въ связи съ ученіемъ о волѣ у Бэна въ *The Emotions and the Will*, 3-d. ed. Lond. 1880, 505 f. *Mental Science*, Lond. 1879, 371 f.

⁹⁹⁴) Выше, стр. 273, сл.

⁹⁹⁵) Spinoza, *Ethic.* въ концѣ.

⁹⁹⁶) Выше, стр. 10, сл.

зрѣнія пошлаго, мелочнаго, мерзостнаго. Величіе Платона отъ тако-го отношенія къ нему не умаляется, но не возвышается и значе-ніе его критиковъ. Кто не способенъ проникнуть въ душу другого, тотъ по необходимости судить о ней по аналогіи съ своей собствен-ной. Говоря словами одного шутника, обитатели лѣсовъ на головѣ ницаго не могутъ не думать, что подобныя имъ существа обитаютъ и головы богатыхъ ⁹⁹⁷). Мелочное и ничтожное съ повседневной точки зрѣнія, съ вершины Платонова міровоззрѣнія должно представляться еще болѣе мелкимъ и ничтожнымъ. „Не люди, а человѣчки, могъ бы поэтому сказать Платонъ не одному изъ своихъ хулителей; не фило-софы, а маленькіе лысе кузнецы, ворвавшіеся изъ кузницы въ непод-ходящее для васъ дѣло ⁹⁹⁸). Къ вамъ больше чѣмъ къ кому либо примѣнимы слова Гипсія: „На цѣлое вы не смотрите, а отхватыва-ете, да пощипываете понемножку. Отъ того то отъ васъ и усколь-заютъ такія прекрасныя и цѣльныя вещи“ ⁹⁹⁹). Насколько былъ бы такой упрекъ справедливъ, сейчасъ увидимъ.

8. *Циники и Мегарики.* Для насъ особенно интересны сви-дѣтельства Платона о тѣхъ философахъ, къ которымъ можно пред-полагать его непріязнь—объ Антисоенѣ съ послѣдователями и объ Аристиппѣ и Демокритѣ. Всѣ эти свидѣтельства тѣсно примыкаютъ одно къ другому; вопросъ объ Антисоенѣ сверхъ того стоитъ въ неразрывной связи съ вопросомъ о Мегарикахъ.

О непріязни Антисоена къ Платону ¹⁰⁰⁰) существуетъ цѣлый рядъ разсказовъ. Однажды Антисоенъ пригласилъ будто бы Платона при-сутствовать при чтеніи написаннаго имъ сочиненія о невозможности

⁹⁹⁷) Этой шуткой, принадлежащей одному «остраку изъ Гааги», пользуется между про-чимъ Кантъ въ Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, 331 Hart., по поводу вопроса о свойствахъ обитателей планетъ.

⁹⁹⁸) De Rep. 495, C—E: καθ' ὅρωντες γὰρ ἄλλοι ἀνθρωπίσκοι κενὴν τὴν χώραν ταύτην (τῆς φι-λοσοφίας) γιγνομένην, καλῶν δὲ ὀνομάτων καὶ προσχημάτων μεστὴν, ὥσπερ οἱ ἐκ τῶν εἰρημῶν εἰς τα ἰεοῖ ἀποδιδράσκοντες, ἄσμενοι καὶ οὗτοι ἐκ τῶν τεχνῶν ἐκπηδῶσιν εἰς τὴν φιλοσοφίαν, οἳ ἂν κομψότατοι ὄντες τυγχάνωσι περὶ τὸ αὐτῶν τεχνίον... Δοκεῖς οὖν τι, ἦν ὁ ἐγὼ, διαφέρειν αὐτοὺς ἰδεῖν ἀργύριον κτησαμένου χαλκῆος φαλακροῦ καὶ σμικροῦ и проч.

⁹⁹⁹) Hipp. Maj. 301, B. Min. 369, B—C. Выше, стр. 86.

¹⁰⁰⁰) Schleiermacher, Pl. W., Einleit zu Cratyl., Soph., Theaet., Euthyd. Teichmüller, Litte-rarische Fehden, I, 11 f. 39. 42 и пр. II, 20 f. 51 f. 73 f. Stein, Sieben Bücher zur Geschichte des Platonismus, Gott. 1864, II, 64 f. Urban, Ueber die Erwähnungen der Philosophie des An-tisthenes in den platonischen Schriften, Progr. Königsb. 1882. Dümmler, Antisthenica, Berol. 1882. Academica, Giess. 1889.

спорить. Платонъ, выслушавъ одно только заглавіе, сталъ доказывать Антисоену, что такая тема противорѣчитъ сама себя. Раздраженный этимъ Антисоенъ написалъ діалогъ, въ которомъ вывелъ Платона подъ непристойнымъ именемъ Σάβωυ (methuim virile¹⁰⁰¹). Съ этихъ поръ будто бы и началась между ними вражда. Со стороны Антисоена она выражалась не только въ философской полемикѣ, но и въ грубыхъ личныхъ нападкахъ. Полемика сводилась къ вопросу о природѣ идей, за которыми Антисоенъ не желалъ признать самобытнаго существованія. „Я вижу (говорилъ онъ Платону) коня, но не вижу конятины“. — „Это вполне естественно (отвѣчалъ ему Платонъ), такъ какъ у тебя есть глаза, чтобы видѣть коня, но нѣтъ глазъ, чтобы видѣть конятину“¹⁰⁰²). Личныя нападки Антисоена были направлены противъ Платонова чванства. Однажды на празднествѣ онъ услышалъ, какъ Платонъ похвалилъ заржавшаго коня. „Мнѣ кажется (придрался онъ къ Платону) и ты могъ бы быть параднымъ конемъ“. Другой случай къ придирежѣ дала болѣзнь Платона. Антисоенъ увидалъ въ тазу желчь, которою тошнило Платона, и сказалъ: „Желчь я вижу здѣсь, а чванства не вижу“¹⁰⁰³).

Обстоятельства, къ которымъ отнесены эти рассказы, по всему вѣроятію, вымышлены. Но въ основныхъ чертахъ они, какъ будетъ пояснено ниже, повидимому засвидѣтельствованы самимъ Платономъ. Общій тонъ полемики Антисоена, судя по всему, что мы знаемъ объ этомъ Циникѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Достовернымъ можно считать также выводъ, что нападающей стороной

¹⁰⁰¹) Diog. Laert. III, 35. VI 16. Athen. V, 63. XI, 115.

¹⁰⁰²) Simp. in Categ. 66 b, 45 Brand: τῶν δὲ παλαιῶν οἱ μὲν ἀνδρῶν τὰς ποιότητας τελείως, ὡς περ Ἀντισθένης, ὅς ποτε Πλάτωνι διαμφοβητῶν, ὃ Πλάτων, ἔφη, ἵππον μὲν ὀρῶ, ἵππότητα δὲ οὐκ ὀρῶ и пр. David. 68 b, 26. Ammon. in Isagog. 22 b. Tzetz. Chiliad. VII, 606. „Wahrscheinlich las man in den Schriften des Antisthenes die Ausdrücke: ἵππότης, ἀνθρωπότης u. s. w., mit denen er die Ideenlehre des Plato dem Spotte Preis geben und namentlich auch sich über die neuen Wortbildungen im Platonischen Theaetet ποιότης (182 A), διαφορέτης (209 D) oder καινότης (208 D) lustig machen wollte. Denn dass jenes in der späteren philosophischen Sprache so gewöhnliche Wort ποιότης von Plato geschaffen ist, geht aus dem Zusammenhang hervor—entschuldigt sich doch Plato wegen des seltsamen Klanges (ἀλλόκοτον) des Wortes—und ist auch von Simplicius und dem Scholiasten zum Plato erkannt worden (Vergl. Schol. in Categ. Aristot. p. 66 b, 44 und Schol. in Plat. Theaet.: ἐκ τούτων ἔηλον ὅτι τὸ τῆς ποιότητος ὄνομα Πλάτων ἐστὶ: ὁ πρῶτος θεὸς ἐν τοῖς Ἑλλησιν. Ebenso Anonym. vit. Platonis“. Urban, l. c. 3.

¹⁰⁰³) Diog. Laert. VI, 7.

былъ Антисоенъ ¹⁰⁰⁴). О порицаніи Платономъ Антисоена мы слышимъ только одинъ разъ. „Когда Антисоенъ услышалъ (разсказываетъ Діогенъ Лаерцій ¹⁰⁰⁵), что Платонъ его хулитъ, то сказалъ: „дѣло царственное, творя добро слышать о себѣ зло“. Этотъ разсказъ несомнѣнно вымысленъ, такъ какъ только что приведенныя слова заимствованы изъ Антисоенова діалога „Киръ“, гдѣ ихъ обращаетъ къ этому государю одно изъ дѣйствующихъ лицъ ¹⁰⁰⁶).

Платонъ называетъ Антисоена по имени всего одинъ разъ, въ числѣ присутствовавшихъ въ темницѣ при послѣднихъ часахъ Сократа ¹⁰⁰⁷), но говорить о немъ неоднократно—въ „Софистъ“, „Θεαίτητῶν“, „Филебѣ“, „Государствѣ“, „Фэдрѣ“. При такихъ условіяхъ для насъ не столь интересна точность Платоновыхъ свидѣтельствъ, въ которой однако убѣдимся, сколько самый ихъ тонъ.

Въ „Софистъ“ ¹⁰⁰⁸) Платонъ говоритъ о „гигантомахіи“ между двумя противоположными направленіями:

„Одни все влекутъ съ неба и невидимаго на землю, просто обнимая руками скалы и дубы. Хватаясь за все подобное, они утверждаютъ, что существуетъ только то, къ чему можно приткнуться и притронуться, такъ какъ даютъ одно и тоже опредѣленіе тѣлу и сущности, а всѣхъ тѣхъ, кто говоритъ о существованіи чего либо безтѣлеснаго, въ конецъ презираютъ, не желая слушать ничего другого.—Ты называлъ ужасныхъ людей; со многими изъ нихъ и я встрѣчался.—Поэтому тѣ, которые съ ними спорятъ, отражаютъ ихъ очень осторожно откуда то сверху, настаивая на томъ, что истинная сущность—нѣкія постигаемыя умомъ безтѣлесныя идеи. А ихъ тѣла и такъ называемую ими истину они раздробляютъ въ своихъ рѣчахъ

¹⁰⁰⁴) Ниже, стр. 304, пр. 1107.

¹⁰⁰⁵) Diog. Laert. VI, 3.

¹⁰⁰⁶) Epict. Diss. IV, 5. M. Ant. VII, 36 (fr. 11 M.): τί οὖν λέγει Ἀντισθένης; οὐδέποτε ἤκουσας; Βασιλικόν, ὃ Κῆρε, πρᾶττειν μὲν εὖ, κακῶς δ' ἀκούειν.

¹⁰⁰⁷) Phaedo, 59, B.

¹⁰⁰⁸) Soph. 246, A—C: οἱ μὲν εἰς γῆν ἐξ οὐρανοῦ καὶ τοῦ ἀοράτου πάνθ' ἔλκουσι, ταῖς χερσὶν ἀτεχνῶς πέτρας καὶ δῖος περιλαμβάναντες. τῶν γὰρ τοιούτων ἐραπτόμενοι πάντων διαχυρίζονται τοῦτ' εἶναι μόνον, ὃ παρέχει προσβολὴν καὶ ἐπαφὴν τινα, ταῦτόν σῶμα καὶ οὐσίαν ὀρίζόμενοι, τῶν δ' ἄλλων εἰ τίς τί φησι μὴ σῶμα ἔχον εἶναι, καταφρονούντες τὸ παράπαν καὶ οὐδὲν ἐθέλοντες ἄλλο ἀκούειν.—Ἡ δεινοὺς εἰρηκας ἀνδρας ἤδη γὰρ καὶ γὰρ τούτων συγχοῖς περιέτυχον.—Τοιγαροῦν οἱ πρὸς αὐτοὺς ἀμφισβητοῦντες μάλ' εὐλαβῶς ἀνωθεν ἐξ ἀοράτου ποθὲν ἀμόνονται, νοητὰ ἅττα καὶ ἀσώματα εἶδη βιαζόμενοι τὴν ἀληθινὴν οὐσίαν εἶναι τὰ δ' ἐκείνων σῶματα καὶ τὴν λεγομένην ὑπ' αὐτῶν ἀλήθειαν κατὰ μικρὰ διαθραύοντες ἐν τοῖς λόγοις γένεσιν ἀν' οὐσίαις φερομένην τινὰ προσαγορεύουσιν. ἐν μέσῳ δὲ περὶ ταῦτ' ἀπλετος ἀμφοτέρων μάχη τις, ὡ θεαίτητε, αἰεὶ ζυνέστηκεν.

на мелкія части и вмѣсто сущности называютъ какимъ то несущимся бываніемъ. Между обѣими сторонами всегда была нескончаемая борьба“.

Тѣхъ же „ужасныхъ людей“ Платонъ очевидно подразумѣваетъ въ „Θεατῆς“¹⁰⁰⁹⁾ подѣ „непосвященными, непризнающими бытія ни за чѣмъ кромѣ лишь того, за чтѣ можно крѣпко схватиться руками, не принимающими въ разрядъ сущности дѣйствій, происхожденій и всего невримаго, черствыми и упрямыми (σκληροὶ καὶ ἀντίστοιχοι), весьма необразованными“ (ἄμοῦσοι).

Въ этихъ грубыхъ людяхъ прежніе изслѣдователи видѣли обыкновенно Демокрита и его сторонниковъ, основываясь какъ на общемъ грубымъ людямъ и атомистамъ матеріализмѣ, такъ и на томъ, что слова σκληροὶ καὶ ἀντίστοιχοι какъ нельзя лучше подходятъ къ природѣ атомовъ, черствыхъ и сталкивающихся¹⁰¹⁰⁾. Болѣе внимательный анализъ показываетъ однако, что Платонъ въ приведенныхъ отрывкахъ не могъ намекать на Демокрита. На взглядъ Демокрита, атомы незрими и носятся въ пустомъ пространствѣ¹⁰¹¹⁾, а Платоновы матеріалисты не допускаютъ ничего незримаго и неощутимаго. О своихъ атомахъ Демокритъ училъ между прочимъ какъ объ идеяхъ¹⁰¹²⁾ и потому противопоставленіе ему друзей идей было бы въ данномъ случаѣ неумѣстно. Изъ всѣхъ современниковъ Платона Демокритъ отличался самымъ широкимъ образованіемъ¹⁰¹³⁾ и изяществомъ поэтическаго слога¹⁰¹⁴⁾. Поэтому слова μάλ' εὖ ἄμοῦσοι не могутъ быть отнесены къ нему. Наконецъ, о борьбѣ Демокрита съ какими бы то ни было друзьями идей мы ровно ничего не слышимъ¹⁰¹⁵⁾.

Вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ подразумѣвать подѣ Платоно-

¹⁰⁰⁹⁾ Theaet. 155, E—156, A: εἰς ἃ οὗτοι οἱ οὐδὲν ἄλλο οἰόμενοι εἶναι ἢ, οὐ ἂν δύνωνται ἀπρὶξ τοῦ χειρῶν λαβεῖσθαι, πράξεις δὲ καὶ γενέσεις καὶ πᾶν τὸ ἀόρατον οὐχ ἀποδεχόμενοι ὡς ἐν οὐσίᾳς μέρει.—Καὶ μὲν δὴ, ὦ Σώκρατες, σκληροὺς γε λέγεις καὶ ἀντίστοιχους ἀνθρώπους.—Εἰς ἃ γὰρ ὦ παῖ, μάλ' εὖ ἄμοῦσοι.

¹⁰¹⁰⁾ Указанія у Целлера, Ph. d. Gr. IIa⁴, 297, 1.

¹⁰¹¹⁾ Aristot. De Generat. et Corr. I, 8, 324 b, 35 сл.

¹⁰¹²⁾ Plut. adv. Col. VIII, 4 (чтеніе не исполнѣ установлено). Placit. (Aet.), IV, 3, 5. 388 a 4, b 7 D. Sext. Emp. adv. Mathem. VII, 137. Hesych. ἰδέα. Остальныя свидѣтельства у Zeller'a, Ph. d. Gr. I⁴, 773, 3. 776, 2.

¹⁰¹³⁾ Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 761, 1 и Mullach, Fragm. I, 330, сл.

¹⁰¹⁴⁾ По литературнымъ качествамъ Цицеронъ сопоставляетъ Демокрита съ Платономъ—Orat. 20, 67. De Orat. I, 11, 49.

¹⁰¹⁵⁾ Dümmel. Antisth. 51 f. Natorp, Forsch. 196 f.

выми материалистами можетъ быть рѣшенъ лишь тогда, когда будетъ выяснено, кто были друзья идей.

Объ этомъ существуютъ три опредѣленные мнѣнія ¹⁰¹⁶). Маллэ (который имѣетъ предшественника уже въ Проклѣ) думаетъ о Пиеагорейцахъ ¹⁰¹⁷); Шлейермахеръ и Целлеръ со сторонниками ¹⁰¹⁸) подразумѣваютъ подъ идеалистами Мегариковъ; Зохеръ, Шааршмидтъ, Ибервегъ, Гротъ, Кэмпбелъ, Джэксонъ, Гирцель, Диттенбергеръ и другіе ¹⁰¹⁹)—Платона и его послѣдователей.

Мнѣніе Прокла и Маллэ падаетъ само собою, такъ какъ, хотя Пиеагорейцы и говорили о видахъ или идеяхъ чиселъ ¹⁰²⁰), о безтѣлесныхъ видахъ они безспорно ничего не знали ¹⁰²¹). Сверхъ того о борьбѣ Пиеагорейцевъ съ материалистами намъ извѣстно не больше, чѣмъ о борьбѣ Демокрита съ идеалистами. Вмѣстѣ съ Прокломъ Маллэ правъ, причисляя Пиеагорейцевъ къ друзьямъ идей, но оба не правы, отождествляя эти идеи съ тѣми, о которыхъ говоритъ Платонъ въ „Софистѣ“.

Шлейермахеръ не приводитъ въ доказательство никакихъ положительныхъ соображеній кромѣ лишь того, что какъ Мегарское ученіе исторически примыкаетъ къ Елейскому, точно также и излагаемая Платономъ идеалистическая теорія заключаетъ несомнѣнные элементы этой

¹⁰¹⁶) Къ неопредѣленнымъ слѣдуетъ отнести мнѣнія Риттера, Rhein. Mus. 1828, II, 305 f. и Дейссена, De Plat. Sophista, Marg. 18 9, 44 f. Длинное разсужденіе первого сводится къ тому, что кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ „друзьями идей“, неизвѣстно, только не Мегариковъ. По Дейсену, Платонъ разсматриваетъ общій вопросъ безъ отношенія къ тому или другому историческому ученію, хотя и приближается къ Елейцамъ.

¹⁰¹⁷) Procl. in Parm. 149, Cous.: ἢ μὲν γὰρ καὶ παρὰ τοῖς Πυθαγορείοις ἢ περὶ τῶν εἰδῶν θεωρία καὶ ἐπὶ καὶ αὐτοῖς ἐν Σοφιστῇ τῶν εἰδῶν φύσις προσαγορεύων τοὺς ἐν Ἰταλίᾳ σοφοῦς. Mallet, Histoire de l'école de Mégare etc., Par. 1845, LIII, sq.

¹⁰¹⁸) Schleiermacher, Plat. W. II², 2, 140 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 252, 2. О сторонникахъ ниже, стр. 295, пр. 1053.

¹⁰¹⁹) Socher, Ueber Platon's Schriften, 258 f.; Ueberweg, Philos. Monatshefte 1869, 473 f. Schaarschmidt, Sammlung etc. 210 f. и другіе отрицаютъ на этомъ основаніи принадлежность „Софиста“ Платону. Противъ нихъ Grote II, 458 f. III, 482 доказываетъ, осмысляя на сходство ученія объ идеяхъ въ „Софистѣ“ съ идеологіей другихъ діалоговъ, что Платонъ говоритъ о своемъ собственномъ ученіи, приближающемся въ „Софистѣ“ къ Аристотелеву. По Campbell'у, The Sophistes and Politicus of Plato, LXXV, Платонъ въ поздній періодъ своего ученія направляетъ аргументъ противъ тѣхъ изъ своихъ учениковъ въ Академіи, которые, оставаясь при несовершенной реализаціи прежней фазы его ученія и возвращаясь къ Пиеагорейскимъ и Елейскимъ элементамъ, придерживаются ученія объ идеяхъ въ той формѣ, въ какой его опровергаетъ Аристотель. Подобнымъ же образомъ смотритъ Hirzel, Hermes, VIII, 1874, 128. Dittenberger, ibid. XVI, 1881, 343 f. и Jackson, Journ. of Philology, XIV, 197 f. Указанныхъ Целлеромъ (253) монографій Пильгера и Риббека не имѣлъ подъ руками.

¹⁰²⁰) Выше, стр. 134.

¹⁰²¹) Выше, стр. 149, пр. 386.

философiи. Слабое само по себѣ, это соображенiе утрачиваетъ всякую силу, какъ скоро обратимъ вниманiе на то, что объ идеологiи Мегариковъ мы не только ничего ни отъ одного изъ древнихъ свидѣтелей не слышимъ, но даже знаемъ, что одинъ изъ виднѣйшихъ представителей Мегарскаго ученiя, Стильпонъ, опровергалъ существованiе идей.¹⁰²²⁾ Свидѣтельство Цицерона, что Мегарики многое заимствовали отъ Платона¹⁰²³⁾ и замѣчанiе Аристотеля¹⁰²⁴⁾, что „нѣкоторые изъ учившихъ о неподвижныхъ сущностяхъ называютъ единое благомъ по себѣ, такъ какъ считаютъ единое его главной сущностью“, на которыя ссылаются послѣдователи Шлейермахера¹⁰²⁵⁾, нисколько дѣлу не помогаютъ. Свидѣтельство Цицерона не даетъ основанiя ни къ какому опредѣленному выводу; замѣчанiе Аристотеля относится очевидно къ Платону, а не къ Мегарикамъ. Мегарики учили о благѣ, какъ единомъ, или же о единомъ, какъ благѣ, но это единое было единымъ не Пиагорейцевъ, съ которыми Аристотель сопоставляетъ Платона, а Елейцевъ¹⁰²⁶⁾; на то, что они разсматривали единое сущностью блага, нѣтъ никакихъ указанiй. Напротивъ, о Платонѣ это достовѣрно извѣстно¹⁰²⁷⁾.

¹⁰²²⁾ Diog. Laert. II, 119: δεινός δ' ἄγαν ὢν ἐν τοῖς ἐριστικοῖς ἀνθρώποις καὶ τὰ εἶδη, καὶ ἔλεγε τὸν λέγοντα ἄνθρωπον εἶναι μηδένα οὔτε γὰρ τόνδε εἶναι οὔτε τόνδε· τί γὰρ μᾶλλον τόνδε ἢ τόνδε; οὐδ' ἄρα τόνδε. καὶ πάλιν τὸ λάχανον οὐκ ἐστὶ τὸ δεικνύμενον λάχανον μὲν γὰρ ἦν πρὸ μυρίων ἐτών οὐκ ἄρα ἐστὶ τοῦτο λάχανον. Целлеръ Ph. d. Gr. II a⁴, 256, 2 предполагаетъ (вмѣстѣ съ Гегелемъ Gesch. d. Ph. II, 123 и Штальб. Part. 65) со стороны Дiогена или его источника недоразумѣнiе и объясняетъ слова Стильпона слѣдующимъ образомъ: „Стильпонъ отрицаетъ, что единичное лицо—человѣкъ, такъ какъ выраженiе „человѣкъ“ обозначаетъ общее, отличное отъ всѣхъ единичныхъ людей, онъ отрицаетъ, что то, что ему показываютъ, есть капуста, такъ какъ капуста существовала искони, такъ какъ иными словами мы общимъ понятiемъ капуста обозначаемъ не нѣчто происшедшее, но нѣчто неизмѣнное“. Можно однако дать объясненiе, не предполагая у Дiогена ошибки и болѣе согласное съ текстомъ. Стильпонъ доказывалъ, что слову „человѣкъ“ ничто не соответствуетъ, даже тотъ, кто его говоритъ. Это слово не относится ни къ какому отдѣльному человѣку (οὔτε γὰρ τόνδε εἶναι οὔτε τόνδε· τί γὰρ μᾶλλον τόνδε ἢ τόνδε), а стало бытъ и къ самому говорящему (οὐδ' ἄρα τόνδε). Если вамъ вѣрить (говорилъ онъ идеалистамъ), то капуста существовала отъ вѣка; но въ такомъ случаѣ то, что я вижу,—не капуста, такъ какъ она не отъ вѣка“. Впрочемъ, самъ Целлеръ допускаетъ, „dass Stilpo mit anderem auch den Streit gegen die platonischen Ideen aus der Cynischen Schule mit herübernahm“.

¹⁰²³⁾ Cic. Acad. II, 42, 129: Megaricorum fuit nobilis disciplina, cujus, ut scriptum video, princeps Xenophanes, quem modo nominavi, deinde eum secuti Parmenides et Zeno; itaque ab his Eleatici philosophi nominabantur. Post, Euclides Socratis discipulus, Megareus, a quo iidem illi Megarici dicti, qui id bonum solum esse dicebant quod esset unum et simile et idem semper. Hi quoque multa a Platone. (Смыслъ послѣдней фразы ясенъ изъ контекста).

¹⁰²⁴⁾ Metaph. XIV, 4, 1091 b, 13.

¹⁰²⁵⁾ Ниже, стр. 295, пр. 1053.

¹⁰²⁶⁾ Diog. Laert. II, 106.

¹⁰²⁷⁾ Metaph. I, 6, 987 b, 21, сл.

Точно также неубѣдительны и тѣ доводы, которыми Целлеръ старается сблизить то и другое ученіе, — что Евклидъ могъ въ началѣ, въ противоположность всякому (философскому и нефилософскому) матеріализму, настаивать на томъ, что въ каждой вещи какъ дѣйствительность слѣдуетъ разсматривать лишь ея безтѣлесную форму, хотя онъ въ дальнѣйшемъ развитіи всѣ эти формы свелъ къ единой субстанціи — благу, и что слова о „раздробленіи тѣлъ и истины въ рѣчахъ“ какъ нельзя болѣе подходятъ къ способу Мегариковъ доказывать, уничтожая тѣло дробленіемъ на мельчайшія части, летучее явленіе тѣлеснаго существованія ¹⁰²⁸). Первое предположеніе не имѣетъ за себя ничего, кромѣ лишь поставленнаго Целлеромъ вопроса, „какимъ именно путемъ могъ вообще Евклидъ отъ Сократовой философіи понятій дойти до своего ученія объ единствѣ?“ Такой вопросъ однако излишенъ, такъ какъ вовсе неизвѣстно, что Евклидъ усвоилъ отъ Сократа не только нравственное ученіе, но и его философію понятій. Замѣчаніе о „раздробленіи“ можетъ быть отнесено скорѣе къ методу всѣхъ остальныхъ послѣдователей Сократа, чѣмъ къ Мегарикамъ. Какимъ образомъ могли бы они дробить тѣла и доказывать летучую подвижность явленія, когда они вовсе не признавали ни множества, ни движенія? ¹⁰²⁹). Правда, одному изъ Мегариковъ, Евбулиду, преданіе приписываетъ софизмъ „Сорить“, на который въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается Целлеръ; но этотъ софизмъ раздробляетъ не тѣло, а множество, и съ цѣлью доказать не летучее явленіе тѣлеснаго существованія, а невозможность множества ¹⁰³⁰). Къ тому же въ „Государствѣ“ мы слышимъ отъ Платона „о сильныхъ въ діалектикѣ, которые того, кто пытается дробить въ рѣчи единое по себѣ, поднимаютъ на смѣхъ и не допускаютъ, а какъ скоро ты единое раздробишь, они его увеличиваютъ, опасаясь, какъ бы единое показалось не единымъ, а многими частями“. Подъ этими сильными въ діалектикѣ мы несомнѣнно должны подразумѣвать Мегариковъ, такъ какъ 1) объ единомъ по себѣ изъ современныхъ Платону философовъ учили только Мегарики

¹⁰²⁸) Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 253. n. f. 263.

¹⁰²⁹) Очевидно изъ сопоставленія Cic. Acad. II, 42, 129 (выше, стр. 290, пр. 1023) съ Diog. Laert. II, 106: τὰ δ' ἀντικείμενα τῶ ἀγαθῷ ἀνίρει (Ἐκλειδῆος) μὴ εἶναι φάσκων. Доказательства Мегарика Діодора противъ движенія у Zell. II a⁴, 266 f.

¹⁰³⁰) Приведенъ у Целлера, Ph. d. Gr. II a⁴, 265.

и такъ какъ 2) признаки, которыми дальше Платонъ опредѣляетъ это единое—какъ себѣ во всемъ равное, ни чѣмъ неразличное, не имѣющее въ себѣ никакихъ частей, постигаемое умомъ—тождественны съ признаками Парменидова бытія, усвоеннаго Мегариками подъ именемъ единого¹⁰³¹⁾. И хотя непонятно, въ чемъ именно состояло доказательство Мегариковъ, достовѣрно во всякомъ случаѣ, что оно было направлено противъ множества.

Напротивъ, Платонъ училъ объ идеяхъ, доказывалъ летучую подвижность тѣлеснаго существованія¹⁰³²⁾, изображалъ въ своихъ діалогахъ именно ту діалектику, о которой идетъ рѣчь въ „Софистѣ“: „Ты и твои друзья (говорить Гиппій Сократу¹⁰³³⁾, съ которыми ты привыкъ разговаривать, вещей въ цѣломъ не рассматриваете, но отхватываете и толчете и прекрасное, и всѣ остальные вещи, раздробляя ихъ въ рѣчахъ. Оттого то отъ васъ и ускользаютъ такіа прекрасныя и сплошныя тѣла сущности“.

Не больше доказываетъ и ссылка Целлера на свидѣтельство Аристокла¹⁰³⁴⁾ о томъ, что по ученію Стильпона и Мегариковъ, „бытіе есть, а не бытіе иное, чѣмъ бытіе, что ничто не происходитъ, не разрушается и вообще не движется“, такъ какъ это свидѣтельство несомнѣнная передѣлка словъ Платона въ „Софистѣ“¹⁰³⁵⁾: ученіе о небытіи, какъ иномъ, чѣмъ бытіе, есть именно то основное предположеніе, которымъ онъ исправляетъ рассматриваемую имъ теорію идеалистовъ¹⁰³⁶⁾. Тѣмъ менѣе въ правѣ придавать значеніе этому свидѣтельству Целлеръ, что по извѣстнымъ уже намъ словамъ

¹⁰³¹⁾ De Rep. 525, E—526 A: οἶσθα γὰρ ποὺ τοὺς περὶ ταῦτα δεινοὺς, ὡς ἕαν τις αὐτὸ τὸ ἐν ἐπιχειρῇ τῷ λόγῳ τέμνειν, καταγελάσαι τε καὶ οὐκ ἀποδέγονται, ἀλλ' ἕαν σὺ κερματίζῃς αὐτό, ἔκείνοι πολλαπλασιοῦσιν, εὐλαβοῦμενοι, μὴ ποτε φανῇ τὸ ἐν μὴ ἐν, ἀλλὰ πολλὰ μόρια. Ἀληθέστατα ἔφη, λέγεις. Τί οὖν οἶε, ὦ Γλαύκων, εἰ τις ἔροιτο αὐτοὺς ὡ θαυμάσιοι, περὶ ποίων ἀριθμῶν διαλέγεσθε, ἐν οἷς τὸ ἐν οἷον ὁμεις ἀζιούτε ἐστίν, ἴσον τε ἕκαστον πᾶν παντὶ καὶ οὐδὲ σμικρὸν διαφέρων μῦριόν τε ἔχον ἐν ἑαυτῷ οὐδέν; τί ἂν οἶε αὐτοὺς ἀποκρίνασθαι; Τοῦτο ἔγωγε, ὅτι περὶ τούτων λέγουσιν, ὡν διανοηθῆναι μόνον ἐγγωρεῖ, ἄλλως δ' οὐδαμῶς μεταχειρίζεσθαι δυνατόν. Ὁρᾷς οὖν, ἦν δ' ἐγώ, ὦ φίλε, ὅτι τῷ ὄντι ἀναγκαῖον ἡμῖν κινδυνεύει εἶναι το μᾶθημα, ἐπειδὴ φαίνεται γε προσαναγκάζον αὐτῇ τῇ νοήσει χρῆσθαι τὴν ψυχὴν ἐπ' αὐτὴν τὴν ἀλήθειαν. Насколько мнѣ извѣстно, это мѣсто ни однимъ изъ комментаторовъ не объяснено и не отнесено къ Мегарикамъ.

¹⁰³²⁾ Phaedo 74, B, 78, E, сл. De Rep. 484, B, сл. Tim. 49, B, сл. Выше, стр. 137.

¹⁰³³⁾ Hipp. Maj. 301, B. Minor. 369, B—C.

¹⁰³⁴⁾ Euseb. Praep. Ev. XIV, 17, 1. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 261, 2.

¹⁰³⁵⁾ Предположительно въ этомъ смыслѣ высказался уже Brandis, Hand. d. Gesch. d. Gr. r. Philos. I a, 115.

¹⁰³⁶⁾ Выше, стр. 179 сл.

Цицерона „Мегарики многое заимствовали отъ Платона“¹⁰³⁷). На слабость своихъ доводовъ указываетъ самъ Целлеръ оговоркой, что „Платонъ, при изображеніи взглядовъ, которые имѣетъ въ виду, обращается съ ними какъ съ представителями общихъ направленій и поэтому не придерживается буквально исторической истины, излагаетъ ихъ своимъ собственнымъ языкомъ и сводитъ къ категоріямъ собственной системы (какъ это дѣлаетъ Аристотель въ аналогичныхъ случаяхъ) и что поэтому быть можетъ воззрѣнія Мегариковъ оказываются нѣсколько болѣе похожими на его теорію, чѣмъ были сами по себѣ“¹⁰³⁸). Но такое свойство Платоновыхъ свидѣтельствъ еще никѣмъ не было и (какъ увидимъ) не можетъ быть доказано.

Нельзя признать вѣскими соображеній Целлера и въ пользу того, что изложенная въ „Софистѣ“ теорія идей не принадлежитъ Платону: друзья идей въ „Софистѣ“ признаютъ совершенное бытіе неподвижнымъ; Платонъ въ „Тимѣѣ“ учитъ о вселенной какъ живомъ существѣ; друзья идей способность дѣйствовать и страдать приписываютъ лишь быванію и отрицаютъ за сущимъ, Платонъ разсматриваетъ свои идеи какъ причины.

На дѣлѣ указанныя черты легче примирить съ ученіемъ Платона, чѣмъ признать достояніемъ Мегариковъ. Замѣчанія о совершенномъ бытіи въ „Софистѣ“, какъ поясняетъ самъ Платонъ, имѣютъ значеніе не выработанной истины, а чисто діалектическаго, сопряженнаго съ затрудненіями, предположенія¹⁰³⁹). Возможно, что онъ здѣсь намѣтилъ тѣ основанія, которыя впоследствии пытался развить въ „Тимѣѣ“. Однако и въ „Тимѣѣ“ онъ не учитъ объ истинно сущемъ какъ подвижномъ. Вселенная какъ идея неподвижна и неизмѣнна, вселенная какъ подобіе идеи—самодвижущееся существо¹⁰⁴⁰). Необходимость для друзей идей признать въ истинно сущемъ движеніе Платонъ доказываетъ тѣмъ, что они считаютъ истинно

¹⁰³⁷) Выше, стр. 290, пр. 1023.

¹⁰³⁸) Zell. Ph. d. Gr. II a⁴, 254 n. Совершенно также Fouillée, Phil. de Platon, II², 332: ces formes (des Mégariques) Platon les appelle des Idées, parce que son habitude est de prêter à autrui son propre langage afin d'être plus clair. Dans la pluralité des noms, il aperçoit quelque chose d'analogue aux Idées; cela lui suffit, et ce que les Megariques appelaient—peut être *les noms divers* du Bien, il l'appelle d'un terme plus propre, quoique vague encore, les genres ou les Idées.

¹⁰³⁹) Soph. 249, E. 250, E: τοῦτο μὲν τοίνυν ἐνταῦθα καίῃσθαι διαπορημένον. См. отд. 11.

¹⁰⁴⁰) Tim. 35, A. 38, A. 52, A.

сущее познаваемымъ, а познаваемое страдаетъ и потому движется¹⁰⁴¹⁾. Такое доказательство примѣнительно къ ученію Мегариковъ, было бы страннымъ. Изъ немногаго, что намъ достовѣрно извѣстно, объ ихъ ученіи, на первомъ мѣстѣ стоитъ извѣстіе, что свое „единое“ они рассматривали то какъ благо, то какъ разумѣніе, то какъ умъ¹⁰⁴²⁾. Если бы Платонъ имѣлъ въ виду Мегариковъ, то ему было бы естественнѣе основывать свое доказательство не на сущемъ, какъ разумѣваемомъ, а на сущемъ, какъ разумѣющемъ, такъ какъ разумѣніе въ большей мѣрѣ предполагаетъ движеніе, чѣмъ разумѣваемое. И могъ ли немного ниже Платонъ ставить на видъ Мегарикамъ разумность сущаго¹⁰⁴³⁾, когда они и безъ того ее признавали?

Ученіе Платона объ идеяхъ какъ причинахъ настолько неопредѣленно, что строить на немъ какіе нибудь доводы едва ли возможно. Достовѣрно во всякомъ случаѣ, что при всѣхъ колебаніяхъ въ вопросѣ объ отношеніи идей къ вещамъ¹⁰⁴⁴⁾, Платонъ не только нигдѣ не признаетъ измѣняемости идей, но повсюду ставитъ на видъ противоположное¹⁰⁴⁵⁾. Причинность идей онъ рассматриваетъ то какъ участіе вещей въ идеяхъ (какъ бытіе идей при вещахъ или въ вещахъ¹⁰⁴⁶⁾), то какъ стремленіе вещей къ идеямъ¹⁰⁴⁷⁾. Последнее предполагаетъ первое, такъ какъ стремленіе обусловлено участіемъ стремящагося въ природѣ того, къ чему направлено. Взглядъ на идею какъ цѣль, какъ уже было объяснено¹⁰⁴⁸⁾, лежитъ въ самомъ основаніи Платонова міровоззрѣнія. Аристотель въ своемъ

1041) Soph. 248, D—E: Μανθάνω τότε γε, ὡς τὸ γινώσκειν εἴπερ ἔσται ποιεῖν τι, τὸ γινώσκόμενον ἀναγκαῖον αὐ ἐμβαίνειν πάσχειν. τὴν οὐσίαν δὲ κατὰ τὸν λόγον τοῦτον γινώσκομένην ὑπὸ τῆς γνώσεως, καθ' ἑσὸν γινώσκειται, κατὰ τοσοῦτον κινεῖσθαι διὰ τὸ πάσχειν, ὃ δὴ φαμεν οὐκ ἂν γένοιτο περὶ τὸ ἡρεμῶν.

1042) Diog. Laert. II, 106: οὗτος (ὁ Εὐκλείδης) ἐν τῷ ἀγαθὸν ἀπεφαίνετο πολλοῖς ὀνόμασι καλούμενον ὅτε μὲν γὰρ φρόνησιν, ὅτε δὲ θεόν, καὶ ἄλλοτε νοῦν καὶ τὰ λοιπά.

1043) Soph. 248, E—249, A: τί δὲ πρὸς Διός; ὡς ἀληθῶς κίνησιν καὶ ζωὴν καὶ φυγὴν καὶ φρόνησιν ἢ ῥαδίως πεισθησόμεθα τῷ παντελῶς ἔντι μὴ παρεῖναι, μηδὲ ζῆν αὐτὸ μηδὲ φρονεῖν, ἀλλὰ σεμνὴν καὶ ἅγιον, νοῦν οὐκ ἔχον, ἀκίνητον ἔστος εἶναι;

1044) Выше, стр. 118 сл.

1045) Phaedo 78, D. Cratyl. 439, C, сл., Phaedr. 247, D. Sympos. 211, B. De Rep. 479, A. Tim. 35, A. 38, A. 52, A.

1046) Phaedo, 74, D. сл. и пр. Выше, стр. 120.

1047) Phaedo, 74, B. 78, D, сл., на слѣд. стр. Theaet. 176, E. Phileb. 53, E. сл. и пр. Выше, стр. 119. 120. 208 сл.

1048) Выше, стр. 208, сл.

ученія о Первомъ Движителѣ далъ мысли Платона болѣе яркое выраженіе: что для Аристотеля Богъ, двигающій вселенную не двигаясь, но лишь возбуждая въ ней къ себѣ любовное влеченіе, то для Платона—идея блага съ совокупностью заключающихся въ ней идей¹⁰⁴⁹). Поэтому ученіе объ идеяхъ какъ причинахъ не подразумеваетъ подвижности идей.

Другой доводъ, приводимый Целлеромъ, тотъ, что Платонъ не могъ критиковать и при томъ иронически своего собственнаго ученія. Неосновательность этого довода очевидна изъ Платонова метода¹⁰⁵⁰) и въ ней мы убѣдимся еще разъ ниже¹⁰⁵¹). Здѣсь достаточно лишь отмѣтить, что отношеніе Странника къ друзьямъ идей ничуть не болѣе ироническое, чѣмъ отношеніе Парменида къ идеологii въ „Парменидѣ“, и однакоже Целлеръ нисколько не колеблется признать идеологию въ „Парменидѣ“ за Платонову¹⁰⁵²).

Сторонники Шлейермахера и Целлера ограничиваются ссылкой на приведенныя выше мѣста изъ Цицерона и Аристотеля и другъ на друга и нисколько вопроса не выясняютъ¹⁰⁵³).

¹⁰⁴⁹) Met. XII, 7, 1072 a, 25: κινεῖ δὲ ὡς τὸ ὄρεκτόν, καὶ τὸ νοητὸν κινεῖ οὐ κινούμενον... ἐπιδομητὸν μὲν γὰρ τὸ φαινόμενον καλόν, βουλευτὸν δὲ πρῶτον τὸ ὄν καλόν. ὄρεγόμεθα δὲ διότι δοκεῖ μᾶλλον ἢ δοκεῖ διότι ὄρεγόμεθα... ὅτι ἔστι τὸ οὐ ἕνεκα ἐν τοῖς ἀκινήτοις, ἢ διαίρεσις δηλοῦται... κινεῖ δὲ ὡς ἐρώμενον и пр. Plato, Phaedo, 74, E—75, A: οὐκοῦν ὁμολογοῦμεν, ὅταν τις τι ἰδὼν ἐννοήσῃ, ὅτι βούλεται μὲν τοῦτο, ὃ νῦν ἐγὼ ὄρω, εἶναι οἷον ἄλλο τι τῶν ὄντων, ἐνδεῖ δὲ καὶ οὐ δύναται τοιοῦτον εἶναι, οἷον ἐκεῖνο, ἀλλ' ἐστὶ φαυλότερον ἀναγκαῖόν που τὸν τοῦτ' ἐννοοῦντα τυχεῖν προεἰδῶτα ἐκεῖνο, ᾧ φησιν αὐτὸ προεσοικεῖναι μὲν, ἐνδεεστέρως δ' ἔχειν;... ἀναγκαῖον ἄρ' ἡμᾶς προεἰδῆναι τὸ ἴσον πρὸς ἐκεῖνο τοῦ χρόνου, ὅτε τὸ πρῶτον ἰδόντες τὰ ἴσα ἐννοήσαμεν, ὅτι ὄρεγεται μὲν πάντα ταῦτ' εἶναι οἷον τὸ ἴσον, ἔχει δ' ἐνδεεστέρως.

¹⁰⁵⁰) Выше, стр. 48, сл. 56 сл.

¹⁰⁵¹) См. отд. 12.

¹⁰⁵²) Zeller, Ph d. Gr. II a⁴, 649 f.

¹⁰⁵³) Изъ сторонниковъ Шлейермахера Deysks, De Megaricorum doctrina, Bonn, 1827, 39, единственнымъ доводомъ ставить мнѣніе самого Шлейермахера: haec fere sunt summi philosophi rationes, quas ego, quum certissimae et ad omni parte munitae esse videantur, confirmatione egere non arbitror. Отъ себя Деискъ не прибавляетъ ничего. Ast, Platon's Leben, 201, 2 ссылается на Теннеманна, Gesch. d. Phil. II, 138, который однако ни слова не говоритъ объ идеологii Мегариковъ. Brandis, Handbuch d. gr. r. Philos. II a, 114 f. ссылается на Шлейермахера и Деиска. Henne, Ecole de Mégare, Paris, 1843, 85—158, въ жидкомъ разсужденіи излагаетъ доводы Шлейермахера, поправляетъ во второстепенныхъ подробностяхъ Деиска, опровергаетъ неопредѣленное мнѣніе Риттера и какъ на самыя вѣсныя доводы указываетъ на Cic. Acad. II, 42, 129 и Aristot. Met. XIV, 4, 1091 b, 13 (выше, стр. 290, пр. 1023, 1024). Stallbaum, Praef. ad Soph. 9, sq. ad Polit. 62 sq. ссылается на Шлейермахера, Деиска и на только что приведенное мѣсто изъ Аристотеля. Heindorf ad Soph. 246, B, ссылается на Шлейермахера. Hegmann, Gesammelte Abhandlungen, Gött. 1849, 246, ссылается на Шлейермахера, Деиска, Целлера и Генна; въ Gesch. u. System d. Pl. Ph. 339 f. ограничивается указаніемъ на Деиска. Prantl, Gesch. d. Logik, 37, 31, авторитетно заявляетъ, что мнѣніе Шлей-

Къ Мегарикамъ съ достовѣрностью можно отнести въ Платоновыхъ діалогахъ лишь три мѣста: 1) имѣющій значеніе внѣшней драматической подробности разговоръ Евклида о разговорѣ съ Сократомъ въ „Феатетѣ“¹⁰⁵⁴), 2) упоминаніе объ „Евклидѣ изъ Мегары“ въ „Федонѣ“ въ числѣ присутствовавшихъ при послѣднихъ часахъ Сократа¹⁰⁵⁵) и 3) приведенное уже свидѣтельство въ „Государствѣ“¹⁰⁵⁶). Быть можетъ также, Платонъ въ „Государствѣ“ подразумѣваетъ ихъ и подѣ затѣйливыми людьми, полагающими благо въ разумѣніи¹⁰⁵⁷), хотя эта характеристика одинаково примѣнима и къ Циникамъ¹⁰⁵⁸). Мнѣніе Фулье¹⁰⁵⁹), что Платонъ въ критикѣ Елейцевъ мѣтитъ въ Мегариковъ замѣчаніемъ о невозможности при единствѣ сущаго обозначать бытіе какимъ либо именемъ¹⁰⁶⁰), могло бы быть принято во вниманіе лишь въ томъ случаѣ, если бы эта критика не оправдывалась ученіемъ Елейцевъ; но такъ какъ она одинаково справедлива для того и другого ученія, то нѣтъ нужды въ данномъ случаѣ думать о Мегарикахъ.

Но если подѣ друзьями идей слѣдуетъ подразумѣвать Платона и его послѣдователей, то подѣ материалистами нельзя подразумѣвать никого другого кромѣ Антисеена и его сторонниковъ. Весь разговоръ о гигантомахіи оставляетъ (по вѣрному замѣчанію Целлера¹⁰⁶¹) впе-

ермахера совершенно вѣрно und vergeblicher Scharfsinn würde darauf verschwendet, diess zu wiederlegen. Steinhart, Pl. W. III, 204. 423. 554. Allg. Enc. Ersch. u. Grub. I, 29, 53, ссылается на Шлейермахера, Штальбаума и извѣстное уже мѣсто изъ Аристотеля. Susemihl, Genetische Entwicklung etc. I, 298, n. 453, Jahresbericht über die Fortschritte d. clas. Alterthumswiss. 1875 (1877) 293 ссылается на Целлера. Bonitz, Platonische Studien, 3-te Aufl. 192, 42 ссылается на Целлера. Изъ этого обзора очевидно, что приводимый Целлеромъ перечень согласныхъ съ Шлейермахеромъ и съ нимъ изслѣдователей не такъ внушительнъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Кромѣ приведенныхъ Целлеромъ изслѣдователей можно отмѣтить Fouillée, Philosophie de Platon, II², 323, sq. (руководствуется мнѣніемъ Шлейермахера и Целлера). Urban, Ueber die Erwähnungen, 17 f. Jowett, The Dialogues, III, 460 (оба безъ всякихъ доказательствъ).

¹⁰⁵⁴) Theaet. 142, A, сл.

¹⁰⁵⁵) Phaedo, 59, C.

¹⁰⁵⁶) Выше, стр. 292, пр. 1031.

¹⁰⁵⁷) De Rep. 505, B: ἀλλὰ μὴν καὶ τότε γε οἶσθα, ὅτι τοῖς μὲν πολλοῖς ἡδονὴ δεσπεῖ εἶναι τὸ ἀγαθόν, τοῖς δὲ κομφοτέροις φρόνησις.

¹⁰⁵⁸) Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 304, 2.

¹⁰⁵⁹) Fouillée, Philosophie de Platon, II², 331.

¹⁰⁶⁰) Выше, стр. 156.

¹⁰⁶¹) Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 297, 1.

чтлвнне, что Платонъ говоритъ по личному опыту, а между тѣмъ намъ неизвѣстно, чтобы онъ находился въ борьбѣ съ кѣмъ либо кромѣ Циниковъ. На материалистическое учение Циниковъ указываютъ (какъ выяснили Диммлеръ, Наторпъ и Целлеръ ¹⁰⁶²) и ихъ номинализмъ, допускающій существованіе только единичныхъ вещей, и полное согласіе изложеннаго Платономъ ученія съ материализмомъ Стоиковъ, построившихъ свое міровоззрѣніе на почвѣ Цинизма. Какъ Стоики, такъ и материалисты у Платона, даютъ одно и то же опредѣленіе тѣлу и сущности; и какъ Платоновы материалисты вынуждены признать безтѣлесное существованіе нѣкоторыхъ душевныхъ качествъ, точно также учили о безтѣлесности качествъ и Стоики ¹⁰⁶³). Къ этимъ доводамъ Диммлера и Целлера можно прибавить два другіе. Основатель Стоицизма, Зенонъ, кромѣ Кратеса слушалъ Мегариковъ Стильпона и Діодора и Академиковъ Ксенократа и Полемона ¹⁰⁶⁴). Но подобнаго изложенному ученію мы не встрѣчаемъ ни у Мегариковъ, ни у Академиковъ. Объяснять же совпаденіе простою случайностью при его полномъ соотвѣтствіи едва-ли возможно. Наконецъ, въ словахъ Платона „размельчаютъ въ словахъ истину“ ¹⁰⁶⁵) можно съ полнымъ правомъ видѣть намекъ на Антисеенову „Истину“ ¹⁰⁶⁶).

Принадлежность изложеннаго ученія Циникамъ подтверждается и тѣми замѣчаніями, которыми Платонъ предваряетъ критику этого ученія и ученія друзей идей. „Намъ слѣдуетъ (говорить онъ ¹⁰⁶⁷) потребовать по очереди у тѣхъ и другихъ отчета о предполагаемой ими сущности. Отъ тѣхъ, которые полагаютъ ее въ идеяхъ, это легче, такъ какъ они кротче; отъ тѣхъ же, которые силою все тащатъ къ тѣлу, труднѣе, даже быть можетъ и невозможно. Но вотъ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ съ ними поступать... Прежде всего, сдѣлать ихъ если только будетъ какая нибудь возможность, на самомъ

¹⁰⁶²) Dümmler, Antisth. 51 f. Natop, Forschungen, 195 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 297, 2. Приведенное выше мѣсто изъ „Отчета“ относили къ Антисеену раньше этихъ исследователей Winkelmann, Antisth. Fragm. 36 и Blass, Att. Beredsamkeit, II, 307.

¹⁰⁶³) Доказательства у Целлера, Ph. d. Gr. въ ук. м. и III a³, 117 f. 120 f.

¹⁰⁶⁴) Zeller, III a³, 28 f.

¹⁰⁶⁵) Soph. 246, C. См. выше, 287, сл.

¹⁰⁶⁶) Объ Антисееновой „Истинѣ“, Diog. Laert. VI, 16.

¹⁰⁶⁷) Soph. 246, C—D.

дѣлѣ лучшими, а если это не удастся, то предположить на словахъ, что они быть можетъ пожелаютъ намъ отвѣчать болѣе пристойно. Въ чемъ согласны лучше, сильнѣе того, въ чемъ согласны худше; впрочемъ, мы заботимся не объ этомъ, но ищемъ истину“. Эти замѣчанія ни къ кому не могутъ быть отнесены съ большею правдоподобностью, чѣмъ къ Антисоену съ послѣдователями.

Самая критика сводится къ слѣдующему ¹⁰⁶⁸⁾. Антисоенъ и его послѣдователи признаютъ существованіе души и различаютъ справедливыя души отъ несправедливыхъ, разумныя отъ неразумныхъ. Всѣ эти различія душа имѣетъ вслѣдствіе присутствія въ ней справедливости и несправедливости, разумности и неразумности. Но то, что способно присутствовать и отсутствовать, они должны во всякомъ случаѣ признать существующимъ. Если же существуютъ справедливость, разумность и всѣ другія добродѣтели и противоположныя имъ пороки, если существуетъ душа, въ которой эти добродѣтели и пороки бывають, то скажутъ ли они, что изъ этого что нибудь зримо и тѣлесно, или же что ничто незримо? На этотъ вопросъ (поясняетъ Θεэтеть), они отвѣчаютъ не совсѣмъ одинаково, но душа по ихъ мнѣнію имѣетъ нѣкоторое тѣло, а относительно разумнѣя и всего прочаго, о чемъ только что шла рѣчь, имъ одинаково совѣстно рѣшиться какъ признать ихъ несуществованіе, такъ и утверждать ихъ тѣлесность. „Очевидно (говоритъ Странникъ) эти люди стали лучшими, такъ какъ самосѣянные и самородные изъ нихъ (самъ Антисоенъ) не постыдились бы ничего такого, но стали бы настаивать, что вовсе не существуетъ того, чего они не могутъ сжать руками“.

Входить въ оцѣнку этой критики нѣтъ нужды. Единственная черта, которая въ ней обращаетъ на себя вниманіе—терминъ присутствія (*παρουσία*) въ смыслѣ причинности. Но о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ считать его спеціальнымъ достояніемъ Платона, рѣчь будетъ ниже.

Нѣсколько дальше въ томъ же діалогѣ изслѣдованіе приводитъ Платона къ вопросу о томъ, какимъ образомъ одну и ту же вещь мы называемъ многими именами. Напримѣръ, говоря о человѣкѣ, мы относимъ къ нему и цвѣта, и формы, и величины, и пороки и добродѣтели; мы говоримъ не только, что онъ человѣкъ, но что онъ

¹⁰⁶⁸⁾ Ibid. 247, A—C.

человѣкъ такой то и такой то, и такъ до безконечности; точно также и во всемъ другомъ, мы полагаемъ всегда что нибудь единое, но въ то же время многое и называемъ многими именами. „Этимъ, думаю, изготавили мы пиръ и юношамъ и запоздалымъ въ наукѣ старикамъ, такъ какъ для всякаго легко тотчасъ же возразить, что ни многое не можетъ быть единымъ, ни единое многимъ. Они рады, не позволяя человѣка называть добрымъ, но только доброе—добромъ, а человѣка—человѣкомъ. Ты, Θεэтетъ, часто, я думаю, встрѣчаешься съ людьми, занимающимися такими важными дѣлами, иногда и съ пожилыми, которые по скудости мысли не только восхищаются такими диковинами, но даже видятъ въ этомъ изобрѣтеніи нѣкоторый верхъ мудрости“¹⁰⁶⁹).

Выразителемъ ученія о тождественныхъ предложеніяхъ Аристотель называетъ Антисоена. „Антисоенъ глупо думалъ, что ни о чемъ нельзя утверждать ничего, кромѣ лишь собственнаго имени каждой вещи; изъ чего и выходило, что нельзя противорѣчить, а почти что и лгать“¹⁰⁷⁰). Поэтому обыкновенно думаютъ, что въ только что приведенномъ мѣстѣ Платонъ подразумѣваетъ этого Цинива¹⁰⁷¹); но нѣкоторые критики полагаютъ, что Платонъ говоритъ здѣсь о Діонисодорѣ и Еввѣдемѣ¹⁰⁷²), такъ какъ характеристика этихъ лицъ точно совпадаетъ съ характеристикой неизвѣстныхъ спорщиковъ въ нашемъ мѣстѣ. Не трудно убѣдиться, что послѣднее мнѣніе единственно возможное.

¹⁰⁶⁹) Soph. 251, A—D: Λέγομεν ἄνθρωπον δῆπου πόλλ' ἄτ' ἐπονομάζοντες; τὰ τε χρώματα ἐπιφέροντες αὐτῷ καὶ τὰ σχήματα καὶ μεγέθη καὶ κακίας καὶ ἀρετάς, ἐν οἷς πᾶσι καὶ ἑτέροις μωρίοις οὐ μόνον ἄνθρωπον αὐτὸν εἶναι φασί, ἀλλὰ καὶ ἀγαθὸν καὶ ἕτερα ἄπειρα, καὶ τὰλλα δὴ κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον οὕτως ἐν ἑκαστῷ ὑποθέμενοι πάλιν αὐτὸ πολλά καὶ πολλοὺς ὀνόμασι λέγομεν.—Ἀληθῆ λέγεις.—Ὅθεν γε, οἶμαι, τοῖς τε νέοις καὶ τῶν γερόντων τοῖς ὀφθαλμοῖσι θοοῖν παρεσκευάσαμεν. εὐθὺς γὰρ ἀντιλαβεῖσθαι παντὶ πρόχειρον ὡς ἀδύνατον τὰ τε πολλὰ ἐν καὶ τὸ ἐν πολλὰ εἶναι, καὶ δῆπου χαίρουσιν οὐκ ἔωντες ἀγαθὸν λέγειν ἄνθρωπον, ἀλλὰ τὸ μὲν ἀγαθὸν ἀγαθόν, τὸν δ' ἄνθρωπον ἄνθρωπον. ἐντυγχάνεις γάρ, ὦ Θεαίτητε, ὡς ἐγώμαι, πολλάκις τὰ τοιαῦτ' ἐπισκευασμένον, ἐνίοτε πρεσβυτέρους ἀνθρώπους, καὶ ὑπὸ πενίας τῆς περὶ φρόνησιν κτήσεως τὰ τοιαῦτα τεθραυμακόσι, καὶ δὴ τι καὶ πάσσοφον οἰομένους ταῦτ' αὐτὸ ἀνευρηκέναι.

¹⁰⁷⁰) Metaph. V, 29. 1024 b, 33: Ἀντισθένης ὡστε εὐθὺς μὴδὲν ἀξίων λέγεσθαι πλὴν τῷ οἰκείῳ λόγῳ ἐν ἑφ' ἐνός· ἐξ ὧν συνέβαινε μὴ εἶναι ἀντιλέγειν, σχεδὸν δὲ μὴδὲ φεῦδεσθαι. Alex. Aphr. ad h. l. Schol. 732 a, 30 Brand. Ниже, стр. 308, пр. 1129.

¹⁰⁷¹) Tennemann, Gesch. d. Philos. II, 97. Schleiermacher, Pl. W. II, 2, 143. Brandis, Handb. d. gr. röm. Ph. II a, 81 f. Ritter, Gesch. d. Phil. II, 133. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 293, 1. Dümmler Antisth. 49. Urban, 18; Bonitz, Plat. Unt. 170, 14. и пр. Campbell, Theaet. XXIV.

¹⁰⁷²) Stallb. ad Soph. 178, B (подразумѣвается Антисоенъ и преимущественно Еввѣдемъ и Діонисодоръ), Wagner, Plato's Soph., Lpz., 1857, Engelm. 187 f. Stein, Sieben Bücher, etc. Объ, полагаетъ, что Платонъ не имѣетъ въ виду никакого опредѣленнаго лица.

Во первыхъ, Платонъ ясно различаетъ еристиковъ, о которыхъ говоритъ здѣсь, отъ матеріалистовъ, о которыхъ говорилъ раньше ¹⁰⁷³), а подъ этими матеріалистами, какъ мы уже видѣли, нельзя подразумѣвать никого кромѣ послѣдователей Антисеена.

Во вторыхъ, эпитетъ *ὀψιμαθεῖς* не подходитъ къ Антисеену ни въ одномъ изъ значеній, которое имѣетъ это слово—ни въ смыслѣ начавшихъ поздно учиться, ни въ смыслѣ поздно пришедшихъ къ истинному взгляду ¹⁰⁷⁴), ни въ смыслѣ тупоумныхъ.

Если бы мы даже не знали, что Антисеенъ до знакомства съ Сократомъ слушалъ Горгія и былъ въ общеніи съ другими софистами, и даже самъ занимался преподаваніемъ ¹⁰⁷⁵), то одинъ обзоръ его обильныхъ сочиненій ¹⁰⁷⁶) долженъ былъ бы насъ убѣдить, что онъ не могъ начать свое образованіе поздно. Диммлеръ ¹⁰⁷⁷), правда, ссылается на одно мѣсто въ рѣчи Діона Хрисостома ¹⁰⁷⁸), котораго въ настоящее время считаютъ ревностнымъ послѣдователемъ Цинизма ¹⁰⁷⁹), гдѣ этотъ риторъ, изложивъ аллегорію въ Циническомъ духѣ, заявляетъ, что „такъ сказалъ человекъ разочарованный (*δυσάρεστος*), какъ мнѣ кажется, испытавшій въ жизни много скорбей и получившій поздно истинное воспитаніе“. Вопросъ однако въ томъ, мѣтитъ ли Діонъ въ Антисеена, и если мѣтитъ, то не есть-ли эта характеристика плодъ комбинацій самого Діона изъ нашего и другихъ мѣстъ у Платона, которыя обыкновенно относятъ къ Антисеену. Впрочемъ, отождествлять то лицо, на которое намекаетъ Діонъ, съ неизвѣстными еристиками у Платона, мы имѣемъ тѣмъ меньше права, что Діоновъ разочарованный начинаетъ поздно истинное воспитаніе, а Платонъ просто говоритъ о позднемъ образованіи своихъ еристиковъ. Съ точки зрѣнія Платона такая разница очень немаловажна, такъ какъ истинное знаніе и воспитаніе для него всегда оставались подъ

¹⁰⁷³) Soph. 251, D: ἵνα τοῖνον πρὸς πάντας ἡμῖν ὁ λόγος ἢ τοὺς πρότετε περὶ οὐσίας καὶ ὁτιῶν διαλεχθέντας, ἔστω καὶ πρὸς τοὺτους καὶ πρὸς τοὺς ἄλλους, ὅσοις ἔμπροσθεν διελέγμεθα, τὰ νῦν ὡς ἐν ἐρωτήσει λεχθισόμενα.

¹⁰⁷⁴) Theaet. 202, C—D: ἄρα... νῦν οὕτω τῆδε τῇ ἡμέρᾳ εἰλήραμεν ὁ πάλα καὶ πολλοὶ τῶν σοφῶν ζητούντες πρὶν εὐρεῖν κατεγήρασαν;

¹⁰⁷⁵) Diog. L. VI, 1—2. Hieron. c. Jovin. II, 14.

¹⁰⁷⁶) Приведенъ у Diog. Laert. VI, 15—18.

¹⁰⁷⁷) Dümmler, Akad. 90 f.

¹⁰⁷⁸) Charidemus (XXX), 353 Emper.

¹⁰⁷⁹) Weber, De Dione Chrysostomo Cynicorum sectatore, Leipziger Studien, X, 1887, 79 f.

Эту (построенную по гевристическому методу) монографію я имѣлъ въ рукахъ лишь когда стоящій листъ былъ набранъ. Поэтому не могу здѣсь входить въ ея критику.

вопросом¹⁰⁸⁰). Поэтому онъ не могъ подразумѣвать намѣченной Діономъ разницы. По той же причинѣ къ Антисеену не можетъ относиться эпитетъ *ὀφθαλμῆς* и во второмъ изъ указанныхъ значеній.

Тупость Антисеена ничѣмъ не доказана, да и было бы странно предполагать тупоумнымъ мыслителя, который положилъ основаніе такому обильному по своимъ послѣдствіямъ ученію, какимъ былъ Цинизмъ. Не забудемъ, что Стоицизмъ своей метафизикой и этикой на это ученіе опирается¹⁰⁸¹), а на великое историческое значеніе Стоицизма нѣтъ нужды указывать¹⁰⁸²). Мнѣніе о тупости Антисеена основано исключительно на замѣчаніи Аристотеля, что ученіе этого Циника о тождественныхъ предложеніяхъ глупо, а самъ онъ вмѣстѣ съ его послѣдователями невоспитанъ¹⁰⁸³). Но намъ уже извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ Аристотель отзывается обо всѣхъ вообще бывшихъ до него философахъ¹⁰⁸⁴). Во всякомъ случаѣ было бы неосмотрительно заключать, что глупые на взглядъ Аристотеля должны были казаться такими и Платону. Достаточно напомнить о разницѣ во взглядахъ того и другого философа на Елейцевъ¹⁰⁸⁵).

Въ третьихъ, Платонъ говоритъ о жадныхъ до словопреній еристикмахъ, а Антисеенъ не только такимъ не былъ, но даже, какъ будетъ пояснено ниже, относился повидимому къ словопреніямъ несочувственно. Къ словамъ собесѣдниковъ онъ придирался несомнѣнно, но не изъ пустой любви къ спору, а въ подражаніе Сократову испытующему обличенію¹⁰⁸⁶). Точно также и слово *χαίρουσι*, которое Платонъ повторяетъ неоднократно, плохо вяжется съ извѣстной поговоркой Антисеена: „Я скорѣй сошелъ бы съ ума, чѣмъ сталъ бы радоваться“¹⁰⁸⁷).

Въ четвертыхъ, если допустить, что Платонъ говоритъ въ разсматриваемомъ отрывкѣ объ Антисеенѣ, то совершенно непонятно,

¹⁰⁸⁰) Достаточно указать на діалоги „Лакхесъ“, „Протагоръ“, „Менонъ“, на всю вообще методологію. Въ „Государствѣ“ Платонъ высказывается о воспитаніи болѣе положительно, однако и здѣсь не выдаетъ своего ученія за безусловную истину. De Rep. 450, E—451, A. Выше, стр. 64.

¹⁰⁸¹) Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 280. III a³, 124 f. 349.

¹⁰⁸²) Winckler, Der Stoicismus eine Wurzel des Christenthums. Leipz. 1878. Если авторъ и не правъ, считая Стоическую философію однимъ изъ корней Христіанства, то безспорно во всякомъ случаѣ, что она подготовила умы къ его воспріятію.

¹⁰⁸³) Выше, стр. 299, пр. 1070 и стр. 305, пр. 1114.

¹⁰⁸⁴) Выше, стр. 158. 160. 191. 201.

¹⁰⁸⁵) Выше, стр. 158.

¹⁰⁸⁶) Xen. Symp. 2, 10. 3, 4, 6. 4, 2, сл. 6. 6, 5.

¹⁰⁸⁷) Diog. Laert. VI, 3: ἔλαγέ τε συνεχέας μακείην μᾶλλον ἢ ἡσθεῖην.

почему онъ нѣсколько ниже навязываетъ ему несомнѣстимый съ учениемъ о тождественныхъ предложеніяхъ пріемъ „тащить въ рѣчи слова туда и сюда“, то есть утверждать все обо всемъ ¹⁰⁸⁸).

Наконецъ въ пятыхъ, свидѣтельство Аристотеля, какъ увидимъ не согласно съ безспорно принадлежащимъ Антисоену учениемъ объ основныхъ элементахъ и потому внушаетъ противъ себя подозрѣніе ¹⁰⁸⁹). Руководительное значеніе оно не можетъ имѣть уже потому, что изъ современниковъ Платона о тождественныхъ предложеніяхъ училъ не одинъ только Антисоенъ, но и Стилпонъ ¹⁰⁹⁰), который „измышленіемъ доводовъ и софистикой настолько превзошелъ остальныхъ, что чуть не вся Еллада смотрѣла на него и стала мегарствовать“ ¹⁰⁹¹). Впослѣдствіи это ученіе было усвоено и Еретрійцами ¹⁰⁹²). Оно было издавна вполне подготовлено Елейскимъ учениемъ и подсказывалось имъ само собою. Единство бытія исключаетъ множество, а слѣдовательно и всякое сказуемое о подлежащемъ отличное отъ самого подлежащаго ¹⁰⁹³). Вопросъ объ отношеніи единства къ множеству Платонъ называетъ древнимъ ¹⁰⁹⁴). Подобное же слышимъ мы и отъ Аристотеля. „Позднѣйшіе изъ древнихъ (говоритъ онъ ¹⁰⁹⁵) поднимали шумъ, какъ бы у нихъ не вышло одно и тоже единымъ и многимъ. Поэтому одни отнимали связь есть, а другіе измѣняли выраженіе и не говорили человѣкъ есть бѣлъ, а человѣкъ обѣленъ, и не человѣкъ есть ходящее, а человѣкъ ходитъ, чтобы прибавляя есть не дѣлать одинаго многимъ, такъ какъ о бытіи и единомъ можно говорить лишь единичное“. Подъ позднѣйшими изъ древнихъ Аристотель очевидно не могъ под-

¹⁰⁸⁸) Soph. 259, В—D. Выше, стр. 98, пр. 69.

¹⁰⁸⁹) Стр. 306.

¹⁰⁹⁰) Plut. adv. Coloth. 22, 1: τὸν βίον ἀναρῆσθαι ὑπ' αὐτοῦ (Στίλπωνος), λέγοντος ἕτερον ἑτέρου μὴ κατηγορεῖσθαι πῶς γὰρ βιωσόμεθα μὴ λέγοντος ἀνθρώπων ἀγαθόν... ἀλλ' ἀνθρώπων ἀνθρώπων καὶ χωρὶς ἀγαθὸν ἀγαθόν. Ibid. 23. Simpl. Phys. 120, 12. Diels. Hartenstein, Ueber die Bedeutung d. Megarischen Schule für die Geschichte der metaphysischen Probleme, Hist. philos. Abh., Leipz. 1870, 149 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 272, 3.

¹⁰⁹¹) Diog. Laert. II, 113.

¹⁰⁹²) Simpl. in Phys. 185 b, 25. 220 v. 93, 20. Diels: οἱ δὲ ἐκ τῆς Ἐρετριᾶς μηδὲν κατὰ μηδένος κατηγορεῖσθαι λέγουσιν, ἀλλὰ μόνον αὐτὸ καθ' αὐτοῦ, οἷον ὁ ἄνθρωπος ἄνθρωπος.

¹⁰⁹³) На эту связь указываютъ между прочимъ Аристотель въ „Физикѣ“, I кн. 2 гл. и Симплицій въ соответствующемъ комментарий.

¹⁰⁹⁴) Phileb. 16, С—E. Выше, стр. 133.

¹⁰⁹⁵) Phys. I, 2, 185 b, 25.

разумѣвать своихъ современниковъ; а выразительныя слова „поднимали шумъ“ свидѣтельствуютъ о томъ, что это ученіе волновало многихъ.

Напротивъ, начерченный въ разсматриваемомъ мѣстѣ образъ тождественъ съ характеристикой Еввидема и Діонисодора. Оба они *ἕρουρας* и при томъ *ὀψιμαθεῖς* ¹⁰⁹⁶); оба скудоумные; оба—ревностные еристы, радующіеся всякой возможности поспорить и еще болѣе всякой побѣдѣ въ спорѣ, какъ бы она ни была достигнута ¹⁰⁹⁷); оба доказываютъ, что для всего существуетъ только свое слово ¹⁰⁹⁸) и тѣмъ не менѣе говорятъ, что обо всемъ можно утверждать все ¹⁰⁹⁹). Принадлежность послѣдняго ученія Еввидему Платонъ подтверждаетъ въ „Кратилѣ“ ¹⁰⁰⁰). Точно также и Аристотель говоритъ о софизмахъ Еввидема ¹¹⁰¹). Изъ приведенныхъ имъ въ „Софистическихъ обличеніяхъ“ образцахъ нѣкоторые почти буквально совпадаютъ съ тѣми, на которыхъ показываютъ свою мудрость Діонисодоръ и Еввидемъ ¹¹⁰²). Даже смѣшныя рѣчи, въ которыхъ такіе мастера эти два софиста ¹¹⁰³), отмѣчаетъ Аристотель мимоходомъ ¹¹⁰⁴).

Поэтому, если критика всѣхъ вообще свидѣтельствъ Платона покажетъ, что онъ никогда не выводилъ лицъ подъ чужими именами, то подъ еристыками въ нашемъ мѣстѣ нельзя будетъ подразумѣвать никого другого кромѣ Еввидема и Діонисодора.

Впрочемъ, если бы и оказались всѣ приведенные выше доводы несостоятельными и мы были бы принуждены въ этомъ вопросѣ стать на точку зрѣнія большинства критиковъ, то авторитетъ Платона,

¹⁰⁹⁶) Euthyd. 272, B.

¹⁰⁹⁷) Ibid. 272, A. Весь вообще диалогъ.

¹⁰⁹⁸) Ibid. 283, E. 285, E. Ниже, стр. 311, пр. 1140.

¹⁰⁹⁹) Ibid. 303, D: *καὶ τὸδ' αὖ ἕτερον δημοτικόν τι καὶ πρῶτον ἐν τοῖς λόγοις ἔτι ὅταν φῆτε μήτε καλὸν εἶναι μηδὲν μήτ' ἀγαθὸν πρᾶγμα μήτε λευκὸν μηδ' ἄλλα τῶν τοιοῦτων μηδέν; μηδὲ τὸ παράπαν ἑτέρων ἕτερον.*

¹¹⁰⁰) Cratyl. 386, D: *ἀλλὰ μὴν οὐδὲ κατ' Εὐθύδημον γε, οἶμαι, σοὶ δοκεῖ πᾶσι πάνθ' ὁμοίως εἶναι ἅμα καὶ αἰεὶ.*

¹¹⁰¹) Rhetor. II, 24, 1401 a, 27. Soph. Elench. 20, 177 b, 12.

¹¹⁰²) Soph. Elench. 4, 165 b, 32 сл. 166 a, 12, 19. 166 b, 9, 22. 177 a, 22. 178 b, 29 сл. Euthyd. 300, A—D. 301, C, сл. Soph. Elench. 17, 176 b, 1. Euthyd. 301, E. Soph. Elench. 24, 180 a, 8. Euthyd. 295, A, сл. Soph. Elench. 24, 179 a, 34. Euthyd. 298, D, сл. Bonitz, Platonische Studien, 3-te Aufl. Berl. 1888, 135, 27. Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 998. 1, 2, 3.

¹¹⁰³) Euthyd. 276, D. 303, B. Весь диалогъ.

¹¹⁰⁴) Soph. Elench. 33, 182 b, 15: *λόγοι γελοῖοι.*

какъ историческаго свидѣтеля, въ глазахъ по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто привыкъ ставить Аристотеля выше Платона, не поколебался бы. Принадлежность ученія о тождественныхъ предложеніяхъ Антисеэну засвидѣтельствована Аристотелемъ; имъ же удостовѣрено и Антисеэново скудомысліе ¹¹⁰⁵); а рѣзкій тонъ Платона нашель бы полное оправданіе какъ въ непристойныхъ выходкахъ Антисеэна, въ особенности въ его *Σάδων'ῆ* ¹¹⁰⁶), такъ и въ томъ, что Антисеэнь былъ нападающей стороною ¹¹⁰⁷).

Какъ бы то ни было, предлагаемая Платономъ критика, по самой своей цѣли, разсуждать со всѣми, кто хотя чтò нибудь говорить о сущемъ ¹¹⁰⁸), чужда всякаго желанія представить кого либо въ смѣшномъ видѣ. Платонъ доказываетъ, что тѣ, кто выставляютъ такую теорію, опровергаютъ себя на каждомъ шагу, такъ какъ не могутъ обойтись безъ соединенія словъ, и такимъ образомъ „не нуждаются ни въ какихъ постороннихъ обличителяхъ, но по словицѣ, врага и противника имѣютъ въ собственномъ домѣ, такъ какъ ходятъ какъ бы нося въ себѣ всюду страннаго (чревовѣщателя) Евриклея“ ¹¹⁰⁹).

Упомянутое выше ученіе объ основныхъ элементахъ вещей, „великое и почтенное слово“ ¹¹¹⁰), Платонъ излагаетъ въ „Θεαίτητῆ“ ¹¹¹¹).

Разложивъ діалектически опредѣленіе знанія какъ правильнаго мнѣнія, Сократъ приводитъ другое. „Я (говоритъ онъ) слышалъ, какъ кто то сказалъ—прежде я позабылъ, а теперь вспомнилъ—что знаніе есть истинное мнѣніе съ объясненіемъ, а мнѣніе безъ объясненія—виѣ знанія. Чего нельзя объяснить, то непознаваемо (такъ и назвалъ „непознаваемо“), а чтò можетъ быть объяснено, то познаваемо...“ ¹¹¹²). Выслушай же одинъ сонъ вмѣсто другого. Я ка-

¹¹⁰⁵) Выше, стр. 299, пр. 1030.

¹¹⁰⁶) Выше, стр. 286.

¹¹⁰⁷) Soph. 246, B: τοιγαροῦν οἱ πρὸς αὐτοῦς (Циниковъ) ἀμφισβητοῦντες (друзья идей) μάλ' εὐλαβῶς... ἀμόνονται. „Antisthenes.... war.... allem nach der angreifende jedenfalls der derbere und leidenschaftlichere Theil.“ Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 428, 1.

¹¹⁰⁸) Ibid. 251, D. Выше, стр. 300, пр. 1073.

¹¹⁰⁹) Ibid. 252, C.

¹¹¹⁰) Theaet. 203, E.

¹¹¹¹) Ibid. 201, D—202, C.

¹¹¹²) Ibid. 201, D: ἔφη δὲ τὴν μὲν μετὰ λόγου ἀληθῆ δόξαν ἐπιστήμην εἶναι, τὴν δ' ἄλογον ἔκτος ἐπιστήμης· καὶ ὧν μὲν μὴ ἔστι λόγος οὐκ ἐπιστητὰ εἶναι, οὕτως καὶ ὀνομάζων, ἃ δ' ἔχει ἐπιστητὰ.

жется слышалъ отъ нѣкоторыхъ, что первые какъ бы элементы, изъ которыхъ сложены и мы и все остальное, не допускаютъ объясненія. Можно только наименовать каждый элементъ въ отдѣльности самъ по себѣ, но сказать о немъ чтонибудь другое нельзя, ни того, что онъ есть, ни того, что онъ не есть, такъ какъ въ этихъ случаяхъ мы прилагали бы ему существованіе или несуществованіе, тогда какъ не слѣдуетъ относить къ нему ничего, если только мы должны говорить лишь о немъ одномъ. Къ элементамъ не должно относить даже такія слова, какъ „само“ или „это“ или „каждое“ или „одно“ или „то“, которыя, хотя какъ бы и бѣгаютъ вокругъ всѣхъ и во всѣмъ относятся, однако другое, а не то, къ чему присоединяются, между тѣмъ какъ, если бы объ элементахъ можно было говорить и они имѣли бы свое собственное объясненіе, то о нихъ должно было бы говорить безъ всякихъ другихъ словъ. На самомъ же дѣлѣ невозможно ни объ одномъ изъ элементовъ сказать слова, такъ какъ у нихъ нѣтъ ничего другого кромѣ возможности обозначенія. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое имя, и лишь когда они сложены, то сообразно ихъ сплетенію происходитъ и сплетеніе именъ, которое и есть рѣчь, такъ какъ сущность рѣчи—въ сплетеніи именъ. Поэтому элементы не объяснимы и не познаваемы, хотя и воспринимаются чувствами; напротивъ, сложеніе ихъ познаваемо, объяснимо и сознаваемо истиннымъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ, у того, кто получить истинное мнѣніе о чемънибудь, душа хотя и мыслить истину, однако не познаетъ, такъ какъ тотъ, кто не можетъ дать и принять слова о чемънибудь, въ этомъ не свѣдущъ; а тотъ, кто присоединяетъ объясненіе, не только способенъ на все это, но имѣетъ и совершенное знаніе“.

Точность передачи этого ученія Платонъ ставитъ на видъ съ особою силою ¹¹¹³), Аристотель называетъ его Антистееновскимъ, и его свидѣтельство почти буквально совпадаетъ съ Платоновымъ ¹¹¹⁴). Въ виду этого нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе тѣхъ мнѣній, которыя относятся

¹¹¹³) Кромѣ предыдущаго, *ibid.* 202, C: οὕτω σὺ τοῦνόντιον ἢ ἄλλως ἀκήκοας;—Οὕτω μὲν οὖν παντάπασιν.

¹¹¹⁴) *Metaph.* VIII, 3, 1043 b, 23: ὥστε ἡ ἀπορία, ἣν οἱ Ἀντισθένοι καὶ οἱ οὕτως ἀπαίδευτοι ἠπόρουσιν, ἔχει τινὰ καιρὸν, ὅτι οὐκ ἔστι τὸ τί ἐστιν ὀρίσασθαι, ἀλλὰ ποῖον μὲν τί ἐστιν ἐνδέχεται καὶ διδάξαι, ὥσπερ ἄργυρον τί μὲν ἐστιν, οὐ, ὅτι δ' οἶον καττίερος. ὥστ' οὐσίας ἐστὶ μὲν ἡς ἐνδέχεται εἶναι ὄρον καὶ λόγον, οἶον τῆς συνθέτου, ἐάν τε αἰσθητῆ ἐάν τε νοητῆ ἢ ἐξ ὧν δ' αὐτῆ πρώτων οὐκ ἔστιν.

его къ Пифагорейцамъ ¹¹¹⁵). Важнѣе для насъ поставить на видъ неосновательность приѣма тѣхъ критиковъ, которые связываютъ его съ изложеннымъ выше учениемъ еристиковъ въ „Софистъ“ ¹¹¹⁶). На самомъ дѣлѣ между этими двумя учениями не только нѣтъ никакой связи, но они прямо исключаютъ одно другое. По Антисѣену, непознаваемы лишь основные элементы вещей, самыя же вещи, какъ сложенные изъ элементовъ, допускаютъ опредѣленіе, а слѣдовательно и сужденія; нельзя наприимѣръ, говорить о томъ, изъ чего состоитъ человѣкъ, но можно говорить о самомъ человѣкѣ. По еристикамъ, о человѣкѣ нельзя говорить ничего кромѣ лишь того, что онъ человѣкъ; сложная вещь для нихъ имѣетъ поэтому тоже значеніе, какое для Антисѣена элементъ ¹¹¹⁷).

Зная, съ какой свободой Аристотель обходился съ учениями предшествовавшихъ ему философовъ, можно думать, что ученіе о тождественныхъ предложеніяхъ въ томъ видѣ, какъ онъ его излагаетъ, Антисѣену не принадлежало, а было навязано ему самимъ Аристотелемъ по сближенію еристического ученія съ Антисѣеновымъ.

Платонова критика только что изложеннаго ученія распадается на двѣ части: критику принципа ученія и критику построеннаго на этомъ принципѣ опредѣленія знанія, какъ правильнаго мнѣнія съ объясненіемъ.

Первая сводится къ тому, что если непознаваемы элементы, то должны быть непознаваемы и сочетанія ихъ, какъ въ томъ случаѣ, когда сочетаніе есть лишь простая сумма, такъ и въ томъ, когда чрезъ него получается новое образованіе. Не зная, что такое С и О, мы не можемъ знать и того, что такое СО; новое неразложимое образованіе съ логической точки зрѣнія не отличается отъ элемента ¹¹¹⁸).

Во второй части Платонъ, „что бы не обвинять легкомысленно въ пустословіи того, кто далъ изслѣдуемое опредѣленіе“ ¹¹¹⁹), раз-

¹¹¹⁵) Ниже, пр. 1117.

¹¹¹⁶) Brandis, Handb. d. gr. r. Ph. II a, 202 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 294, 1.

¹¹¹⁷) На невозможность отождествлять то и другое ученіе указываетъ также Campbell, Theaetetus of Plato, 2-nd. ed. Oxf. 1883, XXXV, который однако думаетъ, что въ ученіи объ элементахъ Платонъ „цитуетъ какого нибудь Пифагорейца“.

¹¹¹⁸) Theaet. 202, D—206, B.

¹¹¹⁹) Ibid, 206, E: μή τοῖνον ῥαδίως καταγγεώσκωμεν τὸ μὲν εἶρηκεῖν τὸν ἀπορημένον ἐπιστήμην, ὃ οὖν σκολοῦμεν. 208, C.

Гомеопатія какъ медико-философская система въ ея прошломъ и въ настоящемъ.

Глава III.

Similia similibus curentur.

„Возьмите какой нибудь случай болѣзни, опишите его, согласно руководству *Органона*, спеціально по всѣмъ находимымъ симптомамъ настолько точно, чтобы самъ основатель гомеопатіи не могъ найти недостатковъ въ точности изображенія, и примѣните наиболѣе подходящее къ нему гомеопатическое лекарство въ такой дозѣ, какая требуется этимъ ученіемъ, *устранивъ при томъ, какъ гласить точное предписаніе, всѣ постороннія лекарственныя вліянія на больного* и пристыдите,—если оно не поможетъ, не поможетъ скоро, не поможетъ нѣжно, не поможетъ прочно,—пристыдите, говорю я, представленіемъ скрѣпленныхъ, сообразно дѣлу, исторій леченія (*Кур—Geschichte*), согласно *строга выполненному гомеопатическому ученію*“ . . .

„Если затѣмъ, на основаніи вашего добросовѣстнаго образца, всякій другой, тоже добросовѣстный и внимательный медицинскій изслѣдователь найдетъ тоже самое, *если при точномъ выполненіи гомеопатическаго ученія, не исполнится все, имъ обѣщанное*—то послѣ этого гомеопатія совершенно погибла; она погибла, разъ не въ состояніи помогать и при томъ отнѣнно помогать.“

„Или знаете ли лучше, господа на цеховой оппозиціонной скамьѣ, какимъ образомъ этому заколдованному ученію съ его истинами, про­низывающими душу даже слишкомъ вооруженнаго стараго и новаго догматика—*igneae inest vis et coelestis origo!*—какъ этому ученію,—

второе, по достовѣрному признанію, требуетъ только апелляціи къ безпристрастію и здравомыслію человѣка, чтобы найти доступъ къ неспорченному чувству,—можно добиться неминуемо цѣлебнаго результата, при точномъ выполненіи предписаній и такимъ образомъ восторжествовать надъ всякимъ упорствомъ? Знаете ли лучше, господа, какъ иначе и сильнѣе можно-бы выразить это ученіе?“ (*Notu bene für meine Recensenten. Reine Arzneimittellehre* III, 6—8).

Такъ писалъ Ганеманнъ по адресу своихъ противниковъ изъ Лейпцига въ письмѣ, помѣченномъ 17 февраля 1817 г. И какъ разъ въ то же самое время онъ *денно и ночью* занятъ былъ, какъ мы знаемъ, „безпрестаннымъ размышленіемъ, неутомимыми изслѣдованіями, вѣчнымъ наблюденіемъ и точнѣйшими опытами“, чтобы разрѣшить для блага человѣчества загадку . . . , почему неизлечимы хроническія болѣзни при употребленіи всѣхъ возможныхъ гомеопатическихъ средствъ. А нѣсколько лѣтъ спустя, онъ самъ уже выступить съ критикой своего леченія этихъ болѣзней, заявивъ о полной его безуспѣшности, „даже если оно точно проводилось по правиламъ до сихъ поръ извѣстнаго гомеопатическаго искусства. Начало леченія было отрадно, продолженіе менѣе благопріятно, исходъ безнадеженъ“ (*Die Chr. Krankheiten. I, 6*).

Тѣмъ не менѣе, не смотря на свои слишкѣмъ ярвія отрицательныя стороны, гомеопатія еще при жизни своего основателя получила доступъ и распространеніе въ публикѣ, а затѣмъ нашла послѣдователей и среди врачей. Причину этого нужно прежде него искать въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ исторической эпохи. При всеобщей политической ломкѣ и броженіи умовъ въ бурный періодъ революціи, характеръ и задачи новаго ученія должны были какъ нельзя болѣе прійтись по вкусу публикѣ. Вѣдь авторъ гомеопатіи имѣлъ въ виду реформировать медицину, очистивъ ее отъ противорѣчащихъ другъ другу теорій и объединивъ ее въ чисто *практическомъ* направленіи. Успѣхъ приѣма методиковъ, особенно же Фессала, борющихся въ древности съ Гиппократической школой посредствомъ популяризаціи медицины, уже разъ показалъ, чего можно достигнуть врачу, льстя и угождая толпѣ. И Ганеманнъ не пріминулъ воспользоваться этимъ урокомъ. Въ популярномъ изложеніи *Органона*, въ полемическихъ статьяхъ, при всякомъ конфликтѣ съ врачами, онъ никогда не терялъ изъ виду значенія *толпы*, которой не могла не

льстить постоянная апелляція *ученаго философа* къ ея здорову смыслу. Находчивость и поразительный апломбъ новатора чрезвычайно импонировалъ вѣчно недовольной, вѣчно жадной до всего новаго и чудеснаго, публикѣ, которая, чѣмъ меньше разумѣла суть дѣла и значеніе дебатовъ, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ и энтузіазмомъ относилась къ словамъ искуснаго демагога-реформатора и тѣмъ съ большей готовностью доставляла ему прозелитовъ изъ своей среды. „При недостаткѣ логическаго образованія и пониманія фактовъ, научныя основанія и противопоставленія по большей части не могли быть убѣдительными для толпы“, справедливо замѣчаетъ проф. Wunderlich. „Во всѣхъ такихъ случаяхъ оставалось надѣяться на теченіе времени и на пробужденіе никогда не угасающаго чувства стыда“ (Geschichte der Medicin, S. 279). Если прибавить къ этому *эклети-ческий* характеръ ученія Ганеманна, то мы поймемъ, почему оно сгруппировало въ кругъ своего девиза „*Similia similibus*“ людей различныхъ степеней развитія, съ различными политическими убѣжденіями и религиозными вѣрованіями. „Любителя *мистицизма*, по словамъ проф. Wunderlich'a, новое ученіе влекло, такъ какъ ему открывалась новая неслыханная тайна природы—повышеніе силы при дѣленіи матеріи. Противникъ *материализма и чувственаго* пониманія находилъ удовлетвореніе въ смѣхѣ, съ которымъ встрѣчалось каждое реальное изслѣдованіе. *Върующее* чувство было назидаемо, такъ какъ ему преподносилось нѣчто непонятное, слѣдовательно тѣмъ болѣе имѣющее претензіи на вѣру; сравненіе новаго ученія съ протестантизмомъ, при сопоставленіи его со старой католической медициной, вело послѣдователя въ лагерь гомеопатовъ. Считавшій себя безъ дальнѣйшихъ разсужденій *любителемъ природы* удовлетворялся тѣмъ, что системѣ природы не придавалась сила, провозглашавшій же свою *терпимость* въ крайнемъ случаѣ могъ, что называется, слѣдовать обѣимъ партіямъ. *Революционеръ* склонялся въ пользу гомеопатіи нападками на все опредѣленное и настоящее, а *либералъ*—полицейскимъ преслѣдованіемъ и притѣсненіемъ новаго ученія; для строгихъ *консерваторовъ* строгія предписанія гомеопатіи казались менѣе опасными, чѣмъ перспектива анархіи, которую несло съ собой свободное развитіе науки. Многимъ импонировала *строгая діета*, другіе рады были, вмѣсто плохихъ на вкусъ лекарствъ, принимать только изрѣдка безобидную гранюльку. Особенности мудрецы выводили заключеніе,

что гомеопатія по меньшей мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ полезна, другіе же чрезвычайно охотно мѣняли съ врачомъ и его методъ, такъ какъ имъ никогда не удавалось понять задачу и средства медицины. Многимъ импонировалъ успѣхъ при *самодѣльными* болѣзняхъ или же улучшеніе таковыхъ, которыя чрезмѣрно пичкались медикаментами. Тяжкіе больные и *неизлечимые* хватались за соломинку, сулившую имъ помощь, а въ посулахъ гомеопатія никогда не была застѣнчива“ (Wunderlich, S. 279—80).

При такомъ положеніи дѣлъ, врачи, очевидно, не могли оставаться безучастными зрителями совершавшагося предъ ихъ глазами. По самому существу дѣла и по своему пониманію, они должны были иначе отнестись въ гомеопатіи, чѣмъ обыкновенная публика. Они не должны были руководствоваться лишь симпатіями, модой или слѣпой вѣрой въ авторитетъ учителя. Но степень общаго развитія и спеціальнаго образованія, характеръ и разнаго рода *личныя* соображенія и интересы играли у врачей, какъ и у публики, не послѣднюю роль въ ихъ отношеніяхъ къ возникшему ученію. Слѣдя за дѣятельностью Ганеманна и кружка его послѣдователей, принявшаго имя „всеобщаго гомеопатическаго союза“, большинство серьезныхъ и нравственныхъ врачей стало въ оппозицію къ гомеопатіи: односторонній мистицизмъ, непослѣдовательность и противорѣчія ея не могли внушать ни особеннаго сочувствія, ни довѣрія, а претенціозность ея и приемы вербовки адептовъ посредствомъ зазывающихъ прокламацій и пасквилей по адресу противниковъ могли только отталкивать отъ нея врачей. При всемъ томъ и среди ихъ нашлись послѣдователи Ганеманна. Чисто практическое направленіе, новизна идей, простота его ученія и, вѣроятно, другія соображенія, побудили недовольныхъ современной теоретизирующей медициной применить къ новому движенію, сулившему дать „новые прочные устои для мирнаго и широкаго развитія благодѣтельнаго искусства“. Гуфеландъ (1762—1836) былъ въ числѣ первыхъ, который нашелъ „нѣчто истинное“ въ новомъ ученіи и открылъ было страницы своего журнала для пропаганды его. Гуфеландъ, по словамъ проф. Wunderlich'a, былъ образцемъ электива. „Смирный, благомыслящій, склонный къ сентиментальности, онъ болѣлъ душой при видѣ борьбы въ наукѣ, не понимая того, что безъ противоположеній не мыслимо никакое разъясненіе. Какъ человѣку науки, ему не доставало тонкости логики и довѣрія

въ побѣдоносной силѣ истины. Онъ принадлежалъ къ числу хотя талантливыхъ, но уступчивыхъ натуръ, которымъ импонируетъ всякая партія и которымъ никогда не удается сдѣлать выборъ между различными мнѣніями. Поэтому, воспринимая отъ каждаго изъ нихъ отрывки, они называютъ этотъ путь золотой серединой. Гуфеландъ былъ человѣкъ мира во что-бы то ни стало и, вслѣдствіе своего неутомимаго стремленія къ миру, онъ вездѣ вовлекался въ борьбу и въ несправедливую полемику противъ отдѣльныхъ личностей, доходя въ ней до фанатизма. Недостаточность критики оказывала ему плохую услугу и онъ вездѣ, во всѣхъ отдѣльныхъ вопросахъ, бралъ подъ свое покровительство ничтожества и подозрительно относился къ истинному прогрессу. Поэтому, ему часто приходилось противорѣчить своимъ прежнимъ взглядамъ.—Онъ рекомендовалъ гомеопатію, животный магнетизмъ и магическую медицину; дѣйствіе минеральныхъ водъ онъ искалъ въ „водяномъ духѣ“ (Brunnengeist), былъ усерднѣйшимъ защитникомъ жизненной силы и жизнениости крови. Неясныя понятія о жизненной силѣ, о реакціи находили у него постоянную рекомендацію. Съ другой стороны, выступивъ противъ Броуна, онъ въ своей полемикѣ пренебрегъ основными положеніями послѣдняго. Онъ оспаривалъ у Broussais локализацию болѣзней, отрицалъ патологическую анатомію, аускультацию, фізіологическій и патологическій экспериментъ съ вивсекціями“ (Wunderlich, S. 291). Таковъ былъ Гуфеландъ, который, при своемъ положеніи и вліяніи въ качествѣ лейбъ-медика и врача берлинской Шаритѣ, взялъ гомеопатію подъ свое покровительство и оказалъ своимъ именемъ чрезвычайное содѣйствіе распространенію ея. Правда, спохватившись, онъ отерылъ потомъ страницы своего *Журнала* для критики гомеопатіи, но Ганеманнъ и его послѣдователи уже успѣли эксплуатировать его вліяніе въ свою пользу, особенно среди врачей.

Еще въ 1816 г. нѣкоторые изъ практиковъ-врачей г. Лейпцига и окрестностей перешли на сторону Ганеманна, а въ 1822 г., противъ его воли, Морицъ Мюллеръ, Штапфъ и Гроссъ начали издавать „Archiv für homöopathische Heilkunde“, первый органъ новаго ученія, болѣе извѣстный подъ именемъ „*Архива Штапфа*.“ Въ 1829 г. образовался „*всеобщій гомеопатическій союзъ*“, центромъ котораго былъ Лейпцигъ. *Союзъ* началъ энергично работать надъ распространеніемъ гомеопатіи и вскорѣ прозелиты ея стали появляться и внѣ Германіи.

Преслѣдованіе секты и запрещеніе практики гомеопатамъ естественно только усиливали спросъ на *модныхъ* врачей, а публикованіе ими разнаго рода чудесныхъ исцѣленій подогрѣвало интересъ и увлеченіе толпы. Вскорѣ начали испытывать новый методъ въ госпиталяхъ и даже отерывать спеціальныя больницы для гомеопатическаго леченія, какъ—въ Лейпцигѣ и въ Вѣнѣ. Конечно, отъ вниманія врачей не могли укрыться односторонность, крупныя недостатки и противорѣчія въ новомъ ученіи. Но лишь немногіе изъ нихъ настолько обладали присутствіемъ духа и прямою характеромъ, чтобы указать на нихъ открыто и, сознавъ свое заблужденіе, отречься отъ него. Эти нравственныя мотивы, рядомъ съ вліяніемъ учителя, догматизмъ котораго давилъ всѣхъ и все, до поры до времени наружно поддерживали строгій порядокъ и повиновеніе въ общинѣ, которая все разрасталась. Но изданіемъ „Хроническихъ болѣзней“ Ганеманнъ нанесъ первый чувствительный ударъ гомеопатіи и поколебалъ свой престижъ въ глазахъ учениковъ и послѣдователей. Возвращеніе къ онтологическимъ понятіямъ и къ причинности болѣзни въ *теоріи псоры*, столь противорѣчившей всему эмпирически-виталистическому строю его ученія, было сигналомъ для недовольныхъ элементовъ гомеопатической общины, чтобы положить предѣлъ крайнему догматизму и притязательности главы. Ближайшій и удобный предлогъ къ этому доставилъ самъ Ганеманнъ. Въ письмѣ изъ Кѣтена, присланномъ въ „Лейпцигскій листокъ“ (Leipziger Tageblatt) 3-го ноября 1832 г., Ганеманнъ разразился такими ругательствами по поводу избранія Моритца Мюллера директоромъ Лейпцигскаго гомеопатическаго госпиталя, что полицейскій цензоръ „Листка“ вынужденъ былъ затереть отдѣльныя выраженія письма. Съ тѣхъ поръ междуусобіе и взаимныя обличенія среди отдѣльныхъ членовъ гомеопатической общины стали зауряднымъ явленіемъ. „Бездной грязи, сплетень и интригъ отмѣчена первоначальная исторія гомеопатіи въ Савсоніи, говоритъ очевидно происходившаго тамъ—историкъ проф. Wunderlich, и самый госпиталь, начавшій свое существованіе скандаломъ, нивогда не шелъ успѣшно, а спустя 4 года подвергся вторичному безчестію учиненіемъ колоссальнаго скандала“ (Wunderlich, S. 281). Бывшій главный врачъ этого госпиталя *Фикель* въ отдѣльной брошюрѣ (Directer Beweis von der Nichtigkeit der Homöopathie als Heilsystem für Aerzte und Nichtaerzte v. Dr. R. W. Fickel, ehem. dirigirendem Oberarzte

an der homöopathischen Heilanstalt zu Leipzig.“ 1840) „выяснилъ не только полное ничтожество и шарлатанизмъ метода, какъ таковаго, но и снялъ маску съ его августовъ—послѣдователей предъ врачами и публикой“, замѣчаетъ Кёрре. Подъ псевдонимомъ L. Неупе, *Фивель* опубликовалъ рядъ испытаній лекарствъ съ приложеніемъ исторій болѣзни, яеобы подтверждающихъ дѣйствительность этихъ средствъ. Это продолжалось не долго, такъ какъ со всѣхъ сторонъ появились публикаціи гомеопатовъ-врачей, которые не только получали благопріятные результаты при леченіи болѣзней средствами, указанными Фивелемъ, но и вполне подтверждали появленіе приписанныхъ этимъ средствамъ симптомовъ. Тогда-то выступилъ Фивель со своей брошюрой, въ которой онъ, признавъ свое тожество съ L. Неупе, заявилъ, что вся его симптоматологія вовсе *неизслѣдованныхъ* лекарствъ, равно какъ приложенныя къ ней исторіи болѣзни—*имъ цѣлкомъ измышлены*. Выходить, что другіе гомеопаты-испытатели наблюдали лекарственные симптомы и видѣли цѣлебное дѣйствіе средствъ, *сочиненныхъ* Фивелемъ. Кромѣ того, авторъ брошюры разоблачилъ, что въ случаяхъ *дѣйствительнаго излеченія*, гомеопаты *тайно* практиковали средства раціональной медицины, приписывая полученную отъ нихъ помощь гомеопатическимъ разведеніямъ лекарствъ (Кёрре, S. 86, 89).

Послѣ того со всѣхъ сторонъ посыпались критическія замѣчанія гомеопатовъ по адресу учителя. Какъ извѣстно, основатель гомеопатіи, утверждая полную несостоятельность современной ему медицины съ ея испытаніями лекарствъ у постели больнаго и экспериментами на животныхъ, не могъ совершенно отрицать значенія результатовъ клиническихъ наблюдений и случаевъ отравленій для своихъ патогенезовъ, хотя придавалъ имъ второстепенное, лишь подтверждающее, значеніе, сравнительно съ испытаніями лекарства у здороваго (Фармакодинамика Юза, стр. 31, 32). Между тѣмъ его ученикъ *Schroen* въ Гофѣ, признавая преимущество гомеопатическаго метода, въ то же время считаетъ и *антипатическій* способъ дѣйствія лекарствъ (раціональной медицины) научнымъ и практически обоснованнымъ и потому не только примѣнимымъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ необходимымъ. Онъ смотритъ на гомеопатію не какъ на медицину, а лишь какъ на конкретный специфическій методъ, подчиненный общимъ законамъ медицины. Онъ считаетъ необходимымъ

присоединить къ испытанію лекарствъ надъ здоровымъ и наблюденія надъ ихъ дѣйствиємъ у *постели больного*, требуетъ діагноза болѣзни, считаетъ ненаучнымъ методъ Ганеманна „покрывать“ симптомы, различаетъ между ними первичные и вторичные, ставитъ вмѣсто понятія подобія „согласіе“—конкретную *специфичность* въ процессу болѣзни, признаетъ *чудовищной* теорію динамизаціи, порицаетъ высокія дозы, высказываясь за малыя—и болѣе частое ихъ повтореніе и пр.—*G. L. Kai* въ своемъ новомъ *Органонѣ* тоже придаетъ значеніе діагнозу, этиологіи, семіотивѣ, порицаетъ леченіе по внѣшнимъ признакамъ, какъ симптоматическое, признаетъ *ближайшую причину* настоящимъ объектомъ леченія; подобіе, по его мнѣнію, собственно принадлежитъ динамическимъ отношеніямъ къ даннымъ симптомамъ и органамъ. Онъ отвергаетъ теорію псоры, придаетъ значеніе цѣлительной силѣ природы, условно допускаетъ необходимость остальныхъ методовъ, особенно *отвлекающаго*, требуетъ большаго *упорядоченія симптомовъ* при испытаніи лекарствъ, порицаетъ теорію динамизаціи (развитіе скрытыхъ силъ при разведеніи, по его мнѣнію, есть единственная причина усиленія дѣйствія посредствомъ увеличенія экстенсивности, но не интенсивности); онъ полагаетъ сущность гомеопатіи не въ малыхъ дозахъ и пр. Последняго взгляда придерживается и *Trinks*, который борется съ безсмысліемъ и мистицизмомъ въ гомеопатіи, стоитъ за большія дозы, обрабатываетъ, совмѣстно съ *Noack*’омъ, ученіе о лекарствахъ въ *научномъ духѣ*, присоединивъ цѣнный матеріалъ, *заимствованный имъ отъ рациональной медицины*.—Еще дальше на пути преобразованія гомеопатіи пошелъ *Griesselich*, который съ 1836 г. былъ редакторомъ гомеопатическаго журнала „*Hugaea*“. Остроумный, ѣдкій, неутомимый и опасный противникъ мистицизма и тонкостей, *Griesselich*, по словамъ Гиршеля, поражалъ на голову сторонниковъ догматизма и всякихъ эксцентричностей, поднялъ значеніе гомеопатіи, какъ специфической школы, былъ ужасомъ послѣдователей динамизаціи, изопатіи и тому подобныхъ наростовъ въ гомеопатіи, въ которыхъ не было недостатка. Даже самъ основатель гомеопатіи не былъ имъ пощажень и получилъ отъ него эпитетъ „глупца и стараго болтуна“ (*Wunderlich*, S. 281). *Griesselich* сгруппировалъ около себя рациональныхъ и научныхъ гомеопатовъ, между которыми южно-германскіе и саксонскіе отличались особеннымъ свободомысліемъ. Съ своей стороны и Ганеманнъ не оставался въ долгу: онъ громить от-

ступникоѡ отъ его воззрѣній, какъ еретикоѡ, и, третируя южно-германскихъ раціоналистоѡ какъ *помесь и ублюдковъ* („*Mischlinge u. Bastardhomöopathen*“), называетъ ихъ „легковѣрнымъ и вреднымъ отродьемъ.“

„Такимъ образомъ, говоритъ гомеопатъ Гиршель, отчасти путемъ испытанія лекарствъ, отчасти посредствомъ клиническаго опыта, частью же теоретическими разъясненіями съ критическимъ разборомъ и чиствой, на зданіе гомеопатіи со всѣхъ сторонъ наложена была тяжелая рука, и пункты, которые Ганеманнъ раньше признавалъ существенными, подверглись большимъ измѣненіямъ. *Rau* въ надлежащей мѣрѣ ограничилъ отрицаніе цѣлительной силы природы, а что комплексъ симптомовъ не есть единственная вещь, заслуживающая вниманія при леченіи—уже самъ Ганеманнъ сдѣлалъ косвенную поправку. *Rau* училъ придавать цѣну симптомамъ, а *M. Müller, Mosthaff, Watzke, C. Hering*—наиболѣе характернымъ изъ нихъ. Исторіи и развитія болѣзни потребовалъ *P. Wolf*, физиологіи и патологіи—*Schrön*, этиологіи, семіотики, діагностики—*Griesselich*, тщательнаго сравненія—*Rummel, Helbig*, рефлексіи при этомъ—*Kurz* Ганеманновская теорія псоры уже болѣе никѣмъ не признавалась. Односторонній динамизмъ оспаривался позднѣйшими изслѣдованіями; *v. Grauvogl*, въ своемъ новѣйшемъ извѣстномъ трудѣ „*Die Grundgesetze der Physiologie, Pathologie u. homöopathischen Therapie*“, очень определенно присягнулъ *материалистическимъ* воззрѣніямъ; на отношеніе лекарственнаго дѣйствія въ болѣзненному процессу налегалъ уже *Schrön*. Объясненіе „*Similia similibus*“ Ганеманна и другихъ понималось, какъ теоретическая попытка. Напротивъ, понятіе подобія третируютъ какъ „*специфическое согласованіе*“ *Kurz, Roth, Schrön, Martin, Griesselich, Watzke, W. Arnold, Hirschel* и др. Точныя наблюденія и основательныя разъясненія *Rummel*'я, *Kurtz*'а, *Schrön*'а, *Schneider*'а, *Trinks*'а, *Goullon*'а, *G. Schmid*'а и др. противорѣчили Ганеманновской теоріи „ухудшенія“ болѣзни. Но болѣе всего раздѣлила послѣдователей гомеопатіи теорія динамизаціи: *Trinks, Werber, Rau* были самыми ранними противниками ея. Искусственное дѣленіе лекарственныхъ эффектовъ на первичные и вторичные оспаривали *C. Hering, Kurz, Trinks, Piper, Watzke, Helbig*, такъ какъ въ нихъ терялась цѣлость дѣйствія лекарства. Недостатки гомеопатическихъ испытаній лекарствъ сильно порицались гомеопатами,—не

меньше, чѣмъ ихъ противниками. Предписанія Ганеманна относительно леченія одностороннихъ страданій совершенно оставлены. Болѣе частое повтореніе лекарствъ, отъ котораго такъ настойчиво отговаривалъ Ганеманнъ, рекомендовали *Aegidi, Hartlaub, Wolf*. Ученіе о дозѣ сильно модифицировали *Aegidi, Rummel, Stapf, Kurz, I. E. Veith, G. Schmid, Veschemeyer* и др. (очень многіе пользовались, вмѣсто сотенной швалы, десятичными разведеніями лекарствъ). Въ качествѣ противниковъ высокаго потенцірованія извѣстны: *Schrön, I. O. Müller, Kaesemann*, а на основаніи практическихъ изслѣдованій: *Trinks, Wolf, Hartmann, Johansen, Goullon, Atto-my, Cl. Müller, Roth, Arnaud, Molin, Griesselich* (*Hirschel's Compendium der Geschichte der Medicin. 1862., S. 363—65*).

Слѣдовательно, „въ частности такъ много выпущено и отброшено, что едва ли что нибудь уцѣлѣло отъ первоначальнаго ученія Ганеманна“, говоритъ проф. Wunderlich. „Теоретическія воззрѣнія его (именно теорія псоры и динамизаціи) пунктъ за пунктомъ устранены, кровопусканія, слабительныя и рвотныя вновь допущены, разведеніе дозъ очень ограничено, приемы повторяются чаще, большею частью каждый день; лекарства часто мѣняются, діета формулируется менѣе строго. Лучшіе изъ ново-гомеопатовъ, а именно Баденская школа, не упустили при этомъ изъ виду діагностики и патологической анатоміи. Вмѣстѣ съ симъ частная патологія снова обработана цѣликомъ по старому методу, картины болѣзней восстановлены, къ нимъ примѣнены эмпирическія средства. Различныя безсмыслицы Ганеманна при этомъ были уничтожены, но вмѣстѣ съ симъ опять приняты многія нелѣпости старой школы, противъ которыхъ возставалъ не безъ права Ганеманнъ. У многихъ изъ ново-гомеопатовъ ничего болѣе не осталось, какъ только имя и особенность установленія лекарственнаго показанія посредствомъ испытаній на здоровомъ (критерій по меньшей мѣрѣ низкопробный и ошибочный), вслѣдствіе чего при болѣзняхъ удержаны малыя дозы отдѣльныхъ лекарствъ, которыми они не разнились отъ Ганеманна. Нѣкоторые, поэтому, шарлатански избѣгали даже имени *гомеопатъ* и называли себя „специфизами“ (Wunderlich, 281—2).

Вотъ тѣ послѣдствія, къ которымъ привело знакомство съ методомъ Ганеманна и принятіе его врачами. Эклектическій характеръ, противорѣчія и догматизмъ его ученія повели за собой образованіе

въ гомеопатіи отдѣльныхъ фракцій, враждовавшихъ другъ съ другомъ, сходящихся между собой въ признаніи, либо въ отрицаніи того или другаго пункта гомеопатіи, нерѣдко превосходившихъ учителя мистицизмомъ и произволомъ ихъ философскаго мышленія. „Вопреки особенному стремленію въ позитивному, Ганеманнъ привнесъ столько догматизма въ гомеопатію, говоритъ Гиршель, что неудивительно, если оказываются *тщетными все усилія найти единство мнѣній въ этой школѣ*. Напротивъ, борьба различныхъ партій по поводу извѣстнаго пункта является *intra muros* гомеопатіи также ожесточенной, какъ и съ внѣшними врагами. Есть между гомеопатами *крайняя лѣвая* фракція, обнимающая скептиковъ, близкихъ по своему невѣрію къ физиологической школѣ и признающихъ электизмъ. За тѣмъ идетъ *лѣвая и лѣвый центръ*, т. е. все возрастающая партія раціоналистовъ и научныхъ гомеопатовъ, культивирующихъ гомеопатію изъ убѣжденія, которые, реформируя ее, идутъ впередъ и занимаются реальными предметами въ области физиологіи, патологіи и особенно діагностики. По численности эта партія равняется *правой и правому центру*, куда принадлежатъ эмпирики и ортодоксы, строго слѣдующіе Ганеманну и особенно его высокимъ дозамъ. Съ крайней лѣвой по числу равняется *крайняя правая*, заключающая въ себѣ мистиковъ и глупцовъ, шарлатановъ, піэтистовъ, одистовъ, магнетизеровъ, въ родѣ *A. Lutze* ¹⁾, которыхъ презираютъ лучшіе изъ гомеопатовъ. Партія раціоналистовъ и научныхъ гомеопатовъ *замѣтно* возрастаетъ въ числѣ и почти исключительно господствуетъ въ литературѣ“ (Hirschel., S. 366).

Признавъ раціоналистовъ представителями *современной* гомеопатіи, Гиршель продолжаетъ: „Новѣйшая (гомеопатическая) школа, также какъ и старая аллопатическая, признаетъ необходимость анатомо-физиологическаго основанія, придаетъ значеніе цѣлительной силѣ природы, благотѣльности вризъ и пр., считаетъ необходимымъ діа-

¹⁾ Вотъ что писалъ *A. Lutze* въ 1872 г. по поводу значенія анатоміи для медицины: „желающій обогатиться знаніями въ ней (анатоміи), пусть наблюдаетъ мясника при убиваніи свиньи. Кто полагаетъ, что онъ при леченіи болѣе нуждается въ анатоміи, тотъ заблуждается или безумствуетъ, болтая о вещахъ, неизмѣющихъ никакого значенія“ (Körpere's Die Homöopathie Hahnemann's u. die der Neuzeit“, s. 41).

гнозъ болѣзни, изслѣдованіе ея характера на ряду съ симптомомомъ плеомомъ. Гомеопатъ также интересуется внутренними и внѣшними этиологическими моментами, процессомъ и теченіемъ болѣзни; патолого-анатомическія основанія, локалізація (система, органъ), физическая и психическая разновидность болѣзни, теллурическія, міазматическія и эпидемическія вліянія—для него необходимые объекты. Диагнозъ болѣзни совершается здѣсь также, какъ и въ старой школѣ и даже необходимѣе, такъ какъ гомеопатія должна имѣть и диагнозъ средства, которое, по возможности, должно согласоваться съ болѣзнью, т. е. быть подобнымъ. Но если эта школа не принимаетъ отраженія на гипотетическую сущность болѣзни за руководство своей дѣятельности (вслѣдствіе чего и отрицаетъ теорію псоры) и придерживается объективной фізіо-патологической и конкретно-специфической стороны въ болѣзняхъ, то она имѣетъ опредѣленную цѣль своихъ дѣйствій. Гомеопатія отвергаетъ всякія обобщенія и требуетъ индивидуальнѣйшей специализаціи, она не имѣетъ общаго метода противъ видовыхъ болѣзней, а только специфическія средства противъ конкретнаго и потому реализируетъ уже столь давно намѣченную въ терапіи цѣль, которую Парацельсъ понималъ яснѣе другихъ, именно—*специфичность*, даже при всѣхъ недостаткахъ, какіе влечетъ за собой субъективность, неопредѣленность закона подобія и кратковременное испытаніе лекарствъ. Это *понятіе специфичности, столь отличное отъ общей специфичности старой школы*, не должно бы отдѣлять послѣднюю отъ гомеопатіи, такъ какъ лучшіе врачи всѣхъ временъ признавали въ спецификахъ наиболѣе прочную цѣлебную силу. Еще менѣе должны раздѣлять ихъ другъ съ другомъ *испытанія лекарствъ надъ здоровыми*, такъ какъ эти чисто фізіологическія изслѣдованія только и могутъ привести въ истиннымъ собственно лекарственнымъ силамъ, что признаетъ уже Jörg, а въ новѣйшее время—Siebert, Schroff, Норре и др. Что касается, наконецъ, *формы и дозы* лекарствъ, то раціональные гомеопаты объясняли это такимъ образомъ, что разъ дѣло идетъ о *выборъ средства*, а не о сущности гомеопатіи, то все равно, назначаютъ ли большія или меньшія дозы, порошки ли, тинктуры или настойки, лишь бы только было соблюдено *подобіе*, т. е. специфическое отношеніе средства къ *мѣсту и роду* болѣзни.“ (Hirschel. S. 367).

„Слѣдовательно, принципъ „*Similia similibus*“ остается самымъ

важнымъ признакомъ новѣйшей школы; его понимаютъ не только въ смыслѣ внѣшняго подобія симптомовъ, но какъ *сходство между болѣзню и средствомъ, основанное на локализациіи, характеръ, теченіи* и т. д., такъ какъ одного *физиологическаго подобія, безъ включенія патологическаго характера, недостаточно*. Всѣ усилія объяснить принципъ и наступленіе излеченія при этомъ методѣ тщетны отъ того, что, вѣроятно, *способъ дѣйствія цѣлительнаго процесса* при „Simile“ очень *разнообразенъ* и естественнѣе принять, что подобіе даетъ только точку опоры, *критерій*, при выборѣ средства, коль скоро оно (какъ симптомы при распознаваніи болѣзни и лекарственнаго дѣйствія) служить *индикаціей*, приводя насъ къ специфическимъ направленіямъ и жизненнымъ дѣятельностямъ, которыя возбуждаетъ средство. Но такъ какъ эти специфичности въ свою очередь зависятъ отъ различныхъ системъ, органовъ и болѣзненныхъ процессовъ, то чисто физиологическое понятіе фармакодинамики, полученное испытаніемъ у здороваго, есть въ тоже время наилучшее средство, чтобы коснуться специфическихъ разстройствъ прямо, конкретнo специфически и возстановить ихъ къ нормѣ. То, что у здороваго вызываетъ болѣзнь, излечиваетъ ее у больнаго, *такъ какъ и здѣсь и тамъ пораженныя части затроиваются, возбуждаются и измѣняются специфически*. Если съ одной стороны твердо установлено, что тутъ или тамъ цѣлебный эффектъ достигается посредствомъ симптоматическаго, антипатическаго или антагонистическаго, отвлекающаго способа, то, съ другой стороны, непонятно, почему не долженъ имѣть тѣмъ болѣе на это права опирающійся на *чисто физиологическія* возрѣнія специфическій способъ, къ которому приводятъ испытаніе лекарствъ, при тщательномъ обсужденіи вызванной имъ картины болѣзни.“ (Hirschel, S. 368).

„Врачъ лечитъ средствами, а не методами. По какому критерию онъ избираетъ свое средство, по гипотетическимъ ли предположеніямъ о неизвѣстномъ „нѣчто“, или по *реальному* субстрату физиологическаго опыта, находящаго себѣ подтвержденіе въ *клиническомъ* экспериментѣ, зависитъ не отъ того, къ какой врачебной школѣ онъ принадлежитъ, но главнымъ образомъ отъ того, что онъ за врачъ. Не смотря на весь расколъ въ гомеопатической школѣ, она доказала свое единство признаніемъ своего настоящаго положенія и своего истиннаго призванія въ практической медицинѣ и пользуется ими для научнаго обоснованія ученія о лекарствахъ и клиникѣ, въ то время какъ

старая школа видитъ *полную задачу и конецъ своего направленія* въ исключительныхъ правахъ (?!, „in den Concessionen“), которыми гомеопатія опять таки приближается къ врачамъ старой школы. Чтобы составить правильное сужденіе о гомеопатіи, необходимо различать въ ней во 1-хъ *теоретическое содержаніе*: *A*—основныя положенія (испытаніе лекарствъ на здоровыхъ и примѣненіе ихъ согласно „Similia“). *B*—тезисы, *C*—предписанія и правила, во 2-хъ—*практическую сторону* (фармакодинамическій и клинической матеріалъ). Изложенная выше подробная исторія учитъ, что тезисы и предписанія, т. е. догматическая и формальная сторона разнообразно измѣнялась, но изъ основныхъ положеній (Grundsätze), т. е. изъ принципіальнаго и научнаго ни йотой не пожертвовано. Если прибавить къ этому, что гомеопаты прогрессивно занимаютъ отдѣльной ученія о лекарствахъ и устройствомъ клиническихъ опытовъ,—слѣдовательно удѣляютъ свое вниманіе предметамъ, которые до сихъ поръ *оставались и еще будутъ оставаться въ пренебреженіи(?)*, и что они обладаютъ цѣннымъ въ обоихъ отношеніяхъ матеріаломъ, то о гибели гомеопатіи не можетъ быть и рѣчи. Скорѣе умѣстна надежда, что стремленіе къ точному обоснованію терапіи будетъ признано и принято во вниманіе. Безъ сомнѣнія, *ученіе о лекарствахъ еще не есть физиологическое въ полномъ смыслѣ слова* (напр. ему недостаетъ удовлетворительнаго объективнаго содержанія при перевѣсѣ субъективнаго), конечно, *клиника* еще не восторжествовала надъ всѣми заблужденіями и *не вездѣ удовлетворительна* (такъ какъ естественно, что, рядомъ съ натуральнымъ излеченіемъ, встрѣчаются и обманы)“ — *Hirschel's Compendium der Geschichte der Med.*, 368—69.

Таковы въ общихъ чертахъ преобразованія, пережитыя гомеопатіей въ сравнительно короткій періодъ времени, по словамъ историка—гомеопата. *Принципіальныя* положенія, то есть въ сущности законъ подобія, остались не привокновенными. Девизъ „Similia Similibus“ и по настоящее время объединяетъ собой ожесточенно воюющія фракціи гомеопатовъ и остается „признакомъ новѣйшей школы“ также, такъ и во времена Ганеманна. Между тѣмъ догматическая и формальная стороны чрезвычайно и разнообразно измѣнились. Значеніе причины болѣзни и матеріальныхъ разстройствъ организма, роль цѣлительной силы природы и лекарственнаго эффекта въ борьбѣ съ поразившимъ организмъ страданіемъ подверглись переоцѣнкѣ въ новѣй-

шей гомеопатической школь. Каждый изъ этихъ моментовъ какъ будто оцѣненъ по своимъ достоинствамъ и по своему дѣйствительному значенію для процесса исцѣленія, а не съ той предвзятой точки зрѣнія, какую примѣнялъ Ганеманнъ, подгоняя ихъ къ рамкамъ своей теоріи. Само собой, уже а priori, понятно, что такое глубокое измѣненіе строя доктрины и при томъ въ пунктахъ, которые самъ Ганеманнъ признавалъ *существенными*, не могло не отразиться на принципиальной сторонѣ гомеопатическаго ученія. Вѣчный и незыблемый законъ природы, по которому *подобное* лекарство безъ остатка „тушить“ болѣзнь, долженъ былъ принять соотвѣтственно другой видъ. Исходя изъ своего „перваго несомнѣннаго закона природы“, утверждавшаго абсолютную силу лекарства въ отношеніи болѣзнетворной причины, игнорируя значеніе жизненныхъ процессовъ организма, Ганеманнъ рассматриваетъ законъ подобія не только какъ простой *диалогическій* приемъ, на которомъ основывался выборъ лекарственнаго вещества: въ формулѣ „*Similia similibus*“ онъ видѣлъ дѣйствительный законъ природы, по которому совершается самый процессъ исцѣленія (*modus operandi remedium*), посредствомъ „покрыванія“ и погашенія припадковъ болѣзни лекарственными симптомами. Признавъ болѣзнь *динамическимъ* нарушеніемъ жизненныхъ отправленій, отрицая значеніе матеріальныхъ измѣненій и вліяніе болѣзнетворной причины на процессъ излеченія, Ганеманнъ имѣлъ свои основанія придавать высокое значеніе симптомамъ, когда онъ въ § 19 Органона говоритъ: „дѣлительная сила лекарствъ покоится на сходствѣ ихъ симптомовъ съ болѣзью, или другими словами: каждое лекарство, которое въ числѣ своихъ болѣзненныхъ припадковъ, проявляющихся въ здоровомъ до того организмѣ, показываетъ большинство свойственныхъ данной болѣзни симптомовъ, въ состояніи излечить эту болѣзнь найскорѣе, найосновательнѣе и найпрочнѣе.“ Съ динамически-виталистической точки зрѣнія на отправленія здороваго и больнаго организма, при отношеніи послѣдняго къ болѣзнетворной и лекарственной потенціямъ, Ганеманнъ во всѣхъ своихъ теоретическихкихъ разсужденіяхъ, во всѣхъ испытаніяхъ лекарствъ у здороваго и въ своихъ излеченіяхъ видѣлъ доказательство и торжество закона подобія. Его теорія, его „физиологическій“ опытъ и его клиника исходили изъ одной и той же точки и къ ней возвращались: опираясь другъ на друга и взаимно подтверждаясь, они образовали вмѣстѣ съ

закономъ подобія неразрывную цѣпь, въ которой, съ удаленіемъ одного звена, нарушалась гармонія въ цѣломъ. Однимъ словомъ—гомеопатическая доктрина Ганеманна, какъ цѣлое, падала и существовала въ своихъ частяхъ.

Между тѣмъ ученики и послѣдователи „реформатора терапіи“, открывъ и выдѣливъ *несущественное* въ его ученіи отъ *существеннаго*, отвергнувъ его *динамическую* физиологію и патологію, составившихъ необходимо—обязательную основу закона подобія, въ тоже время нашли возможнымъ удержать формулу этого послѣдняго, не смотря на странность и очевидно противорѣчіе во внутреннемъ строѣ доктрины. Усиливаясь обосновать объясненіе дѣйствія „*Similia similibus*“ на *матеріальныхъ* измѣненіяхъ отдѣльныхъ органовъ и всего организма, новогомеопаты въ тоже время совершенно *исключаютъ физико-химическіе* процессы изъ сферы дѣйствія этого закона, придерживаясь въ своей фармакодинаміѣ *динамическихъ* возрѣній Ганеманна. Лучшей иллюстраціей къ этому могутъ служить основы фармакодинаміки *ученнѣйшаго* изъ современныхъ гомеопатовъ Ричарда Юза, который, по словамъ Гейварда, „считается всемірнымъ авторитетомъ по фармакологіи“ (*Гейвардъ*—Современные способы леченія. Спб. 1887., стр. 31.). Въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ 1877—80 гг. въ Лондонской гомеопатической школѣ, Юзъ, чистосердечно сознавшись, что ему „неизвѣстно современное школьное ученіе о природѣ жизни“, придерживается теоріи Флетчера о *протоплазмѣ*. „Взгляните, говоритъ онъ, на разницу между волосами и ногтями съ одной стороны и амёбовиднымъ бѣлымъ тѣльцомъ крови съ другой. Разница эта очевидна и мы можемъ прослѣдить ее на нѣкоторое разстояніе, прежде чѣмъ достигнемъ области сомнительнаго знанія. Съ одной стороны одна жизнь, съ другой—не жизнь. Это бѣлое тѣльце, которое я принимаю за типъ живой матеріи, представляетъ безструктурное, прозрачное, безцвѣтное полужидкое вещество, состоящее изъ мелкихъ шаровидныхъ частицъ очень сложнаго химическаго состава, находящихся въ постоянномъ самопроизвольномъ движеніи. Такова живая матерія вездѣ, будь она обнажена, какъ въ нашемъ примѣрѣ, или связана, какъ въ другихъ частяхъ (напр. въ влѣточкѣ) съ матеріаломъ *инаго* рода. Клѣточная стѣнка можетъ служить типомъ этого другаго вещества. Въ ней мы уже видимъ начало строенія, окоченія, быть можетъ цвѣта (!?). Это „образовавшийся

матеріалъ“, *перешедшій отъ жизни къ смерти* и сдѣлавшійся предметомъ химическихъ и механическихъ законовъ, отъ *которыхъ онъ, въ живомъ состояннн, былъ независимъ*. Изъ этого-то образовавшагося матеріала и состоитъ преимущественно организмъ кабъ животныхъ, такъ и растений, опредѣляя ихъ образъ жизни. Живетъ же, во всемъ и вездѣ, сама протоплазма, животная или растительная, составляя зачаточное вещество, которое, *подобно душѣ*, образуетъ свое собственное тѣло, населяетъ и одушевляетъ его“ (Руководство къ фармакодинамикѣ, стр. 62).

Отрицая такимъ образомъ, подобно Ганеманну, роль физико-химическихъ процессовъ въ дѣятельности живой *нормальной* протоплазмы и допуская силу ихъ лишь въ „образовавшемся матеріалѣ“, Юзъ исключаетъ участіе названныхъ процессовъ и изъ *патологн* этой протоплазмы. „Подобно физиологн и патологн занимается въ обширной мѣрѣ протоплазмой. Если существуютъ *болѣзни* первично-механическія или химическія, то въ нихъ она, конечно, не участвуетъ (?), но такъ кабъ во всякомъ случаѣ большинство недуговъ представляютъ расстройства *жизненныхъ* процессовъ—измѣненія питанія, отдѣленій и отравленій—то и здѣсь *должна* дѣйствовать протоплазма“ (стр. 65). При этомъ, на долю дѣятельности *живой* протоплазмы относятся *процессы питанія* („начиная съ того момента, когда кончаются химическіе и механическіе акты пищеваренія“); секретъ, функція, регулированіе растительныхъ процессовъ, контроль кровообращенія („черезъ посредство мышечныхъ оболочекъ артерій“)—все это проявленіе дѣятельности протоплазмы. „Она же, по всей вѣроятности, сокращаетъ мышцы“ (стр. 63—64). Воспаленіе и лихорадка („которая, кабъ уже давно показалъ Флетчеръ, представляетъ *общее воспаленіе организма*“) тоже совершаются въ протоплазмѣ. „Клиническими наблюденіями найдено, что суть лихорадки состоитъ въ повышенной температурѣ самой крови, и что лихорадочный ознобъ, когда онъ бываетъ, служить *первымъ* признакомъ такого повышенія, и что послѣдующій періодъ жара и сопровождающія его явленія зависятъ отъ возвышенной температуры кровяной струи, измѣняясь согласно ея интенсивности. Идя далѣе и отыскивая причину такого повышенія температуры крови, мы замѣчаемъ, что ей предшествуетъ и ее сопровождаетъ усиленная *метаморфоза ткани*“ „Едва ли есть надобность упоминать, что лихорадка и воспаленіе, въ ихъ разнообраз-

ныхъ формахъ, лежатъ въ основѣ, составляютъ ближайшую причину очень значительнаго числа болѣзней, которыя намъ приходится лечить. Остальныя болѣзни большею частью представляютъ *функциональныя* расстройства—усиленное, ослабленное или неправильное дѣйствіе различныхъ органовъ тѣла. Мы уже видѣли, что протоплазма участвуетъ также въ отправленияхъ. Вся разница въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло скорѣе съ ея *силою* (*vis*), чѣмъ съ ея *веществомъ* (*substantia*) и внутренними операціями, каковы усвоеніе, усвожденіе и превращеніе пищи. Воспаленіе и лихорадка относятся къ ней, какъ къ питательному дѣятелю; невроты, спазмы и тому подобнае связаны съ ея *функциональными дѣйствіями*.“ Секретъ, „представляя питаніе при измѣненныхъ(?) условіяхъ, отчасти входитъ въ область *функции*“. . . . „Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что каждый органъ тѣла составляетъ сложное цѣлое, сформированное разными путями. Его собственная живая матерія можетъ быть поражена или расстройствомъ питанія, въ видѣ воспаленія, или же его *функциональная дѣятельность* можетъ быть измѣнена по направленію *плюса* или *минуса*“ (стр. 66—68). Но вмѣстѣ съ симъ должно помнить, что какъ *функциональная дѣятельность*, такъ и питательныя процессы *живой* протоплазмы, нормальной или больной, по Юзу, не имѣютъ ничего общаго съ процессами химическими или механическими. Соотвѣтственно этому, онъ, какъ и „всѣ писатели, различаетъ троякаго рода дѣйствіе лекарствъ: механическое, химическое и динамическое. Такое различіе справедливо и вполне понятно. Лекарства могутъ дѣйствовать на тѣло механически и химически, говоритъ Юзь, потому что значительная часть его, *находящаяся уже въ живомъ состояніи*, подлежитъ механическимъ и химическимъ законамъ. Что они имѣютъ сверхъ того еще другое дѣйствіе, вполне согласуется съ физиологіей, а именно, въ каждомъ организмѣ, животномъ и растительномъ, есть известная доля живой матеріи, *находящейся внѣ вліянія физическихъ законовъ* и подлежащей своимъ собственнымъ дѣйствіямъ и воздѣйствіямъ. *Динамическое дѣйствіе лекарствъ вліяетъ на живую матерію тѣла*, на его протоплазму. Оно вліяетъ не на одну только нервную систему (какъ нѣкоторые полагаютъ), потому что оно проявляется въ значительной мѣрѣ въ растеніяхъ, лишенныхъ нервовъ. Нервная протоплазма можетъ подвергаться *первичному* вліянію лекарства, а другія измѣненія представляютъ *вторич-*

ныя послѣдствія, тѣмъ не менѣе таже живая матерія во всякомъ иномъ мѣстѣ можетъ быть первично поражена безъ такого посредства.“—„Отличительный характеръ гомеопатическаго метода леченія и состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ этими динамическими дѣйствіями лекарствъ. Гомеопаты—такъ названные потому, что они признаютъ правило *Similia similibus* и его практическія слѣдствія самую важную часть терапіи—могутъ иногда находить нужнымъ пользоваться механическими и химическими дѣйствіями лекарствъ и они должны, какъ и другіе врачи, умѣть примѣнять ихъ. Вообще же они примѣняютъ динамическія дѣйствія лекарствъ и потому, говоритъ Юзъ, мои дальнѣйшія примѣчанія будутъ относиться исключительно до этихъ дѣйствій“ (стр. 68—69).

Такимъ образомъ, усвоивъ результаты научной фізіологіи и патологической анатоміи, новогомеопаты никакъ не могутъ отдѣлаться отъ рутиннаго понятія *динамичности* въ терапіи. Вслѣдствіе этого, непослѣдовательность и противорѣчія, которыя у Сталя и Ганеманна скрашивались и отчасти находили оправданіе въ мистическомъ витализмѣ и въ телелогіи, выступаютъ у новогомеопатовъ особенно рѣзко и даже грубо. Ганеманнъ, при своемъ одностороннемъ витализмѣ, принимая духовный характеръ жизненныхъ процессовъ, болѣзнетворной причины и самой болѣзненной сущности, до извѣстной степени обязанъ былъ признать *нематеріальный* („виртуальный“, „динамическій“) характеръ *лекарственныхъ потенцій*. Измѣненія тканевыхъ соковъ и вообще *матеріальныхъ* разстройства организма играли у него второстепенную и посредственную роль. Являясь, по воззрѣніямъ основателя гомеопатіи, *вторичнымъ* результатомъ измѣненій въ чувствованіяхъ и въ дѣятельностяхъ, они, безспорно, плохо укладывались въ рамки витализма, и Ганеманнъ предпочиталъ не распространяться о нихъ не только въ терапіи, но и въ патологіи. Между тѣмъ, позднѣйшіе *раціональные* послѣдователи его, разсматривая жизненный процессъ и разстройства послѣдняго, какъ рядъ измѣненій въ *протоплазмѣ* влѣтовъ организма, относя питаніе, воспаленіе и лихорадку на счетъ дѣятельности *вещества* (*substantia*) протоплазмы, ухитряются придать имъ *нематеріальную* окраску, исключивъ всякое участіе фізико-химическихъ процессовъ въ дѣятельности *живой матеріи*. Какимъ же законамъ подчиняется *субстанція* протоплазмы? *Динамическимъ*—отвѣчаютъ гомеопаты, оставляя самое

понятіе о динамичности туманнымъ, совершенно неопредѣленнымъ и не устраняя возраженія Лейбница относительно невозможности непосредственнаго взаимодействія автономныхъ и раздѣленныхъ другъ отъ друга матеріи и силы, безъ всякаго участія и содѣйствія законовъ матеріи. Только „перешедшій отъ жизни къ смерти образовавшійся матеріаль“ клѣтки, изъ котораго состоитъ „значительная часть организма, не находящаяся уже въ животѣ состояніи“, подлежитъ вѣдѣнію физико-химическихъ законовъ. Соотвѣтственно этому раздѣленію физиологическаго субстрата въ организмѣ, лекарственные эффекты разсматриваются ученнѣйшими гомеопатами съ различныхъ сторонъ. Динамическое дѣйствіе лекарствъ исключительно присуще живой протоплазмѣ и примѣненіе его составляетъ привилегію гомеопатовъ. Химическія и механическія воздѣйствія лекарственнаго вещества на „образовавшійся матеріаль“, по словамъ Юза, только „иногда“ примѣняется въ гомеопатіи и обыкновенно въ ходу у „другихъ врачей.“ Ближайшихъ указаній относительно этого пункта Юзь, къ сожалѣнію, не приводитъ, такъ что для читателя остается неяснымъ, какія болѣзни возможны въ „образовавшемся матеріаль, перешедшемъ отъ жизни къ смерти“, что и какъ лечитъ гомеопатъ, примѣняя „иногда“ механическія или химическія средства къ „значительной части организма, не находящейся уже въ живомъ состояніи.“

Слѣдуетъ замѣтить, что ученнѣйшій гомеопатъ не ограничивается этимъ раздѣленіемъ лекарствъ по физиологическому субстрату, на который они могутъ дѣйствовать. Разсматривая исключительно динамическое дѣйствіе лекарственныхъ веществъ, Юзь открываетъ дальнѣйшее тонкое различіе въ лекарственномъ эффектѣ. Отграничивъ уже въ патологій питательныя измѣненія отъ „функциональныхъ расстройствъ, составляющихъ усиленное, ослабленное или неправильное дѣйствіе различныхъ органовъ тѣла“, онъ, какъ мы уже видѣли, относитъ эти функциональныя дѣйствія на долю силы (vis), а не матеріи (substantia) протоплазмы. Правда, самъ авторъ¹ сознается, что „расстройства какъ питанія, такъ и отравленія могутъ быть возбуждены вліяніемъ, оказываемымъ нервною системою на кровоснабженіе, а вѣроятно также на самое вещество тканей“ (стр. 68), и что „такія функціональныя расстройства, встрѣчающіяся довольно часто въ патогенезахъ, далеко не такъ обыкновенны въ дѣйствительныхъ болѣзняхъ, въ которыхъ они нерѣдко связаны съ расстройствомъ питанія“

(стр. 79). Но это не мѣшаетъ ему принять *раздѣленіе* процессовъ питанія отъ функций вращающимся камнемъ своей фармакодинамики и строить на немъ объясненіе закона подобія.

Ганеманнъ, при обоснованіи и объясненіи своей главной формулы „*Similia similibus curentur*“, придавалъ, какъ мы видѣли, особенное, почти исключительное значеніе *динамическимъ* измѣненіямъ, нарушенію *vis*, послѣдователи же его относятъ въ сферу дѣйствія закона подобія преимущественно *питательнымъ* разстройства, измѣненія *вещества* протоплазмы. Очевидно, чтобы приспособить законъ подобія вмѣсто динамическихъ, къ *патолого-анатомическимъ* основаніямъ, чтобы прійти къ „болѣе глубокому и основательному пониманію“ его, потребовалась капитальная ломка, и гомеопатіи необходимо было пережить указанные нами фазы внутренней борьбы. Отвергнувъ Ганеманновское понятіе *динамичности* болѣзни и „замѣненіе“ припадковъ ея симптомами *подобнаго* лекарства, ученики и послѣдователи основателя гомеопатіи стояли предъ вопросомъ: какимъ образомъ болѣзнь, какъ разстройство въ дѣятельности *протоплазмы*, подлежитъ вліянію *динамическаго* лекарства и устраняется дѣятелями, которые до сихъ поръ слыли за *возбудителей* этихъ разстройствъ? На помощь имъ при разрѣшеніи этого вопроса является ученіе *Радемахера* (1772—1842), современнаго и сроднаго Ганеманну неудачливаго—реформатора терапіи. Недовольный современной ему медициной, Радемахеръ стремится воскресить ученіе Парацельса о „специфическихъ арканахъ“: онъ устанавливаетъ различіе между отдѣльными болѣзнями и даетъ имъ названіе по тѣмъ *средствамъ*, какими онѣ излечиваются. Сущность болѣзни, формы ея проявленія и кризисы въ глазахъ Радемахера имѣютъ только второстепенное значеніе. Съ каждымъ новымъ средствомъ, по его мнѣнію, мы узнаемъ *новыя* болѣзни, такъ какъ оно причиняетъ въ организмѣ *опредѣленный* болѣзненный процессъ. При этомъ Радемахеръ различаетъ *лекарства органовъ* (*тѣсно* специфическія, —которыя вызываютъ *первичныя* или же сочувственныя разстройства въ органахъ) отъ поражающихъ *весь* организмъ (*универсальныхъ*) средствъ, посредствомъ которыхъ отерываются эпидемическія или эндемическія конституціи, „зависящія отъ космолурическихъ вліяній, переходящихъ въ кровь чрезъ легкія“ (*Hirschel's Comp. der. Geschichte der Medicin, S. 454*). Это *избирательное*, по отношенію къ органамъ и организму, дѣйствіе лекарствъ по-

вогомеопаты и примѣнили для „болѣе основательнаго и глубокаго опредѣленія“ закона подобія. Уже *Imbert-Gourbeyre*, по словамъ Юза, опираясь на него, формулировалъ „законъ избирательности“ въ 1865 г., а *Шарпз* особенно выдвинулъ *мѣстное* дѣйствіе лекарствъ (1874 г). *Дриздэлъ* также придаетъ важное значеніе тому, что онъ называетъ „специфичностью мѣста дѣйствія“, связывая ее съ *особенной раздражительностію* различныхъ частей въ ихъ *естественнымъ* стимуламъ и въ *причинамъ болѣзни* и простирая ее на мельчайшія нервныя вѣтви, имѣющія въ себѣ что нибудь независимое или спеціальное. (Юзъ. Фармакодинамика, стр. 69—70). При этомъ *специфичность мѣста* отличается отъ *мѣстнаго* дѣйствія лекарствъ тѣмъ, что она проявляется *постоянно*, не взирая на способъ и мѣсто введенія лекарства въ организмъ, напр. отъ приложенія *мышьяка* къ язвѣ является воспаленіе желудка, отъ *Podophyllum*, введеннаго въ брюшную полость—воспаленіе двѣнадцати-перстной кишки, при внутреннемъ приемѣ *бріоніи*—воспаленіе легкихъ и пр. Кромѣ спеціальнаго *мѣста* дѣйствія, авторы различаютъ еще спеціальность *рода* дѣйствія или *качественное* дѣйствіе лекарства. *Дриздэлъ* доказываетъ, что „такъ какъ существуютъ специфическія и общія *воспаленія*, то должны быть и лекарства, уподобляющіяся имъ—лекарства, соотвѣтствующія артрическому, ревматическому и сифилитическому воспаленіямъ“, а также лекарства, примѣненіе которыхъ показуется „свойствомъ *возбуждающей причины* болѣзненнаго состоянія, напр. арива при механическихъ поврежденіяхъ, дулькамара—при страданіяхъ отъ холода и сырости и т. д.“ При этомъ *Дриздэлъ*, въ согласіи съ *Флетчеромъ* и вопреки *Ганеманну*, смотритъ на лекарства, какъ на „*стимулы*, аналогичные такимъ дѣятелямъ, какъ свѣтъ, теплота и пр., которые, дѣйствуя на *возбудимость* органической матеріи вызываютъ явленія жизни. Всѣ симптомы угнетенія, появляющіеся во время ихъ дѣйствія, онъ объясняетъ *истощеніемъ* вслѣдствіе излишняго возбужденія“ (Юзъ, стр. 70—71). Юзъ не раздѣляетъ этого взгляда своего коллеги и еще разъ интонировать принятую имъ классификацію лекарствъ по ихъ *дѣйствію* на протоплазму, относя къ средствамъ, измѣняющимъ *функцію*, *нервные* и *мышечные* дѣятели, и также вещества, которыя прямо возбуждаютъ извѣстныя отдѣленія, какъ *Jabogandi*. Къ средствамъ, видоизмѣняющимъ *питаніе*, онъ относитъ *раздражающія* вещества, за исключеніемъ *химическихъ* раздражителей,

какъ крѣпкія минеральныя кислоты. Предложенная авторомъ классификація лекарствъ согласуется съ важнымъ отличіемъ, существующимъ въ динамическомъ дѣйствіи лекарствъ, и указанномъ гомеопатами Дриздэль и Мадденъ. Эти авторы различаютъ *безусловное*— общее и свойственное многимъ лекарствамъ динамическое дѣйствіе (*генико-динамическія* средства Маддена), какъ рвота, поносъ и пр., и *условное*,— зависящее отъ специальной воспримчивости субъекта въ данному лекарству (*идіо-динамическое* дѣйствіе по Маддену). „Разсматривая *общія* дѣйствія лекарствъ, производимыя по желанію, мнѣ кажется, говоритъ Юзь, можно удостовѣриться, что они всѣ относятся къ *функциональному* возбужденію или угнетенію, а *особенныя* дѣйствія, требующія специальной воспримчивости, почти всѣ представляютъ *разстройства питанія*. Такъ напр. подкожное впрыскиваніе атропина *всегда* расширяетъ зрачокъ, *всегда* угнетаетъ задерживательное вліяніе, оказываемое на сердце легочно-желудочнымъ нервомъ, а только у *нѣкоторыхъ* недѣлимыхъ производитъ скарлатинную сыпь, нервную боль или лихорадку. Д-ръ Дриздэль показалъ, что, *примѣняя законъ подобія, мы болшею частью пользуемся условными дѣйствіями лекарствъ, ихъ же безусловныя дѣйствія часто съ нимъ не согласуются*“ (Юзь, стр. 74). Онъ находитъ еще „добавочную разницу между безусловными и условными симптомами, изъ коихъ первые, для производства ихъ, требуютъ извѣстнаго количества лекарства, а вторые—не зависятъ отъ приѣма. *Испытывая* лекарство, можно уменьшить дозу до того, что присущія ему физиологическія дѣйствія уже не появляются, но *если субъектъ опыта чувствителенъ къ его дѣйствію, у него покажутся нѣкоторыя особенныя явленія*. Труссо и Пиду также говорятъ, что если мы хотимъ получить *спеціальныя* дѣйствія лекарствъ, мы должны давать ихъ въ *минимальныхъ* дозахъ, потому что тогда ихъ *общія* свойства бывають мало замѣтны. Д-ръ Дриздэль полагаетъ, что тоже самое бываетъ *и въ болъзни*, и утверждаетъ, что гдѣ существуетъ состояніе, уподобляющееся *условнымъ* дѣйствіямъ, бываетъ достаточна самая малая доза, а *большая доза не усилитъ болъзни*. Все зависитъ отъ *особенной* воспримчивости страждущей части, и когда эта воспримчивость прекратится, *лекарство уже болше не вліяетъ на нее*“ (Юзь стр. 75—76).

Такимъ образомъ, по словамъ гомеопатовъ, *динамическія* гомеопатическія средства въ состояніи вызывать въ живой протоплазмѣ

или питательныя, или функциональныя разстройства, т. е. подъ вліаніемъ ихъ въ органахъ или въ цѣломъ организмѣ возникаетъ рядъ *условныхъ* или *безусловныхъ* симптомовъ. Новѣйшая гомеопатія, примѣняя законъ подобія, пользуется преимущественно *условными* динамическими дѣйствіями, т. е. тѣми питательными разстройствами вещества (substantia) протоплазмы, которыя могутъ быть вызваны *малѣйшими* лекарственными дозами. Большія дозы, дѣйствуя въ сферѣ *vis* протоплазмы, вызывая функциональныя (безусловныя) разстройства, могутъ маскировать специфическій *условный* эффектъ лекарства. На чемъ основано это раздѣленіе дѣйствія лекарства на питаніе и функцію, откуда ученѣйшій гомеопатъ взялъ, что расширеніе зряча отъ атропіна или угнетающее дѣйствіе его на блуждающій нервъ составляютъ *только* функциональное разстройство, а нервная боль, сыпь на кожѣ или *атропинная* лихорадка „представляютъ разстройства питанія“,—неизвѣстно. Самъ авторъ сознается, что чистыя функциональныя разстройства организма встрѣчаются очень рѣдко отдѣльно отъ питательныхъ. Въ дѣйствительности же питательныя разстройства лежатъ въ основѣ даже ничтожнѣйшихъ функциональныхъ нарушеній: послѣднія нерѣдко причиняются такими тонкими измѣненіями питанія, что при помощи нашихъ обычныхъ *чувствено* изслѣдованія ихъ невозможно открыть. Но это не даетъ намъ права заключать, что функція нарушена независимо отъ питанія органа. „Только мысленно можно отдѣлить то, что въ жизни неразрывно связано: съ одной стороны вещество и органическую форму, а съ другой—происходящія отъ нихъ силы“, замѣчаетъ Samuel въ своей Handbuch der Allgem. Pathologie. Между тѣмъ гомеопаты, начиная съ Ганеманна, находятъ возможнымъ не только отдѣлять *материю* отъ *силы* вообще, не только трактуютъ, какъ о самостоятельномъ процессѣ, о функциональныхъ отправленіяхъ, представляющихъ *результатирующую* превращенія матеріи органовъ, но даже пытаются поименно указать, какія изъ жизненныхъ явленій слѣдуетъ отнести на долю силы (*vis*), а какія—на счетъ вещества (substantia) протоплазмы органовъ. Хотя такое тонкое разграниченіе сферъ силы и матеріи совершенно неосновательно и произвольно, но гомеопаты, приходятъ, на основаніи его, къ важнымъ для практики выводамъ. Прежде всего только питательныя разстройства, по словамъ Юза, отходятъ въ вѣдѣніе чистой гомеопатіи, слѣдуя правилу: *aut simile aut*

nihil (Фармакодинамика, стр. 80). Къ функціональнымъ же нарушеніямъ возможно, по его мнѣнію, примѣненіе антипатической терапіи, т. е. функціональный избытокъ или недостатокъ лечатся обратнo противоположными лекарственными эффектами. Но такъ какъ въ сущности питательныя разстройства становятся объектомъ леченія по большей части тогда, когда больной организмъ представляетъ уже и функціональныя измѣненія, то ясно, что раздѣленіе лекарственныхъ эффектовъ представляетъ *выроду* въ томъ отношеніи, что подъ покровомъ его можно практиковать антипатію или аллопатію съ ея матеріальными дозами, какъ это дѣлаетъ большинство новѣйшихъ гомеопатовъ, какъ Гемпель, Герингъ, Гейль, Юзь, Руддокъ и др. Если, сверхъ того, вспомнимъ, что припадки болѣзни, уподобляющіеся *условнымъ* симптомамъ лекарства, которыми, по словамъ Дриздэла, преимущественно пользуется новѣйшая гомеопатія (Юзь стр. 74), *не зависятъ отъ дозы* и не усиливаются большими дозами лекарства (стр. 76), то поймемъ, почему новѣйшіе раціональные гомеопаты, въ противоположность Ганеманну, не придаютъ значенія *дозѣ*. Примѣняя *огромныя* дозы и чисто *аллопатически*, они имѣютъ каждый разъ полную возможность укрыться по зачиту закона подобія — „лишь бы было соблюдено специфическое отношеніе средства къ мѣсту и роду болѣзни“ (Hirschel's *Compendium*, S. 367), которое нерѣдко, какъ мы увидимъ ниже, добывается рядомъ натяжекъ.

Затѣмъ, выдѣленіе *условныхъ* лекарственныхъ эффектовъ изъ группы безусловныхъ влечетъ за собой другое важное послѣдствіе для гомеопатіи. Ганеманнъ, при своихъ испытаніяхъ лекарствъ, старался, какъ мы знаемъ, выбирать *здоровыхъ* субъектовъ и назначалъ имъ большія дозы лекарства, чтобы развить полное *физиологическое* дѣйствіе послѣдняго въ организмѣ. Новогомеопаты (Дриздэлъ, Юзь), пользуясь для закона подобія лишь условными симптомами, избѣгаютъ вызывать картину физиологическаго дѣйствія, которая могла бы маскировать специфическія свойства лекарства. Стараясь открыть условную восприимчивость, они ограничиваются малыми дозами средства и „если субъектъ опыта чувствителенъ къ его дѣйствію, у него покажутся нѣкоторыя особенныя явленія.“ Слѣдовательно, для испытанія лекарства нужно брать субъекта съ извѣстнымъ *расположеніемъ*, обладающаго родомъ идіосинкразіи къ этому лекарству, а такимъ, конечно, не можетъ быть первый попавшійся здоровый чело-

вѣтъ. Не у всякаго, а только у чувствительнаго въ атропину субъекта, можно вызвать боль, кожную сыпь или лихорадку препаратами балладонны. Дриздаль, говоря о леченіи болѣзни гомеопатическими средствами, утверждаетъ, что „гдѣ существуетъ состояніе, уподобляющееся условнымъ дѣйствіямъ лекарства, бываетъ достаточна самая малая доза, большая доза не усилитъ болѣзни. Все зависитъ отъ *особенной воспримчивости* страдающей части, и *когда эта воспримчивость прекратится, лекарства уже не вліяютъ на нее*“ (Юзь, стр. 76.). Примѣнивъ этотъ взглядъ къ нашимъ разсужденіямъ, мы вправѣ принять, что у испытуемаго субъекта нѣтъ *патологической* воспримчивости къ данному средству, если оно не вызываетъ у него условныхъ симптомовъ, и на оборотъ. Другими словами—гомеопаты, пользующіеся условнымъ дѣйствіемъ лекарствъ, *устанавливаютъ специфичность* послѣднихъ надъ *больными*, а не надъ здоровыми субъектами, какъ стараются увѣрять. Это бы еще не бѣда. Специфичность мышьяка при нѣкоторыхъ формахъ лихорадовъ, желѣза—при малокровіи, хинина—при маляріи, салициловой кислоты—при ревматическихъ страданіяхъ, ртути, јодистаго калия и прочее, *раціональные* врачи открыли и доказали тоже путемъ наблюдений *у постели больного*. Но при установленіи специфичности этихъ средствъ, они слѣдовали какъ разъ *обратному* методу, пользуясь не исключительными (*условными*) явленіями, но именно *общими* дѣйствіями, которыя вызываются лекарствомъ у тысячей больныхъ также безусловно и неизбежно, какъ напр. расширеніе зрачка отъ атропина. Возможные при употребленіи этихъ *специфическихъ* средствъ *ненормальные* эффекты, въ родѣ повышенія температуры у здороваго или у больного челоуѣка подъ вліяніемъ салициловаго натра, кожная сыпь отъ хинина или такъ называемыя *идіосинкразіи* въ лекарствамъ и пищевымъ веществамъ (напр. раки, овощи, баранина и пр.) зависятъ или отъ измѣненія самихъ веществъ и образованія въ нихъ раздражающихъ продуктовъ, или же отъ патологическаго строенія и расположенія отдѣльныхъ системъ организма. Ими, какъ *условными* симптомами, *раціональная* медицина никогда не пользовалась для терапевтическихъ цѣлей. О специфичности какаго нибудь средства въ болѣзни *раціональный* врачъ судитъ обыкновенно непосредственно на основаніи *постоянства* результатовъ его цѣлебнаго дѣйствія при этой болѣзни. Гемеопатъ же старается открыть указанное Радема-

херомъ *избирательное* средство, изучить *измѣняющее* дѣйствіе лекарства на *данный органъ* и затѣмъ уже, на основаніи закона подобія, заключаетъ о *специфической* способности средства устранять соответствующее *болѣзненное* пораженіе. Я не стану здѣсь говорить о рискѣ и неизбежности ошибокъ при обобщеніи и распространеніи *условныхъ* симптомовъ, добытыхъ наблюденіемъ 1—2 случаевъ, на цѣлыя ряды *подобныхъ* страданій. При установленіи мѣстнаго *избирательно* средства испытаніемъ лекарствъ, гомеопаты не даютъ и не могутъ дать никакой гарантіи, что специфическое средство ихъ дѣйствовало на здоровую ткань или органъ. Разсматривая специфичность, какъ *особенную* раздражительность органа къ данному средству, независящую отъ мѣста приложенія его, трауа вызванныя въ органѣ *измѣненія*, какъ специфическія для даннаго лекарства, они именно не могутъ доказать, что послѣднее было *непосредственной* причиной этихъ измѣненій. Если, положимъ, при инъекціи желѣза въ *кровь*, при втираніи ртути въ *кожу*, при наложеніи мышьяковистой пасты на *рану*, при *подкожномъ* впрыскиваніи мѣдной соли и пр. является пораженіе различныхъ отдѣловъ и органовъ пищеварительнаго аппарата, то это пока лишь указываетъ на фактъ, что организмъ, стараясь освободиться отъ *инороднаго* тѣла, удаляетъ его возможными для него путями и главнымъ образомъ посредствомъ слизистой оболочки кишечнаго тракта. Что это такъ—легко убѣдиться, изслѣдуя различныя отдѣленія и выдѣленія организма: смотря по химическому составу введеннаго препарата, по большей или меньшей растворимости его, летучести и пр. присутствіе, напр. ртути, можно открыть въ слюнкѣ, въ поту, желѣза—въ мочѣ, соединенія іода или брома—во всѣхъ отдѣленіяхъ и на всѣхъ отдѣляющихся поверхностяхъ, какъ кожа, слизистая оболочка рта, пищеварительнаго тракта, легкихъ, пузыря и пр. Щелочи, кислоты, диффузібельныя соли выдѣляются главнымъ образомъ чрезъ почки, но и въ отдѣленіяхъ кожи, слизистыхъ оболочекъ и пр. легко открывається ихъ присутствіе. Если неоспоримъ фактъ, что нѣкоторые тѣла, въ зависимости отъ своего состава, пользуются одними путями выдѣленія *предпочтительно* предъ другими, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ случаѣ заболѣванія и прекращенія функціи выдѣляющаго аппарата или въ случаѣ предъявленія усиленнаго требованія его дѣятельности, на помощь ему являются другіе выдѣляющіе приборы, которымъ въ этомъ разѣ прихо-

дится ненормально усиленно работать. Какъ долго могутъ выдержать это усиленное раздраженіе выдѣляющіе органы, зависитъ отъ множества условій, начиная отъ строенія и состоянія форменныхъ элементовъ органа, ихъ специфической функциональной энергіи и кончая состояніемъ другихъ органовъ выдѣленія, свойствами и концентраціей *инороднаю тѣла*. Кому изъ практическихъ врачей неизвѣстно, какія огромныя количества ртути можно ввести въ организмъ безъ того, чтобы вызвать пораженіе кишечника и саливацію, между тѣмъ иногда достаточно погрѣшности въ діетѣ, простуды, или катаральнаго состоянія полости рта, чтобы уже относительно малыя количества ртутнаго препарата вызвали интенсивную и грозную саливацію. Точно также легко наступаютъ пораженія кожи или слизистой оболочки дыхательныхъ путей при употребленіи препаратовъ брома или іода подъ вліяніемъ усиленнаго потѣнія (*hyperhydrosis*) или расположенія къ бронхитамъ. Всѣмъ извѣстно, какъ часто подъ вліяніемъ ничтожныхъ, повидимому, причинъ развиваются у пьяницъ заболѣванія легкихъ, печени, почекъ, желудочно-кишечнаго тракта, т. е. тѣхъ органовъ, на которые дѣйствуетъ спиртъ при введеніи и удаленіи своемъ изъ организма въ неизмѣненномъ состояніи. Если всѣ подобнаго рода раздраженія тканей *при выдѣленіи* различныхъ веществъ изъ организма трактовать, какъ специфическія, тогда съ одной стороны каждому выдѣлительному органу придется придать массу спецификовъ, а съ другой каждое *выдѣляемое* изъ организма вещество окажется специфичнымъ къ нѣсколькимъ органамъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ понятіе специфичности утрачиваетъ свой смыслъ. Такого рода специфичность и представляютъ именно многочисленныя гомеопатическіе специфики, какъ *мышьякъ* (противохолерное средство), *сулема* (специфическое при дизентеріи), *Cantharis* (при воспаленіи почекъ), бромъ (при крупѣ и бронхитахъ, по Юзу) и пр.

Впрочемъ, нѣкоторые гомеопаты ближе опредѣляютъ *избирательное средство*, понимая специфичность средства въ смыслѣ приуроченія вызваннаго имъ патолого-анатомическаго процесса къ опредѣленному *мѣсту* и къ *опредѣленной картинѣ*, черты которой представляютъ подобіе съ натуральнымъ болѣзненнымъ процессомъ. Г. Бразоль, въ 1-й своей лекціи о гомеопатіи (стр. 10—11), къ слову о значеніи *объективныхъ* симптомовъ для опредѣленія родоваго или *патолого-анатомическаго* характера болѣзни, заявляетъ: „мы теперь въ

состояніи во многихъ случаяхъ правильно толковать патологическое значеніе объективныхъ признаковъ и симптомовъ, какъ естественныхъ, такъ и лекарственныхъ болѣзней, и это уже большой шагъ впередъ, потому что, зная патологическій субстратъ весьма многихъ болѣзненныхъ процессовъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ, что эти болѣзненные процессы могутъ излечиваться такими лекарственными веществами, которыя способны воспроизвести въ здоровомъ человеческомъ организмѣ тождественную или въ высшей степени сходную картину.“ Затѣмъ онъ приводитъ примѣры средствъ, которыя, воспроизводя тождественную или въ высшей степени сходную патологическую картину, служатъ лекарствами противъ соответствующихъ болѣзней, такъ: *belladonna*—при гипереміи мозга, *Cantharis*—при конгестивномъ воспаленіи почекъ, *сулема*, въ малыхъ дозахъ, будетъ гомеопатическимъ средствомъ противъ *дизентеріи*, „происходящей отъ какихъ либо другихъ причинъ, хотя бы отъ предполагаемыхъ микробовъ“, *мышьякъ*—противъ холеры. „И такъ, заключаетъ онъ, логическая сфера опредѣленія закона подобія значительно суживается и ограничивается ея патологическимъ содержаніемъ, но еще далеко не исчерпывается имъ.“ Есть разрядъ болѣзней съ *неизвѣстной патологической сущностью* (напр. эссенціальная астма). Лечение такихъ болѣзней на основаніи закона подобія совершается съ помощью средствъ, „воспроизводящихъ въ своемъ фізіологическомъ дѣйствіи полный комплексъ объективныхъ и субъективныхъ симптомовъ“, характеризующихъ данное страданіе. „Съ другой стороны, исключительно *патолого-анатомическій принципъ*, положенной въ основу плана леченія даже хорошо изученныхъ болѣзней, также недостаточенъ и не удовлетворяетъ требованіямъ истинно-научной терапіи, потому что врачъ долженъ имѣть дѣло не съ носологическими классификаціями и номинальными болѣзнями, а съ живыми людьми, съ больными субъектами, у которыхъ *одна и также грубо-анатомическая болѣзнь* можетъ представлять весьма различную и индивидуально-характерную симптоматическую картину.“ (стр. 12). „Такимъ образомъ, продолжаетъ г. Бразоль на стр. 19, носологическая классификація болѣзней, т. е., *номинальный* діагнозъ болѣзней, тамъ *идтъ онъ возможенъ*, составляетъ только первую ступень логическаго процесса, необходимаго для выбора изъ лекарственнаго арсенала тѣхъ лекарственныхъ веществъ, которыя имѣютъ специфическое отношеніе къ заболѣвшимъ органамъ

и системамъ. Тождество или сходство *объективных* симптомовъ естественныхъ и лекарственныхъ болѣзней позволяетъ намъ въ большинствѣ случаевъ судить лишь о *тождествѣ локализации* обѣихъ болѣзнетворныхъ причинъ. *Localia localibus* заключается въ „*Similia similibus*“, какъ часть въ цѣломъ. Вторую же ступень составляетъ индивидуализированіе даннаго случая и постановка дифференціального діагноза между многими сходно дѣйствующими лекарствами, т. е. выборъ того именно лекарственнаго вещества, которое соотвѣтствуетъ данному случаю не только съ грубо-семіотической, но и со спеціально-специфической и индивидуально-характерной стороны“.

Я тѣмъ съ большей охотой привожу эти выдержки изъ лекціи г. Бразоля, что его личныя воззрѣнія находятся въ полномъ согласіи съ общепринятой теперь формулой закона подобія. Вотъ что писалъ *Stens junior* въ 1872 г. („*Was ist die Homöopathie.*“ § 51 u. ff.): „Изъ *лекарственныхъ испытаній* слѣдуетъ, что опредѣленные классы веществъ имѣютъ общими другъ съ другомъ нѣкоторое число органовъ и тканей, дѣятельность которыхъ они измѣняютъ, такъ что болѣзни, причиненныя *различными* лекарствами, подобны между собой. Но такое подобіе эффектовъ представляютъ собой только болѣе грубыя черты лекарственной болѣзни. При точномъ сличеніи и обсужденіи всѣхъ *видимыхъ* измѣненій данныхъ частей, всегда можно открыть нѣкоторое число симптомовъ, которыми одно средство отличается отъ другихъ, принадлежащихъ въ тому же разряду. Этими отличительными симптомами характеризуется каждое отдѣльное средство; и, хотя бы они и не особенно бросались въ глаза и были не существенны для соотвѣтственнаго наименованія болѣзни, ихъ тѣмъ не менѣе необходимо принять во вниманіе при выборѣ лекарства, сравнивая лекарственные симптомы съ симптомами болѣзни. Наиболѣе *подходящее* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ средство выбрано тѣмъ надежнѣе, излеченіе въ общемъ должно наступать тѣмъ скорѣе и радикальнѣе, чѣмъ точнѣе и обстоятельнѣе принято во вниманіе отношеніе между болѣзнями натуральной и лекарственной. И на оборотъ, изъ этого обстоятельства необходимо слѣдуетъ, что, для точнаго и полнаго діагноза излечивающаго средства, не слѣдуетъ пренебрегать ни однимъ симптомомъ, такъ какъ онъ прямо можетъ обезпечить выборъ по закону подобія наиболѣе подходящаго средства изъ класса менѣе подходящихъ.“—Съ такой формулировкой закона подобія со-

гласно опредѣленіе послѣдняго у *Griesselich'a* („Handbuch“, §§ 31, 42, 111—113, 164, 165), *Sorge* („Die Homöopathie, befreit von Uebertreibungen“ 1864., §§ 31, 36.), у *Gutwill-я* („Die allein mögliche Cellular-und Atomentherapie“ 1872. § 17—18, 24—25.), а также въ приведенныхъ раньше выдержкахъ изъ сочиненія *Hirschel-я* (ср. стр. 130).

Слѣдовательно, выражаясь словами гомеопата *W. Sorge*, „новая школа учитъ понимать основное положеніе „*Similia similibus*“ существенно иначе, гораздо глубже и основательнѣе, чѣмъ Ганеманнъ“. По согласнымъ отзывамъ новогомеопатовъ, актъ распознаванія и „планъ леченія“ болѣзней у нихъ зиждется на солидномъ и объективномъ „патолого-анатомическомъ принципѣ.“ Конечно, *комплексъ симптомовъ* и въ *новой* школѣ удержалъ свое мѣсто, но онъ не играетъ того первенствующаго, даже исключительнаго, значенія, какое придавалъ ему Ганеманнъ. Объективные и субъективные симптомы какъ болѣзни, такъ и лекарства играютъ важную роль при *индивидуализированнн* клиническаго случая и при установленіи *дифференціального* діагноза лекарства. Но „первую ступень логическаго процесса, необходимаго для выбора спеціального средства,“ главную руководящую нить при распознаваніи и главный объектъ леченія составляетъ „патологическій субстратъ“ болѣзненнаго процесса. „Опытъ и наблюденіе учатъ“, заявляетъ г. Бразоль въ своей публичной лекціи о гомеопатіи (л. I, стр. 24—25), „что врачъ,—назначая лекарства по закону подобія, т. е. выбирая для излеченія болѣзней такія лекарственныя вещества, которыя въ здоровомъ организмѣ вызываютъ клинически тождественныя или въ высшей степени сходныя болѣзни, и предписывая эти лекарства въ дозахъ меньшихъ, чѣмъ обыкновенныя физиологическія,—не только попадаетъ прямо въ цѣль, т. е., *въ больные органы и клетки*, но излечиваетъ ихъ, т. е. *приводитъ патологическій процессъ на мѣстѣ его существованія къ физиологическому*, не затрагивая здоровыхъ и неповрежденныхъ частей, т. е. тушитъ пламя тамъ и только тамъ, гдѣ оно горитъ.“

Чего же лучше! гомеопатія въ своихъ лекарственныхъ веществахъ владѣетъ драгоценнымъ способомъ уничтожать болѣзнь въ ея корнѣ, она исправляетъ разстройство *тканей и органовъ*, не обременяя и не нарушая дѣятельности здоровыхъ элементовъ организма. При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, нужно быть совершенно слѣпымъ

и недоступнымъ никакимъ убѣжденіямъ фанатикомъ или вполнѣ недобросовѣстнымъ, я не говорю ученымъ, врачамъ, а просто челоувѣкомъ, чтобы отворачиваться отъ сулимыхъ гомеопатіей благъ, чтобы не впасть откровеніямъ и торжественнымъ поученіямъ, г. Бразоля *ex cathedra*. Но, прежде чѣмъ осуждать упорствующихъ противниковъ гомеопатіи, прежде чѣмъ браться за непосильную задачу „умственного и нравственного просвѣщенія“ профессоръ медицины и руководителей медицинской прессы, какъ хвастливо и дерзко выражается г. Бразоль въ своей 3-й публичной лекціи (стр. 52, примѣч.), не лучше ли спокойно проанализировать и выяснить причины упорства „этихъ господъ.“ Не ужъ—то и въ самомъ дѣлѣ, *тысячи* врачей въ различныхъ частяхъ свѣта, не принимающіе гомеопатіи, всѣ настолько недобросовѣстны и круглые невѣжи, что нуждаются „для поднятія уровня естественныхъ знаній“, для нравственного просвѣщенія и вразумленія относительно достоинствъ гомеопатіи въ миссіонерской дѣятельности не только ораторствующаго въ Солянѣмъ городѣ ученаго гомеопата, но и всякаго профана, пожелавшаго наполнить страницы журнала или газеты своими поученіями по ихъ адресу? Предоставимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ самимъ гомеопатамъ.

Справедливо ли, что назначеніе гомеопатическихъ средствъ зиждется на патолого-анатомическихъ основаніяхъ, т. е., что показаніемъ къ леченію служатъ болѣзненные измѣненія *тканей и органовъ*? Доказательства этого положенія, конечно, слѣдуетъ искать прежде всего въ *патогенезахъ*. Съ образцами ихъ мы уже познакомились при изложеніи ученія Ганеманна. Послѣ Ганеманна первыя по времени испытанія лекарствъ у здороваго принадлежатъ Лейпцигскому проф. *Jörgy*. Ганеманнъ придавалъ имъ большое значеніе и пользовался симптомами *Iërga* для своихъ патогенезовъ. Юзъ замѣчаетъ, что „способъ этихъ испытаній у *Iërga* значительно лучше, чѣмъ у Ганеманна, который ничего не говоритъ о субъектахъ, о дозахъ и о послѣдовательности полученныхъ симптомовъ“ (Фармакод., стр. 49). Затѣмъ слѣдуетъ Сборникъ *Гартлауба* и *Тринкса*. Но у нихъ „сопровождающія (испытаніе) обстоятельства объяснены очень скудно“, по Юзу. Наиболѣе значительное число ихъ симптомовъ принадлежитъ анониму „*Ng.*“ Но симптомы эти, по словамъ самого Ганеманна, выражены очень небрежно, растянута и неопредѣленно. Юзъ, послѣ попытки возстановить ихъ вредить заявленіемъ, что „симптомы полу-

чены настоящимъ способомъ, а именно испытаніями на здоровомъ тѣлѣ,“ прибавляетъ: „и только вознагражденіе, платимое испытателямъ и недостаточная разборчивость въ принятіи ихъ сообщеній дѣлаютъ результаты нѣсколько сомнительными“ (стр. 51.). Далѣе идутъ *цѣнныя* изслѣдованія *Штанфа*. „Лекарства испытаны въ умѣренныхъ дозахъ. *Результаты* приведены въ видѣ *схемы*, но мѣстами сообщаются подробности объ *отдѣльныхъ* опытахъ“ (стр. 53). Самый важный матеріалъ гомеопатической фармакологіи— „австрійскія“ испытанія (или, въ сущности, *переизслѣдованія* лекарствъ) сороковыхъ годовъ. При испытаніяхъ „главная цѣль, повидимому, состояла въ развитіи *полнаго* фізіологическаго дѣйствія лекарства, посредствомъ повторенныхъ и увеличенныхъ дозъ *крѣпкой* тинктуры, которыя для Thuja дошли даже до 1000 капель“ (стр. 53). Упомянувъ вратцѣ о незначительныхъ вкладахъ въ гомеопатическую фармакологию отдѣльныхъ націй, Юзъ особенно останавливается надъ *американскими* испытаніями Константина Геринга и Гейла. О послѣднемъ онъ отзывается такъ: „его обвиняютъ въ *неразборчивомъ* собираніи матеріаловъ и въ *слишкомъ* высокой оцѣнѣ новыхъ средствъ, но *эти* недостатки *вполнѣ* окупаются *обогащеніемъ* нашей фармакологіи“ (!) (стр. 58). Изложеніе обширныхъ отдѣльныхъ патогенезовъ завело бы насъ слишкомъ далеко и чрезъчуръ увеличило бы и безъ того значительный размѣръ статьи, и вмѣсто этого я ограничусь приведеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ примѣровъ, которые могутъ иллюстрировать вообще характеръ *патолого-анатомическаго подобія* у новогомеопатовъ.

Heinigke (Die Principien der Homöopathie. 1871., ср. Корре, S. 49) съ точностью опредѣляетъ дѣйствіе *обыкновенной конопли* (*Canababis sativa* L.) въ первой стадіи пневмоническаго процесса такимъ образомъ, что это *специфическое* средство купируетъ начинающееся воспаленіе легкихъ, т. е. „не только возстановляетъ *in statum integrum* ненормальныя функціи легочной паренхимы, но также и сердца, желудка и кишечнаго канала, равно какъ слизистой ткани мочевоы системы.“ Но, замѣчаетъ Корре, „доказательства, что этотъ превосходный медикаментъ дѣйствительно вызываетъ *у здороваго* измѣненія тканей, лежація въ основѣ картины болѣзни, *Heinigke* не приводитъ“. Нѣкоторый свѣтъ на это *специфическое* (антипневмоническое) средство проливаетъ замѣчаніе Юза: „Патогенезъ Ганеманна приписы-

ваетъ *Scappabis* свойство возбуждать воспаленіе легкыхъ съ бредомъ и рвотой зеленой желчью. Было нѣсколько рекомендацій и примѣненія ея при воспаленіи легкыхъ, но, мнѣ кажется, безъ достаточной гарантіи. Наблюденія эти почерпнуты у Морганьи и онъ очевидно говоритъ о раздражающемъ дѣйствии вдыханія конопляной пыли у чесальщицовъ конопли“ (Фармакодинамика, стр. 416).

Такими же „патолого-анатомическими“ основаніями опредѣляется дѣйствие *плауна* (*Lusorodium*). Обращаясь къ симптомамъ этого средства, изложеннымъ нами во 2-й гл. этой статьи, въ образцовомъ патогенезѣ Ганеманна, Юзь говоритъ: „будемъ ли мы считать эти явленія настоящими патогенетическими дѣйствиями его (*плауна*), или (что мнѣ кажется вѣроятнѣе) симптомами больныхъ, на которыхъ онъ оказывалъ благотѣльное дѣйствие, во всякомъ случаѣ они изображаютъ сферу и родъ его дѣствія“. . . . „Это—чисто растительное средство, поражающее три главные пути слизистыхъ оболочекъ съ ихъ назожнымъ продолженіемъ“—пищеварительный каналъ, легкія и мочевоы трактъ. „Въ сферѣ дыханія *Lusorodium* приноситъ большую пользу при „хроническомъ гриппѣ“, т. е. при упорномъ катаррѣ съ большой слабостью. Въ эту же категорію входятъ нѣкоторыя формы хроническаго бронхита и даже пневмоніи. Тестъ сильно рекомендуетъ его при хронической пневмоніи, съ гнойной, зловонной мокротой, даже если одно изъ легкыхъ преимущественно лѣвое(?) опеченѣло. Д-ръ Поппъ прибавляетъ, что есть мало средствъ, которыхъ были бы такъ полезны, какъ *Lusorodium*, при легочной чахоткѣ, особенно при настойчивомъ употребленіи“. . . . „Весьма вѣроятно, что чахотка этого писателя и хроническая пневмонія Теста составляютъ одну и ту же болѣзнь. . . . „Я самъ предпочитаю *Lusorodium* въ случаяхъ подозрѣваемой чахотки у молодыхъ людей, гдѣ еще нѣтъ туберкулезныхъ отложеній. Г. Давидъ Вильсонъ недавно обратилъ наше вниманіе въ патогенезѣ *ликоподія* на *сперообразное движеніе* носовыхъ крыльевъ, которое онъ считаетъ патогномическимъ показаніемъ для этого средства въ болѣзняхъ дѣтей и молодыхъ людей. Это утвержденіе возбудило много споровъ, но я не могу согласиться съ его противниками, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго *a priori*“. „Когда симптомъ этотъ ясно выраженъ, пишетъ онъ, *нужды нѣтъ, посредствомъ какого органа или ткани* проявляется у молодыхъ людей или дѣтей другіе симптомы болѣзни, но я утверж-

даю, что вся группа явленій подчинится вліянію ликоподія.“ *Тутъ все дѣло въ опытѣ*, прибавляетъ Юзъ, а мнѣніе Вильсона подтверждается множествомъ опубликованныхъ послѣ того фактовъ. Къ такому же разряду *патологическаго* опыта слѣдуетъ отнести употребленіе ликоподія американскими врачами „при дифтеритѣ, когда отложеніе (?) начинается съ *правой (!)* миндаины.“ Самъ Юзъ *патолого-анатомически* подтверждаетъ показаніе для ликоподія при *аневризмѣ*, „такъ какъ въ одномъ случаѣ, гдѣ я лечилъ съ д-ромъ Мадденомъ, при употребленіи *Lusorodium* для *общаго* здоровья, то, что казалось (курсивъ Юза) намъ *аневризмомъ* аорты, совершенно исчезло(!). Но послѣ того, я видѣлъ отъ него поразительные результаты въ несомнѣнномъ(!) *аневризмѣ* сонной артеріи у пожилой дамы, которой *Lusorodium* давали отъ диспепсіи. Стрѣляющія боли, сопровождавшія опухоль, исчезли чрезъ три дня, а чрезъ двѣ недѣли расширеніе артеріи уменьшилось на половину, какимъ и осталось на всегда, не причиняя ей ни боли, ни неудобства“ (Фармакодинамика, стр. 711—718).

Такихъ примѣровъ,—гдѣ гомеопаты говорятъ о патолого-анатомическихъ основаніяхъ примѣненія своихъ средствъ, не представляя къ тому даже малѣйшей гѣни доказательствъ, когда они прибѣгаютъ къ анатомическимъ терминамъ, не давая себя отчета, вправѣ ли они ихъ употреблять—можно указать сотни изъ книги Юза. Такъ, на стр. 132 своей фармакодинамики онъ заявляетъ: „Есть *полное* основаніе предполагать, что синильная кислота дѣйствуетъ на *солнечное сплетеніе*. Сэръ Бенджаминъ Броди опустилъ одну каплю эссенціи горькихъ миндалей себѣ на языкъ. Онъ тотчасъ почувствовалъ крайне непріятное ощущеніе подъ ложечкой и такую слабость въ членахъ и потерю силы въ мышцахъ, что ему казалось, что онъ упадетъ.“ Говоря о токсическомъ эффектѣ *широколистой калміи* (*Kalmia latifolia*), Юзъ утверждаетъ, что „она дѣйствуетъ подобно Дигиталису, ослабляя и замедляя дѣйствіе сердца очень замѣтнымъ образомъ и производя тошноту и омраченіе зрѣнія. Въ области шейныхъ позвонковъ ощущается сильная боль, *что (!)* заставляетъ предполагать, что она, какъ и дигиталисъ, дѣйствуетъ *чрезъ посредство продоловататаго мозга*“ (стр. 680). Указавъ на стр. 148 на нѣкоторые *нервные* симптомы при отравленіи *щавелевой кислотой* (*Ac. oxalicum*), какъ—боли и онѣмѣніе спины, слабость конечностей (въ случаѣ Скотта), „об-

щее онѣмѣніе, *похожее на параличъ*“ (у пациента г. Фрежера), ползаніе мурашекъ по туловищу и конечностямъ, онѣмѣніе и нечувствительность въ кончикахъ пальцевъ (по Бѣму), Юзь прибавляетъ: „кажется не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ вышеописанныя явленія представляютъ *воспаленіе оболочекъ и существа спиннаго мозга.*“ И, на основаніи ихъ, онъ даетъ терапевтическое показаніе для употребленія щавелевой кислоты. „Я самъ начинаю съ довѣріемъ полагаться на это средство въ случаяхъ спазмодическаго стѣсненія груди, которыми проявляются *различныя формы болѣзней спиннаго мозга*“ (стр. 149). Такого же сомнительнаго патологическаго достоинства—показанія въ примѣненіи *азотной* кислоты (*Ac. nitricum*) при воспаленіи и отвердѣніи печени, начинающемся циррозѣ, *оxaluria*, при мочѣ лошадинаго(?) запаха, безповойствѣ послѣ полуночи(?) и для облегченія симптомовъ *ѣзды въ экипажѣ* и пр. (стр. 143, 145). Относительно употребленія *мускуса* (*Moschus*), какъ *возбуждающаго нервы средства*, Юзь прямо сознается, что „въ гомеопатіи онъ *не имѣетъ специфическихъ приложеній*, хотя мы пользуемся имъ *обширнѣе*, чѣмъ наши братья аллопаты. Я всегда ношу его съ собою, по причинѣ его важнаго значенія въ *двухъ состояніяхъ*, требующихъ немедленнаго облегченія, именно при *истерическомъ припадкѣ* и *нервномъ сердцебіеніи*“ (стр. 772).

Открытіе *противолихорадочныхъ* свойствъ важнѣйшаго изъ гомеопатическихъ жаропонижающихъ — *аконита* (*Aconitum*) „произошло, по словамъ Юза, скорѣе посредствомъ сходства *душевныхъ* симптомовъ, чѣмъ *вслѣдствіе самихъ лихорадочныхъ явленій*, однако не можетъ быть никакаго сомнѣнія относительно гомеопатичности этого средства въ *этимъ послѣднимъ*“ (стр. 173). . . . „Онъ возбуждаетъ состояніе, соотвѣтствующее ознобу лихорадки и коллапсу холеры. Блѣдное лицо, ускоренный пульсъ, общее охлажденіе, *признаки крайней венозной конгестіи послѣ смерти*(!)—все это указываетъ на соотвѣтственное возбужденіе сосудодвигательныхъ нервовъ всего тѣла. *Если бы былъ употребленъ въ дѣло термометръ*, то вѣроятно оказалось бы наступившее повышеніе температуры. Справедливость такого объясненія подтверждается тѣмъ, что *въ случаяхъ реакціи*—за знобомъ слѣдуетъ лихорадочный жаръ, какъ выражается д-ръ Вудъ „*кровеобращеніе, дыханіе и общая температура нѣсколько*(!) *усиливаются*“ . . . Авторъ Фармакодинамики ссылается, какъ на убѣ-

дительныя доказательства пирогеннаго свойства аконита, на извѣстные опыты проф. Шрофа, въ которыхъ встрѣчаются такія выраженія, какъ „сильное лихорадочное движеніе, общій внутренней и наружный жаръ со скорымъ пульсомъ; все тѣло горитъ; жаръ и ознобъ попеременно.“ „Д-ръ Маєнзи, приводя результаты своихъ новѣйшихъ испытаній надъ животными, утверждаетъ также, по словамъ Юза, что аконитъ *повышаетъ температуру даже до удушія*“ (стр. 174—75).

Не правда ли, интересенъ и характеренъ для науки—гомеопатіи—способъ констатировать лихорадочное состояніе посредствомъ неопредѣленныхъ *общихъ и субъективныхъ явленій* въ нашъ вѣкъ, когда *термометръ* примѣняется даже деревенскими бабками. Между тѣмъ Юзъ, приведя эти авторитетныя для него фразы, глубокомысленно заключаетъ: „Въ виду всего этого я утверждаю, что аконитъ *контролируетъ* лихорадку, вслѣдствіе присущей ему силы возбуждать *существенныя(?)* явленія лихорадки и дѣйствовать на тѣже части организма подобнымъ образомъ“ (стр. 175).—При установленіи *дифференціальной* діагностики аконита исчезаетъ и этотъ *признакъ патологическаго подобія*, и гомеопаты создаютъ показанія и противопоказанія для этого *важнѣшаго* средства на основаніи вдохновенія. По крайней мѣрѣ патогенезъ аконита никакъ не можетъ дать основаній, почему это лекарство „мало вліяетъ на лихорадки, происходящія отъ *заразныхъ ядовъ*. Назначать его въ *тифъ* и *тифоидъ*, говоритъ Юзъ, значитъ попусту терять драгоценное время. Въ *остр* онъ не вліяетъ на кровообращеніе до выступленія сыпи; при *тѣмъ* онъ также не дѣйствуетъ на высокую температуру. Въ *кори* и *скарлатинѣ* онъ чаще оказываетъ пользу, хотя въ послѣдней лишь тогда, когда она стеническаго типа, т. е. когда зараженіе крови незначительно. Нѣтъ почти надобности упоминать, что онъ не способенъ предупреждать возврата припадковъ *изнурительной* или *малярійныхъ* лихорадокъ“. „Во вторыхъ, Аконитъ не приноситъ большой пользы въ лихорадкѣ, являющіеся симптомомъ *остраго мѣстнаго воспаленія*. Это ясно доказываютъ случаи *пневмоніи*, приводимые д-ромъ Тесье“ (стр. 175) ¹⁾.

¹⁾ Въ pendant къ такому ограниченію примѣненія *аконита* въ лихорадкахъ, интересно сопоставить показанія къ нему у Руддока, въ сочиненіи послѣдняго „Спутникъ гомеопатіи“, *разошедшемся* въ 63.000 экз. Ни одно страданіе изъ всей обширной группы

„Лихорадка, въ которой аконить, по Юзу, является специфическомъ, есть *невротическая*, а не токсическая или симптоматическая. Это „*Synocha*“ древнихъ авторовъ, „*чистая* воспалительная лихорадка Ганеманна, при которой фибринъ крови находится въ избыткѣ, но кровяныя тѣльца не заражены и ткани еще не затронуты“ . . . „Д-ръ Бэйзъ превозноситъ его, въ первомъ десятичномъ разведеніи, при воспаленіи уха, а между тѣмъ его *гомеопатическое отношеніе къ этому случаю не доказано*“ „Въ сферу его входитъ обширный классъ *острыхъ* болѣзней, кромѣ вышеупомянутыхъ. При активномъ кровотеченіи, особенно при кровохарканіи, при остромъ приливѣ въ какой либо части и при свѣжихъ случаяхъ лихорадочной водянки, аконить всегда пригоденъ въ началѣ, а нерѣдко довершаетъ исцѣленіе. Тоже самое можно сказать объ острой стенической розѣ и родильной горячкѣ, а также объ „уретральной лихорадкѣ“, сопровождающей у нѣкоторыхъ особъ введеніе катетера“ . . . „Онъ оказываетъ пользу даже при коллапсѣ *азіатской холеры*, когда охлажденіе доходитъ до крайней степени, но (какъ при перемежающейся лихорадкѣ) когда температура начинаетъ уже повышаться“ . . . „Эта способность уравнивать кровообращеніе даетъ акониту важное мѣсто при леченіи многихъ болѣзненныхъ состояній, строго говоря, *нелихорадочныхъ*. При апоплексіи и родильныхъ конвульсіяхъ онъ *вспомогательнѣе замѣняетъ ланцетъ*. При остановленіи регулъ отъ простуды съ сопровождающими конгестивными явленіями, нѣтъ болѣе драгоценнаго средства, чѣмъ аконить“ . . . Но особенно интересны

болѣзней крови у него не обходится безъ аконита. При остѣ показаніемъ для послѣдняго служатъ „дрожь, жаръ, сухость кожи, быстрый пульсъ, головокруженіе и боль головы, тошнота, рвота, боль въ спинѣ и поясницѣ. Аконить можно принимать *во всякое время* въ теченіе болѣзни, когда преобладаютъ лихорадочные симптомы“ (стр. 67). При *кори* онъ назначается „попеременно“ съ Вруоніа черезъ часъ. „Данный своевременно аконить *при скарлатинѣ*, по Руддоку, *видоизмѣнитъ и сократитъ* лихорадку“ (стр. 81). При *тифѣ* аконить чрезвычайно полезенъ въ первомъ періодѣ, прежде чѣмъ будетъ сильно пораженъ мозгъ при тяжкомъ лихорадочномъ разстройствѣ. Впослѣдствіи же пригоденъ развѣ, какъ *оставное* средство при воспаленіи или мѣстномъ приливѣ крови“ (стр. 89). Руддокъ назначаетъ его при возвратной горячкѣ, при желтой лихорадкѣ, перемежающейся (въ „періодъ жара“), при симптоматическихъ лихорадкахъ, при родильной *септицеміи* (febris puerperalis), при холерѣ и пр.—Точно также и *Cl. Müller* рекомендуетъ его въ своемъ „*Домашемъ гомеопатич. Лечебникѣ*“ СПб. пер. Кучинскаго 1888 г. при тифѣ—сыпномъ, брюшномъ, возвратномъ и пр. (стр. 200, 205, 207 и др.). Кому вѣрить?

показанія для примѣненія аконита при *ревматическихъ* страданіяхъ. „Нельзя сказать, чтобы антиревматическія свойства его были возвыщены Ганеманномъ, или составляли открытіе закона подобія Тѣмъ не менѣе, эти свойства, хотя открытыя и косвеннымъ путемъ, *вспомнѣ гомеопатичны* . . Рѣжущія, раздражающія и стрѣляющія боли въ сочлененіяхъ, мышцахъ и фиброзныхъ тканяхъ вообще появляются у испытателей весьма часто и засвидѣтельствованы также Рингеромъ и Шрофомъ.“ *Жуссе* говоритъ, что „при введеніи имъ постепенно увеличиваемыхъ дозъ *экстракта* изъ аконита въ *кровь* кроликовъ всегда оказывалось поврежденіе(?) двухстворчатой заслонки сердца. Неоднократно наблюдали очень болѣзненную *иперемію* *глазъ*, что походит(?) на *воспаленіе* *роговой оболочки*. Наконецъ посмертныя вскрытія обнаруживали рѣшительные признаки воспаленія плевры и брюшины (еще бы, при введеніи *экстракта* въ кровь!), а симптомы, вызванные у нѣкоторыхъ испытателей вполне гармонируютъ съ этимъ“.

Изъ всей огромной массы показаній для этого важнаго въ гомеопатіи средства это едва ли не единственныя хоть сколько нибудь, съ натяжками, обоснованныя патолого-анатомически. Говорить о *специфическомъ* отношеніи аконита къ многочисленнымъ и разнообразнымъ картинамъ общихъ (*лихорадочныхъ*) заболѣваній крови едва ли возможно даже съ точки зрѣнія теоріи Радемахера. Только профанъ, но не научный врачъ можетъ отыскать „существенныя явленія лихорадки“ въ жалкой картинѣ дѣйствія аконита на *сосудистую* систему и подобіе его съ грознымъ, захватывающимъ обширный районъ питательныхъ и функциональныхъ разстройствъ организма, *лихорадочнымъ* процессомъ, сопровождающимъ столь разнообразныя заболѣванія, какъ тифъ, оспа, холера, скарлатина и пр. Одни только обстоятельныя изслѣдованія дѣйствія аконита на процессы питанія кѣлѣтокъ органовъ, изученіе его вліянія на общій азотистый и газовый обмѣнъ, разнообразныя нарушенія котораго лежатъ въ основѣ лихорадочныхъ процессовъ, могли бы дать право говорить объ отношеніи его къ лихорадкамъ. А чтобы опереть специфичность его на *патологическія* основанія и рассуждать о ней съ точки зрѣнія закона подобія, необходимо еще, сверхъ того, констатировать, что онъ дѣйствуетъ на организмъ по одному направленію съ лихорадочнымъ *процессомъ*, чего однако не доказалъ еще ни одинъ гомеопатъ. Только порѣшивъ эти вопросы и при томъ въ указанномъ сейчасъ направ-

леніи, гомеопаты имѣли бы право утверждать, что афонить дѣйствуетъ на „больные органы и вѣтви“ и „тушить пламя только тамъ, гдѣ оно горитъ.“ Если признать афонить *специфическимъ противолихорадочнымъ* средствомъ только лишь на основаніи сомнительнаго отношенія его къ одному изъ симптомовъ лихорадки, къ *повышенной* температурѣ (вліяніе его на послѣднюю не доказано гомеопатами, даже *термометрически* ни у здороваго ни у больнаго), то что же мы назовемъ тогда *симптоматическимъ* средствомъ? Да и сами гомеопаты видимо *не вѣрятъ* этой пресловутой *патологической* специфичности лекарствъ, основанной на подобіи ихъ дѣйствія съ *бользненнымъ процессомъ*. Возьмемъ для примѣра отношеніе *белладонны* къ таковой *типической* болѣзни, какъ *скарлатина*: она вдвойнѣ гомеопатична, а слѣдовательно и специфична¹⁾, къ этому страданію. Во первыхъ, „лихорадочное состояніе, которое, по отчетамъ Ганемаяна, является постояннымъ результатомъ приемовъ белладонны, какъ теперь доказано, говоритъ Юзъ, есть *истинная pyrexia*. „Поразительно сходство, пишетъ Гарли, общихъ явленій, возбуждаемыхъ белладонной, и тѣхъ, которыя сопровождаютъ воспаленіе легкихъ, вишекъ, приготовленіе гноя въ тканяхъ или органахъ тѣла и пр.“ и снова: „безконечно малое количество атропина, одинъ только атомъ, входи въ кровь, тотчасъ же производитъ дѣйствіе, которое близко походитъ на явленія нервные и въ кровообращеніи, сопровождающія менингитъ и простой(?) или брюшной тифъ.“ Другіе наблюдатели, продолжаетъ Юзъ, также замѣтили подъ вліяніемъ атропина значительное повышеніе температуры—отъ 1° до 4° Цельсія“²⁾ . . . „Изъ всѣхъ такихъ фактовъ, мы давно уже вывели заключеніе, что белладонна имѣетъ важное значеніе при леченіи *первичныхъ* лихорадокъ, и что когда

¹⁾ Юзъ, говоря о специфическомъ дѣйствіи синильной кислоты на *желудокъ* (что выражается въ симптомахъ тошноты, рвоты, боли и „стѣсненія въ предсердіи“), заявляетъ: „ясно, что здѣсь, какъ обыкновенно, слово *специфически* значитъ гомеопатически“ (Фармакодинамика, стр. 132).

²⁾ И здѣсь не доказано вліяніе атропина на обмѣнъ веществъ и вообще на питательныя разстройства, которыя, по словамъ Юза, лежатъ въ основѣ лихорадочнаго процесса. Точно также повышеніе температуры въ *периферіи тѣла* не даетъ намъ еще права заключать объ усиленномъ образованіи тепла (абсолютное повышеніе теплопродукціи) и о „чрезмѣрномъ окисленіи тканей“, особенно нервной системы, какъ увѣряютъ гомеопаты.

pyrexia сопровождаетъ воспаленіе органовъ, которые белладонна раздражаетъ специфически (напр. мозга или горла), то *ея достаточно для уничтоженія какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ явленій.*“ Во вторыхъ, „гомеопатичность белладонны въ скарлатинѣ обратила на себя вниманіе Ганеманна, и хотя нѣкоторые и оспариваютъ этотъ фактъ, тѣмъ не менѣе онъ признанъ большинствомъ. Не только *раздраженіе кожи*, производимое белладонной (кончающееся иногда слѣпленіемъ), сравнивалось нѣкоторыми наблюдателями со скарлатинною сыпью, но она возбуждаетъ также *мхорадку, жабу зѣва и бредъ.* Ганеманнъ настаиваетъ на томъ, что она въ особенности излечиваетъ и предупреждаетъ „гладкую“ скарлатину.“ Мало того, „белладонна, повидимому, вліяетъ на первичное или *мальпигиево кровообращеніе почекъ*; нѣтъ никакого основанія, говоритъ Юзь, предполагать, что она имѣетъ непосредственное дѣйствіе на выдѣлительныя клѣточки извилистыхъ трубочекъ. Белладонна поэтому не сопровождаетъ скарлатинный ядъ на всемъ его пути. Когда начнется трубчатое воспаленіе почекъ, она уже не можетъ нейтрализовать его, хотя (подобно *Terebinthina*) можетъ помочь, освобождая мальпигіевы волосныя сосуды и вызывая обильное отдѣленіе мочи. Но если гиперемія почекъ, *вслѣдствіе скарлатины* или простуды, возбуждаетъ только недостаточное мочеотдѣленіе, кровавую или даже *бѣлковинную мочу*, то белладонна превосходное средство. Д-ръ Гарли особенно хвалитъ ее въ послѣдней болѣзни и самъ указываетъ, что количество бѣлка „можетъ увеличиваться, если только пріемъ не самый малый“, т. е. онъ допускаетъ, что *дѣйствія ея гомеопатическое*“ (Фармакодинамика, стр. 345—48, 353). Такимъ образомъ, во всей гомеопатической терапіи едва ли найдется какое нибудь другое средство, которое представляло бы такъ много пунктовъ *сходства* съ болѣзненнымъ процессомъ, какъ белладонна со скарлатиной. По своему вліянію на температуру, на нервную систему, на миндалины и горло, на слизистую оболочку вѣвъ, на кожу, даже на почки, это средство составляетъ *идеальное simillimum* скарлатинозной инфекціи. Вполнѣ естественно, на основаніи закона подобія, ожидать, что уже *одного* этого средства достаточно не только для *уничтоженія* этой „коварной“ болѣзни и ея самаго частаго осложненія (болѣзни почекъ), но и для предупрежденія ихъ появленія у человѣка, какъ утверждаетъ Ганеманнъ.

Посмотримъ, такъ ли это. Въ „Спутникѣ гомеопата“, составленномъ очень популярнымъ гомеопатомъ Руддокомъ (Русскій пер. съ 9-го англ. изд. Спб. 1883.), при леченіи скарлатины, кромѣ белладонны, приведены показанія для примѣненія еще 12 другихъ гомеопатическихъ средствъ, не говоря о нѣкоторыхъ лекарствахъ, о которыхъ авторъ упоминаетъ при отдѣльныхъ клиническихъ формахъ этой болѣзни, какъ *Mercurius iodatus, bijodatus* (при изъязвленіяхъ), *Acidum nitricum* (внутри и полосканіе), *Hyosciamus* (сильное безпокойство, вскрикиванія, конвульси), *Stramonium* (бредъ), *Orium* (спячка) и пр.—при *scarlatina anginosa*. Кромѣ того Руддокъ не приводитъ средствъ, которыя поименованы при этой болѣзни въ „Клиническомъ указателѣ“, приложенномъ въ Фармакодинамикѣ Юза, а именно: *Augum, Samphoga* (скрытіе), *Surgum, Rhus*. Показаніемъ для *belladonna* служить, по Руддоку, „ярко-красная, свѣтлая и однородная сыпь, трудность глотанія, воспаленіе горла и глазъ, расширенныя зрачки, бессонница съ нервнымъ возбужденіемъ, вздрагиванія и т. п. *Belladonna* оказываетъ непосредственное дѣйствіе въ скарлатинѣ, которая въ простѣйшей своей формѣ и когда сыпь ярко-краснаго цвѣта уступаетъ вообще этому средству безъ помощи всѣхъ другихъ.“ Назначеніе *Aconitum* формулируется такъ: „Острые мигралочные симптомы. Данный своевременно Авонитъ видоизмѣнитъ и сократитъ мигралочку.“ *Mercurium* покажетъ „воспаленное, распухшее или изъязвленное горло, слюнотеченіе, язвы во рту, ѣдкое истеченіе изъ носа.“ „*Apis*—быстрая опухоль горла и рѣзкія, колющія боли.“ „*Veratrum viride*—при скарлатинѣ *simplex* или *anginosa* сильно видоизмѣняетъ артеріальное возбужденіе, жаръ кожи, рвоту и пр. симптомы въ ранней стадіи, его можно давать въ дес. разведеніи, а для взрослыхъ можно употреблять тинктуру.“ „*Hydrastis*—гнойныя изъязвленія слизистыхъ поверхностей; незамѣнимъ при злокачественной боли горла.“ „*Coffea*—крайнее безпокойство, бессонница, раздражительность и плаксивое настроеніе, въ особенности по ночамъ.“ „*Gelsemium*—уменьшаетъ приливъ къ мозгу и нервное возбужденіе, умѣряетъ пульсъ и помогаетъ развитію сыпи, когда она неполная. Также, когда симптомы имѣютъ послабляющій характеръ.“ „*Aelanthus glandulosa*—злокачественная скарлатина, въ особенности при зловонномъ истеченіи изъ носа, сопровождаемомъ трещинами въ углахъ рта. Очень важно употреблять это средство своевременно и въ низ-

комъ разведеніи и повторять его частыми приемами до облегченія.“ „*Ammonium carbonicum*—увеличенныя, багровыя миндалевидныя железы, покрытыя быстро разлагающеюся, липкою, зловонной слизью, жгучая боль въ горлѣ, наклонность къ накопленію слизи во рту, слабо развитая сыпь, тяжесть головы, сонливость, трудно возбуждаемое вниманіе.“ „*Lachesis*—при злокачественной скарлатинѣ, въ концѣ сыпи, часто является тифоидальное состояніе, вѣроятно вслѣдствіе всасыванія гнойнаго истеченія въ горлѣ. Это состояніе характеризуется упадкомъ силъ, скорымъ слабымъ пульсомъ, тихимъ бредомъ и подергиваніемъ членовъ. Въ этой стадіи *Lachesis* безцѣнное средство, въ особенности, если больному хуже послѣ полудня и при пробужденіи“. „*Arsenicum*—быстрый упадокъ силъ и худѣніе; холодный липкій потъ; частый, слабый пульсъ; ночные пароксизмы лихорадки съ жгучимъ жаромъ и угрожающая водянка. *Ars.* также рекомендуется для ускоренія слущиванія и возстановленія кожи и для укрѣпленія ослабленной дѣятельности почекъ (см. также *Sulphur*).“ „*Sulphur*—въ концѣ сыпи, какъ предохранительное противъ послѣдствій. Если требуются одновременно *Sulphur* и *Ars.*, то ихъ можно чередовать чрезъ 6 или 8 часовъ, или чрезъ день“. Кромѣ всѣхъ этихъ средствъ, рекомендуется рядъ „*вспомогательныхъ мѣръ*“: изолированіе больного, вентиляція, растворъ марганцево-кислаго кали съ виноваменной кислотой, частое вытираніе кожи теплымъ саломъ или вазелиномъ. „При затрудненномъ глотаніи—*компрессъ* на горло, при опухоли железъ *припарки*, *вдыханіе паровъ* горячей воды все время, пока сущ. боль горла, при запорѣ—*промывательное* изъ тепловатой воды.“ Д-ръ Дугласъ рекомендуетъ, по словамъ Руддова, *холодную* воду въ видѣ обтираній, обертыванія мокрыми простынями. „Средство это содѣйствуетъ, по Руддову, удаленію чрезмѣрнаго жара тѣла увеличеніемъ испаряющей поверхности. . . Оно безцѣнно въ *раннихъ* стадіяхъ всѣхъ лихорадоѣ, а при *скарлатинѣ*, кори, оспѣ и пр. оно помогаетъ высыпанію“ (стр. 51).

Изъ этого мы видимъ, что кромѣ белладонны, составляющей *zincum millenium* скарлатины, гомеопаты при леченіи этой, какъ и *всѣхъ другихъ болѣзней*, примѣняютъ цѣлый рядъ специфическихъ и неспецифическихъ средствъ, показаніемъ для которыхъ служатъ отдѣльные, часто второстепенные и совсѣмъ нехарактерные симптомы данной болѣзни, какъ напр. *безпокойство* и *бессонница*—для *Coffea*. Нерѣдко

нельзя даже уловить разницы въ дѣйствиі одного и другаго средства, напр. *Arum* и *Ailanthus gland.*:—оба назначаются при злокачественной скарлатинѣ съ изъявленіемъ слизистой оболочки рта и ѣдомъ, зловонномъ истеченіи изъ носа. Иногда симптомы одного средства заключаютъ въ себѣ дѣйствіе другаго, напр. белладонна вызываетъ въ горлѣ „сухость, трудность глотанія, стягиваніе, чувствительность, опухоль и жженіе“ „соотвѣтственно этому, при *острой боли горла она составляетъ самое лучшее специфическое средство.*“ (Юзь стр. 348). Руддо въ при тѣхъ же симптомахъ, а именно при *быстрой* опухоли горла и рѣзкихъ *колющихъ* боляхъ находить нужнымъ, сверхъ этого специфическаго средства, примѣнять еще *Apis*. Почему?—Если, какъ можно предвидѣть отвѣтъ гомеопатовъ, этимъ достигается тщательное *индивидуализированіе* даннаго болѣзненнаго случая, то этимъ вовсе не разрѣшается наше недоумѣніе. Удовлетворяя назначеніемъ *Coffea* или *Hydrastis* однимъ симптомамъ въ болѣзненной картинѣ (бессонница, изъявленіе слизистыхъ поверхностей), мы оставляемъ безъ вниманія другія не менѣе важныя показанія для леченія, какъ лихорадка, сыпь и пр. Затѣмъ, если бессонница, безпокойство и др. въ этомъ родѣ симптомы представляютъ собой такое важное отклоненіе отъ клиническаго типа скарлатины, что требуютъ назначенія *другаго* специфическаго средства, то страннымъ кажется, почему новогомеопаты, при своемъ понятіи о специфичности средствъ къ *отдѣльнымъ* симптомамъ болѣзни, отвергли болѣе удобную для безконечнаго индивидуализированія *симптоматическую* патологию Ганеманна и возстановили классификацію болѣзней по отдѣльнымъ патологическимъ картинамъ и типамъ. Если неважные психическіе симптомы измѣняютъ *типическую* картину скарлатины въ *индивидуальную* форму болѣзни, то непонятно, почему гомеопаты ограничиваются примѣненіемъ лишь 13—15 средствъ, а не *дифференцируютъ* ихъ дальше по другимъ возможнымъ, *измѣняющимъ картину*, симптомамъ, какъ явленія душевныя, состояніе зрячювъ, сердца, пищеварительныхъ органовъ, дѣятельность почекъ, слюнныхъ железъ, качество мокроты, степень пораженія миндаливовъ и т. д. Наконецъ, затѣмъ при *специфическомъ* леченіи болѣзней нужно еще примѣненіе *вспомогательныхъ* безразличныхъ средствъ, какъ припарки, обертыванія въ простыни, вдыханія пара, дезинфекція и пр. Какую въ такихъ случаяхъ роль играютъ эти мѣропріятія? Всѣ эти вопросы не разрѣшаются

стремленіемъ въ индивидуализированію болѣзненнаго случая, но за то вдоволь показываютъ несостоятельность даже *подобнѣйшихъ* (simillimum) специфическихъ средствъ при леченіи болѣзней.

Не могу не привести, курьеза ради леченія *малокровія* (анаемія) у гомеопатовъ. По Руддоку, малокровіе опредѣляется, какъ „недостатокъ *красныхъ шариковъ, водянистость* крови и скудость бѣлковины“ въ отличіе отъ *блѣдной немочи* (хлорозъ), подъ которой разумѣется „состояніе общей слабости у молодыхъ дѣвушекъ съ анеміей или недостаточнымъ количествомъ красныхъ кровяныхъ шариковъ (*гематина*)¹⁾, вслѣдствіе чего кожа бываетъ блѣдная, или желтоватаго и часто зеленоватаго цвѣта“ (Спутникъ гомеопата, стр. 182, 183). Юзъ, не мудрствуя лукаво, заявляетъ: „Леченіе малокровія желѣзомъ принадлежитъ къ числу немногихъ удовлетворительныхъ и вѣрныхъ приемовъ *новѣйшей* медицины, и мы, признающіе громадное преимущество гомеопатическаго метода, не можемъ пренебрегать этимъ леченіемъ, *если даже оно и кажется не соответствующимъ*“ . . . „Отъазываться въ немъ больному было бы непростительно, каковы бы ни были наши мнѣнія о теоріи его дѣйствія и о способахъ его дачи“ . . . „При гипальбуминозѣ совершенно необходимы гигиеническія и діететическія мѣры и требуются такія лекарьства, какъ: Argentum nitricum, Calcareo phosphorica, Natrum muriaticum, Zincum и Plumbum, при олигоцитеміи же, *никакая пища, никакой воздухъ (!?) не могутъ замѣнить леченія желѣзомъ*“ . . . „Въ *идіопатической* анеміи, недавно описанной подъ грознымъ названіемъ „*регнісіоза*“, и „прогрессивной“ желѣзо оказывается бесполезнымъ. Оно также не очень пригодно въ лихорадочной формѣ хлороза съ слабостью и отекомъ“ . . . „Въ формѣ желѣзистой пищи нѣтъ ничего лучше *ferrum reductum* британской фармакопеи, *одинъ или два грама въ день* (Фармакод., стр. 556—57,—60,—63). Словомъ—здѣсь откровенно принимаются и показанія и доза рациональной медицины. Руддокъ, въ своемъ Руководствѣ, приводитъ гомеопатически *индивидуализированное* леченіе малокровія: 1) „отъ *потери соковъ*—china, phosphori acidum; 2) *при скудныхъ или остановившихся регулахъ*—Pulsatilla, Ferrum; 3) *отъ недостатка движенія и свѣта*—Fer-

¹⁾ Слово, „гематинъ“ обозначено курсивомъ у Руддока и можетъ служить доказательствомъ, до чего невѣжественны въ физиологіи и химіи даже *ученнѣйшіе* гомеопаты.

gum, Pulsatilla, Nux-vomica. Какъ *специфическое средство* рекомендуютъ *Natrum sulfuricum*. *Вспомогательныя мтры*—питательная, легковаримая пища: молоко, яйца, бульонъ; затѣмъ рыба, птицы, баранина и пр. *Умѣренное движеніе на чистомъ воздухѣ* и купанье, въ особенности *морское*“ (стр. 183). Не касаясь совершенно другихъ средствъ, я остановлюсь лишь на *специфическомъ леченіи* анэміи *Natru sulfurico*. Если понимать специфичность въ смыслѣ локализаци и подобія болѣзненнаго процесса съ лекарственными разстройствами, то слѣдуетъ ожидать, что специфическое средство при малокровіи дѣйствуетъ на кровяные шарикѣ и бѣлки въ одномъ направленіи съ болѣзью. Справляясь у Юза относительно *Natrum sulphuricum* (глауберовой соли) на стр. 779 читаемъ: „Повидимому, оно возбуждаетъ *обыкновенное* разстройство почти во всѣхъ частяхъ тѣла. Однако же д-ръ фонъ-Грауфогль положилъ начало опредѣленія его цѣлебной сферы. Онъ считаетъ его важнѣйшимъ средствомъ для того, что онъ называетъ „водородистое (hydrogenoid) сложеніе“, когда у больныхъ преобладаетъ влага, и всѣ ихъ симптомы ухудшаются въ сырую погоду или въ сыромъ мѣстѣ. Въ такихъ случаяхъ, по его словамъ, въ прошедшемъ почти всегда можно найти гоноррею; онъ связываетъ это болѣзненное состояніе съ *sucosis* Ганеманна и его современниковъ и съ *leukaemia Virхова* и Беннета.“ Вотъ всѣ патологическія основанія специфичности глауберовой соли къ малокровію. *Sapienti sat!*

Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами *антипиретическихъ спецификовъ*—аконита и белладонны, гомеопаты имѣютъ еще два очень важныя при лихорадкахъ средства—мышьякъ и хину. *Мышьякъ*, по словамъ Юза, представляется *главнымъ* средствомъ для *типовъ* лихорадки малярийной, изнурительной и тифозной, а также противъ холеры.“ Послѣ краткой исторіи терапевтическаго примѣненія мышьяка, Юзъ продолжаетъ: „Взглянемъ теперь, какое отношеніе имѣютъ его физиологическія дѣйствія къ лихорадочному состоянію вообще и къ различнымъ формамъ, принимаемымъ имъ. Д-ръ Энберъ-Гурбэйръ разобралъ этотъ пунктъ въ опытѣ: „Лихорадочныя свойства мышьяка“; онъ доказывается, что *возбужденіе* лихорадки составляетъ самое постоянное и характеристическое дѣйствіе этого яда. Очевидно, впрочемъ, что въ огромномъ большинствѣ приводимыхъ имъ наблюдений, она *составляла симптомъ* возбужденнаго имъ *желудочно-кишечнаго раздраже-*

ня, а не *первичное дѣйствіе*. При такихъ обстоятельствахъ она бываетъ *изнурительнаго типа*, часто съ замѣтными отягощеніями по вечерамъ; иногда холодъ и жаръ съ жаждой и головной болью возвращаются *периодически* съ нѣсколькими неправильными промежутками“.. „Но нѣкоторые изъ свидѣтельствъ, приводимыхъ нашимъ авторомъ, и факты, собранные изъ другихъ источниковъ, показываютъ, что *мышьякъ можетъ возбуждать лихорадку безъ мѣстнаго раздраженія*. Такого рода наблюденіе д-ра Грауфогля, который послѣ употребленія въ теченіе нѣсколькихъ дней 15-го разведенія не испыталъ ничего, кромѣ *неутолимой жажды*; отъ 5-го дѣленія, въ добавленіе къ жадѣ, онъ чувствовалъ *большое утомленіе и бессонницу* и только *послѣ нѣсколькихъ недѣль*, когда онъ дошелъ до 3-го десятичнаго, появились симптомы раздраженія желудка и кишекъ.—Ганеманнъ замѣтилъ (1796 г.): „я убѣдился, что мышьякъ имѣетъ большую наклонность возбуждать спазмъ въ кровеносныхъ сосудахъ и потрясеніе въ нервной системѣ, которые мы называемъ *лихорадочною дрожью*. Если дать довольно большой приемъ ($\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$ *грана*) взрослому, то эта дрожь дѣлается очень замѣтной“ . . . „Онъ обладаетъ свойствами, продолжаетъ Ганеманнъ, возбуждать повторяющійся ежедневно, хотя съ каждымъ днемъ слабѣйшій, пароксизмъ, даже если оставить его употребленіе“ . . . „Прекрасный примѣръ *тифоидальнаго* состоянія, часто возбуждаемаго *хроническимъ отравленіемъ мышьякомъ*, мы находимъ въ одномъ изъ случаевъ *Орфилы*. Отъ 18-го до 23-го дня, сказано: его наружность *походила* на видъ тифознаго больнаго. Другими, кромѣ того (какъ показываетъ Энберъ—Гурбѣйръ), отравленіе мышьякомъ *сравнивалось* съ теченіемъ медленной лихорадки и однажды было принято за нее. Д-ръ Hausmann показалъ въ статьѣ въ *Oesterreich. Zeitschrift* (1845 г.), что кишечное пораженіе тифоида имѣетъ *много общаго* съ таковымъ же у лицъ, погибшихъ отъ мышьяка. Поэтому очевидно, что (какъ впервые доказывалъ Hausmann и какъ допускаетъ Будэнъ), мышьякъ *гомеопатиченъ* къ перемежающейся лихорадкѣ, которую онъ безъ сомнѣнія излечиваетъ, и что на основаніи закона подобія онъ долженъ быть полезенъ при простомъ и брюшномъ тифѣ. Оно такъ и есть. Мой собственный опытъ убѣждаетъ меня, что для этихъ болѣзней Арсеникъ тоже, что Аконитъ для *простой* лихорадки. *При какихъ бы обстоятельствахъ ни появились тифоидалные симптомы*—въ особенности сухой язькъ и часто не про-

извольный поносъ—въ *длительныхъ ли лихорадкахъ, накожныхъ бо-
лѣзняхъ, или какъ симптомъ истощенія или зараженія крови*—упор-
но дайте Арсеникъ“ (Фармакодинамика Юза, стр. 279, 282—83).

Послѣднія заключительныя слова Юза прямо подкапываются подъ патологическое основаніе подобія мышьяка въ лихорадкѣ, которое онъ съ такою *последовательностію* старался вывести изъ показаній гомеопатовъ и не гомеопатовъ, какъ ф. Грауфогль, Орфила, Гаусманнъ. *Первичная лихорадка*, которую Грауфогль удостоверяетъ на основа- ніи „неутолимой жажды“ и „большаго утомленія и безсонницы“(!), *лихорадочная дрожь*, которую видѣлъ Ганеманнъ при употребленіи $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{5}$ *грана мышьяка, послабленія* при гастрической лихорадкѣ отъ мышьяка, *давали право* гомеопатамъ заключать о подобіи его въ *перемежающейся лихорадкѣ*. Сходство *наружности* отравившагося мышьякомъ у Орфила съ тифознымъ, *сравненія у другихъ* авторовъ отравленія арсеникомъ съ теченіемъ медленной лихорадки, наконецъ— указаніе д-ра Haussmann'a, что измѣненія *кишечника* у погибшихъ отъ мышьяка имѣютъ „много общаго“ съ *тифоидомъ*, послужили о-снованіемъ для употребленія мышьяка по закону подобія при *тифѣ*. Но Юзъ находитъ, что для терапевтическаго примѣненія этого сред-ства въ гомеопатіи излишне выискивать подобіе его въ перемежаю-щейся лихорадкѣ или въ тифу. Все равно, гдѣ-бы, когда-бы и у ко-го-бы ни появились симптомы—„сухой языкъ и часто произвольный поносъ“—упорно дайте мышьякъ! восклицаетъ Юзъ. Тутъ ужъ, по крайней мѣрѣ не толкуется о специфичности въ *процессу* болѣз-ни, а просто и откровенно проповѣдуется *симптоматическая* пато-генезія Ганеманна. Къ этому остается только прибавить, что, вопре-ки Ганеманну, „въ холерѣ, тифоидальныхъ состояніяхъ, ракъ, хро-нической меноррагіи и накожныхъ болѣзняхъ, по Юзу, можно да-вать первое растираніе мышьяковистой кислоты или (что я предпо-читаю) *Liquor potassae arsenitis*, которая содержитъ одинъ гранъ мышьяковистой кислоты на 120 минимовъ“ (капель).

Говорить ли мнѣ о *хинь*, въ пользу подобія которой въ пере-межающейся лихорадкѣ самымъ убѣдительнымъ доводомъ, по Юзу, служатъ извѣстныя уже читателю наблюденія надъ „хинной“ бо-лѣзнию у работающихъ на фабрикахъ хины въ Франефуртѣ—на—Май-нѣ. Чтобы не утомлять читателя изложеніемъ и безъ того длинной гомеопатической лекарственной вазуистіи, можно рекомендовать

желающимъ ближе и детальнѣе ознакомиться съ этимъ предметомъ прочесть обширное *Руководство къ фармакодинамикѣ* „всемирнаго авторитета по фармакологіи“ Р. Юза. Но, въ заключеніе, не лишне будетъ привести здѣсь нѣкоторыя соображенія и откровенія этого писателя по поводу *хины*. „Гомеопатична ли хина къ перемежающейся лихорадкѣ, отвѣчаетъ ли она закону подобія?“ спрашиваетъ Юзъ. „Вопросъ этотъ ставится иногда такимъ образомъ:—можетъ ли она возбудить такую лихорадеу? Но, хотя бы мы должны были отвечать отрицательно, гомеопатичность ея этимъ не отвергается. Лекарства рѣдко возбуждаютъ конкретную болѣзнь (что сказалъ бы на это Радемахеръ и Ганеманнъ?!), да и въ этомъ нѣтъ и нужды для практическаго примѣненія закона: „лечи подобное подобнымъ“. Для этого и для доказательства подобія лекарства достаточно, чтобы оно дѣйствовало въ томъ же направленіи, какъ и болѣзнь, чтобы оно поражало тѣ же части, и—насколько распространяется его дѣйствіе—подобнымъ же образомъ“ (Фармакод., стр. 465—66).

Интересно сопоставить съ этимъ скромнымъ признаніемъ *ученнѣйшаго* изъ современныхъ гомеопатовъ приведенную нами раньше формулу закона подобія новѣйшей гомеопатіи. Откровенія Юза, что „лекарства рѣдко возбуждаютъ конкретную болѣзнь“ и что для закона подобія достаточно, „чтобы лекарство дѣйствовало въ томъ же направленіи, какъ и болѣзнь“ вполне подтверждаютъ наше замѣчаніе, что *quasi-существенная* (по Юзу) фармакотерапія новогомеопатовъ еще меньше соответствуетъ патологическимъ „типамъ“ болѣзни, нежели гомеопатія Ганеманна съ ея *динамической* патологіей. Поверхностное подобіе „направленій“ болѣзни и лекарства въ опредѣленіи Юза совершенно согласуется съ приведенными нами раньше примѣрами подобія такихъ лекарственныхъ дѣятелей, какъ, аконитъ, мышьякъ и пр. Оно не даетъ намъ ни малѣйшихъ основаній говорить о „существенной“ *патолого-анатомической* терапіи и трактовать въ этомъ смыслѣ гомеопатію. Глубокой ироніей звучитъ подобіе „направленій“ Юза при сопоставленіи его съ формулой *патологическаго* и *анатомическаго* подобія новогомеопатовъ и убѣдительно въ всякихъ аргументовъ доказываетъ неосновательность и тенденціозность смѣлаго обобщенія г. Бразоля, изложеннаго имъ въ заключеніе 1-ой его публичной лекціи о гомеопатіи (стр. 25): „Изъ всего сказаннаго мною, надѣюсь, милостивые государи и милостивыя госу-

дарыни, у Васъ могло составиться понятіе, что гомеопатическая терапия или гомеотерапія есть *истинная физиологическая терапия, строю* основанная на физиологическомъ или патолого-анатомическомъ основаніи сравнительной патологіи естественныхъ и лекарственныхъ болѣзней и представляетъ высшую ступень, достигнутую до настоящаго времени терапевтическимъ искусствомъ.“

Но допустимъ, что *патолого-анатомическое* сходство болѣзненнаго процесса съ картиной лекарственнаго дѣйствія доказано. Что даетъ этотъ фактъ для закона подобія? Ганеманнъ, какъ мы убѣдились уже изъ 2-й главы, доказывалъ существованіе этого основнаго терапевтическаго принципа гомеопатіи, какъ логическое слѣдствіе несомнѣнныхъ для него посылокъ—своего перваго и втораго законовъ природы, а именно:

Въ организмѣ можетъ существовать только одна болѣзнь: сильнѣйшее страданіе всегда „тушить“ безъ остатка *сходное* съ нимъ болѣе слабое (*большая посылка*).

Динамическія измѣненія, причиненныя лекарствомъ въ организмѣ вообще *безусловно* сильнѣе *подобнаго* болѣзненнаго разстройства (*малая посылка*).

Слѣдовательно, подобное должно лечиться подобнымъ (*заключеніе*).

Доказавъ *подобіе* патолого-анатомическихъ картинъ дѣйствія лекарства и болѣзни, новогомеопаты разрѣшили бы только одну сторону посылокъ силлогизма, оставляя не выясненнымъ самое существенное для заключенія, именно—что *лекарственными* измѣненія тканей и органовъ *въ состояніи* устранить *подобное* разстройство ихъ, причиненное болѣзнию, т. е. „привести патологическій процессъ на мѣстѣ его существованія къ физиологическому.“ Какія же доказательства могутъ представить гомеопаты, что, въ случаѣ выздоровленія больнаго, дѣйствіе лекарства послѣдовало отъ того, что оно вызываетъ „подобіе“ у здороваго? Вотъ примѣры жалкихъ попытокъ этого рода доказательствъ. *J. Gutwill* въ своей „Die allein mögliche Cellular-und Atomenthegarie (1872), признавъ на мѣсто *жизненной силы* Ганеманна „кѣтки“ и усиливаясь выяснить, какія изъ нихъ *заболѣваютъ* и какія поражаются лекарствами, приходитъ въ заключенію, что и болѣзни и лекарства *часто* представляютъ одинаковыя явленія, оба дѣйствуютъ, слѣдовательно, на одни и тѣже органы одинаковымъ образомъ, при-

чемъ лекарство попадаетъ прямо на заболѣвшее мѣсто. Поэтому онъ строить „подобіе“ такъ: все, что дѣйствуетъ на однѣ и тѣже клѣтки и атомы, то устраняетъ также и явленія, причиненныя ненормальнымъ состояніемъ этихъ клѣтокъ и атомовъ. Подобіе обоихъ симптомокомплексовъ *служитъ ручательствомъ* за то, что при этомъ затрогиваются и поражаются заболѣвшіе пункты. *Но съ этимъ еще не достаточно знакомы.* Къ предъидущему слѣдуетъ прибавить: „если доза хорошо отгадана, т. е. если назначили достаточно малый приемъ.“ Почему такъ? На страницѣ 19 своего сочиненія онъ говоритъ: „Развѣ это можетъ быть иначе, когда болѣзненная дѣятельность клѣтокъ требуетъ нѣжнаго прикосновенія. Нѣжное же есть *разведенное* а затѣмъ *сродное*, которое не разстраиваетъ наличнаго состоянія своими измѣняющими свойствами, а лишь *захватываетъ молекулы въ данномъ видѣ ихъ разстройства.*“ Съ этой точки зрѣнія, замѣчаетъ Кёрре, Gutwill создаетъ и обосновываетъ законъ подобія. „Я разслѣдовалъ эту истину, говоритъ онъ на стр. 25,—Ганеманнъ только открылъ ее, но ближе не изучилъ.“

„Останавливаться подробнѣе на клѣточно-атомной терапіи послѣ приведенной пробы—излишне“, прибавляетъ Кёрре. „Недостатки и заблужденія ея—очевидны. Какимъ образомъ *одно и тоже средство* можетъ *различно* дѣйствовать на *однородныя* клѣтки, скажемъ мышечныя клѣточки сосудовъ въ различныхъ частяхъ тѣла, и вызывать многочисленныя, часто противорѣчащія другъ другу симптомы—не постижимо. А какимъ образомъ уже патологически измѣненная клѣтка, посредствомъ лекарства, *причиняющаго здоровому именно данное разстройство*, можетъ быть возвращена изъ наличнаго измѣненія въ *нормальное*, слѣдовательно, въ *противоположное* ей состояніе—совершенно непонятно. Однако Gutwill полагаетъ, что „нѣжное прикосновеніе“ *сроднаго* и *разведеннаго* все это совершаетъ. Говоря о дѣйствіи „сроднаго“, что оно „только захватываетъ молекулы въ данномъ видѣ ихъ разстройства“, этимъ ни болѣе ни менѣе выражаютъ, что наличное измѣненіе становится въ томъ же самомъ направленіи еще больше и еще распространнѣе. Вѣдь *специфическій характеръ* средства въ томъ и состоитъ, что оно „атакуетъ“ *здоровое мѣсто такимъ образомъ*, какъ оно представляется въ данномъ случаѣ *патологически.* И изъ всего этого должно произойти *противоположное!* Во всякомъ разѣ, эта „комбинація фантазіи“, какъ называетъ Gutwill на стр.

30, качественное дѣйствіе „подобія“—неудачна. И съ этимъ воззрѣніемъ лучше всего гармонируетъ повторное признаніе автора, что доселѣ нѣтъ еще удовлетворительнаго объясненія „подобія.“ „*Какимъ образомъ*“ (das *Wie*), заявляетъ онъ на стр. 26,—„есть еще открытый вопросъ.“ А на стр. 30 откровенно прибавляетъ: „правильное изслѣдованіе и обсужденіе „подобія“, какъ и многихъ другихъ вопросовъ, еще не предпринималось.“—Другіе гомеопаты, отвергая „замѣщеніе симптомовъ“ Ганеманна, тоже *сознаются, что до сихъ поръ удовлетворительнаго объясненія simile не дано и не можетъ быть дано* (Körre, стр. 59.). Такъ *W. Sorge*, послѣ краткаго обзорѣнія теоріи Ганеманна, на стр. 26 своего сочиненія заявляетъ: „эта попытка объясненія столь мало удовлетворительна, что многіе ученики Ганеманна старались представить новыя воззрѣнія; однако я не привожу ихъ здѣсь, такъ какъ всѣ они самими гомеопатами признаются неудовлетворительными.“ При этомъ онъ отмѣчаетъ въ высшей степени интересный фактъ: „въ новѣйшее время *Schüssler* изъ Ольденбурга до того усумнился въ возможности объясненія „подобія“ *подобіемъ*, что въ одной популярной брошюрѣ—„*Populäre Darstellung des Wesens der Homöopathie.*“ 1863, Seite 21—выставилъ *странное* положеніе, что подобіе между лекарственной и натуральной болѣзнью при гомеопатическомъ леченіи состоитъ только *во внѣшнихъ симптомахъ*, между тѣмъ какъ *основное состояніе* (der Grundzustand), *настоящая сущность* обоихъ заболѣваній—совершенно различна, поэтому, *выбранное* на основаніи подобія симптомовъ излечиваетъ *только* посредствомъ „*contraria contrariis*“. Къ этому *Sorge* прибавляетъ: „такое ложное пониманіе основнаго закона „*similia similibus curentur*“ породило бы *самую поверхностную гомеопатію*, какую только можно представить.“ Но то, что казалось *Sorge* въ *шестидесятыхъ* годахъ „самой поверхностной гомеопатіей, вовсе не казалось страннымъ его современнику, гомеопату Гиршелю. Утверждая необходимость *патолого-анатомическаго* основанія *подобія*, опредѣляя послѣднее не только въ смыслѣ *внѣшняго подобія симптомовъ*, но какъ „сходство между болѣзнью и средствомъ, основанное на *локализациі, характерѣ, теченіи* и т. д.“, онъ тутъ же, какъ мы видѣли, заявляетъ: „способъ дѣйствія цѣлительнаго процесса при *simile* *очень разнообразенъ* и естественнѣе принять, что „подобіе“ даетъ только точку опоры, *критерій*, при выборѣ средства, коль скоро оно, какъ симптомы для распознаванія

болѣзни и лекарственнаго дѣйствія, служить *индикаціей*“ (Compendium, S. 368). Другими словами—онъ признаетъ именно *только внѣшнее подобіе симптомовъ*, которое нѣсколькими строками выше считалъ недостаточнымъ для *Simile*. Еще болѣе категорически выражается, въ своей 3-й публичной лекціи о гомеопатіи (стр. 47), г. Бразоль: „законъ „*Similia similibus curantur*“ не выражаетъ собой закона внутренняго процесса или *механизма излеченія*, а служитъ лишь выраженіемъ закона *выбора* или практическаго нахождения излечивающаго средства для даннаго случая, и хотя выборъ лекарствъ происходитъ по закону подобія, тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно и правдоподобно—и *это уже сотни разъ высказывалось въ гомеопатической литературѣ*—что механизмъ излеченія или *modus operandi* происходитъ по закону *противоположности*.“ Не меньшей категоричностію, хотя въ другомъ родѣ, отличается отзывъ гомеопата *Heinigke*: „законъ подобія, какъ и другіе естественные законы, открытъ Ганеманномъ путемъ индукціи; научнаго основанія для него нельзя дать“ (стр. 52). Совершенно иначе смотритъ на дѣло *Stens senior* на стр. 9 своего сочиненія: „объясненія внутренняго процесса исцѣленія по основному гомеопатическому закону, по мнѣнію этого оптимиста, даны Ганеманномъ, *Rau, Rummel* емъ, *Mosthaff* омъ, *Gerstel* емъ, *Kock* омъ и многими другими съ такимъ остроуміемъ, съ *такою гениальностію*, что если они не превосходятъ подобныхъ же стремленій другихъ методовъ, то безусловно достойны стоять въ сторонѣ.“ (*Körre*, S. 60).

Такимъ образомъ гора родила мышь! Стремясь въ „болѣе глубокому и основательному опредѣленію закона подобія“, пытаюсь установить его на *физиологическихъ и патологическихъ началахъ*, послѣдователи основателя гомеопатіи въ сущности ни на одинъ шагъ не подвинулись впередъ, сравнительно съ *симптоматически-динамическимъ* понятіемъ „подобія“ Ганеманна. Скорѣе въ этомъ отношеніи у нихъ замѣчается *регрессъ*. Удержавъ динамическій характеръ лекарствъ, они вмѣстѣ съ симъ стараются примѣнить анатомо-физиологическую мѣрку въ гомеопатической патологіи; противорѣчіе, неизбежное при взаимодействіи между *динамическимъ* лекарствомъ и *матеріальнымъ* болѣзненнымъ измѣненіемъ, они усиливаются примирить принятіемъ *нематеріальнаго* характера патологическихъ процессовъ. Возстановивъ въ своей *патологіи* классификацію и *типъ* болѣзней, принятые въ *раціональной медицинѣ*, они въ тоже время до-

пускають *въ терапіи* слишкомъ детальную индивидуализацію болѣзней и, часто на основаніи мало значущихъ *отдѣльныхъ* симптомовъ, дифференцируютъ послѣднія безъ конца, при отсутствіи строгаго порядка и контроля. Такіе узко-субъективные симптомы, какъ *возбужденіе, бессонница*, колотье въ миндалинахъ, часто служатъ не только поводомъ къ индивидуализаціи болѣзни въ *отдѣльную патологическую форму*, но и являются объектомъ *экстра-ординарнаго* спеціального леченія. Патологическія картины, такимъ образомъ, ради *индивидуально-специфической* терапіи, воплощаются въ узко *симптоматическіе* образы, подобіе которыхъ съ лекарственными разстройствами не идетъ далѣе грубаго и поверхностнаго сходства ихъ *отдѣльныхъ* признаковъ, т. е. оно является обыкновенно *мнимымъ* подобіемъ безъ малѣйшихъ признаковъ *патолого-анатомическаго* сходства процессовъ. Въ сущности симптоматическое „подобіе направленій“ болѣзней и лекарствъ не только наиболѣе удачно характеризуетъ динамически-виталистическую гомеопатію Ганеманна, но, какъ мы могли убѣдиться изъ предыдущаго, оно всецѣло приложимо и къ „физио-патологической“ гомеопатіи Юза, Дриздэла, Heinicke, Бразоля и др., съ той разницей, что Ганеманнъ старался не касаться *патологическаго* подобія, игнорировалъ *матеріальныя* измѣненія въ своей патологіи и терапіи, новогомеопаты же, придавая высокое *теоретическое* значеніе болѣзненнымъ и лекарственнымъ *патолого-анатомическимъ* разстройствамъ, не слѣдуютъ имъ въ *практическомъ* приложеніи подобія, въ своей терапіи. Этого мало. Отдѣльные авторы, воплиъ сознавая неопредѣленность и *практическую* несостоятельность закона подобія, при объясненіи *взаимодѣйствія* гомеопатическаго лекарства съ болѣзненнымъ процессомъ, прибѣгаютъ къ общепринятымъ въ естественныхъ наукахъ и въ *раціональной* медицинѣ воззрѣніямъ, рассматривая въ такихъ случаяхъ подобіе въ смыслѣ *противоположенія*. Интересно, что въ такому компромиссу прибѣгаютъ авторы, наиболѣе ратующіе за *патолого-анатомическое* обоснованіе и доказательство подобія и признающіе *терапевтическое дѣйствіе* гомеопатическихъ лекарствъ на *клетки* и совершающіеся въ нихъ процессы. Я отмѣчу здѣсь упомянутыхъ раньше Hirschel'я, Schüssler'a, Бразоля и др., которые „уже *сотни* разъ высказывались въ гомеопатической литературѣ“ въ этомъ смыслѣ. Вліяющее непосредственно на „больные органы и *клетки*“ *патолого-анатомическое* подобіе процессовъ болѣзни и ле-

барства, о которомъ они такъ много и такъ красно говорятъ, въ концѣ концовъ ограничивается скромной *діагностическою* ролью: „подобіе служить лишь выраженіемъ выбора“ лекарства, а терапевтическое дѣйствіе, „механизмъ излеченія“ происходитъ по закону противоположности (*contraria contrariis curentur*). Что это означаетъ? Переводя высокопарныя и туманныя рѣчи гомеопатовъ на обще-понятный языкъ, мы должны бы съ ними признать, что гомеопатическое средство, вызывающее „тождественныя или сходныя измѣненія“ въ *здоровыхъ* тканяхъ и клѣткахъ, вліяетъ *совершенно противоположнымъ образомъ на больную клѣтку и ткань*. При этомъ слѣдуетъ твердо помнить, что рѣчь идетъ именно о *матеріальныхъ* процессахъ въ послѣднихъ и что, согласно этому, средство, выбранное на основаніи гомеопатическаго патогенеза, дѣйствуетъ на здоровыя клѣтки иначе, чѣмъ на больныя, т. е. если оно вызывало тамъ усиленный обмѣнъ и превращеніе веществъ, то здѣсь послѣдніе замедляются и понижаются, если ими возбуждаются *здоровыя* функціи, то отправленія *больныхъ* органовъ угнетаются и пр. Какая же здѣсь „*гомеотерапія*“, или выражаясь словами Бразоля, „*истинная фізіологическая* терапія, строго основанная на фізіологическомъ или патолого-анатомическомъ основаніи сравнительной патологіи естественныхъ и лекарственныхъ болѣзней“? Чѣмъ она отличается *по своей сущности* отъ попираемой развязнымъ ораторомъ *аллопатіи*? Способомъ „*практическаго* нахожденія излечивающаго средства“?! Но, *вопервыхъ*, „сходство направленія“ способъ слишкомъ субъективный (Бразоль даже *юрдится* той высокой оцѣнкой, какую гомеопатія придаетъ „субъективнымъ“ симптомамъ), поверхностный, примитивный и не даетъ, къ тому же, понятія о *сущности* процессовъ, совершающихся въ тканяхъ и органахъ при заболѣваніи и при дѣйствіи лекарства. *Во вторыхъ*, *взаимодѣйствіе въ сущности противоположныхъ* другъ другу болѣзни и лекарства проще и правильнѣе опредѣлять непосредственно изъ ихъ *антагонизма*, чѣмъ дѣлать *косвенное* заключеніе на основаніи мнимаго и эфемернаго подобія, которое во всякомъ разѣ не углубляется до патологическаго подобія лекарственнаго и болѣзненнаго эффектовъ. Этимъ избѣгается чрезчуръ гадательныя и фантастическія гипотезы о *динамичности* дѣйствія, неосновательныя предположенія о дозѣ лекарства и пр. Рациональная же медицина, слѣдуя своему *прямому* методу клинически-фізіологическаго опредѣленія лекарствен-

ныхъ эффектовъ, ограничивается констатированіемъ и основательной проверкой *факта* вліянія лекарствъ на организмъ и только послѣ того ищетъ объясненія этого факта, придавая *настоящую* цѣну разнаго рода гипотезамъ. Словомъ—смотрѣть ли съ точки зрѣнія научной доказательности, или же со стороны практической примѣнимости въ терапіи „патолого-анатомическаго“ подобія новогомеопатовъ, оно также мало удовлетворяетъ даже снисходительной критикѣ, какъ и динамическое подобіе Ганеманна. Но, прежде чѣмъ сдѣлать свое окончательное заключеніе о значеніи гомеопатіи, какъ *научной* и практической медицинской системы, необходимо разсмотрѣть еще одинъ родъ доказательствъ, въ которомъ гомеопаты полагаютъ центръ тяжести доказательности „преимуществъ“ гомеопатическаго леченія,— я говорю о *клиническомъ опытѣ* гомеопатовъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

леры, однако, принадлежит Галену, согласно коему это—острая болѣзнь, протекающая съ безмѣрной рвотой, поносами, судорогами въ икрахъ, холодомъ конечностей, маленькимъ и совершенно исчезающимъ пульсомъ¹⁾.

Александръ рассматриваетъ 4 вида холеры: 1) происходящій отъ разложенія излишне принятой пищи, причеиъ бываетъ только тошнота и позывъ на рвоту, самая же рвота и поносъ незначительны и проходятъ тотчасъ послѣ опорожненія вредныхъ веществъ. Это, по мнѣнію Александра, даже и не болѣзнь, такъ какъ при этомъ нѣтъ органическаго измѣненія желудка, почему эту форму неправильно называютъ холерой. Этого названія заслуживаетъ собственно 2) видъ холеры, происходящій отъ употребленія динь, причеиъ ясно выражены боли въ животѣ и всѣ явленія холеры. 3) Третій видъ холеры зависитъ отъ избытка желчи, ищущей выхода вверхъ или внизъ, причеиъ опорожняемыя массы имѣютъ желчный видъ, бываетъ сильный жаръ, языкъ обложенъ, боль въ кишкахъ, позднѣе судороги и обмороки. 4) Четвертая форма есть cholera sicca Гипократа, причеиъ нѣтъ ни рвоты, ни поноса. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что древніе подъ названіемъ cholera обозначали не только бурная явленія, вызываемыя cholera postica, но и болѣе легкія пораженія и другія, болѣе сложныя заболѣванія желудочно-кишечнаго канала.

Въ виду опасности болѣзни и угрожающаго упадка силъ, она требуетъ быстрой медицинскои помощи. При излишне принятой пищѣ Александръ старается вызвать рвоту щекотаніемъ нѣба гусиными перьями. Если рвота принимаетъ угрожающій характеръ, то онъ назначаетъ отвара мяты (*mentha sativa*, τὸ τοῦ ἡδύοσμου ζῆμα) съ виномъ, согреваетъ нижнія и верхнія конечности съ цѣлью отведенія туда болѣзнетворнаго вещества при помощи раздражающихъ мазей, припарокъ и пластырей²⁾. При слабости желудка онъ назначаетъ укрѣпляющія средства—вино, хлѣбъ, а снаружи подиванія области желудка ароматическими маслами, виномъ, мази и пластыри; при вздутіи—сухія банки на животъ, съ нащчками же только при одновременномъ воспаленіи кишекъ³⁾. При cholera sicca, которую онъ также называетъ „безболѣзненно протекающей“ (ἀλύτως κινουμένη), онъ прежде всего старается вызвать испраженія на низъ слабительными вмѣсто примѣнявшихся тутъ съ этой цѣлью Гипократомъ промывательныхъ изъ теплаго масла. При холодѣ конечностей онъ назначалъ растиранія теплыми руками, погруженіе ихъ въ горячую воду, укутываніе въ теплыя платки, ванны и т. д.⁴⁾. Изъ вина онъ особенно употребляетъ пальматійское, но не сарентское (χωρὶς Σαρραφίνου)⁵⁾.

Колѣка. Подъ названіемъ колѣки (κολική διάβησις) Александръ, какъ и его предшественники, обозначаетъ боль, наступающую въ толстой кишкѣ вслѣдствіе плотности и толщины ея стѣнокъ, затрудняющихъ или дѣлающихъ совершенно невозможнымъ размельченіе поступающихъ туда веществъ. Боль эта наступаетъ здѣсь или первично, вслѣдствіе накопленія въ толстой кишкѣ холдныхъ, густыхъ, слизистыхъ влагъ, плотнаго кала и газовъ, или распространяется сюда отъ сосѣднихъ органовъ, напр. при

¹⁾ Galenus, ὄροι ἰατρικοί, ed. Kühn. XIX, 421.

²⁾ Alexander Trallianus, l. c., V. II, 321—327. Въ особенности Александръ хвалитъ здѣсь пластырь οἰνάνθη изъ цвѣтовъ дикаго и масла неспѣлаго винограда (ὄμφακίαις) στοгахъ, g. asaciae, сухихъ розъ, галусовыхъ орѣшковъ, финиковъ, кислаго вина, миртоваго масла и смолы. Тамъ же, 327.

³⁾ Тамъ же, 329 и слѣд. ⁴⁾ Тамъ же, 333. ⁵⁾ Тамъ же, 325.

воспаленіяхъ мочевого пузыря, почекъ, печени, селезенки, діафрагмы и т. д., въ каковомъ случаѣ засореніе кишекъ должно называться не коликой, а относится къ „chordapsus“ (завороту кишекъ). Отъ почечной колики кишечная отличается, по Александру, болѣе сильными и продолжительными болями, не ограничивающимися однимъ мѣстомъ и проходящими послѣ испражненій, далѣе частой рвотой, запоромъ. Моча при кишечной коликѣ густая, при почечной сначала водянистая, затѣмъ съ примѣсью песка. Вообще колику Александръ считаетъ опасной болѣзнью, ведущей иногда къ нарывамъ, заворотамъ кишекъ и даже къ внезапной смерти ¹⁾.

Леченіе состоитъ прежде всего въ урегулированіи діеты, причемъ Александръ даетъ подробныя указанія на подходящіе сорта овощей, птицъ, рыбъ, мяса, ванъ (за завтракомъ полное, анисовое и вообще съ пряносами, за обѣдомъ бѣлыя и отнюдь не влажущія) и наконецъ даже на десертъ (сокъ миндалей съ медомъ и съ перцемъ). При холодномъ характерѣ болѣзни онъ примѣняетъ теплыя примочки (особенно при задержаніи вѣтровъ), возлежаніе на нагрѣтыхъ кускахъ мрамора, прикладываніе мѣшковъ съ отрубями, припарки, маслянистыя втиранія, а также присыпку на животъ острыхъ веществъ, горчичники, смоляные пластыри (δρόμαξ), растиранія тѣла, купанія въ теплыхъ, сѣрныхъ и асфальтовыхъ минеральныхъ источникахъ, которые онъ назначаетъ и внутрь вслѣдствіе ихъ слабительнаго дѣйствія. Кромѣ того suppositoria, клистиры изъ теплаго масла, растительныхъ соковъ, съ прибавленіемъ солей и наркотическихъ веществъ ²⁾. Въ упорныхъ же случаяхъ онъ прибѣгалъ къ такъ называемому „леченію мѣхомъ“ (τοῦ ἀσχοῦ θεραπεία), извѣстному уже гиппократикамъ, примѣнявшимъ его при ileus, и состоящему въ томъ, что изъ мѣха вдувается въ задній проходъ воздухъ посредствомъ трубки, послѣ чего ставится промывательное. Какъ слабительныя онъ примѣнял парвѣнионъ, globularia alurum и даже свинцовыя (!) пилюли (καταποτῖα ἀπὸ μόλυβδου) ³⁾. Изъ сильнодѣйствующихъ—Euphorbium, Aloes, Daphne Gnidium, Scammonium, Boletus Laricis съ полнымъ въ видѣ пилюль ⁴⁾. Опіаты онъ примѣнял только при происхожденіи колики отъ горячихъ, острыхъ влагъ и когда боли невыносимы и ослабляютъ больного, при коликѣ же отъ холодныхъ и тягучихъ влагъ онъ избѣгалъ наркотическихъ веществъ, такъ какъ, по его мнѣнію, дѣйствуя прохлаждающимъ образомъ, они суживаютъ поры, сгущаютъ испражненія и могутъ даже вести къ параличамъ и къ смерти ⁵⁾. При коликѣ отъ воспаления кишекъ онъ отвергаетъ слабительныя, могущія вести къ заворотамъ кишекъ (о коихъ вначалѣ с. 2 р. 335 обѣщается поговорить въ особомъ отдѣлѣ, до насъ однако не дошедшемъ), а назначаетъ охотнѣе крововозлеченія, ванны, клистиры, въ пищу легковаримыя вещества, не производящія вздутія, въ питье — теплую или холодную воду, иногда съ легкимъ виномъ, но только тогда, когда нѣтъ лихорадки и воспаленія ⁶⁾.

Наконецъ и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Александръ приводитъ длинный рядъ амулетовъ, но только „для вѣрующихъ“, такъ какъ и „великій Гиппократъ преподавалъ мудрое правило—довѣрять священныя вещи лишь благочестивымъ“ ⁷⁾.

¹⁾ Alexander Trallianus, l. c., l. VIII, c. 2, B. II, 335—337. ²⁾ Тамъ же, 339—361.

³⁾ Тамъ же, 363. ⁴⁾ Тамъ же, 345. ⁵⁾ Тамъ же, 359. ⁶⁾ Alexander Trallianus, l. VIII, c. 2, B. II, 371—375. Ср. Puschmann l. c., I, 222—226. ⁷⁾ Тамъ же, B. II, 377.

Ученіе Александра о глистной болѣзни изложено въ его ἐπιστολή къ Theodorus'у, быть можетъ тому самому, который былъ императорскимъ референдаріемъ во время чумы въ Константинополѣ. Онъ различаетъ, также какъ и его предшественники, остриць (*ἀσκαρίδες*, *oxyuris vermicularis* или *ascaris vermicularis*), круглыхъ глисть (*ἐλμίνθες στρογγύλαι*, *lumbrici teres* или *ascaris lumbricoides*) и ленточную (*πλατέϊα*, *taenia lata*). Александръ принимаетъ, что глисты образуются отъ разложенія пищи или перехода несваренныхъ соковъ желудка въ гніеніе. Интересно однако, что онъ умалчиваетъ о таковой же теоріи происхожденія глисть Геродота, приведенной Аэціемъ¹⁾. *Симптоматологія* глистной болѣзни у Александра согласна съ дѣйствительностью, причеъ онъ указываетъ также на судороги, бредъ, обмороки и т. д. Онъ различаетъ глистную лихорадку и безлихорадочную глистную болѣзнь. По словамъ Александра, глисты иногда продиравливають стѣнки кишечнаго канала и даже брюшные покровы.

При глистной лихорадкѣ онъ избѣгаетъ горькихъ и острыхъ средствъ, а прибѣгаетъ обволакивающимъ и прохлаждающимъ, какъ розовый медъ, розовое масло съ водой и въ особенности клистиры и втиранія изъ *oleum chamomilae* и *hydroleum*, причеъ и здѣсь избѣгаетъ горькихъ средствъ, дабы не загонять глисть кверху. Слишкомъ строгое воздержаніе отъ пищи онъ считалъ вреднымъ, такъ какъ при этомъ именно онъ будто наблюдалъ прободеніе кишекъ и кожи глистами²⁾. Въ безлихорадочной формѣ онъ прибѣгалъ клистиры изъ кедровой смолы, или отвара ромашекъ съ ячменной мукою противъ остриць, внутрь горькія и слабительныя, чеснокъ, тминъ, отваръ полыни, алоѣ, бычачью желчь, теріакъ, гагатовый камень. Далѣе онъ назначаетъ при глистахъ—миртовне листья, горькіе миндали, корень папоротника (*θηλοπτερίον*, *filix femina*), сѣмена *Heliotropi Euphoraei*, *ol. ricini*, волоискіе орѣхи (*κάρυα βασιλικά*), пластыри изъ чернаго тмина (*μελάνθιον*) на животъ, втиранія изъ *oleum lupini* (*θήρμος*) съ оленьимъ костнымъ мозгомъ въ пупокъ испогъ, смоляной уголь, наконецъ цвѣты и сѣмена граната (а не корку, какъ у Аэція): всѣ эти средства убиваютъ ленточную, а большая часть изъ нихъ и круглую глисть. Противъ послѣдней онъ, кромѣ того, еще специально совѣтуетъ отваръ изъ полыни, сѣмена кориандра и *thymus*³⁾. Всѣ приведенныя средства, однако, за исключеніемъ бычачьей желчи и гранатовыхъ цвѣтовъ, были уже извѣстны съ древнихъ временъ.

Кривавый поносъ (*δυσεντερία*) изображенъ Александромъ совершенно вѣрно и согласно съ дѣйствительностью. Сущность болѣзни онъ ищетъ въ присутствіи язвъ въ кишкахъ. Онъ различаетъ первичную и вторичную формы болѣзни, смотря по тому, образуются ли язвы непосредственно и съ самаго начала въ кишечномъ каналѣ, или развиваются послѣдовательно при заболѣваніяхъ другихъ органовъ, напр. при болѣзняхъ печени

1) См. выше стр. 47.

2) Alexander Trallianus, ἐπιστολή περί ἐλμίνθων, ed. Puschm. В. II, 587—593.

3) Тамъ же, 593—597.

(печеночная дизентерія), селезенки, брыжжечныхъ сосудовъ, а также отъ обыкновеннаго длительнаго поноса (ревматическая дизентерія, *dysenteria ex ventris profluvio*, ἐκ τοῦ τῆς γαστρῆς ῥευματισμοῦ). Александръ прежде всего задается цѣлью изслѣдовать, въ какой части кишекъ находятся язвы. При образованіи ихъ въ верхнихъ отдѣлахъ тонкихъ кишекъ позывъ на низъ наступаетъ лишь нѣсколько часовъ спустя послѣ обнаруженія сильныхъ болей, самыя же испражненія жидкія, смѣшанныя съ перепонками и кровью. При образованіи язвъ въ средней части кишекъ испражненія наступаютъ хотя и раньше, но все же не одновременно съ болями въ животѣ, и содержатъ небольшую примѣсь гноя. Наконецъ при образованіи изъязвленной въ толстой кишкѣ боли слабѣе, но занимаютъ нижнюю часть живота, являются тенезмы, испражненія похожи на мясной настой, послѣ ихъ выдѣленія часто отдѣляется еще нѣсколько капель крови или жира. При распространеніи язвъ на нижнюю часть прямой кишки, тенезмы усиливаются, причѣмъ отдѣляется только кровь, смѣшанная съ частицами тканей. Кишечныя язвы причиняютъ гніеніе и разложенія, а при запущеніи даже смерть ¹⁾.

Печеночная дизентерія возникаетъ при заболѣваніяхъ и разстройствѣхъ отравленій печени по части пищеваренія и кроветворенія, причѣмъ выдѣляются жидкія испражненія, похожія на воду, стекающую съ свѣжаго мяса; въ послѣдствіи дѣло доходитъ до образованія язвъ и настоящей дизентеріи ²⁾.

Ревматическая дизентерія (обработанная Александромъ по Филумену) развивается изъ поносовъ, вызываемыхъ приливами къ желудку. По мнѣнію Александра, при этомъ пища, превращающаяся обыкновенно въ брыжжечныхъ сосудахъ въ кровь, въ видѣ таковой течетъ назадъ въ кишечный каналъ и, смѣшавшись съ желчью, опорожняется. Испражненія при этомъ кислы и разнообразнаго качества. Больные страдаютъ отсутствіемъ аппетита, сильной жаждой, болями въ кишкахъ и худѣютъ. Тогда образуются язвы въ кишкахъ, испражненія становятся кровавыми, позднѣе гнойными и содержатъ жиръ и клочья тканей. При злокачественномъ характерѣ болѣзни отдѣляются дрожжеобразныя, вонючія, раково-перерожденныя, черныя, а также гніющія, мясистыя массы. Если существуетъ лихорадка, то она мѣшаетъ заживленію язвъ, которыя становятся грязными и гніющими, вслѣдствіе чего развиваются воспалительныя и раковидныя процессы ³⁾.

¹⁾ Alexander Trallianus, l. IX, c. 3, ed. Puschmann, B. II, 415—419.

²⁾ Тамъ же, c. 2, B. II, 397 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, ed. Guinteri Andernaci, l. VIII, c. 8, pp. 432—434. Въ изд. Puschmann'a этой главы нѣтъ, а есть только изложеніе ея въ общей части. Ср. Puschmann, l. c. B. I, 236.

При леченіи Александръ прежде всего обращаетъ вниманіе на мѣсто нахождения язвъ. При существованіи язвъ въ верхнихъ частяхъ кишечнаго канала онъ назначаетъ лекарства *per os*, въ нижнихъ -- *per anum*. Кроме того онъ руководствуется степенью болѣзни. При незначительности ея онъ старается содѣйствовать цѣлебной силѣ природы, освобождая только тѣло отъ излишнихъ и вредныхъ веществъ и только при *plethora* назначая кровопусканіе и слабительныя. При сильной же степени болѣзни и возрастающемъ ослабленіи больного, Александръ назначаетъ слизистыя, производящіе запоръ отвары, вяжущіе растительныя соки и опіати, напр. пилюли изъ мышьяка, опія, сандалака, мѣди, извести, а также порошки изъ галлусовыхъ орѣшковъ. Далѣе Александръ назначаетъ сунпозиторию, напр. изъ *Myrtha Troglodyt.*, *Glaucium* и опія величиной въ сосновую шишку, и клистиры изъ слизистыхъ, маслянистыхъ, вяжущихъ и наркотическихъ веществъ, сваружи -- согрѣвающие, раздражающіе и укрѣпляющіе пластыри, мази, припарки и втиранія; кровопусканы же только въ началѣ болѣзни у молодыхъ, крѣпкихъ и полнокровныхъ; пищу удобоваримую, укрѣпляющую и слегка заваривающую, въ особенности сваренное молоко, въ которое бросаютъ раскаленные кремни или кусочки желѣза для сообщенія молоку слегка вяжущаго дѣйствія, а также *Rhus coriaria*, *Plantago*, рисовую кашу, рисовый отваръ, виноградъ, вяжущіе фрукты, легкое, теплое вино и т. д.¹⁾ При секундарномъ характерѣ дизентеріи, кромѣ мѣстнаго леченія, Александръ обращаетъ вниманіе на основное страданіе, которое старается устранять цѣлесообразной діетой и соответственными лекарствами. Наконецъ онъ излечивалъ дизентерическихъ больныхъ исключительно одной только діетой²⁾.

Болѣзни печени. Воспаленія печени, говоритъ Александръ, по общепринятому мнѣнію, какъ и всякое другое воспаленіе, происходитъ отъ кипѣнія крови (*ἐξ ζέοντος αἵματος*). Для діагностики необходимо прежде всего удостовѣриться, существуетъ ли воспаленіе въ самой печени, на выпуклой, вогнутой ея поверхности или на обѣихъ вѣстѣхъ, въ окружающихъ ея оболочкахъ или въ сосѣднихъ мускулахъ³⁾. При воспаленіи самой ткани выпуклой части печени распознаваніе не трудно, такъ какъ очертанія воспаленной печени легко выступаютъ наружу. При этомъ у больного бываетъ сильная, жгучая лихорадка, желчная или похожая на яръ-мѣдянку рвота, частые приступы кашля, а въ печени ощущеніе скорѣе тяжести, нежели боли; кромѣ того при этомъ бываетъ опущеніе ключицы и сжатіе діафрагмы. Всѣ эти явленія однако рѣзко выступаютъ только при сильной степени болѣзни. При воспаленіи вогнутой части печени опухоль расположена болѣе книзу, являются обмороки, тѣло худѣетъ, теряетъ свой нормальный цвѣтъ, наступаютъ подкожные отеки. Весьма часто къ воспаленію печени присоединяются завалы ея (*ἐμφραξις*) и желтуха, которая, по Александру, развивается либо отъ болѣзней печени, либо отъ дискразій желудка. Для отличительнаго распознаванія отъ воспаленія окружающихъ оболочекъ (перитонита) Александръ указываетъ на болѣе сильную боль при

1) Alexander Trall. I. IX, с. 3, В. II, 417—429 и 431—435.

2) Тамъ же, 437—439.

3) Тамъ же, I. IX, с. 1, В. II, 379.

послѣднемъ; при воспаленіи брюшныхъ мышцъ, послѣднія рѣзко очерчиваются, симптомы же воспаленія печени отсутствуютъ ¹⁾).

Лечение воспаленія печени Александръ начинаетъ кровопусканіемъ, затѣмъ назначаетъ обливанія, примочки, мочегонныя, потогонныя, рвотныя и слабительныя, причемъ старается всячески пролагать болѣзни путь наружи. Пищу онъ назначаетъ легкую, прохлаждающую, нестягивающую, въ особенности же запрещаетъ употребленіе вина и сластей. При затвердѣніи онъ примѣняетъ припарки, примочки, мази и пластыри. О способахъ вскрытія нарывовъ печени у Александра нѣтъ рѣчи ²⁾).

Завалы печени, по словамъ Александра, не сопровождаются лихорадкой. Больной только жалуется на непріятное ощущеніе тяжести и напряженія въ области воротной вены. Иногда высушенные соки лежатъ въ больной печени подобно камнямъ и никакими средствами не поддаются разрѣшенію ³⁾. Лечение состоитъ въ употребленіи разжижающихъ средствъ (перецъ, агримонія, costus въ аскалонскомъ винѣ, ammoniacum, olibanum, капорцы и т. д.) и стараніяхъ выводить болѣзнетворное вещество испражнениями и потомъ ⁴⁾.

Такъ называемая слабость печени (*ἀτονία ἥπατος*), по мнѣнію Александра, зависитъ отъ дискразій: при горячей дискразіи больной чувствуетъ жажду, языкъ шероховатый и тѣло сухое. Съ испражнениями, какъ съ мокротами, отдѣляются желчныя или похожія на яръ-мѣдянку массы, въ послѣдствіи частицы тканей съ отвратительнымъ запахомъ. Больные брюзгливы, легко приходятъ въ гнѣвъ, худѣютъ и представляютъ, по выраженію Александра, такой видъ, какъ будто печень растворилась. При холодной дискразіи жажда незначительна и желчныхъ мокротъ нѣтъ. Больной чувствуетъ во рту не горькій, а кислый вкусъ, испраженія похожи на чернила и по видимому содержатъ старые кровяные свертки. При сухой дискразіи тѣло изсушено и исхудало, жажда усилена, испраженія скудны и густы, при влажной—жажда отсутствуетъ, языкъ влажный, въ послѣдствіи присоединяются поносы. Вообще же всѣ виды атоніи печени подаютъ поводъ къ происхожденію такъ называемой печеночной дизентеріи.

Лечение направлено противъ основной дискразіи и имѣетъ цѣлью устранить послѣднюю, равно какъ и существующіе завалы, соответственными діететическими предписаніями и медикаментами, а также укрѣпить печень и способствовать пищеваренію, причемъ Александръ примѣняетъ преимущественно масляныя втиранія, припарки, острые, раздражающіе пластыри, внутрь лимонный сокъ, медъ, терпентинъ и т. д. ⁵⁾.

Болѣзни селезенки обработаны Александромъ по Филагрію ⁶⁾, авторитетъ котораго признается и Аэціемъ. Согласно ему, селезенка, какъ и

1) Тамъ же, 379—381.

2) Тамъ же, 381—393.

3) Тамъ же, 385.

4) Тамъ же, 393—395.

5) Тамъ же, с. 2, В. II, 397—413.

6) Непонятно, почему Puschmanн счелъ нужнымъ пропустить въ своемъ изданіи главы о болѣзняхъ селезенки, хотя-бы обработанныя по Филагрію, разъ онѣ имѣются въ

другіе органы, подвержена дискразіямъ и кромѣ того увеличенію въ объемѣ, чрезмѣрнымъ припуханіямъ, удлиненіямъ, сморщиваніямъ, заваламъ, затвердѣніямъ и скиррозному перерожденію. Холодная дискразія болѣе свойственна селезенкѣ, чѣмъ горячая. Последняя вызывается лихорадкой и солнечнымъ зноемъ. Затѣмъ, упомянувъ о сухой и влажной дискразіяхъ, Александръ переходитъ, къ смѣшаннымъ формамъ, а именно къ сухо-горячей, сухо-холодной, влажно-горячей и влажно-холодной. Лечение проводится по гиппократовскому принципу: *contraria contrariis* 1). Затѣмъ Филагрій разсматриваетъ по порядку:

Припуханіе селезенки отъ газозъ (*inflatio, πνευματώσις*) безъ воспалительныхъ явленій, причеиъ не только селезенка, но и желудокъ, тонкія кишки и весь животъ вздуты (вѣроятно метеоризмъ, осложненный симпатическими явленіями со стороны селезенки) 2). Кромѣ Александра и Аэціи 3), также слѣдующаго Филагрію въ своей патологіи болѣзней селезенки, никто изъ древнихъ врачей объ описываемой болѣзни не упоминаетъ.

Воспаленіе селезенки, по Филагрію, также какъ и по Гипократу, бываетъ 4 видовъ, смотря по тому, вызывается ли оно измѣненіемъ крови, слизи, желтой или черной желчи, причеиъ Филагрій приводитъ слѣдующіе отличительные признаки при происхожденіи воспаления селезенки отъ слизи, лихорадка бываетъ ежедневная, кожа блѣдная, селезенка то опухаетъ, то спадается, есть аппетитъ; при воспаленіи отъ желчи—3-дневная, опухоль селезенки доходитъ до лобковыхъ костей, при воспаленіи отъ черной желчи—4-дневная, селезенка не такъ опухаетъ. Кромѣ того Филагрій, подобно Гипократу, признаетъ здѣсь наследственность, но ничего не говоритъ о происхожденіи болѣзней селезенки отъ пребыванія въ болотистыхъ мѣстностяхъ, употребленія испорченной воды и т. д., а также объ опуханіи ея при тифѣ, піеміи, цынгѣ и взаимныхъ отношеніяхъ между селезенкой и печенью, что было уже извѣстно гиппократикамъ. Воспаленіе селезенки переходитъ въ нагноеніе, затвердѣніе или скирръ.

Здѣсь Филагріемъ назначается кровопусканіе, слабительныя, клистиры, втиранія пластыри, припарки и мочегонныя. При такъ называемомъ селезеночномъ кашлѣ о пій внутрь

рукописахъ. Puschmann ограничивается только изложеніемъ ихъ содержанія въ упомянутой выше *Общей части* (В. I, 108—286, ср. выше стр. 63), которой и мы руководствовались при нашемъ изложеніи, придерживаясь однако по возможности самаго текста Александра Трапійскаго, какъ это явствуетъ изъ приводимыхъ нами ссылокъ и выдержекъ, коихъ у Puschmann'a нѣтъ. Считаеиъ поэтому не лишнимъ разсматрѣть здѣсь вкратцѣ упомянутыя пропущенныя главы о болѣзняхъ селезенки по изданію Гинтера Андернахскаго.

1) Alex. Trall., l. VIII, c. 10, ed. Guinteri Andernaci, 472—479.

2) Тамъ же, 479.

3) Tetrab. III, s. II, c. 9.

спнаружи въ видѣ мази. При вздутіи *carminativa*, сухія банки на животъ. Весьма важную роль играютъ здѣсь также *drastica*, препараты каперцоваго дерева и различные виды *asplenii* ¹⁾.

Водянка по Александру бываетъ 3-хъ видовъ: подкожная (*υδερως*), которая также носитъ названіе *ἀνὰ σάρακα* или *λευκορλεγματία*, брюшная, (*ἀσχιτης*) и тимпанитъ (*τομπανία*). По мнѣнію Александра водянка происходитъ тогда, когда принятая пища превращается не въ кровь, а въ воду, слизь или газы, что бываетъ при простудѣ печени, искони слывущей какъ органъ кроветворенія ²⁾.

Въ разрѣзъ съ Галеномъ, принимающимъ, что *anasarca* происходитъ отъ накопленія и избытка въ мускулахъ холодныхъ, влажныхъ или испорченныхъ продуктовъ разложенія, влекущихъ за собою раствореніе плотныхъ частей, Александръ держится того мнѣнія, что размягченіе плотныхъ частей часто происходитъ скорѣе отъ слишкомъ большого жара, чѣмъ отъ холода, а потому причину водянки нужно искать въ препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ кроветвореніемъ. Больные, согласно Александру, страдаютъ при этомъ расстройствомъ пищеваренія, кашлемъ, лихорадкой же только при развитіи водянки отъ острыхъ воспалительныхъ болѣзней; при этомъ онъ высказываетъ удивленіе, что лихорадка не устраняется и не тушится водянкой, такъ какъ отъ лихорадочнаго зноя вода должна бы испаряться ³⁾.

Въ діагностическомъ отношеніи онъ обращаетъ вниманіе на слѣдующіе признаки: при *ascites* явственно выступаетъ зыбленіе, причемъ жидкость болтается „словно въ пузырьѣ“ (*ὡς ἐν ἀσχιῶ*) ⁴⁾. При тимпанитѣ слышенъ барабанный звукъ постукиванія. При *anasarca* все тѣло имѣетъ кадаверозный видъ, болѣзнь не сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, а разлита по всему тѣлу, кожа теряетъ свою упругость, такъ что слѣдъ отъ давленія пальцемъ остается. Наконецъ отличительными признаками служатъ происхожденіе *anasarki* отъ слизи, тимпанита отъ воздуха и *ascites* отъ водянистой жидкости ⁵⁾.

Леченіе состоитъ въ назначеніи слабительныхъ, масляныхъ и соленыхъ втираній въ животъ, ароматическихъ припарокъ, раздражающихъ пластырей изъ сѣры, квасцовъ, раствора мѣднаго купороса и т. д., а внутрь—мочегонныхъ, потогонныхъ, *carminativa* и желѣзныхъ препаратовъ; при оплотненіяхъ печени и селезенки—припарки или небольшое кровозвлеченіе. При лихорадкѣ Александръ назначаетъ смѣшанное леченіе, направленное какъ противъ нея, такъ и противъ водянки, причемъ смотря по преобладающимъ симптомамъ примѣняетъ согрѣвающія или охлаждающія средства. Ванны, особенно вначалѣ, онъ вовсе отвергаетъ, такъ какъ онѣ дѣйствуютъ болѣе охлаждающимъ, чѣмъ согрѣвающимъ

¹⁾ Alex. Trallianus, ed. Guinteri Andernaci, l. VIII, cc. 10, 11, pp. 479—510. Ср. Puschmann, l. c. I, 247—251.

²⁾ Alex. Trall. l. X, ed. Puschm., B. II, 439.

³⁾ Тамъ же, II, 459—461.

⁴⁾ Отсюда и названіе *ascites*. Тамъ же 441.

⁵⁾ Вслѣдствіе худосочія при пораженіяхъ легкихъ (чахоткѣ), діафрагмы, селезенки, тонкихъ кишекъ, брыжейки, матки, почки, мочеваго пузыря, при сильныхъ метроррагіяхъ и задержаніи мѣсячныхъ. Тамъ же, B. II, 439—441.

образомъ. Вообще же онъ предостерегаетъ отъ назначенія многихъ лекарствъ, въ особенности слабительныхъ. При апазагса, при которой онъ принимаетъ избытокъ въ тѣлѣ холодной крови и слизи, онъ, кромѣ приведенныхъ выше средствъ, считаетъ еще полезнымъ кровопусканіе (котораго при ascites и tympania не одобряетъ), но не до обмороковъ и упадка силъ. Кромѣ того онъ здѣсь употребляетъ растиранія, для разрыхленія поръ и облегченія выхода изъ нихъ жидкостей, либо сухими руками, либо при помощи маселъ и солей. О проколѣ для удаленія жидкостей Александръ не упоминаетъ, но зато совѣтуетъ морскія путешествія, умѣренное движеніе пѣшкомъ и верхомъ, внослѣдствіи ванны, минеральные источники, перемѣну воздуха, развлеченіе, въ пищу легковаримыя вещества: хлѣбъ съ тминомъ, анисомъ и укропомъ, нѣжные овощи, худое мясо, въ особенности дичь, наконецъ старое крѣпкое вино ¹⁾.

Изъ *болѣзней моче половых органовъ* разсматривается

Воспаленіе почекъ, которое, согласно Александру, происходитъ отъ увеличеннаго притока крови или отъ измѣненнаго ея качества, когда она получаетъ болѣе густое, тягучее, острое или землистое свойство, вслѣдствіе преобладанія въ ней слизи, желтой или черной желчи. При наличности и количественнаго и качественного измѣненія крови почка опухаетъ. Кромѣ того Александръ совѣтуетъ изслѣдовать, происходитъ ли приливъ болѣзнетворнаго вещества изъ всего тѣла или только изъ отдѣльныхъ органовъ, напр. селезенки или печени ²⁾.

При переходѣ воспаления почекъ въ нагноеніе, лихорадка и боли усиливаются, появляется потрясающій ознобъ; при перемѣнѣ положенія на здоровую сторону, больной получаетъ ощущеніе большей тяжести, чѣмъ до образованія нарыва; каждое движеніе усиливаетъ боль; моча становится гнойной и содержитъ также примѣсъ крови и другихъ составныхъ частей, которыя Александръ совѣтуетъ изслѣдовать для опредѣленія мѣсто-нахожденія язвъ. Листообразный осадокъ въ мочѣ указываетъ на происхожденіе гноя изъ пузыря, мясовидный—изъ почекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. допускаетъ прониканіе гноя въ мочу изъ другихъ мѣстъ, напр. изъ легкихъ и пищеварительныхъ органовъ ³⁾.

Леченіе Александръ начинаетъ кровопусканіемъ при острой формѣ и полнокровіи. Противъ болѣзненно-измѣненнаго качества крови онъ назначаетъ слабительныя, потогонныя и мочегонныя, а также щелочныя и другія средства, уменьшающія остроту мочи; далѣе охлаждающія мази, припарки, ванны, причемъ предостерегаетъ отъ примѣненія слишкомъ большой теплоты, способствующей нагноенію, равно какъ и отъ слишкомъ большаго холода, ведущаго къ затвердѣнію; въ питье назначаетъ тепловатую воду, медъ и т. д. Къ средствамъ способствующимъ опороженію гноя онъ причисляетъ водомедъ, сариллусъ Венерис, огурцы съ хризаттійскимъ виномъ, можжуховныя ягоды (phusalis Alkekengi), молоко ослицъ, а также армянскую глину въ видѣ питья и т. п. ⁴⁾.

Затрудненное мочеиспусканіе (*страγγουρία*), согласно Александру, бываетъ болѣзненное и безболѣзненное. Если препятствіе находится въ мочевомъ пузырьѣ, то моча выдѣляется съ трудомъ и съ

¹⁾ Тамъ же, 443—461. ²⁾ Alex. Trallianus, l. XI, c. 2, B. II, 475—477. ³⁾ Тамъ же, 481. ⁴⁾ Тамъ же, 477—479 и 483—485.

болѣю; присутствіе въ ней гноя указываетъ на язвы или нарывы въ мочевомъ пузырьѣ; если боли сопровождаются чувствомъ напряженія, но не ощущеніемъ тяжести въ мочевомъ пузырьѣ, то въ послѣднемъ, согласно Александру, находятся раздувающія его газы. Если же затрудненіе при мочеиспусканіи не сопровождается ни болями, ни напряженіемъ, ни опухолью въ области пузыря, то мѣстопробываніе болѣзни нужно искать въ мочеточникахъ или почкахъ.

Леченіе состоитъ въ устраниеніи дискразій и назначеніи мочегонныхъ, потогонныхъ средствъ, согрѣвающихъ втираній, обильнаго употребленія теплой воды и даже вина, наконецъ въ примѣненіи ваннъ, теплыхъ минеральныхъ источниковъ и т. д. При затрудненномъ мочеиспусканіи вслѣдствіе густыхъ влагъ укxусомедъ, отвары изъ *Origani*um, *Euphorbium*, но только не при воспаленіи¹⁾.

Почечные камни Александръ, какъ и всѣ древніе, производить отъ высыханія тягучихъ и густыхъ влагъ вслѣдствіе большого жара въ почкахъ при лихорадеѣ. Матеріальный субстратъ (*ὄλιον*), говоритъ Александръ, образуетъ сгущенная матерія (*ἡ παχυτέρα ὕλη*), дѣйствующую же причину составляетъ лихорадочный жаръ²⁾. Распознаваніе почечныхъ камней, согласно Александру, представляетъ не малое затрудненіе вслѣдствіе сходства сопутствующихъ имъ явленій съ коликой: какъ при той, такъ и при другой болѣзни наступаютъ сильныя боли, рвота, запоръ, вздутіе и напряженіе живота, доходящее до области селезенки и печени. Отличительными признаками для почечныхъ камней служить болѣе острая и ограниченная боль въ области почекъ, меньшая частота рвоты и запора, въ особенности же отдѣленіе песку вмѣстѣ съ мочою³⁾.

Леченіе имѣетъ цѣлю размягченіе и раздробленіе почечныхъ камней, для чего Александръ рекомендуетъ продолжительныя теплыя ванны, согрѣвающія втиранія, припарки, масляные клистиры, а изъ внутреннихъ средствъ мочегонныя и въ особенности створожившуюся козлиную кровь (*τραγελίον αἷμα*); при бессонницѣ—опій, имѣющій, по его мнѣнію, разрѣшающее дѣйствіе на камни, при полнокровіи и осложненіи воспаленіемъ почекъ—кровоусканія. Кромѣ того онъ обращаетъ особенное вниманіе на предохранительное леченіе и совѣтуетъ избѣгать всего, что можетъ способствовать сгущенію влагъ, возвышенію нормальной температуры почекъ и образованію воспаленія ихъ, почему больныя не должны употреблять пряностей, перцу и вообще горячительныхъ веществъ и лекарствъ, а также густой, кашицеобразной, мучнистой пищи, коржей, крутыхъ яицъ, молока, сыру, жирнаго мяса, слишкомъ терпкихъ, темныхъ винъ, не ѣсть поздно, не спать на перинахъ, не стоять много, а больше сидѣть или ходить, пить побольше воды и употреблять удобоваримую пищу, въ особенности фрукты. Къ средствамъ, способствующимъ растворенію камней, онъ причисляетъ *Betonica officinalis* съ медовымъ виномъ (*οἶνο-μέλιτος*), а также *Potentilla reptans* (*πενταφύλλος*), *Erysimum officinale*, *έρύσιμος*), *Thymus*

¹⁾ Тамъ же, с. 3, В. II, 485—489.

²⁾ Тамъ же, I. XI, с. 1, В. II, 463.

³⁾ Тамъ же, 463—465.

segrullum (έρπύλλος) и, наконецъ, средство изъ кузнечиковъ (τεττίγων)¹⁾. Какъ амулетъ (φοσι-κόν) онъ совѣтуетъ ношеніе на медицинскомъ (четвертомъ) пальцѣ золотого кольца со вдѣланнымъ въ него камнемъ изъ кипрской или никейской мѣди, съ изображеніемъ льва, мѣсяца или звѣзды. При этомъ Александръ ссылается на признаніе и Галеномъ могущественныхъ силъ, присущихъ симпатическимъ средствамъ, какъ это ясно выражено въ трактатѣ Галена „περί τῆς καθ' Ὀμηρον ἱατρικῆς πραγµατείας“²⁾.

Камни въ мочевомъ пузырьѣ, согласно Александру, происходятъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и почечные, и требуютъ такого же леченія, т. е., разжиженія густыхъ соковъ и соответственной діеты. У дѣтей они бывають чаще, чѣмъ у взрослыхъ. Изъ симптоматологіи онъ обращаетъ здѣсь вниманіе на „несваренный и бѣлый видъ мочи“, представляющей также песчаный осадокъ. Кромѣ того больные часто чешутъ и дергаютъ за половыя части при позывѣ на мочеиспусканіе. Здѣсь онъ между прочимъ рекомендуетъ симпатическія средства, какъ помазаніе области пузыря козьей или козиной кровью. Иногда онъ видѣлъ усилѣніе отъ теплыхъ ваннъ³⁾. Объ оперативномъ вмѣшательствѣ, равно какъ и о примѣненіи катетера при затрудненномъ мочеиспусканіи у него нѣтъ рѣчи.

Подъ названіемъ мочепузырной чесотки (φωρίωση κύστις), онъ, какъ и всѣ древніе, обозначаетъ такое видоизмѣненіе мочеваго пузыря, при которомъ выдѣляемая густая, вязкая моча содержитъ отрубеви-ды и чешуйки. Впослѣдствіи въ пузырь образуются язвы и моча становится гноевидной или кровянистой. Болѣзнь эту онъ считаетъ тяжелой и почти неизлечимой. Весьма вѣроятно, что она соответствуетъ нынѣшнему хроническому циститу.

Здѣсь Александръ назначаетъ молочное леченіе (въ особенности ослиное молоко), слабительныя; при язвахъ—средства, способствующія ихъ высыханію и заживленію, напр. составъ изъ сосновыхъ шишекъ (στροβίλια), огуречныхъ сѣменъ, муки и сѣмень аріи; при болѣзненномъ мочеиспусканіи опій или *Conium maculatum*⁴⁾.

Сахарное мочеизнуреніе (διαβήτης) Александръ, подобно Галену, приписываетъ, съ одной стороны, слабости задерживающей силы почекъ, съ другой—увеличенной притягательной силѣ ихъ, подъ вліаніемъ возвышенной температуры притягивающей къ почкамъ влагу не только изъ сосудовъ, но и изъ всего тѣла. Здѣсь онъ совѣтуетъ

холодъ на область почекъ, укрѣпленіе тѣла, обильное питье и питательную плотную пищу, не легко превращающуюся въ мочу. Вообще на діету онъ обращаетъ особенное вниманіе, причемъ рекомендуетъ разныя вина, цикорій, салатъ, изъ сортовъ мяса—

1) Тамъ же, 465—475 и с. 3, 489.

2) Тамъ же, с. 1, 475.

3) Тамъ же, с. 4, В. II, 489—491.

4) Тамъ же, с. 5, В. II, 491—493.

грудину, ноги, рыло, изъ рыбъ—имѣющихъ плотное мясо (*σκληροσάρκος*); соленой же и острой пищи, а также приностей онъ совѣтуетъ избѣгать, изъ растительныхъ разрѣшаетъ каштаны, дыни, сладкія яблоки ¹⁾.

Сперматоррея, которая и у Александра носить еще названіе „gonorrhoea“, происходитъ, по его мнѣнію, либо отъ остраго и жидкаго состоянія сѣмени, либо отъ слабости сѣменныхъ сосудовъ, не выдерживающихъ напора сѣмени вслѣдствіе ослабленія ихъ удерживающей силы. Онъ считаетъ необходимымъ изслѣдованіе цвѣта и состава сѣмени, а также образа жизни больного. Въ числѣ причинъ онъ упоминаетъ также о внезапномъ воздержаніи.

Леченіе здѣсь болѣе діететическое; такъ онъ совѣтуетъ не употреблять пищи и веществъ, способствующихъ вздутію живота и образованію желчи и сѣмени. Къ послѣднимъ онъ относитъ сѣмена крапивы, *costus*, крупныя виды *orchis*, *satyrion* и почки ящерицы (*sciscus officinalis*); пищу употреблять болѣе охлаждающую и сухую. При ночныхъ полюціяхъ онъ совѣтуетъ класть свинцовыя гири на бедра съ цѣлю будить больного производимымъ ими давленіемъ ²⁾. Такого же леченія требуетъ и приапизмъ, происхожденіе котораго онъ, подобно Галену, приписываетъ наполненію „пещеристыхъ ходовъ“ (*σπηραγγώδες*) газами. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтуетъ избѣгать здѣсь соблазнительныхъ зрѣлищъ, слишкомъ вязкихъ, охлаждающихъ и наркотическихъ веществъ, мѣшающихъ разрѣшенію болѣзни, слишкомъ горячительной и влажной пищи, мѣстно — мазь изъ розоваго спуска съ холодноватой водой и уксусомъ, въ питье настой морской розы (*purpurea alba*), какъ уменьшающей образованіе сѣмени, далѣе движенія, растиранія верхнихъ конечностей, гимнастическія упражненія, которыя, вызывая потъ, тѣмъ самымъ способствуютъ отводу матеріи и раздражающихъ газовъ ³⁾.

Подагра. По мнѣнію всѣхъ древнихъ врачей (Целіа Авреліана, Аретей, Галена и др.) *arthritis*, подагра, *ischias*—однородныя болѣзни, и подагра относится къ *arthritis*, какъ видъ къ роду ⁴⁾. Александръ различаетъ четыре вида подагры, смотря по тому, поражена ли кровь, слизь, желтая или черная желчь. Если разгоряченная кровь притекаетъ въ сочленовную полость, то она растягиваетъ послѣднюю и вызываетъ въ ней боль, красноту и опухоль. При происхожденіи подагры отъ желтой желчи на пораженномъ сочлененіи хотя и замѣчается краснота, но нѣтъ опухоли и больной жалуется больше на чувство жара, чѣмъ на ощущеніе напряженія и тяжести въ суставѣ. Если причиной болѣзни слизь, то нѣтъ ни жара, ни красноты, но чувствуются напряженіе и значительныя боли. Наконецъ, при происхожденіи болѣзни отъ черной желчи боли весьма

¹⁾ Тамъ же, с. 6, 493—495.

²⁾ Тамъ же, с. 7, В. II, 495—499.

³⁾ Тамъ же, с. 8, 499—501.

⁴⁾ „Igitur quidam medici arthriticam passionem genus vocant, podagricam vero speciem. Caelius Aurelianus, *De chronicis*, l. V, c. 2.

значительны и въ суставахъ ощущается холодъ и тяжесть. Вообще ревматизмъ сочлененій, согласно Александру, происходитъ не только отъ дискразій, но и отъ ненормальнаго качества болѣзнетворныхъ влагъ, отъ слишкомъ большаго ихъ жара, холода, сухости или влажности¹⁾. Самую большую часть XII книги занимаетъ у Александра

Терапія подагры. Здѣсь онъ руководствуется качествомъ и количествомъ протекающихъ болѣзнетворныхъ веществъ, а также степенью и мѣстомъ воспаления и согласно съ этимъ старается дѣйствовать то охлаждающимъ, то согревающимъ образомъ или вызывать то сухость, то влажность. При избыткѣ крови онъ назначаетъ кровопусканіе, которое предохраняетъ и отъ новыхъ приступовъ болѣзни²⁾; противъ желчи и слизи—сильныя слабительныя, какъ коллоквины, Scammonium, Aloes, Cidonia vulgaris, Euphorbium и т. д., кромѣ того потогонныя и мочегонныя средства, которыя онъ совѣтуетъ употреблять и послѣ приступа³⁾. Снаружъ онъ принимаетъ, смотря по надобности, охлаждающія мази, примочки, припарки, обливанія ароматическими отварами, втиранія масла или вина, разрѣшающіе пластыри, горчичники и мушки, которые въ соединеніи съ смягчительными и разрѣшающими веществами, по словамъ Александра, вслѣдствіе вызываемаго ими выпотѣнія суековицы приносятъ значительное облегченіе, хотя и не въ состояніи предотвратить образованіе подагрическихъ оплотнѣностей и узловъ (πῶροι)⁴⁾. При очень сильныхъ боляхъ Александръ принимаетъ наркотическія средства, предостерегая однако отъ слишкомъ продолжительнаго ихъ употребленія, способствующаго уменьшенію подвижности суставовъ⁵⁾. Кромѣ того онъ совѣтуетъ теплыя ванны, въ особенности послѣ пищи, чтобы вызвать усиленную транспирацію, а также умѣренное движеніе и избѣжаніе чрезмѣрныхъ напряженій⁶⁾. Противъ отекаго припуханія стопъ, происходящаго, по его мнѣнію, отъ слизи и газовъ, онъ назначаетъ растиранія и примочки съ примѣсью соли, каковымъ средствомъ онъ излечилъ одну изъ выдающихся особъ въ Римѣ⁶⁾.

Противъ оплотненій и узловъ въ составахъ онъ употребляетъ вышеприведенныя средства въ усиленномъ размѣрѣ съ цѣлью ихъ размягченія и разрѣшенія, въ особенности раздражающіе пластыри и мази изъ терпентина, кияовари, Origanum, Galbanum, колофонія и т. д.⁷⁾, наконецъ циклическій методъ леченія, занимающій въ терапіи Александра весьма видное мѣсто. Это леченіе продолжается цѣлый годъ и состоитъ въ умѣренномъ образѣ жизни, строгомъ выполненіи діететическихъ предписаній, избѣжаніи всякихъ излишествъ и пріемахъ легкихъ слабительныхъ въ извѣстные дни. Вообще на діету и образъ жизни онъ обращаетъ преимущественное вниманіе, предостерегаетъ отъ слишкомъ питательной пищи, половыхъ излишествъ, вина (многіе больные, по его словамъ, излечивались однимъ только полнымъ воздержаніемъ отъ вина), а потому онъ совѣтуетъ больнымъ тощую діету и обильное употребленіе тепловатой воды⁸⁾.

Между прочимъ онъ назначалъ еще въ подагрѣ весьма сложное противоядіе⁹⁾, употребленіе котораго совѣтовалъ начать въ январѣ и притомъ такъ, чтобы при-

¹⁾ Alex. Trallianus, l. XII, B. II, 501—503. ²⁾ Тамъ же, 547, гдѣ совѣтуетъ также избѣгать мяса и вина. ³⁾ Тамъ же, 503—507 и 519—537. ⁴⁾ Тамъ же, 575. ⁵⁾ Тамъ же, 511—513. ⁶⁾ Тамъ же, l. XII, B. II, 541. ⁷⁾ Тамъ же, 553—557 и слѣд. ⁸⁾ Тамъ же, 519—529. ⁹⁾ Оно состоитъ изъ каралловъ, Myrrha Troglodytes, Caryophyllus aromaticus, Rheum rhaponticum, листьевъ Malabathron, корня неонія, Aristolochia cretica и pallida и Nardostachys. Alexander Trallianus l. XII, B. II, 525.

нимать его 8 дней сряду, на 15 дней оставить, послѣ 200 приемовъ принимать черезъ день, пока не дойдетъ до суммы 365 дозъ. Изъ множества мазей имъ отмѣчена одна, какъ особенно „отмѣнная и разрѣшающая (κρηστή καλλιστή διαλύουσα), устраняющая подагрическіе узлы такъ, что о новообразованіи ихъ и думать нечего“ и состоящая изъ „пѣншагоса“ (углекислаго) натра (ἀφρονίτρος), terebinthina, воску, стараго масла и щелока шляпочниковъ¹⁾. Противъ подагры же онъ совѣтуетъ, написавъ стихъ Гомера: τετρήχαι δ'ἀγορή, ὄλο δ'ἔστοναχίζετο γαῖα'²⁾ или же во время убыванія луны на золотомъ листѣ: μεί, θραύ, μόρ, φόρ, ταύξ, ζά, ζών, θέ и т. д.³⁾, первый носить на шеѣ, второе на подошвахъ!

Кромѣ того встрѣчаемъ здѣсь у Александра примѣненіе присыпокъ, напр. такъ называемаго индійскаго порошка, весьма сложнаго состава, дѣйствующаго метасинкритически и употреблявшагося при горячихъ дискразіяхъ и ревматизмахъ вслѣдствіе стуженистыхъ, кислыхъ соковъ или отъ разгоряченной крови, а также psilothron, примѣнявшійся въ ваннѣ при происхожденіи подагры отъ слизи, въ особенности когда оказывалось необходимымъ достигать разжиженія крови. Этотъ составъ также весьма сложный, между прочимъ сюда входятъ желтый и красный сѣрнистый мышьякъ⁴⁾.

Заключеніе. Противъ ожиданія нашъ этюдъ объ Александрѣ вышелъ гораздо пространнѣе, чѣмъ мы предполагали въ началѣ и чѣмъ онъ, быть можетъ, того въ дѣйствительности заслуживаетъ, судя по тому, что онъ все еще вращается въ заколдованномъ кругу прежнихъ взглядовъ и предразсудковъ въ области физиологіи, патологіи и вообще медицины. Но намъ казалось не безинтереснымъ привести здѣсь in extenso содержаніе его сочиненія, заканчивающаго и какъ бы резюмирующаго собой всю частную патологію и терапію древнихъ и притомъ отмѣченнаго печатью несомнѣнно крупнаго, оригинальнаго и критическаго таланта, отнюдь не склоннаго jugare in verba magistri. Alexander Trallianus былъ прежде всего практикъ, поэтому на первомъ планѣ у него всегда терапія. Главныя отличительныя его черты—тщательность въ діагностикѣ болѣзни, богатство и разумная постановка показаній. Здѣсь образцомъ служилъ ему Гиппократъ, но единственнымъ авторитетомъ—собственный опытъ, съ чѣмъ согласуется также его внушеніе собратамъ по ремеслу—не слишкомъ подчиняться обаянію авторитетовъ. Терапевтическіе отдѣлы его сочиненія свидѣтельствуютъ въ достаточной степени о его оригинальности и богатой опытности; доказательствомъ чего могутъ служить осторожность, съ которой онъ примѣнялъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ опиѣ, вслѣдствіе причиняемыхъ послѣднимъ приливовъ къ головѣ, далѣе примѣненіе мушекъ при подагрѣ, совѣтъ избѣгать запирающихъ средствъ въ начальномъ періодѣ кроваваго поноса и вмѣсто нихъ употреблять слегка послабляющія. Приписываемое ему Ed. Milwards'омъ

¹⁾ Alexander Trallianus, I. XII, B. II, 555.

²⁾ „неистово шумѣла базарная площадь и внизу застонала земля“. Тамъ же, 581.

³⁾ Тамъ же, 583.

⁴⁾ Тамъ же, 543—545.

введеніе ревеня въ терапію вѣрно только отчасти, такъ какъ ему слабительное дѣйствіе ревеня, по всему видимому, было неизвѣстно, причемъ однако необходимо замѣтить, что онъ употреблялъ не *Rheum rharoticum* (ῥῆ, ῥῆον или ῥέον ποτικόν Diosкорида и Галена), а ῥέον βαρβαρικόν, которое, по его словамъ, имѣетъ то же значеніе, что ξυλομάχερ ¹⁾ и которое, вѣроятно тождественно съ индійскимъ или арабскимъ ревенемъ. Вообще фармакологія Александра весьма богата, но къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы не могли представить здѣсь подробный обзоръ ея ²⁾.

Въ особенности заслуживаетъ уваженія постоянное вниманіе, обра- щаемое имъ при леченіи на конституцію, образъ жизни, возрастъ и состоя- ніе силъ больнаго. Споръ о принадлежности Александра къ той или дру- гой медицинской школѣ долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что онъ, подобно Галену, былъ электикомъ и, оставаясь горячимъ приверженцемъ физиологіи и патологіи Галена, въ то же время не пренебрегалъ строгой систематикой методической, а при случаѣ и простыми правилами пневматической школъ ³⁾.

Theophilus Protospatharios (онъ же Philotheus s. Philaretus, около 620 до Р. Х.), монахъ (μοναχός) или начальникъ воеводенсцевъ при им- ператорѣ Гераклѣ (610—641), во всякомъ случаѣ христіанинъ, въ сво- ихъ сочиненіяхъ часто призывавшій къ „Христу, истинному Богу“, былъ іатрософистомъ въ Константинополѣ и оставилъ слѣдующія сочиненія:

1) Περὶ τῆς τοῦ ἀνθρώπου κατασκευῆς βιβλία εἰ, *De corporis humani fa- brica* въ 5 книгахъ, сокращеніе *De usu partium* Галена.

Изданія: греческое—Paris, 1555 ap. Morellum.

Латинское (въ перев. I. P. Crassus'a): Paris, 1536 и 1540.

Греко-латинскія: Patav, 1555, Greenhill, Oxon. 1842.

2) Περὶ οὐρῶν βιβλίον, *Theophili De urinis libellus*.

Изданія: латинскія—Basil, 1533 (переводъ Albanus Torinus'a). Argent. 1535 и въ сборникъ Stephanus'a.

Греко-латинскія: Paris, 1608, ap. Fr. Morellum (его же переводъ); Lugd. Batav. 1703, ed. Guidot. apud Teering; 1731, ap. Wishoff.

Греческія у Ideleer'a l. c., И у Bussemaker'a, въ *Revue de philologie*, Paris, 1845.

3) Περὶ διαχωρημάτων, *De excrementis alvinis* (въ изд. Guidot подъ за- главіемъ: *Theophili De urinis libellus*.—Cui accessit ejusdem Theophili de *Excrementis alvi* Tractatus, luce et Latio nunc primum donatus. Ed. Thomas Guidotius Anglo-Britanus, Lugd. Batav., 1703.

¹⁾ Тамъ же, l. IX, c. 2, B. II, 397.

²⁾ Систематическій обзоръ фармакологіи Александра Тралліискаго по изд. Puschmann'a могъ бы составить благодарную тему для спеціальной работы въ „Historische Studien“, выходящихъ изъ фармакологической лабораторіи уважаемаго проф. Коберта въ Дерптѣ, гдѣмъ болѣе, что почва для этого предмета достаточно уже воздѣлана Puschmann'омъ. ³⁾ Ср. Puschm. l. c., I, 284 и слѣд.

4) *Philareti De pulsuum scientia libellus* (вмѣстѣ съ упомянутымъ переводомъ *De urinis* (Torinus'a), Basil, 1533; носитъ еще заглавіе: „*Theophili celebri medici, De exacta retrimentorum vesicae cognitione commentariolus*“). Albano Torino interprete. Въ новѣйшее время въ *Anecdota medica graeca* Ermerins'a, X, 1840.

5) *Philothaei medici praestantissimi Commentaria in Aphor. Hippocratis* (на лат.) Venet. 1549, перев. Coradus'a; Spiraе, 1581 и въ Dietz, *Scholia in Hipp. et Galenum*, 1835, t. II.

6) [Palladii] *Περὶ πυρετῶν σύντομος σύνοψις*, *De febribus concisa synopsis* (прежде приписывалось Палладію, нинѣ доказано, что оно принадлежитъ Теофілу).

Изданіи: Paris, 1646, ed. Chartier; Lugd. Bat. 1745, ed. St. Bernard.

Новѣйшее: *Theophili et Stephani Atheniensis De februm differentia ex Hippocrate et Galeno*, edidit Demetrius Sicurus, Florent. 1862¹⁾.

Анатомико-физиологическій трактатъ Теофіла, какъ мы уже сказали, есть извлеченіе изъ *De usu partium* Галена, которое, правда, отличается тѣмъ же телеологическимъ направленіемъ, но по сжатости и ясности изложенія съ 7 вѣка считалось однимъ изъ лучшихъ подготовительныхъ руководствъ для достиженія званія врача. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе отчетливое описаніе костей, запястья, *arthritis palmaris*, *m. palmaris brevis* и т. д. При изложеніи ученія о произражденіи есть у него даже указаніе на самостоятельныя вскрытія (беременныхъ козь)²⁾; равнымъ образомъ встрѣчаются указанія на самостоятельныя изслѣдованія череповъ на поляхъ сраженій³⁾. Что касается ученія Галена о дыханіи и движеніи крови, то врядъ ли и въ позднѣйшія столѣтія оно было кѣмъ либо лучше понято и изложено, чѣмъ Теофіломъ:

„Изъ праваго желудочка сердца (*αἱματικὴ κοιλία*) происходитъ артеріальная вена (*φλέψ ἀρτηρώδης*, т. е., легочная артерія), переводящая въ легкія кровь, поступающую изъ полой вены; изъ лѣваго желудочка сердца происходятъ аорта (*ἀρτηρία πνευματικὴ*), развѣтвляющаяся во всемъ тѣлѣ, и венозная артерія (*ἀρτηρία φλεβώδης*, т. е., легочныя вены), доставляющая крови лѣваго желудочка жизненное pneuma“⁴⁾.

Ученіе о питаніи тѣла изложено имъ примѣнительно къ потребностямъ учащихъ, въ 13 отдѣлахъ, по Галену⁵⁾, а въ ученіи о нервахъ находимъ слѣдующее положеніе прежняго (не называемаго по имени) физиолога: „Черепъ и позвоночный хребетъ получаютъ свою форму отъ головнаго и спиннаго мозга“⁶⁾.

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde* p. 140 и Paeser, I, 462.

²⁾ Theophilus, *De corporis humani fabrica*, l. V, c. 20.

³⁾ Тамъ же, l. IV, c. 4.

⁴⁾ Тамъ же, l. III, c. 7 и c. 11.

⁵⁾ Тамъ же, l. II, c. 16.

⁶⁾ Тамъ же, l. IV, c. 2. Ср. Necker, II, 186, 187.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Gesammelte Mathematische Abhandlungen von H. A. Schwarz. I—II Bd.
Berlin. Verlag von J. Springer. 1890.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилось въ печати собраніе сочиненій Н. А. Schwarz'a, нынѣ профессора Геттингенскаго Университета. Въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ собрано около сорока мемуаровъ, написанныхъ въ промежутокъ времени съ 1857 по 1884 гг. Многие изъ этихъ мемуаровъ были напечатаны въ такихъ періодическихъ изданіяхъ, достать которыя, въ особенности у насъ въ Россіи, крайне затруднительно, а нѣкоторыя и просто невозможно. Можно поэтому только искренне порадоваться, что эти крайне цѣнныя въ научномъ отношеніи работы являются теперь собранными въ одно цѣлое и становятся доступными всѣмъ желающимъ. Къ тому-же почти ни одинъ изъ мемуаровъ, вошедшихъ въ собраніе сочиненій, не остался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ опубликованъ первоначально: многое исправлено, сдѣлана масса добавленій, историческихъ и библиографическихъ замѣчаній, крайне важныхъ и интересныхъ, такъ что вниманію читателя предлагается матерьялъ въ значительно переработанномъ видѣ.

Schwarz—ревностный и даровитый послѣдователь принциповъ ученія Weierstrass'a. Изъ сорока напечатанныхъ нынѣ вмѣстѣ работъ, мы находимъ около тридцати, написанныхъ имъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ своего учителя. Это—или самостоятельныя примѣненія результатовъ, принадлежащихъ Берлинскому академику, или дальнѣйшая вполне оригинальная разработка тѣхъ-же результатовъ. Schwarz—одинъ изъ тѣхъ учениковъ Weierstrass'a, которые своими сочиненіями особенно способствовали

распространенію и развитію теорій своего учителя. Сочиненія эти являются яркимъ доказательствомъ плодотворности идей, положенныхъ въ ихъ основаніе, они разнообразны по темамъ, они цѣнны по своимъ результатамъ. Работы Schwarz'a о минимальныхъ поверхностяхъ ¹⁾, о конформномъ изображеніи, Mittag-Leffler'a объ аналитическомъ представленіи однозначныхъ функций составного переменнаго, С. В. Ковалевской по дифференціальнымъ уравненіямъ, цѣлаго ряда нѣмецкихъ ученыхъ по теоріи эллиптическихъ, гиперэллиптическихъ и абелевыхъ функций и т. д.—всѣ эти работы тѣсно примыкають къ тѣмъ или другимъ изслѣдованіямъ Weierstrass'a и въ то же время принадлежать къ числу лучшихъ математическихъ произведеній нашего времени. Мы не сомнѣваемся, что для многихъ было-бы крайне желательно имѣть достаточно полный и безпристрастный очеркъ того движенія въ современной математикѣ, которое сообщено было Weierstrass'омъ, очеркъ, въ которомъ были бы указаны черты, характерныя для этого движенія, и перечислены тѣ научныя приобрѣтенія, которыя оно до сихъ поръ сдѣлало. Но нужно сознаться, что составленіе такого очерка—дѣло далеко не легкое. Сравнительно болѣе удобоисполнимымъ является обзоръ дѣятельности отдѣльныхъ ученыхъ, примкнувшихъ къ упомянутому движенію, и притомъ такихъ, труды которыхъ, въ томъ или другомъ отношеніи, оказываются особенно примѣчательными.

Въ различныхъ работахъ нашихъ за послѣдніе 7—8 лѣтъ намъ не разъ приходилось говорить о произведеніяхъ какъ самого Weierstrass'a, такъ и его ученика, Prof. Mittag-Leffler'a. Недавно мы имѣли случай охарактеризовать ученую дѣятельность талантливой С. В. Ковалевской, такъ безвременно, такъ рано сошедшей въ могилу ²⁾. Въ настоящее время, въ виду появленія въ свѣтъ собранія сочиненій г. Schwarz'a, мы постараемся очертить математическую дѣятельность и этого послѣдователя ученія Weierstrass'a.

Дѣятельность эта посвящена была главнымъ образомъ рѣшенію двухъ вопросовъ, о которыхъ выше мы уже упомянули, именно вопросу о минимальныхъ поверхностяхъ (Minimalflächen) и вопросу о конформномъ изображеніи. Первый томъ опубликованнаго нынѣ собранія сочиненій заклю-

¹⁾ или поверхностяхъ наименьшей площади, какъ ихъ у насъ иногда называютъ. Французы говорятъ: surface à courbure moyenne nulle или: surface minima (См. Darboux, Leçons sur la theorie generale des surfaces etc.)

²⁾ Софья Васильевна Ковалевская. Очеркъ ея жизни, ученой и литературной дѣятельности. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Кіевскаго Физико-Математическаго Общества 19 февраля с. г. Рѣчь эта будетъ напечатана въ протоколахъ Общества за текущій г.

часть въ себѣ мемуары, относящіеся къ первому изъ нихъ, значительная часть второго тома отведена второму вопросу.

Обратимся прежде всего къ изслѣдованіямъ Schwarz'a о минимальныхъ поверхностяхъ. Вопросъ объ этихъ поверхностяхъ былъ поднятъ, какъ извѣстно, творцемъ вариационнаго исчисленія, Lagrange'емъ (1769). Онъ показалъ, что подобныя поверхности удовлетворяютъ нѣкоторому дифференціальному уравненію съ частными производными второго порядка. Meusnier первый замѣтилъ, что это уравненіе выражаетъ собою ничто иное, какъ то, что средняя кривизна поверхности въ каждой ея точкѣ равна нулю, другими словами говоря, радіусы кривизны главныхъ сѣченій въ каждой точкѣ поверхности равны, но имѣютъ противоположное направленіе. Дальнѣйшее движеніе вопросу было дано Gauss'омъ въ мемуарѣ 1829 года: *Principia generalia theoriae figurae fluidorum in statu aequilibrii*, гдѣ впервые были изслѣдованы вариации такихъ двойныхъ интеграловъ, предѣлы которыхъ разсматриваются, какъ переменныя. Что касается интеграціи вышеупомянутаго дифференціальнаго уравненія и вообще изслѣдованія различныхъ свойствъ минимальныхъ поверхностей, то этимъ занимались: Monge, Legendre, B. Riemann, Weierstrass, Brioschi, Beltrami, Dini, Ch. Dupin, Roberts, O. Bonnet, Lamarle, S. Lie, Weingarten, Björling, Minding и др., такъ что вопросъ имѣетъ весьма и весьма обширную литературу. Между прочимъ B. Riemann (*Ueber die Fläche vom kleinsten Inhalte bei gegebener Begrenzung*, въ обработкѣ Hattendorfa, появившейся 6 января 1867 г.) и C. Weierstrass (*Untersuchungen über die Flächen, in denen die mittlere Krümmung überall gleich Null ist. Monatsberichte d. Akad. zu Berlin 1866*) занимались задачей: опредѣлить такую м. поверхность, граница которой образована заданными прямолинейными отрѣзками (конечно, не лежащими въ одной плоскости). Въ обширномъ мемуарѣ: *Bestimmung einer speciellen Minimalfläche* (стр. 6—125) Schwarz рѣшаетъ одну частную задачу этого типа (мемуаръ этотъ былъ увѣнчанъ Прусской Королевской Академіей Наукъ 4 іюля 1867). Въ 1867 году Физико-Математическимъ классомъ Берлинской Академіи былъ предложенъ такого рода вопросъ: „съ помощью эллиптическихъ или абелевыхъ функцій дать полное рѣшеніе какой-нибудь значительной проблемы изъ области алгебры, теоріи чиселъ, интегральнаго исчисленія, геометріи, механики или математической физики.“ Работа, представленная Schwarz'емъ, въ томъ смыслѣ отвѣчала поставленному Академіей требованію, что вполне рѣшила налагаемый ею вопросъ съ помощью эллиптическихъ функцій. Содержаніе работы распределено въ двухъ главныхъ частяхъ и двухъ прибавленіяхъ. Въ первой главной части авторъ занимается изученіемъ м. поверхности, проходящей черезъ стороны нѣкотораго пространственнаго четырехугольника, односвязной и не имѣющей

въ предѣлахъ этого четырехугольника особенныхъ точекъ, а также рѣшаетъ вопросъ объ интеграціи соотвѣтственнаго дифференціального уравненія, къ которому приводитъ изслѣдованіе сказанной поверхности. Во второй части изложено главнымъ образомъ приложеніе эллиптическихъ функцій къ изслѣдуемому случаю. Въ основаніе работы положено вышеупомянутое изслѣдованіе Weierstrass'a. Кромѣ основного случая, Schwarz разсматриваетъ также и тѣ, въ которыхъ граница опредѣляемой m . поверхности лишь отчасти образована данными прямолинейными отрѣзками; остальная часть границы состоитъ изъ криволинейныхъ кусковъ, лежащихъ въ *данныхъ* плоскостяхъ. Если границу образуетъ четырехугольникъ, имѣющій плоскость симметріи, проходящую чрезъ два противолежащіе угла, то вопросъ о m . поверхности, которая проходитъ чрезъ такой четырехугольникъ, въ извѣстномъ смыслѣ рѣшается вполне. Если всѣ стороны четырехугольника равны, а каждый изъ угловъ равенъ 60° (простѣйшее предположеніе), то въ этомъ случаѣ координаты точекъ искомой поверхности могутъ быть выражены съ помощью эллиптическихъ интеграловъ, верхніе предѣлы которыхъ представляютъ весьма простыя алгебраическія функціи двухъ независимыхъ переменныхъ и далѣе, аналитическое уравненіе поверхности можетъ быть выражено рационально съ помощью эллиптическихъ функцій отъ координатъ и т. д.

По собственному заявленію Schwarz'a, въ его изслѣдованіяхъ о m . поверхностяхъ, большую пользу принесли ему также и результаты, полученные Lindelöf'омъ, авторомъ извѣстнаго учебника по варіаціонному исчисленію, появившагося въ 1861 году. Чтобы выяснить, въ чемъ собственно дѣло, замѣтимъ слѣдующее. Въ 1831 году Философскимъ Факультетомъ Геттингенскаго Университета была предложена задача (идея которой принадлежала Gauss'у) относительно поверхности вращенія, которая имѣетъ наименьшую площадь. Премія была присуждена Goldschmidt'у. Въ своей работѣ Goldschmidt изслѣдуетъ поверхность наименьшей площади, возникающую отъ вращенія цѣпной линіи около своей директрисы, какъ оволо оси (эта поверхность, по предложенію Plateau, получила названіе катеноида. См. Лекціи варіац. исч. Муаньо. Переводъ. Москва 1864 г. Стр. 327—328), и опредѣляетъ тѣ условія, при которыхъ чрезъ два параллельные круга какой нибудь поверхности вращенія можно провести или два различныхъ катеноида, или только одинъ, или ни одного. Однако, ни изслѣдованіе Goldschmidt'a, ни работы Scherk'a, Catalan'a, Neovius'a и другихъ, занимавшихся также розысканіемъ частныхъ m . поверхностей, не давали отвѣта на одинъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ вопроса, именно вопроса о томъ, дѣйствительно ли для найденныхъ поверхностей имѣетъ мѣсто свойство minimum'a, т. е. прилично выбранные куски ихъ имѣютъ наз-

меньшую площадь, будетъ ли идти рѣчь о частяхъ ограниченныхъ одной и тою-же линіей, или о различныхъ поверхностяхъ, ограниченныхъ одною и тою-же линіей и лежащихъ безконечно близко къ разсматриваемому куску поверхности. Подобный вопросъ могъ быть рѣшенъ только путемъ изслѣдованія второй вариации площади м. поверхности; обращеніе-же въ нуль первой вариации служитъ лишь необходимымъ условіемъ наибольшаго или наименьшаго значенія извѣстнаго интеграла. Первые работы въ этомъ направлении принадлежатъ Tedenat (1816), затѣмъ Clebsch'у и Steiner'у. Что касается Lindelöfa, то нужно упомянуть о нѣкоторыхъ теоремахъ, приведенныхъ въ его учебникѣ по поводу изслѣдованія второй вариации площади той части катеноида, которая заключается между двумя параллельными кругами. Изъ этихъ теоремъ выяснилось, что существуютъ такіе случаи, когда кусокъ м. поверхности не имѣетъ мѣншей площади, чѣмъ всѣ другіе куски, лежащіе къ первому неопредѣленно близко и имѣющіе одну и ту-же пограничную линію, и что такимъ образомъ существованіе minimum'a не обуславливается однимъ обращеніемъ въ нуль первой вариации, но зависитъ еще и отъ нѣкоторыхъ другихъ условій (Acta Societatis scient. Fennicae T. IX, 1871, мемуаръ Lindelöfa: Sur les limites entre lesquelles le catenoïde est une surface minima). Въ мемуарѣ: Beitrag zur Untersuchung der zweiten Variation des Flächeninhalts von Minimalflächenstücken im Allgemeinen und von Theilen der Schraubenfläche im Besonderen (стр. 151—167) Schwarz рѣшаетъ вопросъ о томъ, внутри какихъ границъ кусокъ м. поверхности дѣйствительно имѣетъ свойство minimum'a площади. Хотя результаты этого изслѣдованія и правильны, но, какъ замѣчаетъ самъ авторъ (стр. 275), доказательства нѣкоторыхъ положеній нуждаются въ обширной переработкѣ. Существованіе minimum'a несомнѣнно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ имѣетъ мѣсто сферическое изображеніе разсматриваемаго куска поверхности на поверхности нѣкотораго полушара и при нѣкоторыхъ условіяхъ относительно границы того-же куска. Schwarz приводитъ въ извѣстный видъ вторую вариацию и примѣняетъ полученную формулу къ рѣшенію вопроса о minimum'ѣ площади куска винтовой поверхности, извѣстнымъ образомъ отграниченнаго и лежащаго внутри извѣстныхъ предѣловъ. Изъ этой работы Schwarz'a видно, что не только не всегда кусокъ м. поверхности (удовлетворяющій извѣстнымъ условіямъ) имѣетъ меньшую площадь, чѣмъ кусокъ какой нибудь другой поверхности, имѣющей съ первымъ одну и ту-же границу (и состоящей изъ конечнаго числа кусковъ какихъ либо аналитическихъ поверхностей), но что существуетъ неопредѣленно много такихъ кусковъ м. поверхности, что вторая вариация ихъ площади—если граница остается неизмѣнной—можетъ получить отрицательное значеніе. Такимъ образомъ, если вторая вариация не можетъ

получать отрицательныхъ значений, то отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что площадь будетъ minimum: какъ извѣстно, Weierstrass показалъ, что вообще изслѣдованіе одной второй вариации недостаточно для того, чтобы можно было съ увѣренностью заключать о существованіи maximum'a или minimum'a.

Въ работѣ: Ueber einige nicht algebraische Minimalflächen, welche eine Schaar algebraischer Curven enthalten, Schwarz опредѣляетъ всѣ тѣ не алгебраическія м. поверхности, на которыхъ находится система алгебраическихъ кривыхъ. До Schwarz'a такихъ поверхностей (подробно изученныхъ) было извѣстно немного: винтовая поверхность Meusnier, катеноидъ Plateau (см. выше), поверхность Catalan'a, на которой находится система параболъ, и наконецъ поверхности Riemann'a и Enneper'a, на которыхъ находится система круговъ. Всѣ эти поверхности представляютъ либо частные, либо предѣльные случаи поверхностей, указанныхъ Schwarz'емъ и описанныхъ имъ въ мемуарѣ: Ueber diejenigen Minimalflächen, welche von einer Schaar von Kegeln zweiten Grades eingehüllt werden (стр. 190—204). Что касается вышеприведенной работы, то въ ней Schwarz показываетъ, что, при извѣстной постановкѣ вопроса, заданная имъ себѣ задача можетъ быть сведена къ нѣкоторой другой чисто алгебраической задачѣ.

На стр. 223—269 находимъ обширный мемуаръ: Ueber ein die Flächen kleinsten Flächeninhalts betreffendes Problem der Variationsrechnung, написанный Schwarz'емъ къ 31 октября 1885 г. (день, въ который Weierstrass'у исполнилось 70 лѣтъ). Лица, которыя имѣли случай прослушать у Weierstrass'a курсъ вариационнаго исчисленія, или познакомиться съ этимъ курсомъ какимъ либо инымъ образомъ, знаютъ, на сколько своеобразно изложеніе этого курса, какою строгостью отличаются доказательства именно тѣхъ положеній исчисленія, доказательства коихъ въ обычныхъ руководствахъ оставляютъ такъ многого желать, съ какою ловкостью преодолены тѣ, какъ извѣстно, немаловажныя трудности, которыя возникаютъ при разсмотрѣннн даже и далеко не самыхъ общихъ случаевъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ этотъ курсъ, равно какъ и другіе курсы маститаго ученаго, остаются ненапечатанными, не смотря на то, что—какъ намъ хорошо извѣстно—еще 3—4 года тому назадъ Schwarz получилъ согласие Weierstrass'a на публикацію его курса вариационнаго исчисленія (подобно тому, какъ публикуются теперъ Schwarz'емъ—хотя до крайности медленно—лекціи Weierstrass'a по теоріи эллиптическихъ функций; до сихъ поръ вышло 12 первыхъ листовъ). Въ вышеупомянутомъ мемуарѣ Schwarz пользуется приемами Weierstrass'a и отчасти даже перерабатываетъ и развиваетъ ихъ самостоятельно далѣе для рѣшенія одного вопроса, относящагося къ теоріи м. поверхностей, именно вопроса о томъ, имѣетъ ли нѣкоторый опредѣленный

кусокъ м. поверхности мѣншую площадь, чѣмъ всѣ сосѣдніе съ нимъ куски, ограниченныя тѣмъ же самымъ контуромъ. Schwarz показываетъ—и въ этомъ состоитъ главный результатъ всего изслѣдованія—что рѣшеніе этого вопроса сводится къ нахожденію частныхъ интеграловъ дифференціального уравненія съ частными производными второго порядка:

$$\frac{\partial^2 u}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 u}{\partial y^2} + p(x, y) \cdot u = 0,$$

гдѣ $p(x, y)$ данная функція отъ x и y . При рѣшеніи одинъ случай исключается, такъ какъ онъ требуетъ совершенно спеціальнаго изученія. Хотя Schwarz и не указываетъ общаго приема для опредѣленія упомянутыхъ частныхъ интеграловъ, тѣмъ не менѣе обнаруживается, что можно указать произвольно много такихъ спеціальныхъ частныхъ интеграловъ, которые даютъ рѣшеніе вопроса въ неопредѣленно большомъ числѣ случаевъ.

Кромѣ упомянутыхъ работъ, въ первомъ томѣ имѣется еще нѣсколько мемуаровъ, на которыхъ, въ виду ихъ болѣе ограниченнаго интереса, мы останавливаться не будемъ, а обратимся ко второму тому.

Здѣсь, послѣ небольшой исторической замѣтки о предложеніи Pohlke, помѣщены прежде всего двѣ работы о развертывающихся и линейчатыхъ поверхностяхъ. Первая изъ нихъ, написанная на латинскомъ языкѣ: *De superficiebus in planum explicabilibus primorum septem ordinum*, представляетъ докторскую диссертацию Schwarz'a. Вторая, являющаяся продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ первой, носитъ заглавіе: *Ueber die geradlinigen Flächen fünften Grades*. Не смотря на то, что эти работы принадлежатъ къ раннимъ произведеніямъ автора, онѣ тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ не мало крайне важныхъ результатовъ. Таковы напр. предложенія, относящіяся къ алгебраическимъ кривымъ, имѣющимъ данное число двойныхъ точекъ. Если алгебраическая кривая n -го порядка имѣть: $\frac{(n-1)(n-2)}{2} - 2$

двойныхъ точекъ, то координаты кривой могутъ быть рационально выражены чрезъ нѣкоторое переменное и квадратный корень изъ полинома 5-го или 6-го порядка и т. д. Обѣ упомянутыя работы написаны подъ влияніемъ изученія мемуаровъ: Cayley, Salmon'a, Chasles'a, Cremona, Poncelet и лишь отчасти Weierstrass'a. Входить въ подробный разборъ этихъ работъ мы не будемъ въ виду того, что онѣ для Schwarz'a не характерны и далеко не настолько замѣчательны, какъ слѣдующія за ними работы объ изображеніи.

Перейдемъ къ этимъ послѣднимъ. Главная цѣль, которую Schwarz въ нихъ преслѣдуетъ, заключается въ томъ, чтобы всѣ тѣ положенія,

которыя Riemann доказывалъ при помощи *принципа Dirichlet* (название, введенное въ науку Riemann'омъ), доказать помимо этого принципа и при томъ исходя изъ положеній, которыя можно оправдать совершенно строго. Какъ извѣстно, предложеніе, названное Riemann'омъ принципомъ Dirichlet, было доказано имъ далеко не безупречно; доказательства, данныя послѣ Riemann'a нѣкоторыми другими учеными, также неудовлетворительны. Нужно было поискать какихъ либо другихъ средствъ для устраненія этой неудовлетворительности, такъ какъ несомнѣнность нѣкоторыхъ теоремъ, которыя у Riemann'a вытекаютъ изъ принципа Dirichlet, невольно заставляла думать, что такія средства есть. Первая работа Schwarz'a по этому вопросу носить заглавіе: *Ueber einige Abbildungsaufgaben*. Въ ней авторъ стремится оправдать, хотя въ частныхъ случаяхъ, справедливость одного предложенія, которое Riemann приводитъ въ § 21 своей диссертации (какъ вытекающее изъ принципа Dirichlet). Riemann говоритъ, что площадь односвязной плоской площади можетъ быть изображена на площади круга и притомъ лишь единственнымъ образомъ такъ, что центру круга соотвѣтствуетъ нѣкоторая произвольно заданная точка, лежащая внутри изображаемой площади, а нѣкоторой произвольной точкѣ окружности—произвольно же выбранная точка границы площади. Schwarz рассматриваетъ сначала простѣйшій случай, въ которомъ изображаемая фигура есть квадратъ, и *находитъ аналитическое выраженіе той функціи, которая изображаетъ площадь квадрата на площадь круга*. Для рѣшенія онъ пользуется такимъ весьма простымъ предложеніемъ (нѣкоторыя указанія на это предложеніе можно найти въ фрагментахъ Riemann'a): если въ какой либо аналитической функціи непрерывному ряду дѣйствительныхъ значеній независимаго переменнаго соотвѣтствуетъ непрерывный рядъ также дѣйствительныхъ значеній функціи, то сопряженнымъ значеніямъ переменнаго будутъ соотвѣтствовать сопряженные значенія функціи. На основаніи этого предложенія можно продолжать аналитически функцію за дѣйствительную ось плоскости независимаго переменнаго. Такъ какъ изображеніе площади круга на полуплоскость достигается крайне простымъ преобразованиемъ (см. ниже), то вопросъ объ изображеніи на площадь круга можетъ быть замѣненъ вопросомъ объ изображеніи на полуплоскость. Въ частной задачѣ, которую поставилъ себѣ Schwarz (изображеніе квадрата), это обстоятельство въ томъ отношеніи упрощало рѣшеніе, что при этомъ контуры изображаемыхъ другъ на друга фигуръ оба становятся прямолинейными. Производя, въ силу вышеприведеннаго предложенія, аналитическія продолженія сначала за каждую изъ сторонъ первоначальнаго квадрата, затѣмъ за каждую изъ сторонъ четырехъ прилежащихъ квадратовъ и т. д., придемъ къ эллиптической функціи. Дѣйствительно, интеграль:

$$v = \int_0^t \frac{dt}{\sqrt{4t(1-t^2)}}$$

изображаетъ полуплоскость переменнаго t на площадь квадрата, лежащаго въ плоскости переменнаго v и котораго сторона равна:

$$\int_0^1 \frac{dt}{\sqrt{4t(1-t^2)}}$$

Если теперь введемъ преобразование:

$$s = \frac{t-i}{t+i}$$

то функція: $s = \sin \operatorname{am} (u, i)$, при чемъ:

$$u = \int_0^s \frac{ds}{\sqrt{1-s^4}}$$

будетъ изображать площадь квадрата, лежащаго въ плоскости переменнаго u такъ, что его вершины находятся въ точкахъ: $K, Ki, -K, -Ki$, гдѣ:

$$K = \int_0^1 \frac{ds}{\sqrt{1-s^4}}$$

на площадь круга радіуса 1, лежащаго въ плоскости s такъ, что его центръ помѣщается въ точкѣ $s = 0$.

При рѣшеніи вопроса объ изображеніи квадрата и вообще какаго угодно прямолинейнаго многоугольника на полуплоскость, каждая изъ вершинъ многоугольника должна быть разсматриваема какъ точка особенная для изображающей функціи. Всѣ другія точки контура, а также внутренней площади будутъ обыкновенными точками. Если такимъ образомъ опредѣлимъ характеръ разложенія изображающей функціи въ области особенныхъ точекъ, то и получимъ средство найти самую изображающую функцію. Пусть A будетъ одна изъ вершинъ многоугольника (лежащаго въ плоскости переменнаго: $u = re^{i\varphi}$), а B и C точки, лежащія на тѣхъ двухъ сторонахъ многоугольника, которыя пересѣкаются въ вершинѣ A , при чемъ BA и CA неопредѣленно малые отрѣзки. Точкѣ A должна соответство-

вать некоторая точка a действительной оси плоскости переменнаго $t = \rho e^{i\varphi}$; аналогично B и C должны соответствовать точки β и γ той же оси, причем β и γ будут лежать съ противоположныхъ сторонъ отъ точки a . Пусть уголъ при точкѣ A будетъ: $\alpha\pi$ (α отлично отъ 1). Такъ какъ уголъ при a въ изображеніи равенъ: π , то и заключаемъ, что вблизи A и a подобія въ безконечно малыхъ частяхъ нѣтъ, слѣдовательно A есть точка особенная.

Примемъ точку A за начало полярныхъ координатъ (r, φ) , а сторону напр. AC за полярную ось и рассмотримъ функцію:

$$v = Re^{i\varphi} = u^{\frac{1}{\alpha}}$$

Легко понять, что вблизи точекъ A и O (O начало координатъ плоскости переменнаго v) функція v устанавливаетъ такого рода соотношеніе между точками плоскостей: u и v . Каждой парѣ значеній: r и φ изъ числа тѣхъ, для которыхъ:

$$0 \leq \varphi \leq \alpha\pi \quad ; \quad 0 < r < r_0$$

(гдѣ r_0 какая либо положительная достаточно малая величина) отвѣчаетъ лишь единственная пара значеній: R и Φ изъ числа тѣхъ, для которыхъ

$$0 \leq \Phi \leq \pi \quad ; \quad 0 < R < r_0^{\frac{1}{\alpha}}$$

при чемъ значеніямъ:

$$r = 0 \quad ; \quad \varphi = 0 \quad ; \quad \varphi = \alpha\pi$$

отвѣчаютъ соответственно:

$$R = 0 \quad ; \quad \Phi = 0 \quad ; \quad \Phi = \pi$$

слѣдовательно, функція $v = u^{\frac{1}{\alpha}}$ изображаетъ достаточно малую часть площади многоугольника вблизи угла A на достаточно же малую часть полуплоскости v вблизи начала координатъ O . Пусть $t = F(u)$ будетъ какая либо другая аналитическая функція отъ u , способная осуществить то—же самое изображеніе. Посмотримъ, какой характеръ будетъ имѣть эта функція, если ее разсматривать какъ функцію не отъ u , а отъ $v = u^{\frac{1}{\alpha}}$. Пусть $t = W(v)$.

По предположенію, если въ $F(u)$ переменное u заставимъ перемѣщаться отъ C къ A и затѣмъ отъ A къ B (все вдоль контура), то t будетъ перемѣщаться вдоль дѣйствительной оси плоскости переменнаго t въ нѣкоторомъ направленіи, переходя чрезъ начало координатъ этой плоскости, т. е. при указанномъ измѣненіи u переменное t будетъ получать непрерывный рядъ конечныхъ дѣйствительныхъ значеній. Но при томъ же измѣненіи u , переменное v , какъ мы видѣли выше, тоже получаетъ рядъ конечныхъ дѣйствительныхъ значеній, непрерывно измѣняющихся. Итакъ функція $t = W(v)$ такова, что непрерывному ряду дѣйствительныхъ значеній переменнаго v отвѣчаетъ тоже непрерывный рядъ дѣйствительныхъ значеній t , слѣдовательно на основаніи вышеприведеннаго предложенія, функція $W(v)$ можетъ быть аналитически продолжена за дѣйствительную ось плоскости v вблизи $v = 0$ и будетъ имѣть характеръ цѣлой функціи отъ v вблизи $v = 0$ т. е.

$$t = C_1 v + C_2 v^2 + C_3 v^3 + \dots$$

(такъ какъ для $v = 0$, $t = 0$). Изъ того-же предложенія слѣдуетъ, что всѣ C — дѣйствительныя количества, и далѣе что v вблизи $t = 0$ должно имѣть также характеръ цѣлой функціи отъ t , т. е.:

$$v = \frac{1}{C_1} t + D_1 t^2 + \dots$$

что требуетъ, чтобы C_1 было отлично отъ нуля. Отсюда слѣдуетъ, что вблизи $t = 0$:

$$u = \frac{1}{C_1^a} t^a (1 + E_1 t + E_2 t^2 + \dots).$$

Вообще, если вершинѣ A , гдѣ $u = u_1$ отвѣчаетъ точка оси a , гдѣ $t = t_1$, то:

$$u - u_1 = M(t - t_1)^a (1 + M_1(t - t_1) + \dots)$$

Важно еще опредѣлить характеръ разложенія изображающей функціи для того случая, когда одной изъ вершинъ многоугольника (гдѣ u имѣетъ какое либо конечное значеніе, которое Schwarz означаетъ чрезъ u_∞) отвѣчаетъ бесконечно удаленная точка на дѣйствительной оси плоскости t . Разсмотримъ двѣ функціи: τ отъ u вида:

$$\tau = (u - u_{\infty})^{\frac{1}{\alpha}}$$

и v отъ τ такого вида:

$$v = \frac{e^{i\pi}}{\tau}$$

или, возвращаясь къ переменному u :

$$v = -(u - u_{\infty})^{-\frac{1}{\alpha}}$$

Эта функція v есть простѣйшая изъ тѣхъ функцій отъ u , которыя изображаютъ достаточно малую часть площади многоугольника вблизи разсматриваемой его вершины на ту часть области бесконечно удаленной точки плоскости v , которая (т. е. часть) лежитъ съ одной опредѣленной стороны отъ дѣйствительной оси этой плоскости. Разсуждая затѣмъ аналогично предъидущему, найдемъ, что разложеніе функціи для бесконечно большихъ значеній t имѣетъ характеръ:

$$u - u_{\infty} = \frac{C_i}{t^{\frac{1}{\alpha}}} \left\{ 1 + D \frac{1}{t} + E \frac{1}{t^2} + \dots \right\}$$

гдѣ, какъ и раньше, количества: C , D , E , . . . дѣйствительны.

Если $u = f(t)$ представляетъ собою функцію, которая изображаетъ кругъ (или какую либо другую фигуру) въ плоскости t на нѣкоторую площадь S , расположенную въ плоскости u , то функція: $u' = C_1 f(t) + C_2$ гдѣ C_1 и C_2 постоянныя, будетъ также изображать кругъ на фигуру S' въ плоскости u' , при чемъ S' отъ S будетъ отличаться лишь положеніемъ, да размѣрами (масштабомъ). Отсюда легко понять, что функція отъ t :

$$\frac{d}{dt} \log \frac{du}{dt}$$

не будетъ зависѣть отъ какого либо частнаго положенія и размѣровъ фигуры S въ плоскости u и будетъ опредѣлять собою лишь существенныя свойства изображенія круга на площадь S , а это только и важно.

На основаніи вышесказаннаго рѣшимъ вопросъ объ изображеніи треугольника на полуплоскость (Schwarz проводитъ полное рѣшеніе лишь для случая квадрата). Пусть углы при вершинахъ Δ -ка будутъ: $\alpha_1\pi$, $\alpha_2\pi$, $\alpha_3\pi$, такъ что: $\alpha_1 + \alpha_2 + \alpha_3 = 1$. Пусть: a_1 , a_2 , a_3 будутъ значенія t въ тѣхъ

точкахъ дѣйствительной оси плоскости t , которыя соотвѣтствуютъ вершинамъ Δ ка; въ этихъ послѣднихъ $u = u_1, u_2, u_3$. Тогда вблизи этихъ вершинъ:

$$u - u_k = \frac{1}{C_k^{\alpha_k}} (t - a_k)^{\alpha_k} \left\{ 1 + E_k (t - a_k) + \dots \right\}$$

$$(k = 1, 2, 3)$$

слѣдовательно, вблизи точки $t = a_k$:

$$\frac{d}{dt} \log \frac{du}{dt} = \frac{\alpha_k - 1}{t - a_k} + P_k (t - a_k)$$

гдѣ P_k символъ обыкновеннаго степеннаго ряда. Такимъ образомъ функція:

$$\frac{d}{dt} \log \frac{du}{dt} = \left\{ \frac{\alpha_1 - 1}{t - a_1} + \frac{\alpha_2 - 1}{t - a_2} + \frac{\alpha_3 - 1}{t - a_3} \right\}$$

для всевозможныхъ значеній t будетъ сохранять характеръ цѣлой функціи, т. е. будетъ величиной постоянной. Нетрудно убѣдиться, опредѣляя характеръ разложенія u для безконечно большихъ значеній t , что эта постоянная равна нулю, слѣдовательно простѣйшая функція, рѣшающая поставленный вопросъ, будетъ имѣть видъ:

$$\int_{t_0}^t (t - a_1)^{\alpha_1 - 1} (t - a_2)^{\alpha_2 - 1} (t - a_3)^{\alpha_3 - 1} dt$$

Разсуждая аналогично, найдемъ, что простѣйшая функція, изображающая площадь многоугольника съ углами: $\alpha_k \pi$ ($k = 1, 2, \dots, n$), при чемъ: $\alpha_1 + \alpha_2 + \dots + \alpha_n = n - 2$, на полуплоскость, будетъ:

$$\int_{t_0}^t (t - a_1)^{\alpha_1 - 1} (t - a_2)^{\alpha_2 - 1} \dots (t - a_n)^{\alpha_n - 1} dt$$

Однако, изъ количествъ: $\alpha_1, \dots, \alpha_n$ лишь 3 могутъ быть выбраны произвольно, ибо остальные $n - 3$ вполне опредѣляются данными отношеніями длины сторонъ многоугольника.

Итакъ, вопросъ объ изображеніи площади прямолинейнаго многоугольника на полуплоскость сводится къ интегрированію дифференціальнаго уравненія:

$$\frac{d}{dt} \log \frac{du}{dt} = R(t)$$

гдѣ R символъ рациональной функціи. Аналогичнымъ образомъ Schwarz показываетъ, что вопросъ объ изображеніи площади многоугольника, ограниченного дугами круговъ, сводится къ интегрированію уравненія:

$$\frac{d^2}{dt^2} \log \frac{du}{dt} - \frac{1}{2} \left(\frac{d}{dt} \log \frac{du}{dt} \right)^2 = R(t)$$

Мы изложили сущность этой замѣчательной работы, которая является первой въ ряду другихъ, относящихся къ тому-же вопросу. Вышеупомянутые результаты были прочитаны впервые Schwarz'емъ въ математическомъ семинарѣ Берлинскаго Университета весною 1864 г., а въ 1866 г. о нихъ было сообщено Weierstrass'омъ Б. Академіи Наукъ. Около того же времени появилась работа Christoffel'я по тому-же вопросу: *Sul problema delle temperature stazionarie e la rappresentazione di una data superficie* и заключающая въ себѣ аналогичные результаты (*An. di Mat. II Serie T. I. 1867*). Вышесказанная работа въ печати появилась сначала въ *Monatsberichte d. K. A. d. W. zu Berlin*, а затѣмъ въ журналѣ *Crelle* въ 70 т. Въ этомъ же томѣ напечатана и работа, которая идетъ непосредственно за: *Ueber einige Abbildungsaufgaben* въ собраніи сочиненій и носить заглавіе: *Conforme Abbildung der Oberfläche eines Tetraeders auf die Oberfläche einer Kugel*.

Слѣдующая по времени (1869) работа имѣетъ предметомъ изображеніе площади эллипса на площадь круга: *Notizia sulla rappresentazione conforme di un' area ellittica sopra un' area circolare*. Если означимъ чрезъ u перемѣнное плоскости эллипса, чрезъ a и b его главные полуоси, при чемъ фокусы лежатъ въ точкахъ: $u = \pm 1$, если s означаетъ перемѣнное плоскости круга, то простѣйшая функція, рѣшающая вопросъ, такова:

$$s = \operatorname{sinam} \left(\frac{2K}{\pi} \operatorname{arc} \sin u \right)$$

при чемъ модуль k опредѣляется уравненіями:

$$K' = K \frac{2}{\pi} \log \frac{a+b}{a-b} \quad ; \quad q = e^{-\frac{K'}{K} \pi} = \left(\frac{a-b}{a+b} \right)^2$$

$$k = 4\sqrt{q} \left\{ \frac{(1+q^2)(1+q^4)\dots}{(1+q)(1+q^3)\dots} \right\}^4$$

а радиусъ круга будетъ: $\frac{1}{\sqrt{k}}$. Точкамъ въ плоскости эллипса:

$$u = 0 \quad ; \quad u = \pm a \quad ; \quad u = \pm bi$$

соотвѣтствуютъ въ плоскости круга точки:

$$s = 0 \quad ; \quad s = \pm \frac{1}{\sqrt{k}} \quad ; \quad s = \pm \frac{i}{\sqrt{k}}$$

Работа помѣщена была въ An. di Mat. II. Serie Tomo 3.

Перейдемъ теперь къ мемуару: Zur Theorie der Abbildung, который въ теоретическомъ отношеніи является однимъ изъ самыхъ примѣчательныхъ, написанныхъ Schwarz'емъ по вопросу объ изображеніи. Въ немъ Schwarz показываетъ, что, предположивъ доказаннымъ существованіе аналитической функции, рѣшающей вопросъ объ изображеніи площади односвязнаго прямолинейнаго многоугольника на площадь круга, можно доказать существованіе аналитической-же функции, изображающей на площадь круга всякую односвязную площадь конечнаго протяженія, контуръ которой удовлетворяетъ двумъ условіямъ: 1) въ каждой изъ своихъ точекъ онъ имѣетъ одну или двѣ касательныхъ; 2) какою бы касательную къ контуру мы ни взяли, площадь, ограничиваемая контуромъ, лежитъ вся цѣликомъ по одну сторону отъ касательной, т. е. что контуръ обращенъ выпуклостью къ той части плоскости, гдѣ помѣщается безконечно-удаленная точка. Укажемъ вкратцѣ послѣдовательный ходъ разсужденій автора. Пусть намъ дана односвязная площадь U , коей контуръ C имѣетъ два вышеуказаннаго свойства; означимъ чрезъ u перемѣнное той плоскости, въ которой лежитъ U . Представимъ теперь себѣ плоскость u покрытой квадратной сѣткою, напр. такъ: возьмемъ за начало координатъ какую нибудь точку O внутри площади U , проведемъ координатныя оси и затѣмъ двѣ системы прямыхъ, параллельныхъ одной и другой оси, при чемъ прямыя каждой системы (въ одну изъ нихъ войдетъ одна координатная ось, въ другую—другая ось) отстоятъ другъ отъ друга на одно и то-же разстояніе e . Означимъ чрезъ U_1 сумму площадей всѣхъ тѣхъ квадратовъ сѣтки, которые либо цѣликомъ принадлежатъ площади U , либо только отчасти, такъ что точки, лежащія внутри U или на контурѣ C , лежатъ либо *внутри* тѣхъ квадратовъ (сум-

ма площадей которыхъ означена чрезъ U_1), либо на ихъ сторонахъ. Ломаную линію, которая составляетъ контуръ площади U_1 , означимъ чрезъ C_1 . Назовемъ чрезъ $s_1(u)$ ту аналитическую функцію, которая изображаетъ площадь U_1 на площадь круга радіуса 1, напр. такъ, что точкѣ O будетъ соответствовать центръ круга и относительно которой извѣстно, что существованіе ея доказано. Теперь изъ площади U_1 выведемъ другую площадь U_2 слѣдующимъ образомъ. Подѣлимъ каждый изъ квадратовъ, о которыхъ мы только что говорили, на 4 равныхъ меньшихъ квадрата, такъ что стороны этихъ послѣднихъ, параллельныя соответственно сторонамъ прежнихъ, равны $\frac{\epsilon}{2}$. Изъ полученныхъ такимъ образомъ новыхъ квадратовъ отбросимъ всѣ тѣ, которые цѣликомъ лежатъ внѣ площади U и на своихъ сторонахъ не содержатъ ни одной изъ точекъ контура C . Сумму площадей всѣхъ прочихъ квадратовъ назовемъ чрезъ U_2 , а контуръ площади U_2 чрезъ C_2 . Очевидно, что C_2 цѣликомъ лежитъ внѣ площади U и не имѣетъ ни одной общей точки съ контуромъ C , но, что касается C_1 , то C_2 можетъ отчасти и даже и цѣликомъ совпадать съ C_1 . Назовемъ теперь чрезъ $s_2(u)$ функцію, которая изображаетъ площадь U_2 на площадь круга радіуса 1. Далѣе, изъ площади U_2 , измѣняя $\frac{\epsilon}{2}$ на $\frac{\epsilon}{4}$ выведемъ площадь U_3 такъ же, какъ U_2 была выведена изъ U_1 , и означимъ чрезъ $s_3(u)$ изображающую функцію и т. д. Такимъ образомъ получится неопредѣленный рядъ функцій:

$$s_k(u) \quad (k = 1, 2, 3, \dots)$$

Относительно этого ряда Schwarz доказываетъ, что: 1) съ неопредѣленнымъ возрастаніемъ индекса k функція $s_k(u)$ стремится къ нѣкоторой опредѣленной функціи: $s(u)$, такъ что: $s(u) = \lim s_k(u)$, при чемъ $s(u)$ есть аналитическая функція отъ u ; 2) $s(u)$ изображаетъ площадь U на площадь круга радіуса 1. Доказательство это представляетъ большой интересъ не только по той цѣли, которую оно имѣетъ въ виду, но и по самой своей формѣ. Здѣсь читатель встрѣчается съ понятіемъ, играющимъ основную роль въ теоріи функцій Weierstrass'a, съ понятіемъ объ элементѣ аналитической функціи и о возникновеніи этой послѣдней изъ своего элемента чрезъ продолженіе (Fortsetzung). Вообще доказательство типично въ томъ смыслѣ, что отъ начала до конца проведено въ духѣ Weierstrass'a.

Слѣдующія двѣ работы: Ueber einen Grenzübergang durch alternirendes Verfahren и Ueber die Integration der partiellen Differentialgleichung $\Delta u = 0$ unter vorgeschriebenen Grenz und Unstetigkeitsbedingungen по

характеру своему тѣсно примыкаютъ къ выше разсмотрѣннымъ. Авторъ за-
дается все тѣмъ же вопросомъ, что и раньше: доказать всѣ тѣ предложе-
нія, которыя Riemann доказывалъ съ помощью принципа Dirichlet, безъ
этого послѣдняго. Предлагаемыя рѣшенія имѣютъ, подобно рѣшенію: въ
Zur Theorie der Abbildung, лишь принципиальный характеръ, т. е. они не
представляютъ собою удобныхъ въ практическомъ отношеніи методовъ для
полученія тѣхъ или другихъ функций (какъ напр. въ мемуарѣ: Ueber einige
Abbild. aufg.), но лишь дѣлаютъ несомнѣннымъ и строго доказаннымъ
фактъ ихъ существованія. Въ первой изъ упомянутыхъ работъ Schwarz
предлагаетъ въ высшей степени остроумный приемъ, съ помощью котораго
онъ показываетъ, что, если дифференціальное уравненіе $\Delta u = 0$ можетъ
быть проинтегрировано при произвольныхъ пограничныхъ условіяхъ для
нѣкотораго числа простѣйшихъ площадей, то интеграція того-же уравненія
можетъ быть выполнена при произвольныхъ же пограничныхъ условіяхъ
и для площадей болѣе сложныхъ, составленныхъ нѣкоторымъ образомъ изъ
упомянутыхъ простѣйшихъ. Онъ дѣлаетъ предположеніе, что функция u во
всѣхъ точкахъ площади остается конечна, а вдоль контура принимаетъ
предписанный рядъ (одинъ, или нѣсколько) конечныхъ и непрерывно из-
мѣняющихся значеній. Въ концѣ работы онъ замѣчаетъ, что тотъ же приемъ
можетъ быть распространенъ и на тотъ случай, когда къ пограничнымъ
условіямъ присоединяются еще и условія разрыва непрерывности, когда
площадь имѣетъ винтовые точки и т. д., чтобы постепенно дойти до фор-
мулировки предложенія (относ. интегр. ур. $\Delta u = 0$) въ той формѣ, какая
дана у Riemann'a. Въ подробности приема мы входить не будемъ. Сущность
его излагается на томъ частномъ примѣрѣ (къ которому можетъ быть сведенъ
и общій), когда уравненіе $\Delta u = 0$ можетъ быть проинтегрировано для
двухъ данныхъ площадей: T_1 и T_2 , имѣющихъ нѣкоторую часть общей
и контуры которыхъ не касаются другъ друга, при заданныхъ погранич-
ныхъ условіяхъ и ставится вопросъ объ интеграціи того-же уравненія для
площади: $T_1 + T_2 - T_0$, гдѣ T_0 означаетъ площадь, общую какъ T_1 , такъ
и T_2 . Для каждой изъ площадей: T_1 и T_2 образуется безконечный рядъ
функций: u_1, u_3, u_5, \dots для T_1 и функций: u_2, u_4, \dots для T_2 , связан-
ныхъ извѣстнымъ образомъ другъ съ другомъ. Послѣ этого составляются
ряды:

$$u_1 + (u_3 - u_1) + (u_5 - u_3) + \dots$$

$$u_2 + (u_4 - u_2) + (u_6 - u_4) + \dots$$

и доказывается, что каждая изъ нихъ опредѣляетъ одну и ту-же аналити-
ческую функцию, которая внутри площади: $T_1 + T_2 - T_0$ остается конечна

и непрерывна, а на контурѣ той-же площади принимаетъ предписанныя значенія.

Приемъ доказательства, названный Schwarz'емъ: *Grenzübergang durch alternirendes Verfahren* былъ сообщенъ имъ въ ноябрѣ 1869 проф. Kronecker'у и нѣкоторымъ другимъ математикамъ. Но еще прежде, чѣмъ этотъ приемъ былъ опубликованъ, Schwarz получилъ отъ С. Neumann'a отдѣльный оттискъ сообщенія, сдѣланнаго тѣмъ 21 апрѣля 1870 г. въ Королевскомъ Саксонскомъ Ученомъ Обществѣ. Въ этомъ сообщеніи С. Neumann излагаетъ такъ названный имъ *Methode der Combination* для доказательства возможности интегрировать уравненіе $\Delta u = 0$ для данной площади при заданныхъ условіяхъ, при чемъ надо замѣтить, что методъ С. Neumann'a имѣетъ тотъ же характеръ, что и *Grenzübergang Schwarz'a*. Это обстоятельство побудило Schwarz'a поспѣшить съ публикаціей своего метода: въ маѣ 1870 г. онъ сдѣлалъ о немъ докладъ въ Цюрихскомъ Обществѣ Естествоиспытателей, а въ октябрѣ того-же года имъ было послано сообщеніе въ Берлинскую Академію Наукъ. Это сообщеніе и составляетъ содержаніе второго изъ вышеупомянутыхъ мемуаровъ, именно: *Ueber die Integration etc.* Здѣсь прежде всего указана функція u , которая во всѣхъ точкахъ площади круга остается однозначна, конечна и непрерывна и удовлетворяетъ уравненію $\Delta u = 0$, а на окружности принимаетъ предписанныя значенія (выводъ интеграла, который опредѣляетъ эту функцію, а также различныя соображенія, касающіяся значеній, которыя могутъ быть заданы на окружности, приведено въ мемуарѣ: *Zur Integration der partiellen Differentialgleichung $\Delta u = 0$*), затѣмъ изложены соображенія, на основаніи которыхъ, если мы умѣемъ изобразить какую нибудь односвязную площадь T на площадь круга, то будемъ въ состояніи и проинтегрировать уравненіе $\Delta u = 0$ для площади T сообразно съ предписанными пограничными условіями. Указавъ нѣсколько простѣйшихъ площадей, которыя могутъ быть изображены на площадь круга, Schwarz весьма подробно изучаетъ, какія изъ сдѣланныхъ ограниченій относительно значеній на контурѣ, относительно характера самого контура, относительно содержанія (*Verhalten*) искомой функціи внутри площади могутъ быть отброшены безъ того, чтобы найденныя предложенія перестали сохранять свою силу, и наконецъ переходитъ къ изложенію своего *Grenzübergang'a* при чемъ распространяетъ его и на тотъ случай, когда кромѣ пограничныхъ условій имѣются еще и условія относительно разрыва непрерывности, или-же имѣются только эти послѣднія (какъ въ Riemann'овой теоріи интеграловъ Abel'я).

О замѣчательномъ мемуарѣ: *Ueber diejenigen Fälle, in welchen die Gaussische hypergeometrische Reihe eine algebraische Function ihres vierten Elementes darstellt* намъ уже приходилось говорить раньше. (См. нашу

работу: о фуксовых функциях нулевого ранга и т. д. Киевъ. 1889). Интересъ этого мемуара, въ смыслѣ вывода условій, при которыхъ Гауссово уравненіе имѣетъ алгебраическій интегралъ, въ настоящее время конечно ограниченный, такъ какъ благодаря Fuchs'у, Frobenius'у и др., мы теперь располагаемъ знаніемъ условій, при которыхъ линейныя уравненія известнаго типа имѣютъ алгебраическіе интегралы. Цѣнность мемуара—въ соображеніяхъ, которыя Schwarz излагаетъ по поводу означенныхъ условій. Здѣсь впервые констатируется фактъ существованія такой однозначной функции, которая въ послѣдствіи, благодаря работамъ Poincaré, оказалась лишь частнымъ случаемъ цѣлаго обширнаго класса такъ называемыхъ теперь фуксовыхъ функций. Въ концѣ своего мемуара: *Mémoire sur les Fonctions Fuchsienues* (Acta Math. Bd. I pp. 293—294) Poincaré говоритъ: Dans divers mémoires insérés aux tomes 70 et 74 du journal de Borchardt et aux Monatsberichte de l'Academie de Berlin, M. Schwarz a démontré d'une manière rigoureuse le principe dit de Dirichlet et la possibilité de l'Abbildung du cercle sur une figure plane quelconque et en particulier sur un polygone limité par des arcs de cercle S'il avait connu les conditions de discontinuité des groupes, il aurait pu être conduit ainsi à démontrer l'existence des fonctions fuchsienues dans le cas particulier où le polygone R_0 (образующій полигонъ) est symmetrique. J'aurais donc pu me servir de ces resultats, mais j'ai préféré suivre une autre voie: 1° parce que je n'aurais pu démontrer ainsi l'existence des fonctions fuchsienues dans le cas, où le polygone R_0 n'est pas symmetrique; 2° parce que etc. Цитату эту мы приводимъ съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать понятнымъ слѣдующее замѣчаніе Schwarz'a, которое находимъ въ примѣчаніяхъ къ мемуару: Ueber die jenigen Fälle etc. (p. 368). Schwarz говоритъ: Die von H. Poincaré ausgesprochene Behauptung, dass die Anwendung des vom Verfasser entwickelten Beweisverfahrens auf solche Fundamentalpolygone an die Bedingung geknüpft sei, es lasse sich das Fundamentalpolygon in zwei symmetrische Hälften theilen, beruht auf einem Irrthume. Намъ лично тѣмъ болѣе было пріятно прочесть эти строки, а также тѣ немногія объясненія, которыя Schwarz почелъ умѣстнымъ привести въ пользу только что приведеннаго его заявленія, что мы еще съ 1887 года держались того-же взгляда, а въ 1889 г. имѣли случай и заявить о немъ публично. (См. также Acta Math. Bd. 14: 3, замѣтку E. Phragmén'a: Remarques sur la théorie de la représentation conforme, pp. 225—232).

Что касается до остальныхъ работъ, вошедшихъ въ содержаніе второго тома, то, хотя онѣ и не представляютъ такого интереса, какъ выше нами описанныя, тѣмъ не менѣе почти каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе цѣнные результаты. Мы упомянемъ здѣсь лишь о нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ.

Въ замѣткѣ: *Beispiel einer stetigen nicht differenziirbaren Function Schwarz* доказываетъ, что функція:

$$f(x) = \sum_{n=0}^{\infty} \frac{\varphi(2^n \cdot x)}{2^n \cdot 2^n} ; \quad \varphi(u) = \varepsilon(u) + \sqrt{u - \varepsilon(u)}$$

(корень берется съ $+$, u получаетъ лишь положительныя значенія, $\varepsilon(u)$ означаетъ наибольшее цѣлое число, заключающееся въ u) для всѣхъ разсматриваемыхъ значеній x непрерывна, однако ни для одного изъ нихъ не имѣетъ конечной, определенной производной. Вопросъ о подобнаго рода дѣйствительныхъ функціяхъ возникъ въ 50-ыхъ годахъ. Въ мемуарѣ: *Ueber die Darstellbarkeit einer Function durch eine trigonometrische Reihe* (G. W. р. 246 и слѣд.) Riemann указалъ функцію, которая испытываетъ разрывъ непрерывности всякій разъ, какъ независимое переменное получаетъ рациональное значеніе и тѣмъ не менѣе для всѣхъ значеній способна къ интеграціи. Такимъ образомъ относительно функціи, опредѣляемой интеграломъ отъ упомянутой функціи Riemann'a, можно сказать, что она ни для какого рациональнаго значенія переменнаго не имѣетъ определенной производной. Въ 1861 г. Weierstrass въ своихъ лекціяхъ въ Берлинскомъ *Gewerbeinstitut*'ѣ рѣшительно высказался за то, что всѣ попытки вообще доказать существованіе производной для непрерывныхъ функцій дѣйствительнаго переменнаго должны быть разсматриваемы, какъ неудовлетворительныя. Въ то время французскіе математики еще не раздѣляли подобнаго взгляда и продолжали давать доказательства положенія, оспариваемаго Weierstrass'омъ. Упомянемъ о доказательствахъ Lamarle'я (*Mem. de l'Acad. Royale de Belgique* T. XXIX), Duhamel'я (*Elements de calc. infinitesimal*. 1856, р. 94), Bertrand'a (*Traité de calcul diff. et integ.* 1864, р. 2), Gilbert'a (*Mémoires couron. par l'Acad. de Belgique* T. XXIII) и друг. Всѣ эти доказательства характерны тѣмъ, что въ нихъ неявно уже напередъ предполагается то, что хотятъ доказать—обстоятельство, которое объясняется тѣмъ, что на существованіе производной смотрѣли, какъ на неизбѣжную принадлежность непрерывности, а не какъ на новое условіе, ограничивающее функцію. Въ настоящее время идея, высказанная Weierstrass'омъ, принята громаднымъ большинствомъ математиковъ, а непрерывныхъ функцій, не имѣющихъ определенныхъ производныхъ въ тѣхъ или другихъ предѣлахъ измѣняемости дѣйствительнаго независимаго переменнаго, указано множество.

Въ высшей степени важна коротенькая замѣтка: *Sur une définition erronée de l'aire d'une surface courbe*. Serret, авторъ извѣстнаго руководства: *Cours de calc. diff. et integral*, во второмъ томѣ этого послѣдняго,

стр. 293 (2-е изданіе), такъ опредѣляетъ площадь кривой поверхности, ограниченную нѣкоторымъ контуромъ C : nous pommerons aire de cette surface la limite S vers laquelle tend l'aire d'une surface polyedrale inscrite formée de faces triangulaires et terminée par un contour polygonal Γ ayant pour limite le contour C . Schwarz доказываетъ на частномъ примѣрѣ, что если вписанный многогранникъ не подчиненъ нѣкоторымъ добавочнымъ и ограничивающимъ условіямъ, то площадь поверхности многогранника можетъ превзойти заданное количество и даже всякое данное количество (напр. если не добавлено, что каждая грань должна составлять бесконечно малый уголъ съ касательной плоскостью поверхности въ точкѣ бесконечно близкой къ этой грани и т. д.). О неудовлетворительности опредѣленія Serret г. Schwarz сообщилъ впервые письменно А. Genocchi (Туринъ) въ декабрѣ 1880 г. съ тѣмъ, чтобы тотъ сдѣлалъ объ этомъ докладъ въ Туринской Академіи Наукъ. Оказалось, что въ 1882 г. проф. Пеано, независимо отъ Schwarz'a, пришелъ къ аналогичному результату и даже тотъ же самый примѣръ придумалъ для иллюстраціи, какъ и Schwarz. Замѣтка Schwarz'a впервые появляется въ печатномъ видѣ въ настоящемъ собраніи сочиненій; до появленія этого послѣдняго она была извѣстна по литографированному курсу Hermite'a (2-е изд. 1881—82 акад. годъ. Schwarz, по просьбѣ Hermite'a, составилъ замѣтку, которую Hermite цѣликомъ и помѣстилъ во 2-е изданіе своего курса).

Послѣдняя статья втораго тома озаглавлена: Beweis des Satzes, dass die Kugel kleinere Oberfläche besitzt, als jeder anderer Körper gleichen Volumens. До появленія этой работы (1884) мы не располагали вполнѣ строгимъ доказательствомъ положенія, указаннаго въ заглавіи. Всѣ существовавшія до того времени доказательства основывались на томъ предположеніи, что между всѣми тѣлами одинаковаго объема существуетъ одно, площадь поверхности котораго наименьшая—предположеніи, вовсе не очевидномъ и представляющемъ собою теорему, которую нужно доказать. При доказательствѣ Schwarz примѣняетъ методъ, заимствованный имъ изъ лекцій Weierstrass'a по вариационному исчисленію.

Не входя въ разсмотрѣніе остальныхъ мелкихъ статей, мы ограничимся вышесказаннымъ и на этомъ закончимъ нашъ нѣсколько затянувшийся обзоръ произведеній г. Schwarz'a. Не смотря на преобладаніе двухъ основныхъ темъ, интересовавшихъ автора, произведенія эти въ сущности достаточно разнообразны, съ одной стороны по методамъ, которыми авторъ пользуется, съ другой стороны по результатамъ, къ которымъ онъ приходитъ. Хотя во многихъ изъ своихъ работъ Schwarz и пользуется готовыми приемами Weierstrass'a, тѣмъ не менѣе онъ создаетъ также собственные оригинальные приемы, которые и примѣняетъ къ рѣшенію самостоятельно

же поставленныхъ вопросовъ. Если не считать нѣкоторыхъ промаховъ, отъ которыхъ не свободны даже и математическіе классики и на которые впрочемъ самъ Schwarz обращаетъ вниманіе читателя, то мы должны признать, что работы Геттингенскаго ученаго являются образцовыми по точности и строгости доказательствъ, по ясности и изяществу изложенія. Присоединяя сюда еще и несомнѣнную важность трактующихъ имъ вопросовъ, мы будемъ имѣть всѣ тѣ данныя, въ силу которыхъ эти работы должны быть отнесены къ числу лучшихъ современныхъ математическихъ произведеній.

Кіевъ.
29 Апрѣля 1891 г.

Профессоръ Б. Букрѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА НА

„ЖИВУЮ СТАРИНУ.“

Съ осени (сентября—октября) текущаго года Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ разрѣшенія Совѣта Общества, предпринимаетъ изданіе журнала „Живая Старина,“ имѣющаго выходить четыре раза въ годъ книжками въ 12 и болѣе листовъ каждая, со слѣдующими Отдѣлами: I. Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія. II. Небольшіе матеріалы съ примѣчаніями: памятники языка и народной словесности, русскіе и инородческіе. III. Критика и библіографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. IV. Смѣсь. Частныя замѣтки. Ученыя новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересылкою во внутреннія губерніи Имперіи и за границу 5 р. 50 коп.

Посильно трудясь, совмѣстно съ другими Отдѣленіями Географическаго Общества надъ изученіемъ нашего отечества, родственныхъ намъ народовъ и пограничныхъ Имперіи странъ азіатскихъ, Этнографическое Отдѣленіе съ самаго основанія Общества, въ теченіи 45 лѣтъ, обнародовало цѣлый рядъ сборниковъ-матеріаловъ, наблюденій, изслѣдованій, немаловажныхъ для народовѣдѣнія Россіи, вызвало и поощрило много цѣнныхъ трудовъ различныхъ мѣстныхъ наблюдателей со всѣхъ частей Имперіи, представителей разныхъ народностей и всѣхъ классовъ общества.

Въ послѣднее время, по причинамъ понятнымъ, значительно возрасло число крестьянъ въ рядахъ членовъ сотрудниковъ Общества. Рядомъ съ этимъ замѣчается и другое отрадное явленіе. Съ возвышеніемъ и распространеніемъ у насъ женскаго образованья, стали

все чаще являться русскія образованныя женщины, съ любовью изучающія этнографію. За послѣдніе годы Этнографическое Отдѣленіе приобрѣло себѣ нѣсколько почтенныхъ членовъ сотрудницъ. У всѣхъ племень и народовъ женщина по преимуществу хранительница преданья, обычая, живой старины. Не говоря уже о народностяхъ мусульманскихъ, и простолюдинки христіанки всѣхъ племень многого никогда не повѣдаютъ мужинѣ, особенно много съ ними круга, изъ того, что съ полною откровенностью выскажутъ и выложатъ женщины, совершенно отъ нихъ отличной по состоянью и по образованью. Такое появленіе новыхъ наблюдателей—этнографовъ съ одной стороны изъ самаго ядра народнаго, изъ крестьянства, главнаго хранителя и создателя народнаго быта и обычнаго права, чистаго языка и народной словесности, съ другой изъ непрерывно растущаго круга образованныхъ русскихъ женщинъ, съ интересомъ къ этнографическимъ изученіямъ, наконецъ усиленіе въ учащейся, особенно въ высшихъ заведеніяхъ, молодежи любви къ народу, стремленія къ сближенью съ нимъ и къ живому его изученью сулятъ и несомнѣнно принесутъ въ ближайшемъ будущемъ много добра русской литературѣ по народо-вѣдѣнью.

Не прерывая изданія Записокъ—большихъ сборниковъ матеріаловъ, наблюденій, болѣе или менѣе обширныхъ изслѣдованій,—теперь печатаются два большіе сборника: Смоленскій Члена Сотрудника В. Н. Добровольскаго и Македонскій Члена Сотрудника П. Д. Драгапова,—Этнографическое Отдѣленіе въ предпринимаемомъ имъ періодическомъ изданіи „Живая Старина“ желаетъ помѣщать небольшія статьи и записки, доставляемыя или давно уже доставленныя въ Географическое Общество, а также извлеченія изъ хранящихся въ ученомъ его архивѣ матеріаловъ.

Редакція „Живой Старины“ будетъ сверхъ того стараться объ устроеньи новыхъ сношеній съ различными мѣстными наблюдателями во всѣхъ краяхъ Россіи, поддерживать и развивать общеніе Отдѣленія съ многочисленными членами-сотрудниками Общества и приобретать ему новыхъ, обмѣниваясь съ ними мыслями о кругѣ наблюденій и о вопросахъ, ожидающихъ разрѣшенія, о выработкѣ наилучшихъ приемовъ въ дѣлѣ записыванья и изученья особенностей языковъ, нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, памятниковъ народной словесности, повѣрій, преданій, примѣтъ, народнаго быта съ его обыч-

нымъ правомъ, экономическимъ ростомъ или упадкомъ, съ домашнимъ обиходомъ и строемъ, со внѣшнею обстановкою, съ народнымъ вкусомъ и чувствомъ въ изящному, съ народными воззрѣніями религиозными, нравственными, общественными, государственными и международными. При этомъ „Живая Старина“ будетъ удѣлять мѣсто и вниманье не только всѣмъ разновидностямъ Русскаго народа и цѣлаго Славянскаго племени, но и всѣмъ инородцамъ Россіи. Сверхъ этнографіи въ собственномъ смыслѣ, „Живая Старина“ будетъ принимать на свои страницы изслѣдованія и замѣтки по исторической географіи Россіи, славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Австро-Венгріи и Германіи, исторической этнологіи Восточной Европы и сопредѣльной съ ней Азіи. Въ Отдѣлѣ Критики и Библиографіи будутъ ведены особыми специалистами обзоры и указатели отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій по этнологіи и этнографіи, какъ русскихъ и славянскихъ, такъ и иностранныхъ, велико-британскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, скандинавскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, румынскихъ и греческихъ. Въ Отдѣлѣ Вопросы и Отвѣты редація дастъ мѣсто отвѣтамъ Отдѣленія или ученыхъ, въ коимъ оно обратится, на вопросы и справки различныхъ мѣстныхъ наблюдателей и вопросамъ разныхъ ученыхъ къ мѣстнымъ знатокамъ.

Вообще „Живая Старина“ имѣетъ главнѣйше въ виду служить органомъ общенія Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и богатой научными пособіями, не скудной и живыми учеными силами столицы съ нашею провинціею, съ уѣздными городами и уѣздами по преимуществу. Совершенно почти лишенные всякихъ научныхъ пособій (чего уже о разныхъ губернскихъ, особенно университетскихъ, сказать нельзя), наши уѣздные города и уѣзды изобилуютъ неистощимыми и нерѣдко едва початыми богатствами этнографическаго матеріала, не бѣдны и людьми съ великимъ запасомъ живаго, непосредственнаго знанія окружающей дѣйствительности, народнаго быта и обычая. Къ сожалѣнію, наука народовѣдѣнія въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наша гражданственность и просвѣщенье не мало страдаютъ отъ двухъ всеобщихъ у насъ и потому всѣмъ извѣстныхъ явленій. Въ провинціи мы находимъ много такихъ мѣстныхъ знатоковъ роднаго края, чтѣ изъ преувеличенной ли скромности и недовѣрія къ себѣ, или по незнанью, куда обратиться

за нужнымъ подѣ часѣ совѣтомъ или разъясненіемъ, не рѣшаются дѣлиться своимъ богатымъ опытомъ и не пускаютъ въ общее свѣдѣніе своего живаго знанія. Въ то же время мы встрѣчаемъ въ уѣздахъ и въ уѣздныхъ городахъ (а также и въ губернскихъ) множество лицъ средняго, а часто и высшаго образованія, что про себя и громко сѣтуютъ на томѣющую ихъ скуку, на провинціальную спячку и пошлость развлеченій, на отсутствіе всякихъ идеальныхъ и умственныхъ интересовъ, тогда какъ имъ никто и ничто не мѣшаетъ, часть свободнаго отъ служебныхъ занятій времени, вмѣсто ежедневныхъ карточныхъ вечеровъ и позднихъ пріятельскихъ ужиновъ, посвящать изученію края; напротивъ, все къ тому ихъ призываетъ: каждый уголокъ Россіи любопытенъ и достоинъ изученія въ разныхъ отношеніяхъ, и у этихъ скучающихъ людей подѣ бокомъ кипятъ живые ключи и будятъ ихъ любознательность. Стоять только возмѣть и воспитать въ себѣ охоту и любовь къ наблюденіямъ надъ окружающею природой, мертвою, вещественною и живою стариной, и люди заснувшіе и отупѣвшіе было отъ скуки и пошлаго равнодушія къ окружающему обрѣтутъ въ себѣ мало-по-малу высшіе интересы мысли и знанія, поймутъ, какими сокровищами они овладѣть могутъ, какое могутъ почетное имя и какой слѣдъ по себѣ оставить въ наукѣ и просвѣщеніи.

Внушая любовь и интересъ къ этнографическому знанію, указывая, что сдѣлано, дѣлается и имѣетъ быть сдѣлано по народовѣдѣнію вообще, русскому въ особенности, вызывая мѣстныхъ знатковъ къ постояннымъ сообщеніямъ и къ новымъ наблюденіямъ, „Живая Старина“ послужитъ, Богъ дастъ, и дѣлу науки, и дѣлу русскаго просвѣщенія. Наука въ правѣ ожидать массы новыхъ драгоцѣнныхъ данныхъ, высоковажныхъ открытій и разъясненій отъ строгаго этнологическаго и этнографическаго изученія всѣхъ когда либо населявшихъ и нынѣ населяющихъ Россію племенъ и народностей. Русская гражданственность и просвѣщеніе нуждаются также во всестороннемъ изученіи Россіи и укорененія въ Русскомъ Обществѣ убѣжденія въ необходимости внимательнаго и бережнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, къ народной жизни и обычаю, къ живой старинѣ, какъ она сложилась вѣками своеобразной жизни различныхъ краевъ нашего отечества.

Редакторомъ „Живой Старины“ будетъ всегда, независимо отъ

переѣзны лицъ, Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ настоящее время дѣйствительный членъ В. И. Ламанскій. Сверхъ Помощника Предсѣдательствующаго проф. Н. И. Веселовскаго и Секретаря Отдѣленія Ѡ. М. Истомина, ближайшее участіе въ редакціи примутъ дѣйствительные члены и члены-сотрудники: проф. А. Н. Веселовскій, акад. Л. Н. Майковъ, проф. И. П. Минаевъ, привать-доц. С. Ѡ. Ольденбургъ и А. Н. Пыпинъ. Въ числѣ сотрудниковъ „Живой Старины“ можемъ назвать: Н. И. Андерсона, Ѡ. Д. Батюшкова, проф. В. В. Богшича, И. М. Болдакова, Ѡ. Ѡ. Брауна, проф. А. С. Будиловича, Н. В. Волкова, проф. В. П. Васильева, А. К. Васильева, проф. С. М. Георгіевскаго, проф. К. Я. Грота, проф. М. С. Дринова, проф. И. Н. Жданова, проф. К. Г. Залемана, проф. В. А. Жуковскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. И. Кудряшева, Д. Н. Кудрявскаго, привать-доц. О. Е. Лемма, привать-доц. Н. Я. Марра, проф. Э. Ю. Петри, проф. А. М. Позднѣва, И. Н. Половинкина, проф. А. И. Пономарева, проф. А. И. Соболевскаго, В. Д. Смирнова, проф. И. Н. Смирнова, В. В. Стасова, привать-доц. П. А. Сырку, проф. Ѡ. И. Успенскаго, проф. Т. Д. Флоринскаго, проф. Хвольсона и мн. др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ.

Лица, желающія доставлять сообщенія въ редакцію, благоволятъ обращаться до 1-го Сентября къ редактору (Владиміру Ивановичу Ламанскому) въ Новгородской губ. гор. Боровичи, а съ 1-го Сентября въ С.-Петербургѣ (въ Императорское Русское Географическое Общество).

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Д. Чл. В. Ламанскій.

О Б Ъ И З Д А Н І И
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1891 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1) — о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2) — н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

2

Университетскія Извѣстія въ 1891 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Шконниковъ.
